БУДДИЙСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

КАРА-ТЕПЕ

В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ РЕСТАВРАЦИИ

Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Б.Я. Ставиского

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

БУДДИЙСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ

1978—1989 гг.

МОСКВА 1996

ББК 63.4
Б91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 96-01-16098

Редактор издательства
Н.Б. КОНДЫРЕВА

Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе.
Б91 Под редакцией Б.Я. Ставиского. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — 343 с.: ил.
ISBN 5-02-017719-9

Шестой выпуск материалов археологической экспедиции по исследованию уникального историко-культурного памятника кушанской эпохи — буддийского культового центра в Термезе публикует результаты раскопок и исследований 1978—1989 гг.

Б $\frac{0504000000-45}{013(02)-96}$ 31-96/97 **ББК 63.4**

ISBN 5-02-017719-9

© Б.Я. Ставиский, составление, 1996
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1996

Посвящается светлой памяти
сотрудников экспедиции

Юрия Николаевича Полева (1931—1981)
Владимира Григорьевича Луконина (1932—1984)
Татьяны Владимировны Грек (1920—1985)
Наталии Семеновны Сычевой (1941—1986)
Леонида Аркадьевича Лелекова (1934—1988)

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник, шестой в серии Материалов совместной экспедиции на Кара-тепе, выходит после большого перерыва; в результате, во-первых, интервал между выходом в свет его и предшествующего (пятого) выпуска Материалов экспедиции составил более десятилетия, а, во-вторых, статьи и заметки этого сборника оказались весьма разновременными: одни из них были завершены в 1983 г., другие — в 1985—1986 гг., третьи же — в 1988—1989 гг. Сборник посвящен итогам полевых исследований 1978—1989 гг. и камеральной обработке материалов, добытых в ходе раскопок Кара-тепе — буддийского культового центра второго и последующих веков. Этот уникальный археологический памятник расположен в северо-западном углу городища Старого Термеза (в 12 км от современного г. Термеза, областного центра Южного Узбекистана), на правом берегу Амударьи (древний Вахш, Окс — греко-римских авторов) (рис. 1) и почти 30 лет изучается Совместной экспедицией учреждений министерств культуры СССР, РСФСР, УзССР и всесоюзной и узбекской республиканской Академий наук.

Сборник открывает статья начальника экспедиции (он же составитель сборника) об основных итогах раскопочных работ на Кара-тепе в 1978—1989 гг. и изучении полученных при этом материалов. К ней примыкают отчеты археологов — Т.И. Зеймаль, руководившей отрядом Государственного Эрмитажа; Т.К. Мкртычева, возглавлявшего отряд московского

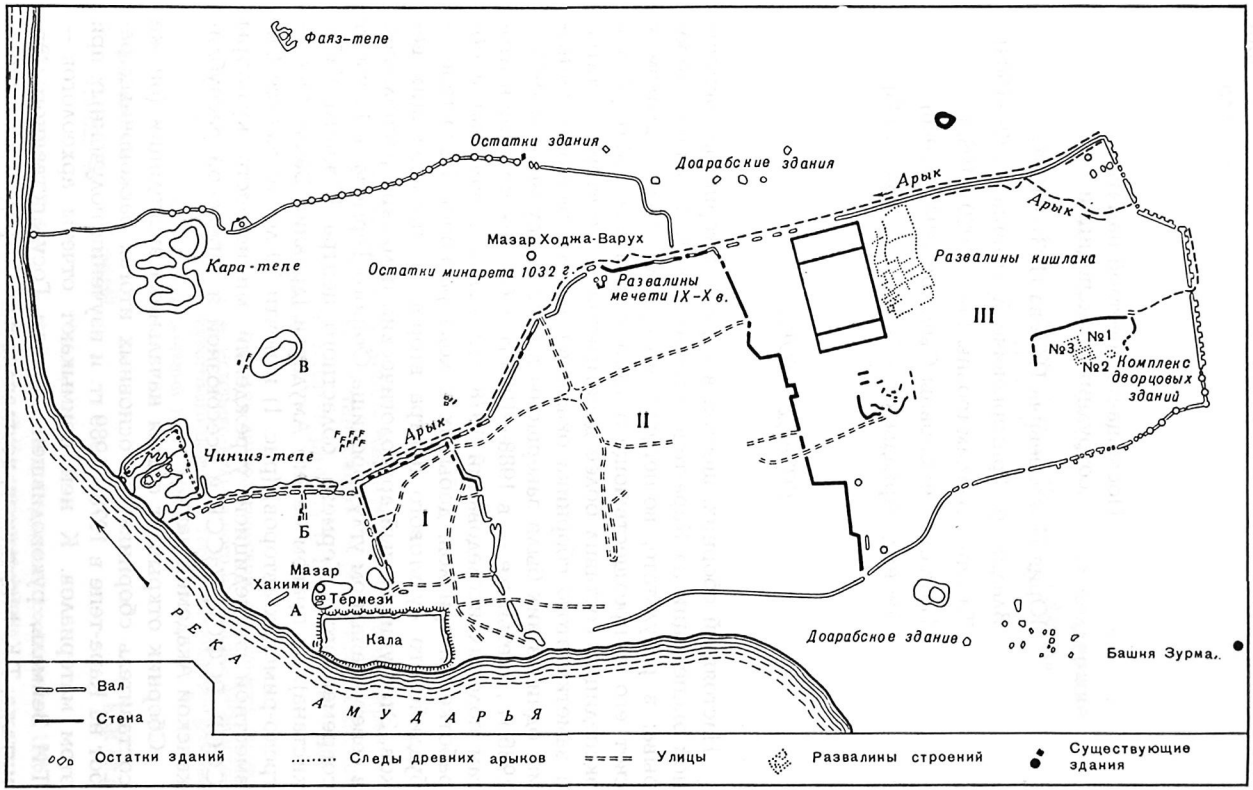

Фаяз-тепе
Остатки здания
Доарабские здания
Арык
Арык
Мазар Ходжа-Варух
Остатки минарета 1032 г.
Развалины мечети IX–X в.
Кара-тепе
Развалины кишлака
III
№3
№1
№2
Комплекс дворцовых зданий
В
II
Чинциз-тепе
Арык
I
Б
Мазар Хакими Термези
А
Кала
Доарабское здание
Башня Зурма
Р Е К А А М У Д А Р Ь Я
Вал
Стена
Остатки зданий
Следы древних арыков
Улицы
Развалины строений
Существующие здания

Рис. 1

Государственного музея искусства народов Востока; В.Н. Мазуриной, под руководством которой работал отряд ленинградского Государственного музея истории религии и атеизма; Ю.С. Давидяна, начальника отряда Самаркандского музея-заповедника; С.А. Узянова, руководителя отряда Института востоковедения АН СССР.

Следующий блок составляют статьи, посвященные публикации, дешифровке и истолкованию открытых при работах на Кара-тепе эпиграфических находок. В статье известного лингвиста, специалиста по иранским языкам В.А. Лившица (Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) и В.Г. Шкоды (Государственный Эрмитаж) о древнеиндийском термине «капала», встреченном в одной из бактрийских надписей на обломке керамического сосуда, содержится интересное в историко-культурном плане толкование этого термина и связанных с ним обрядов. Сходный характер носит и статья В.А. Лившица о другой бактрийской надписи, найденной в 1984 г. Специалист по языкам и культуре древней Индии В.В. Вертоградова дает информацию о найденных на Кара-тепе в 1977—1989 гг. индийских надписях на керамике. Она же и В.А. Лившиц публикуют и исследуют сосуд с надписями кхароштхи, брахми и бактрийскими. В толковании надписей авторы расходятся, но в любом случае оба согласны, что это уникальный образец трехъязычных надписей владельца (или двух владельцев) керамического сосуда.

Две публикации посвящены нумизматике Кара-тепе. В первой из них Е.В. Зеймаль (Государственный Эрмитаж) не только приводит уточненные им данные о монетах, найденных в 1961—1977 гг., но и сведения о монетных находках 1978—1982 гг. Более того, он предлагает иную, отличную от прежней картину истории буддийских святынь на Кара-тепе, считая, что они просуществовали до времени посещения Средней Азии великим китайским буддийским паломником VII в. Сюань Цзаном. Выводы Е.В. Зеймаля представляются мне во многом недостаточно убедительными, но, безусловно, заслуживающими внимания, поэтому в статье об итогах работ 1978—1989 гг. им отведено особое место. Вторая, небольшая по объему нумизматическая заметка принадлежит перу проф. Хельмута Хумбаха (Майнц, ФРГ). Он анализирует так называемые эфталитские монеты сасанидского «царя царей» Пероза в связи со статьями Б.И. Вайнберг (в Кара-тепе III) и ее совместно с Т.А. Раевской (в Кара-тепе V), касаясь при этом широкого круга проблем.

В статье Б.Г. Петерса (Институт археологии АН СССР) публикуется одна из интереснейших находок из Кара-тепе —

глиняная булла с изображением античного, по мнению автора, корабля, которая рассматривается в связи с водным путем из Бактрии по Амударье и Узбою, через Каспий, на Кавказ и к Черному морю. О другом направлении связей Бактрии — с Индией — говорится в заметке Т.К. Мкртычева.

Статья художника-реставратора Н.А. Ковалевой (Всесоюзный НИИ реставрации) содержит описание стенных росписей и скульптуры, открытых в ходе раскопок 1981—1989 гг., и краткие сведения об их камеральной обработке. Д.И. Ковалев рассказывает в небольшой заметке о том, как были проведены полевая консервация и подготовка к транспортировке в Самарканд ступы из комплекса В. Еще три заметки сотрудников того же ВНИИР посвящены исследованиям неорганических материалов живописи и скульптуры Кара-тепе (В.Н. Ярош и К.А. Мееров), состава связующих органических материалов росписей (В.Н. Ярош) и технологии найденных на Кара-тепе трех бронзовых зеркал (И.Г. Равич). К ним примыкает заметка А.А. Абдуразакова (Институт археологии АН УзССР) о химическом составе стекол из средневековых слоев Кара-тепе, когда в X (?) — начале XIII в. его руины использовали мусульманские отшельники и случайные посетители. Эти публикации продолжают серию статей и заметок сходного профиля в предыдущих выпусках Материалов экспедиции и демонстрируют те преимущества, которые дает участие в изучении раскопочных материалов совместно с археологами и востоковедами реставраторов и специалистов естественных наук.

Совместная статья реставратора тканей А.К. Елкиной (ВНИИР), сотрудника Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР Г.М. Майтдиновой и бывшего зам. директора Термезского музея В.А. Козловского вводит в научный обиход происходящие из раскопок Кургана (постройки на городище Старого Термеза) хорошо сохранившиеся одежды конца IV—V в., а также найденные в слое поздних захоронений на Кара-тепе образцы тканей. Существенно дополняет материалы о каменных деталях архитектурного убранства Старого Термеза, включая и Кара-тепе, статья Ш.Р. Пидаева (Институт археологии АН УзССР).

Март 1990 г. *Б.Я. Ставиский*

Б.Я. Ставиский

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАРА-ТЕПЕ (некоторые итоги работ 1978—1989 гг.)

В 1978—1989 гг. Совместная археологическая экспедиция научных учреждений Москвы, Ленинграда и Самарканда продолжала начатое в 1961 г.[1] регулярное изучение Кара-тепе в Старом Термезе. Все эти годы в организации экспедиции участвовали три учреждения Министерства культуры СССР — Государственный Эрмитаж (ГЭ), Государственный музей искусства народов Востока (ГМИНВ) и Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (до 1979 г. — Всесоюзная центральная лаборатория реставрации — ВНИИР), а также Государственный музей истории религии (ГМИР) Министерства культуры РСФСР. С 1985 г. к ним присоединился Государственный объединенный Самаркандский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник Министерства культуры УзССР. Как и ранее, в 1978—1989 гг. работы Совместной экспедиции осуществлялись при поддержке Института востоковедения АН СССР и Института археологии АН УзССР.

Раскопочные работы на Кара-тепе велись ежегодно осенью в течение одного-полутора месяцев, обычно с середины или

---

[1] Основные публикации, посвященные итогам работ 1961—1977 гг. — Материалы Совместной археологической экспедиции на Кара-тепе: 1) *Грек Т.В., Пчелина Е.Г., Ставиский Б.Я.* Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964 (далее — Кара-тепе I); 2) Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969 (Кара-тепе II); 3) Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972 (Кара-тепе III); 4) Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975 (Кара-тепе IV); 5) Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982 (Кара-тепе V). Перечень опубликованных работ, содержащих информацию об исследованиях Кара-тепе, найденных при этом материалах и связанных с ними вопросов истории и культуры, до 1970 г., см.: *Щеголев О.Н.* Исследования Кара-тепе в 1961—1970 гг. в освещении печати (аннотированная библиография). — Кара-тепе III. М., 1972, с. 155—164; с 1971 г. *Заднепровская Т.Н.* Информ. бюллетень МАИКЦА. М., 1987, вып. 12, с. 118—129 (английский вариант этого издания — с. 103—115).

конца сентября до конца октября — начала ноября. В них принимало участие большое число специалистов разных специальностей из многих городов Советского Союза (см. Список участников экспедиции в конце данной статьи). Все эти годы продолжались также камеральная обработка, реставрация, химико-технологическое и историко-культурное изучение полученных в ходе раскопок Кара-тепе материалов. Отдельные отчеты о раскопках этих лет, равно как и результаты изучения эпиграфики, монет, художественных произведений и других находок, технико-технологических исследований и реставрационных работ публикуются в этом сборнике, так что я остановлюсь только на некоторых, по-моему, наиболее важных их итогах. Таковы новые данные об устройстве и планировке буддийских комплексов Кара-тепе, истории Кара-тепе и, наконец, месте его среди буддийских памятников Средней Азии.

I. *Устройство и планировка буддийских комплексов Кара-тепе*

Раскопки и полевые исследования, которые велись на Кара-тепе в 1978—1989 гг., пролили новый свет на открытые здесь буддийские комплексы. В рассматриваемый двенадцатилетний период работы проводились как на южной, так и на северной вершинах этого трехглавого холма (рис. 2). На северной вершине, изучение которой начато в 1984 г., раскапывается, насколько позволяют судить материалы 1984—1989 гг., крупный, полностью наземный комплекс, помещения которого были построены из кирпича-сырца. На южной вершине раскопки 1978—1989 гг. затронули пещерно-наземные комплексы, размещавшиеся не на восточном склоне, где располагалась «первая группа помещений» — пещерно-наземные комплексы А и Б (эти комплексы изучались в основном ранее), а на северном — в комплексах В, Г, Д, Е и на участках Б—В и В—Г между комплексами Б и В и В и Г. Исследовался также комплекс Ю в юго-~~восточной~~ западной части этой вершины[2].

[2] В 1978 г. небольшие зачистки были проведены в так называемой пещере № 2 и в пещерном храме П-I в комплексе А. В пещере № 2 заложенная вдоль внутреннего массива траншея подтвердила, что он был сплошным и здесь в отличие от комплексов А и Б не было центрального помещения-целлы. Небольшой раскоп над западной стеной центрального помещения пещерного храма П-I в комплексе А показал, что в верхней части этой стены над материковым четвертичным песчаником имелись ряды сырцовых кладок, вероятно поддерживавших деревянную кровлю, но здания, подобного от-

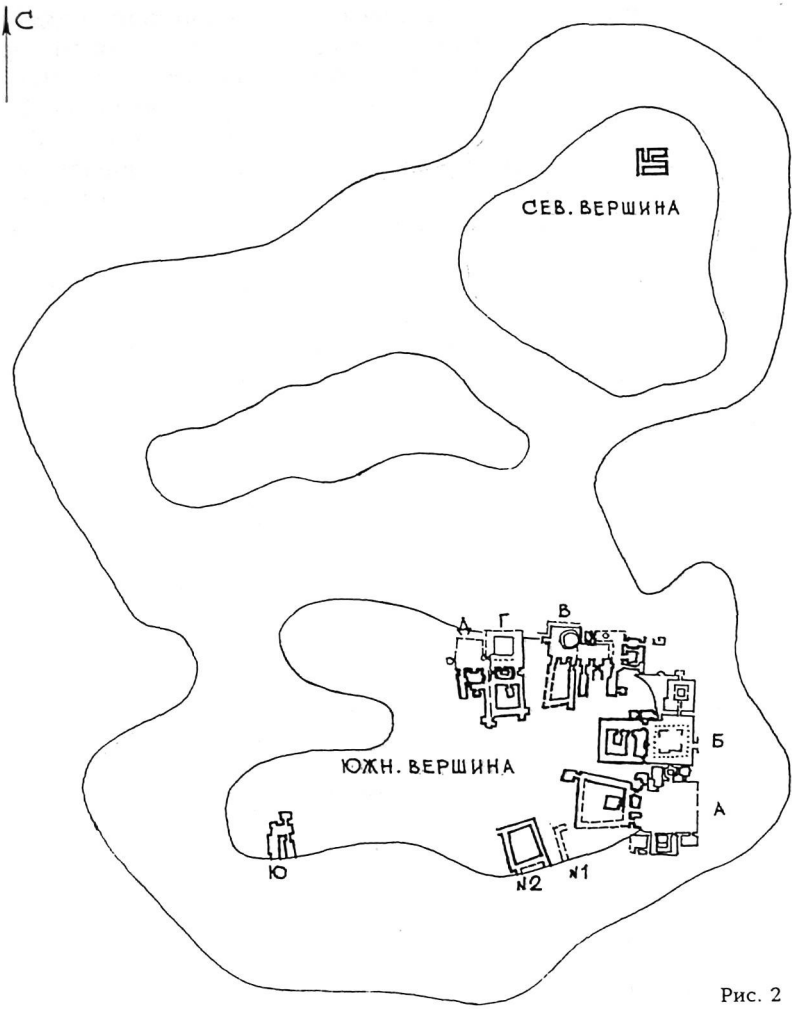


Рис. 2

В результате этих работ мы можем теперь гораздо лучше, чем в 1977 г., судить о буддийских комплексах Кара-тепе. Так, четко выявилась разница между большим (правда, пока еще лишь частично раскопанным) наземным комплексом на северной вершине Кара-тепе и комплексами на его южной вершине, каждый из которых включал пещерные и наземные помещения. Думается, что это различие скорее всего объяс-

крытому ранее над пещерным храмом П-II в комплексе Б (см. Кара-тепе V, с. 10—24), не было.

нялось какими-то функциональными особенностями буддийских комплексов, размещавшихся на южной и северной вершинах Кара-тепе. Возможно также (прояснить это смогут только дальнейшие раскопки), что на северной вершине Кара-тепе находилась постройка монастырского типа, сближающаяся с загородным наземным буддийским монастырем на Фаяз-тепе (примерно в 1 км к северо-востоку от Кара-тепе)[3], в то время как пещерно-наземные комплексы на южной вершине не были в полном смысле слова буддийскими монастырями. Поэтому я с начала 70-х годов называю Кара-тепе не монастырем (или группой монастырей), а буддийским культовым центром, функции которого в отличие от «монастыря» еще предстоит выявить. Следует, правда, отметить, что в индийских надписях на керамике как из наземного комплекса на северной вершине Кара-тепе, так и пещерно-наземных комплексов на южной его вершине[4], равно как и из Фаяз-тепе[5], упоминаются *вихары*, термин, под которым принято подразумевать именно буддийские монастыри. Но думается, что для Средней Азии нельзя исключить возможности обозначения этим термином различных буддийских сооружений, а не только монастырей. Во всяком случае, здание на Фаяз-тепе, этот «наземный буддийский монастырь классического типа»[6], как и раннесредневековые Аджина-тепе в Вахшской долине[7] или Хишт-тепе в Ховалинге[8], заметно отличаются от вихар южной вершины Кара-тепе. Фаяз-тепе, Аджина-тепе и Хишт-тепе демонстрируют планировку и устройство постройки, функционально приспособленной как раз для постоянного проживания и совершения буддийских обрядов монастырского коллектива: эти постройки включали помимо святилищ, ступ и иных культовых помещений также

---

[3] См. Кара-тепе III, с. 54—55; Кара-тепе V, с. 47—49 (ср. с. 5—6) и с. 56—63, где приведена библиография по Фаяз-тепе.

[4] См.: *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 13. М., 1987, с. 20—38.

[5] *Воробьева-Десятовская М.И.* Новые находки письмом кхароштхи из Термеза. — ВДИ. 1974, № 1, с. 116—121; *она же.* Памятники письмом кхароштхи и брахми из советской Средней Азии. — История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 22—97; *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы, с. 38—39, примеч. 61.

[6] *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы, с. 35.

[7] *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепа. М., 1971.

[8] *Муллокандов М.М.* Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховалингском районе Таджикистана. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М., 1990.

группы жилых монашеских келий (а не единичные кельи, как в комплексах на южной вершине Кара-тепе).

В свете раскопочных данных 1978—1989 гг. стало ясно, что весьма различаются между собой и пещерно-наземные комплексы южной вершины. По воле случая первыми в ходе регулярных раскопок привлекли к себе внимание комплексы А и Б, пещерные храмы которых (П—I и П—II), хотя и различающиеся в деталях, относились к одному типу культовых построек — с центральной замкнутой целлой, окруженной четырьмя обводными коридорами. Этот тип буддийского храма и стал приниматься за основной на Кара-тепе[9]. Теперь следует внести коррективы в это суждение, поскольку к этому типу относился помимо названных ранее только пещерный храм П—V комплекса Г, планировка же и устройство пещер в комплексах В, Д и Ю оказались иными и, более того, настолько отличающимися друг от друга, что сейчас можно выделить три типа культовых пещер Кара-тепе.

Наиболее просты по планировке и устройству (тип I) отдельные длинные коридорообразные пещеры, имевшие на конце боковые ниши или камеры (возможно, для размещения статуй и иного инвентаря). Такие пещеры группировались по две или три, но были изолированными друг от друга и сообщались только через двор, в который выходила каждая из них. К этому типу культовых сооружений на Кара-тепе относятся пещеры 1, 2 и 3 комплекса В и, возможно, пещеры комплекса Д, хотя последние имели свои особенности: в западной не было на конце ниш, а восточная была снабжена отходящим на север от основного коридорообразного помещения отростком, который вел в изолированную целлу (без коридора). Особо следует отметить, что на стенах восточного и западного пещерных помещений комплекса Д в древности располагались буддийские росписи, возможно функционально заменявшие ниши со скульптурой. К типу II можно отнести пещеру 4—6 комплекса В, состоявшую из пары параллельных коридорообразных помещений, соединенных третьим, перпендикулярным им. В плане эта пещера напоминала букву П. Пещера 4—6 комплекса В напоминает пещерную часть ком-

---

[9] Разновидностью этого типа буддийских храмов можно считать наземный храм, который находился южнее двора комплекса А; в этом храме центральное святилище-целла окружено обводными коридорами с трех сторон (с четвертой размещался южный айван двора). Еще одну разновидность (или поиск этого типа храма) засвидетельствовала так называемая пещера № 2 (на восточном склоне южной вершины Кара-тепе) с четырьмя коридорами вокруг центрального массива, без центральной целлы.

плекса Ю, где, правда, тоже есть свои особенности, в частности — дополнительное северо-восточное пещерное помещение. Вместе с тем и пещера 4—6 комплекса В и пещеры комплекса Ю с наружной стороны имели по комнате (первые — сводчатый айван, вторые — небольшую пещеру).

Тип III, отмеченный уже ранее, с центральной целлой и обводом из четырех коридоров представляет собой, как представляется, наиболее сложный и приспособленный для буддийского храма образец: целла, служившая святилищем, могла вмещать такие буддийские святыни, как статуэтки и рельефы, а коридоры — использоваться для ритуального обхода святилища (обряд прадахшина).

Такого типа храмы, возможно, впервые возникли в древнем Иране или в еще более ранние эпохи. Использование же его для буддийского культа, как уже не раз отмечалось[10], скорее всего произошло в кушанской Бактрии, где ближневосточно-среднеазиатская традиция сооружения такого типа культовых построек, в том числе и маздеистских или зороастрийских, существовала еще до прихода сюда буддизма (к этой традиции восходят не только буддийские постройки, но и династийный культовый центр кушан в Сурх Котале); позднее именно отсюда такой тип буддийского храма распространился в Синьцзян и другие области «буддийского мира».

Логично предполагать, что развитие буддийской архитектуры Кара-тепе шло от простых типов к более сложным. Такое, в значительной степени умозрительное, построение в известной мере можно подкрепить раскопочными данными. Действительно, пещера 4—6 комплекса В сооружалась после пещеры 3 (и, видимо, пещер 1 и 2 того же комплекса). Во-первых, как подметила О.А. Туманова[11], 4-й, 5-й и 6-й сводчатые айваны на южном краю двора комплекса В, оформлявшие, в частности, входы в пещеру 4—6, были пристроены к айванам пещер 1, 2 и 3 (поэтому и линия фасадов пещер 1, 2 и 3 не совпадает с линией фасадов западных айванов) и, во-вторых, при сооружении восточного коридора пещеры 4—6

---

[10] См., например: Кара-тепе I, с. 65—67; *Ставиский Б.Я.* Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. — Доклады по этнографии (Географическое общество СССР). Вып. 1. Л., 1965, с. 38—39; *он же.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 231; *он же.* On the Formation of Two Types of Buddhist Temples in Central Asia — Orient und Okzident im Spiegel der Kunst. Festschrift H.G. Franz zum 70. Geburtstag. Graz, 1986, с. 382—386.

[11] *Туманова О.А.* Изучение архитектуры Кара-тепе. — Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981, с. 148.

строителями была допущена ошибка, из-за которой толщина стены между пещерой 3 и этим коридором пещеры 4—6 в юго-западном углу пещеры 3 оказалась меньше 10 см; именно поэтому, из-за обвала стены или угрозы такого обвала, южная часть пещеры 3 и юго-восточная часть пещеры 4—6 были заброшены и отгорожены поперечными сырцовыми стенками (к сожалению, эти сведения о пещере 3 и восточном коридоре 4—6 не отражены в опубликованных отчетах). Таким образом, пещеры первого — самого простого типа (№ 1 — 3 комплекса В) предшествовали пещере 4—6 второго, более сложного типа.

Пещерный храм П—V самого развитого (третьего) типа в комплексе Г также сооружен позднее комплекса Д с пещерами более простого (вероятно — первого) типа, о чем свидетельствуют ошибки, допущенные его создателями при сооружении западного пещерного коридора, смежного с восточной пещерой комплекса Д, и недостроенной пещерной кельи в юго-западной части двора[12].

Гипотеза о последовательности типов культовых сооружений Кара-тепе (от группы отдельных изолированных пещер к П-образным в плане пещерам и далее — к храму с целлой, окруженной коридорами) находит подтверждение в фактическом материале раскопок. Однако думается, что в действительности процесс мог быть не столь прямолинеен, и эта схема отражает скорее общую тенденцию, чем обязательную последовательность сооружения и существования отдельных пещер на южной вершине Кара-тепе. Во всяком случае, у нас все еще нет данных для того, чтобы судить о соотношении второго (П-образная в плане пещера) и третьего (храм с целлой и обводом) типов культовых сооружений Кара-тепе. Известно лишь, что отдельные пещеры этих типов позднее пещер первого типа. Неясно пока и время сооружения пещер второго типа в комплексе Ю. Да и принятое нами деление культовых сооружений на три типа в принципе условно, так как и пещеры первого и второго типов, и храмы третьего типа заметно варьируют[13]. Таким образом, конкретное соот-

---

[12] См. Кара-тепе, V, с. 32—33.

[13] Отмечу, кстати, что помещение в центре храма П—I в комплексе А в отличие от небольших сводчатых пещерных целл в центре пещерных комплексов П—II (комплекс Б) и П—V (комплекс Г) представляло собой значительный по площади и высоте зал с деревянным, по мнению О.А. Тумановой, перекрытием (см.: *Туманова О.А.* Изучение архитектуры Кара-тепе, с. 147), «шатровым», как полагает архитектор Л.Л. Гуревич. Важно подчеркнуть, что типологически оно ближе не к «храму в обходе», а к иному буд-

ношение во времени разных каратепинских пещер (и комплексов) выявится, вероятно, при более глубоком изучении раскопочных данных и анализе находок (прежде всего монет), т. е. при дальнейшем выяснении истории Кара-тепе.

II. *История Кара-тепе*

История использования Кара-тепе жителями Термеза включает несколько этапов: сооружение и функционирование здесь буддийских комплексов, использование покинутых (или разгромленных) помещений былых буддийских сооружений для захоронений (единичных и групповых) и, наконец, судьба этих помещений в мусульманский период.

Однако, прежде чем рассмотреть каждый из этих этапов (особенно двух первых), необходимо коснуться датирующих возможностей найденных в ходе раскопок монет, поскольку именно монеты в ряде случаев служат основными доводами для определения времени как существования буддийских сооружений, так и произведенных в этих сооружениях захоронений. В связи с историей Кара-тепе мы будем оперировать монетами кушанского, сасанидо-кушанского, местного термезского, сасанидского и эфталитского чеканов. Разработанность хронологии двух первых групп этих монет в современной науке такова, что общепризнанной точки зрения на их абсолютную датировку просто не существует. Даты монет кушанских государей, как и годы их правлений, колеблются в пределах I—IV вв., причем исходную точку отсчета хронологии Кушан, так называемую «дату Канишки» (вероятно, год воцарения Канишки I или дата, положенная им в начало летосчисления), и сейчас относят к 78 г., первой трети II в., III в. — вплоть до 278 г.[14]. Но если абсолютная датировка кушанских монет пока невозможна, то относительная почти не вызывает сомнений. Во всяком случае, последовательность кушанских монет, найденных на Кара-тепе (чеканы Канишки I, Хувишки и Васудевы), признается всеми исследователя-

---

дийскому культовому сооружению — «башне в обходе» (см.: *Stavisky B.* On the Formation, с. 385—386).

[14] См., например: *Зеймаль Е.В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968; *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия, с. 15—16; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душ., 1983, с. 143—228; *Göbl R.* System und Chronologie der Münzsprägung des Kušanreiches. Wien, 1984, с. 57—77.

ми. Не совсем ясно только, кто и когда выпускал подражания чекану Васудевы[15].

Еще более сложен вопрос о сасанидо-кушанских монетах: споры идут как по абсолютным датам, так и по последовательности серий. Не вдаваясь в детали разногласий, отмечу лишь, что современные исследователи — Р.Гёбль[16], А.Д.Х. Бивар[17], Дж.Крибб[18], В.Г. Луконин[19], изучавшие эти монеты, расходятся в определении начала и окончания чеканки как отдельных серий, так и всей группы этих монет в целом. Однако все исследователи связывают их выпуск с завоеванием Сасанидами кушанской Бактрии и созданием на ее землях своеобразного «сасанидо-кушанского наместничества». Эти события знаменовали собой крах кушанской власти в Бактрии-Тохаристане и, таким образом, относились ко времени после царствований Канишки I, Хувишки и Васудевы. Для нас особенно важно определить, когда выпускались монеты трех сасанидо-кушанских правителей, по схеме В.Г. Луконина — Варахрана II, Хормизда II и Пероза II, поскольку этот ученый относил их к последним сасанидским кушаншахам и датировал их монеты не только концом IV, но и V в.: Варахрана II — 389—440(?) гг., Хормизда II — 450—457 гг., Пероза II — 457—459 гг.[20] Если В.Г. Луконин был прав, группа таких монет позволяла бы датировать захоронения на Каратепе, в которых они были найдены, временем не ранее 60-х годов V в. Нужно, однако, сказать, что вывод В.Г. Луконина о непрерывном существовании сасанидо-кушанского наместни-

---

[15] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана, с. 241—245.

[16] См., например: *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 1—4. Wiesbaden, 1967; *он же.* System und Chronologie, с. 79—86.

[17] См., например: *Bivar A.D.H.* The Kushano-Sassanian Coin Series. — JNSI. Vol. 18, Pt. 1, 1956, с. 13—42; The Absolute Chronology of the Kushano-Sassanian Governors in Central Asia. — Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979, с. 317—332; Sassanians, Kushans, Kushano-Sassanians, Hephtalites. — A Survey of Numismatic Research 1972/1977. Bern, 1979, с. 418.

[18] *Cribb J.* Gandharan Hoards of Kushano-Sassanian and Late Kushan Coppers. — Coin Hoards. L., 1981, № 6, с. 93—108; Some further Hoards of Kushano-Sassanian and Late Kushan Coppers. — Coin Hoards. 1983, № 7, с. 308—321.

[19] *Луконин В.Г.* Кушано-сасанидские монеты. — Эпиграфика Востока. Т. 18. Л., 1967, с. 16—33; *он же.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. — ВДИ. 1969, № 32, с. 20—44; *он же.* Культура сасанидского Ирана (Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры). М., 1969, с. 124 и сл.

[20] *Луконин В.Г.* Кушано-сасанидские монеты, с. 30—31.

чества вплоть до столь позднего времени вызывает сомнения. Его не принял ни один из зарубежных ученых, равно как и некоторые наши нумизматы (например, Э.В. Ртвеладзе)[21].

Б.И. Маршак, рассмотрев вопрос о противниках Сасанидов на Востоке в V в. по данным письменных источников, установил, что сасанидский шах Йездигерд II в середине этого столетия вновь завоевывал былые земли сасанидских кушаншахов, которых они лишились «задолго до 440-х годов». Он, в частности, отметил, что Егише Вардапет, участник войн Йездигерда на востоке, оставивший нам описание боевых действий 442—449, 450 и 454 гг., «говоря об аргументах, которые приводились советниками Йездигерда в пользу объявления войны кушанам (имелись в виду „хоны" — хиониты. — *Б.С.*), даже не упоминает о том, что кушанские земли принадлежали Ирану»[22].

Б.И. Вайнберг, подвергнув анализу нумизматические данные о ситуации в Бактрии-Тохаристане IV—V вв., пришла к однозначному выводу, что Варахран II схемы В.Г. Луконина «правил либо до Варахрана I, либо выпуски его монет следует отнести к чекану Варахрана I... Во всяком случае, нет никаких достаточно веских оснований считать, что после 389 г. продолжался чекан кушано-сасанидских правителей»[23]. К этому можно добавить, что странно было бы думать о тесной преемственности чекана Хормизда II и Пероза II с этими монетами после 40—50-летнего промежутка. Добавим, наконец, что в пользу отнесения этих монет к относительно близкому промежутку времени (скорее всего в пределах IV в.) свидетельствуют и их совместные находки в захоронениях на Кара-тепе (например, монеты Варахрана I, Варахрана II, Хормизда II и Пероза II в захоронениях в центральном помещении храма П-I в комплексе А).

В отличие от кушанских и кушано-сасанидских серий монеты местного, термезского чекана со знаком в виде якоря на оборотной стороне определяются нумизматами примерно одинаково, хотя изучать их стали совсем недавно. Три такие

---

[21] *Ртвеладзе Э.В.* Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в северной Бактрии-Тохаристане. — ОНУ. 1982, № 1, с. 47—54; *он же.* Древние монеты Средней Азии. Таш., 1987, с. 118, 120.

[22] *Маршак Б.И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. — Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971, с. 62—63. Его доводы о двух периодах оккупации Сасанидами Бактрии-Тохаристана и промежутке между ними убедили и Е.В. Зеймаля (см.: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. — АДД. Л., 1985, с. 34—35).

[23] *Вайнберг Б.И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. — Кара-тепе III, с. 135.

монеты опубликовала в пятом сборнике Материалов Совместной экспедиции Б.И. Вайнберг. Исследователь отметила, что монеты происходят из комплекса Г и не находят себе прямых аналогий среди изданных ранее, а время их выпуска «весьма приблизительно» отнесла ко времени после кушано-сасанидских монет и до эфталитских, подражающих чекану сасанидского царя Пероза, — «от второй половины IV в. и, вероятно, до конца V в.»[24]. Чеканом термезских правителей V—VI вв. обозначил их Э.В. Ртвеладзе[25]. Так же определяет их и Е.В. Зеймаль, датируя концом V—VI вв., он же проанализировал данные о ставших известными ему 34 таких монетах из памятников Старого Термеза и указал, что они отличаются разнообразием штемпелей и выпуск их «не был каким-то одноразовым или кратковременным актом» (см. его статью в настоящем сборнике).

Невелики расхождения и в определении времени выпуска монет сасанидского шахиншаха Пероза и эфталитских подражаний этому чекану, найденных на Кара-тепе. Первая, вероятно, датируется концом V в., вторые — VI в.[26].

Наиболее ранней на данном этапе наших знаний представляется пещера 1 комплекса В. Эта пещера была заброшена и замурована еще тогда, когда комплекс В функционировал, причем сырцовая стена, которой был закрыт доступ в пещеру, снаружи (со стороны двора) была оштукатурена и окрашена в красный цвет. Находки на полу пещеры, в том числе медная монета Канишки I, дают основание относить сооружение и существование пещеры 1 (как и связанных с нею пещер 2 и 3 раннего двора со ступой в комплексе В) ко времени правления этого знаменитого кушанского государя[27]. О сооружении или существовании в это же время комплекса А, во всяком случае наземного храма на южном краю его двора, свидетельствует, по-видимому, находка там на полу обходного коридора двух монет Канишки I[28]. Комплекс А,

---

[24] *Вайнберг Б.И., Раевская Т.А.* Нумизматические этюды. — Кара-тепе V, с. 64—66.

[25] *Ртвеладзе Э.В.* Древние монеты Средней Азии, рис. на с. 20.

[26] *Вайнберг Б.И., Раевская Т.А.* Нумизматические этюды, с. 66; ср. заметку Х.Хумбаха в настоящем сборнике.

[27] См. Кара-тепе IV, с. 7, 34, 36.

[28] Как любезно сообщил мне Э.В. Ртвеладзе, он нашел среди бумаг М.Е. Массона определение этих монет: «Канишка. Об. ст. Бегущий Вад. Кара-тепе. 1937. Сырцовая постройка, на глиняном полу под слоем дерна. I ярус. То же. Об. ст. Стоящее божество. Там же». Найденные в том же помещении (по М.Е. Массону — в верхнем слое, см. Труды ТАКЭ. Т. 2. Таш., 1945, с. 6) плоские медные монеты, судя по их словесному описанию

несомненно, существовал в кушанское время, хотя бы уже потому, что захоронение в центральном помещении храма П—I датируется сопровождавшими их сасанидо-кушанскими монетами; при этом надо учесть, что захоронения здесь были совершены, как и во всех известных на Кара-тепе случаях, поверх слоя запустения, т. е. между захоронениями и функционированием храма П—I должно было пройти какое-то время. Захоронения с подобными же монетами в помещениях Х—4 и Х—5 постройки над пещерным храмом П—II в комплексе Б и в наземном помещении (скорее всего служившем кельей монаха) к востоку от небольшого святилища с платформой в том же комплексе позволяют датировать кушанским временем также и комплекс Б. К этому же времени относится, видимо, и функционирование комплекса Д, в пещерной келье которого поверх толстого массива песка (слой запустения) расчищено захоронение также с кушано-сасанидскими монетами.

В отличие от комплексов А, Б и Д, погибших, таким образом, вместе с государством Великих Кушан, комплекс В, ранние части которого, как мы видели, были сооружены одновременно или близко по времени с комплексами А, Б и Д, скорее всего пережил их. Захоронения в его пещерах 2 и 4 датируются не только сасанидо-кушанскими, но и местными термезскими монетами, чеканом сасанидского царя Пероза и эфталитскими подражаниями, а следы многочисленных перестроек, достроек, остатки нескольких полов во дворе и т. п. документируют долгое функционирование комплекса В и сосуществование с ранними частями комплекса (в том числе с пещерами 2 и 3 или их входными северными отрезками) западной его половины с П-образной в плане пещерой 4—6 и двора с наземным святилищем, ступой и водоемом-хаузом. Наиболее поздние работы по приведению комплекса в порядок (возможно, после временного запустения) — сбор старой керамики и другого «мусора» и свалка их в пещерную келью — датируются, судя по индийским надписям на найденных здесь сосудах, рубежом IV—V — началом (или даже серединой) V в. К этому же, видимо, времени относятся и

Е.Г. Пчелиной, могли быть местными термезскими монетами; эти монеты в отличие от монет Канишки I следует связывать с найденными там же остатками захоронений (см. Кара-тепе I, с. 88) — условия размещения захоронений (за перегородкой) напоминают известные теперь на Кара-тепе, равно как и находки в связи с захоронениями монет. Отметим, что ни разу в инвентаре таких захоронений не было собственно кушанских монет.

поздние вымостки (поверх толстого слоя надувного песка) на участке Б—В и в северном дворе со ступой комплекса Б.

Менее ясно, когда возник и функционировал комплекс Г. Выше уже отмечалось, что его сооружали позднее комплекса Д. Захоронения в нем сопровождали не сасанидо-кушанские, а местные, термезские монеты. Перестройка пещерного храма (П—V) этого комплекса — возведение перегородок и роспись стен в северо-восточной части — была совершена вскоре после сооружения непосредственно на первоначальном полу. Думается, что этот комплекс могли соорудить и использовать либо в конце кушанского, либо в сасанидо-кушанский, либо даже в более поздний период.

Для понимания истории Кара-тепе немаловажно определение времени захоронений в его заброшенных помещениях. На первых этапах изучения Кара-тепе представлялось, что такие захоронения повсюду, в разных комплексах и помещениях совершались в один и тот же период времени[29]. Исследования последних лет показали, что эти захоронения разновременны.

Рассмотрим вопрос о захоронениях на Кара-тепе более подробно. Напомним, что дошли они до нас в разной сохранности: захоронение в пещерной келье комплекса Д, например, замурованное в древности, в течение полутора тысячелетий было полностью изолировано от внешнего мира; захоронение в тайнике в комплексе Г, хотя первоначально и было замуровано, видимо, могло посещаться (как и захоронения в центральном помещении храма П—I в комплексе А и в постройке над пещерным храмом П—II комплекса Б). Захоронения же в обходных коридорах пещерных храмов комплексов А, Б и Г, в пещерах каратепинских комплексов В, Г, Д и Ю и отдельных наземных помещениях не только могли посещаться, но, как об этом свидетельствуют раскопочные данные, действительно посещались в раннем средневековье или даже в мусульманскую эпоху, для чего довольно небрежные стенки из сырца (иногда включавшие и каменные детали архитектуры), служившие для изоляции, неоднократно разбирались или разрушались. Следовательно, к датировке захоронений нужно подходить дифференцированно, учитывая не только найденные в них монеты, но и полевую документацию.

По характеру найденных в них (или в связи с ними) монет захоронения в покинутых помещениях Кара-тепе довольно

---

[29] Из этого исходит Е.В. Зеймаль (см. его статью в данном сборнике).

четко можно разделить на несколько разновременных групп. К первой из них относятся захоронения в пещерной келье комплекса Д, в центральном помещении храма П—I комплекса А и в помещениях Х—4 и Х—5 над храмом в комплексе Б. Все они сопровождались только сасанидо-кушанскими монетами, причем если в помещениях Х—4 и Х—5 были найдены единичные (три и одна) монеты, то в пещерной келье комплекса Д — пять, а в центральном помещении храма П—I — семнадцать; всего в них найдено 26 монет (см. табл. 1).

Вторую группу составляют захоронения на Кара-тепе, в инвентаре которых (или в связи с ними) были монеты местного термезского чекана. Таковы захоронения в тайнике комплекса Г (2 экз.) и над полом помещения Х—3 (1 экз. и, возможно, еще 2, попавшие из слоя с захоронениями на пол этого помещения; на полу, но не в слое захоронений найдена также одна сасанидо-кушанская монета), а также, вероятно, плохо сохранившиеся остатки захоронений в северном коридоре храма П—V (2 экз.), в южном коридоре храма П—II комплекса Б (1 экз.) и, возможно, еще 1 из выброса; всего в них найдено 9 монет, 3 из которых связываются с захоронениями лишь предположительно.

И наконец, к третьей группе относятся захоронения на Кара-тепе, которые были открыты в пещерах 2 и 3 комплекса В. Собственно захоронения здесь, как и в пещерных коридорах комплексов Б, Г, Д и Ю, дошли до нас в разрушенном состоянии в виде слоя костей и инвентаря, перемещенных и передвинутых с мест их первоначального размещения. Сырцовые кладки (возведенные не на полу, а на слое, образовавшемся после запустения или разрушения), которые закрывали доступ в эти пещеры после совершения здесь захоронений, дошли до нас проломленными (проломы могли быть и не только в перегородках, но и в сводчатых потолках входных частей пещер). Внутрь пещер проникали, а то и жили здесь мусульманские отшельники: слой (или слои) захоронений здесь был явно нарушен еще в средние века, так что датировка их затруднена.

Судя по находкам в пещере 2 двух монет сасанидского царя Пероза (456—484), чеканенных им для выплаты колоссальной суммы эфталитам в конце его правления, позднейшие захоронения здесь могут датироваться концом V в.[30]. Неясно,

[30] Так датируют монеты сасанидского царя Пероза эмиссии 287 (по Р.Гёблю) Б.И. Вайнберг и Х.Хумбах. Остается, правда, возможность того, что эти монеты вообще не входили в инвентарь захоронений, а попали сюда позднее.

как соотносились эти монеты с происходящими из того же слоя (или перемещенных слоев) тремя монетами местного, термезского чекана (возможно, к ним следует добавить и еще одну, найденную в выбросе из этой пещеры): монеты термезских правителей могли входить в инвентарь тех же погребений[31], разрушенных захоронений ранней группы или даже принадлежать к предшествующему захоронениям периоду функционирования или запустения пещеры 2 и комплекса В в целом. Однозначное решение этого вопроса пока невозможно.

Еще большие сомнения вызывает эфталитская монета, чеканенная в подражание монетам Пероза (по Р.Гёблю — эмиссия 288), которая была найдена в слое с остатками захоронений в пещере 3 того же комплекса. Эта монета считается более поздней, чем кружки эмиссии 287 из пещеры 2, Б.И. Вайнберг и Х.Хумбах относят ее к началу VI в. Вряд ли есть какие-либо основания связывать с этой эфталитской монетой найденные в слое натека в той же пещере две сасанидо-кушанские монеты. Скорее, они происходят из более ранних захоронений или датируют время запустения (или функционирования) пещеры и комплекса.

Следует, видимо, отметить, что если сасанидо-кушанские (из пещеры 3) и местные монеты (из пещеры 2) были связаны с захоронениями, то в соответствии с приведенным ранее выводом о двух отдельных группах захоронений (ранней — с сасанидо-кушанскими монетами и более поздней — с монетами термезского чекана) такое же деление сохранялось и в пещерах комплекса В.

Подытоживая сказанное, можно, видимо, выделить два ранних периода захоронений на Кара-тепе: первый — после завоевания кушанской Бактрии Сасанидами, примерно до конца IV в., второй — после изгнания Сасанидов и прекращения обращения здесь сасанидо-кушанских монет, т. е. в V в. Захоронения на Кара-тепе производились и позднее, о чем, возможно, свидетельствуют находки монет сасанидского шахиншаха Пероза конца V в. и эфталитских подражаний VI в.

Не всегда ясна датировка поздних по стратиграфии погребений, в том числе с поздними разновидностями термезских монет (из комплекса Ю) и безынвентарных, скорее всего — мусульманского времени.

---

[31] Монеты Пероза и местный, термезский чекан сопровождали, по данным Е.В. Зеймаля, захоронения в Кургане, тогда как найденные там сасанидо-кушанские монеты не были с ними связаны.

Как отмечали все исследователи Кара-тепе, надписи-граффити и рисунки, процарапанные на стенках его пещер, свидетельствуют о посещении их как в период запустения (до захоронений и замуровок входов), так и в IX(?) — начале XIII в. Арабские надписи и черточки, отмечавшие, вероятно, счет проведенных в пещерах дней, хорошо документируют использование пещер не только для кратковременных стоянок или ночевок пастухами, путниками и иными посетителями (от них остались следы костров, фрагменты поливной посуды и т. п.), но и мусульманскими отшельниками; последние, очевидно, использовали заброшенные пещеры Кара-тепе в качестве чилляхона. Материалы, полученные в ходе раскопок пещер комплекса Ю, в этом отношении особенно показательны: здесь была даже на западной стене прочерчена имитация михрабной ниши (см. статью Ю.С. Давидяна в настоящем сборнике).

III. *Место Кара-тепе среди буддийских памятников Средней Азии*

Памятники буддизма в Средней Азии, как это отмечалось неоднократно, долгое время ускользали из поля зрения исследователей, хотя свидетельства письменных источников и археологические открытия на землях Синьцзяна и Северного Афганистана, в прошлом тесно связанных со среднеазиатскими областями, позволили отечественным востоковедам, в том числе акад. В.В. Бартольду, утверждать, что буддизм сыграл важную роль в истории их культуры. Это утверждение крупнейшего историка-ориенталиста было подтверждено уже в ходе первой крупной экспедиции советских ученых в Среднюю Азию, организованной в 1926—1928 гг. московским Музеем восточных культур (ныне ГМИНВ): участник этой экспедиции, первооткрыватель памятников буддизма Средней Азии А.А. Стрелков высказал, в частности, мнение, что так называемая башня Зурмала возле городища Старого Термеза представляет собой не что иное, как руины буддийской ступы, а три полузасыпанные пещеры на Кара-тепе — остатки буддийских храмов[32]. С тех пор открытия все новых и новых памятников буддизма Средней Азии следовали одно за другим, и если четверть века назад, когда увидел свет первый

[32] Об этом см., например: *Пчелина Е.Г.* Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе. — Кара-тепе I, с. 82—84.

выпуск Материалов Совместной экспедиции на Кара-тепе, было известно десять буддийских построек[33], то теперь их насчитывается более двадцати пяти[34].

Каково же место Кара-тепе среди этих памятников и что нового дали его исследования для изучения истории буддизма в Средней Азии? Известные сейчас данные свидетельствуют, что буддийские памятники в Средней Азии, если не считать отдельных находок буддийских фигурок, терракот, наскальных изображений, единичных надписей и т. п., относятся к двум эпохам: ко времени существования могущественного Кушанского государства (I—IV вв.) и к раннему средневековью (V—X вв.). Первая характеризовалась вхождением значительной части среднеазиатских областей в состав Кушанской империи, объединявшей также территорию Афганистана, Индии, Пакистана и Синьцзяна. В эту эпоху при явном покровительстве имперских и, видимо, местных властей существовала благоприятная обстановка для прихода на север от Гиндукуша, т. е. в древнюю Бактрию (теперь — Северный Афганистан, южные земли Узбекистана и Таджикистана, крайний юго-восток Туркмении), буддийских проповедников и буддийских общин. В Кушанской империи отсутствовала религиозная нетерпимость, и буддизм в Бактрии (с IV в. — Тохаристан), как и во всем государстве Кушан в целом, не стал единственной «государственной» религией, а сосуществовал здесь с династийным культом и с древними местными верованиями зороастрийского, маздеистского или авестийского круга.

Буддийских памятников этой эпохи в Северной Бактрии известно сейчас одиннадцать. Четыре из них связаны со Старым Термезом (Кара-тепе, Фаяз-тепе, Зурмала[35], подземное помещение, оставшееся от не дошедшего до нас буддийского комплекса[36]), два открыты в Айртаме (к востоку от Термеза), один — на Уштурмулло (еще восточнее, уже на территории Таджикистана), два — на Зар-тепе (на городище и в пригороде) и два — на Дальверзин-тепе (также за городской стеной и

---

[33] Кара-тепе I, с. 54—61.

[34] *Ставиский Б.Я.* Изучение буддийских памятников в Средней Азии. 1926—1986. — Тезисы Всесоюзной буддологической конференции. М., 1987, с. 138—140.

[35] *Пугаченкова Г.А.* Две ступа на юге Узбекистана. — СА. 1967, № 3, с. 257—261.

[36] Материалы раскопок Л.И. Альбаума еще не опубликованы. Эпиграфические находки изданы: *Воробьева-Десятовская М.И.* Новые надписи письмом кхароштхи из Термеза. — ВДИ. 1974, № 1, с. 116—123.

непосредственно на городище[37]). Первые семь буддийских памятников расположены поблизости от речных переправ через Амударью (Окс античных авторов), т. е. на пути из Афганистана и Индии, откуда и шло распространение буддизма в Среднюю Азию; памятники Зар-тепе и Дальверзин-тепе отмечают продвижение буддийских общин в глубь Сурхандарьинской долины. Кара-тепе, как и другие памятники приамударьинской полосы, относится, таким образом, к первой и, по-видимому, наиболее ранней группе буддийских памятников Бактрии и Средней Азии вообще (дальнейшее продвижение буддизма отмечают, вероятно, два других памятника этой эпохи: в направлении на север — буддийский храм или святилище в долине р. Санзар, к северу от Самарканда[38], на северо-запад — буддийский комплекс в Мерве[39]).

В то же время Кара-тепе, если в дальнейшем вывод о частичном восстановлении в V в. его буддийских святынь найдет себе подтверждение, предстанет перед нами как памятник не только кушанской, но и раннесредневековой эпохи, к которой относится сейчас уже более полутора десятков буддийских построек. К этой группе наряду с плохо пока представленными поздними каратепинскими материалами войдут и другие, возникшие еще в кушанскую эпоху памятники буддизма, такие, как Уштурмулло и, возможно, Фаяз-тепе в Тохаристане (восстановленные, по-моему, тоже в V в.) и мервский комплекс, просуществовавший до VI—VII вв. К ним следует добавить и те буддийские памятники Тохаристана, которые были

---

[37] *Тургунов Б.А.* К изучению Айртама. — Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973, с. 52—63; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, с. 66—67 и рис. на с. 65; *Массон М.Е.* Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Таш., 1976, с. 52—87; *Зеймаль Т.И.* Буддийская ступа у Верблюжьей Горки. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987, с. 70—78; *Пилипко В.Н.* Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе. — Бактрийские древности. Л., 1976, с. 59—68; *Пидаев Ш.Р.* Раскопки буддийской ступы у городища Зар-тепе. — ОНУ. 1986, № 4, с. 49—52; *Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А.* Буддийское святилище в загородной зоне. — Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978, с. 90—97; *Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А.* Новый буддийский памятник в Южном Узбекистане. — ПК НО 1988. М., 1989, с. 519—530.

[38] *Альбаум Л.И.* Буддийский храм в долине Санзара. — ДАН УзССР, 1955, с. 57—60, рис. 1—3.

[39] *Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А.* Маргиана. — Древнейшие государства Средней Азии и Кавказа. М., 1985, с. 234—235 (там же библиография). Следует подчеркнуть, что предполагаемые прежде ранние даты (до III в.) этого комплекса и распространения буддизма в Мерве не подтвердились в ходе раскопок. Таким образом, наиболее вероятно проникновение сюда буддизма из Бактрии-Тохаристана в III—V вв.

возведены в средние века: в верхней части долины Сурхандарьи (ступа в Шурчинском районе); в долинах Кафирнигана (храм в Калаи-Кафирнигане), Вахша (монастырь Аджина, святилище в Кафыр-кале); в Ховалинге (монастырь Хишт-тепе[40]); в Мерве (загородная ступа[41]); в Фергане (комплекс в Куве[42]); в Семиречье (по паре храмов в Ак-Бешиме и Красной Речке, храм возле с. Новопавловка[43]). Одни из них уходили корнями, видимо, в буддийские традиции кушанской Бактрии (памятники Тохаристана и Мерва), другие могли продолжать традиции как бактрийские, так и синьцзянско-китайские (памятники Северо-Востока — Семиречья и, возможно, Ферганы), хотя нельзя исключить возможности воздействия Синьцзяна и Китая и на раннесредневековые буддийские постройки Тохаристана и Мерва.

Среди этих буддийских сооружений Кара-тепе занимает особое место. Во-первых, это пока единственный среднеазиатский памятник буддизма, включающий наряду с наземными пещерные помещения (что сближает его с пещерами Афганистана, Синьцзяна, Западного Китая, Индии). Во-вторых, Кара-тепе функционально отличается от монастырских комплексов Фаяз-тепе, Уштурмулло, Аджина-тепе, Хишт-тепе, Мерва. От храмов (в Айртаме, Дальверзин-тепе, Калаи-Кафирнигане, Семиречье), святилищ (близ Дальверзин-тепе, в Зар-тепе, Кафир-кале) и отдельно стоявших ступ (возможно, Зурмала вблизи Термеза; в пригородах Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Мерва; в Шурчинском районе) он отличается довольно сложным составом, поскольку в него входит много комплексов с храмами, святилищами, ступами (на южной вершине) и, вероятно, наземный монастырь (на северной), и большими размерами. И, в-третьих, Кара-тепе оказался намного богаче всех остальных буддийских памятников Средней Азии обилием и разнообразием эпиграфических находок.

---

[40] *Пугаченкова Г.А.* Средняя Азия (справочник-путеводитель). Москва—Лейпциг, 1982, с. XXI; *Литвинский Б.А.* Настенная живопись Калаи-Кафирнигана. — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с. 116—138; *Литвинский Б.А., Денисов Е.П.* Буддийская часовня в Кафыр-кале. — АРТ. Вып. 10. М., 1973, с. 165—170.

[41] *Ртвеладзе Э.В.* Новый буддийский монастырь в Старом Мерве. — Труды ЮТАКЭ. Т. 15. Аш., 1974, с. 231—235.

[42] *Булатова В.А.* Древняя Кува. Таш., 1972, с. 51—91 (глава III. Культовый комплекс VII в.). .

[43] *Ставиский Б.Я.* Бернштам А.Н. и изучение буддийских памятников Средней Азии. — Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995, с. 176—186; в этой статье библиография — работы А.Н. Бернштама, Л.Р. Кызласова, Л.П. Зяблина, П.Н. Кожемяко, В.Д. Горячевой и др.

Не касаясь сейчас сравнительного изучения архитектуры, скульптуры, живописи, керамических и других ремесленных изделий Кара-тепе и иных буддийских памятников буддизма в Средней Азии и близлежащих областях, остановлюсь лишь на тех каратепинских материалах, которые проливают новый свет на историю среднеазиатского буддизма. Прежде всего это коррективы, внесенные в наши представления об истории Кара-тепе работами последних лет, в частности выявленная возможность того, что какая-то часть буддийских святынь на южной вершине (большая ступа в северном дворе комплекса Б, ступа на участке Б—В, двор со ступой и святилищем в комплексе В) существовала в V в., могла существовать и в кушано-сасанидский период. Ранее, на первых этапах исследования Кара-тепе, предполагалось, что при завоевании кушанской Бактрии Сасанидами события развивались по тому сценарию, который запечатлел в своей знаменитой наскальной надписи религиозный наставник шахиншаха Варахрана II (276—293). Описывая деяния его магов всюду, куда «кони и люди... царя царей дошли», Картир писал: «И иудеи, и буддийские жрецы, и брамины, и назареи, и христиане, и...(?)... и зиндики (манихеи) были разбиты, а изображения (их) богов разрушены, и убежища дэвов были уничтожены и в храмы (зороастрийских) богов... были превращены»[44]. В свете известных тогда данных[45] представлялось, что гибель святынь Кара-тепе в результате сасанидского завоевания вполне вероятна. Акад. Я.Харматта, по-своему интерпретировав каратепинские надписи-граффити, предположил даже, что Картир имел в виду в своей надписи, говоря об «убежищах дэвов», именно Кара-тепе; гибель Кара-тепе он относил к III в., а надписи-граффити объяснил как свидетельства посещений каратепинских пещер (по реконструируемому Я. Харматтой чтению «Сто пещер») кушано-сасанидскими правителями IV в.[46] Правда, реконструкции Я.Харматты в значительной мере были опротестованы В.А. Лившицем[47]. Непосредственная связь каратепинских пещер и надписей с событиями, описанными Картиром, оказалась маловероятной, но отнесение какой-то части надписей-граффити из Кара-тепе ко времени правления в Бактрии-Тохаристане кушано-сасанидских царей можно, видимо, считать установленным. Вполне вероятно, что в то же

[44] См.: *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 87.

[45] См., например, Кара-тепе III, с. 27.

[46] *Harmatta J.* The Bactrian Wall Inscriptions from Karatepe. — Кара-тепе II, с. 82—124.

[47] *Лившиц В.А.* К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе. — Кара-тепе IV, с. 53—60.

время рядом могла сохраняться и буддийская община, следы которой (в частности, в виде индийских надписей[48]) прослежены вплоть до V в.

В связи с этим напомню, что открытые на городище Зартепе (также в районе Термеза) буддийские святилище и загородная ступа относятся именно к кушано-сасанидскому времени. К концу кушанского периода принадлежит, вероятно, и буддийский храм на городище Дальверзин-тепе. Конечно, на нынешнем этапе наших знаний, при спорности хронологии кушанского и послекушанского времени нельзя утверждать, что перечисленные буддийские памятники возникли (или существовали) именно при кушано-сасанидских правителях, а не десятилетием-двумя ранее или позднее изгнания их из Бактрии-Тохаристана. Но сооружение, ремонт или существование этих буддийских культовых построек в кушано-сасанидское время вполне возможны.

На сходную мысль наводят и новые данные о буддийских памятниках древнего Мерва. Как известно, обнаруженный там на городище Гяур-кала в 1960-х годах буддийский комплекс со ступой и «храмово-монастырской постройкой» первоначально был датирован парфянским временем. (Эта датировка послужила вещественным свидетельством о раннем проникновении буддизма в Маргиану и в Парфию вообще — в I—II вв. н. э.[49] или даже в I в. до н. э.[50]) Правда, уже тогда было ясно, что ступа была разрушена не ранее V—VI вв.[51] Работы же 70-х годов, когда в ходе раскопок были найдены медные сасанидские монеты (в том числе в сырцовых кладках), показали, что и ступа и храмовая часть комплекса построены не ранее середины III—IV в., а собственно монастырская часть — в IV—VI вв.[52] Позднее последовали новые уточнения[53]. Но для нас важно, что теперь общепризнано заключение о постройке в III—IV вв. и существовании до VI

---

[48] *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. — Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 13. М., 1987, с. 26—27 (в англ. издании с. 22—23).

[49] См., например: *Массон М.Е.* Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТССР в 1962 г. — Известия АН ТССР, СОН, 1963, № 3, с. 51—56; *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 95—97.

[50] *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепе. М., 1971, с. 111—113.

[51] *Массон М.Е.* Из работ, с. 55.

[52] *Усманова З.И.* Изучение крепостной стены и буддийского памятника в Мерве. — Материалы по истории, историографии и археологии (Сборник научных трудов ТашГУ, № 517). Таш., 1976, с. 15—19.

[53] Подведение итогов см.: *Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А.* Маргиана, с. 234—235.

или VII в. крупного буддийского культового комплекса на территории Мерва, важнейшего центра Сасанидов на востоке их державы. С учетом этого определенная веротерпимость сасанидских царей по отношению к буддистам Тохаристана, Термеза и Кара-тепе представляется еще более вероятной, а пересмотр утвердившейся было точки зрения о неизменной религиозной беспощадности Сасанидов вообще и враждебности их к буддийским общинам и их культовым постройкам в Средней Азии в частности — необходим[54].

Помимо уточнения наших представлений о судьбах буддизма в Средней Азии в кушано-сасанидское время и о религиозной политике Сасанидов в Тохаристане и Мерве материалы раскопок Кара-тепе 1978—1989 гг. позволили по-новому осветить также вопрос о специфике буддизма Бактрии-Тохаристана. Собственно говоря, до находок каратепинских индийских и местных («бактрийских») надписей на основании одних только свидетельств иноземных письменных источников да бессловесных археологических материалов об особенностях среднеазиатского буддизма судить было весьма трудно. Обращение к разновременным аналогиям и в разных странах при освещении состояния буддизма, его проявлений, монастырской жизни и церемоний, как правило, создает лишь иллюзорную картину, далеко не отражающую реального положения дел в данном конкретном регионе, районе или монастыре. Но стремление поярче обрисовать жизнь в буддийских памятниках (будь это Средняя Азия или Синьцзян) влечет исследователей на путь таких иллюзорных обобщений[55]. Иное дело анализ конкретного материала — хотя и с учетом аналогий, но с пониманием границ его информативных возможностей. Именно такого анализа требуют материалы Кара-тепе.

Уже изучение индийских и бактрийских надписей Каратепе на керамике, найденных в 1961—1977 гг., позволило говорить о ряде черт местного буддизма[56]. Не обошлось, конечно, и без спорных толкований при дешифровке отдельных надписей, слов, знаков. Однако акад. Я. Харматта, Т.В. Грек,

---

[54] Подробнее см.: *Stavisky B.Ja.* Buddhist Sites of Central Asia and Sasanians. — Bulletin of the Asia Institute. Vol.4. Detroit, 1990, с. 167—170.

[55] См., например: *Литвинский Б.А.* Монастырская жизнь восточнотуркестанской сангхи. Буддийские церемонии. — Буддизм. История и культура. М., 1989, с. 169—189.

[56] Я не касаюсь здесь вопросов о планировке буддийских построек Каратепе и иконографических особенностей открытых в них буддийских изображений (об этом речь уже шла).

В.А. Лившицу, В.В. Вертоградовой (см. их публикации в Каратепе I—V) удалось не только установить, какие языки и виды письменности использовались обитателями Кара-тепе, но и определить тип надписей. Первоначально Т.В. Грек и Я. Харматта предположили, что все каратепинские надписи на керамических сосудах — вотивные дарственные, составленные по известному еще в буддизме Индии образцу: «(Буддийской) общине четырех сторон света [с согласия монахов (или учителей) Ма]хасангхика [подарок монаха] такого-то» или «Этот сосуд [подарок монаха] такого-то (буддийской) общине четырех сторон света [с согласия учителей Ма]хасангхика»[57]. Формула надписей, здесь восстановленная предположительно, позднее была в основном подтверждена новыми находками, где аналогичные части текста сохранились (в частности, упоминания о буддийской школе Махасангхика, а также о вихаре, которой предназначался дар)[58]. Таким образом, на Каратепе засвидетельствовано сохранение идущей из Индии традиции вотивного дарения вихарам (в данном случае — керамических сосудов) и составление традиционной по формуле надписи об этом дарении; подтверждено также проживание здесь монахов школы Махасангхика (сведения об иных школах здесь, в том числе и предположение Я. Харматты о последователях школы Сарвастивада, пока не подтвердились[59]). С другой стороны, публикуя новую находку надписей брахми, В.В. Вертоградова указала, что в эпиграфике Каратепе помимо вотивных встречаются и надписи иного типа, «неизвестного в Индии» — с буддийским поучением, что было вызвано, по-видимому, спецификой местной буддийской общины[60]. ,Обобщая сведения об индийских надписях на керамике Кара-тепе двадцать лет назад, я отмечал связь отдельных сосудов, где упоминается то или иное лицо, с различными каратепинскими комплексами и предположил, что эти сосуды принадлежали обитавшим в комплексах монахам[61]. Мое предположение подвергла резкой критике М.И. Во-

---

[57] См.: *Харматта Я.* К интерпретации надписей на керамике из Каратепе. — Кара-тепе II, с. 35.

[58] *Вертоградова В.В.* Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе. — Кара-тепе V, с. 134—156.

[59] Это справедливо отметила М.И. Воробьева-Десятовская в своей статье «Памятники письмом кхароштхи и брахми из советской Средней Азии» (История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 54).

[60] *Вертоградова В.В.* Об одной индийской надписи на сосуде из Каратепе. — Кара-тепе III, с. 70—81.

[61] *Ставиский Б.Я.* Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. — Каратепе III, с. 56—57.

робьева-Десятовская, исходившая из того, что «в индийских традиционных надписях на сосудах имя собственное может быть только именем донатора»[62].

Что же дало изучение эпиграфических находок Кара-тепе в 1978—1989 гг. для дальнейшего исследования намеченных еще в 1961—1977 гг. вопросов, связанных с буддийской общиной Кара-тепе, Термеза и в известной степени Бактрии-Тохаристана? Как показали новые находки керамических сосудов, на Кара-тепе использовались отнюдь не только традиционные вотивные тексты. В.В. Вертоградова и В.А. Лившиц, публикуя сосуд с кхароштхи-брахми-бактрийскими надписями (см. статью в этом сборнике), неопровержимо доказали наличие на Кара-тепе надписей владельческих, подтверждавших принадлежность сосуда тому или иному монаху или даже, возможно, монахам. Установлено, что к этому типу относится и «надпись-поучение», первоначально понятая не совсем верно (уточнение сделано В.В. Вертоградовой после замечаний О. фон Хинюбера и нового, углубленного пересмотра каратепинских материалов). Выяснилось также, что подобные надписи известны и в Индии, хотя там они достаточно редки, а их разновидность — «надпись-сентенция», представленная на Кара-тепе, в индийских материалах вообще не отмечена. Как показал анализ сведений об имуществе монастырей, строгий запрет на распределение глиняной утвари между отдельными монахами, запечатленный в «Винаи», со временем на практике перестал соблюдаться (и, видимо, не только на Кара-тепе)[63].

Особо следует отметить, что сопоставление индийских надписей Кара-тепе и Фаяз-тепе позволило В.В. Вертоградовой предположить, что последний расцветал одновременно с Кара-тепе, но угас раньше его, хотя отдельные помещения покинутого Фаяз-тепе и могли обживаться позднее[64] (возможно, упоминание в трех фаязтепинских надписях «Покинутой Вихары» связано с жалким его состоянием в последний период истории этого памятника)[65].

Данные эпиграфики освещают, как представляется, и вопрос об индийских связях каратепинской буддийской общины. Еще в первые годы изучения Кара-тепе Т.В. Грек отмечала, что большая близость каратепинских надписей «с рядом

---

[62] *Воробьева-Десятовская М.И.* Памятники письмом кхароштхи и брахми, с. 56.

[63] *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы, с. 20—25.

[64] Там же, с. 27—28, 35.

[65] Там же, с. 38—39, примеч.

эпиграфических памятников, найденных на территории Индии, позволяет считать, что эта традиция проникла в район Старого Термеза непосредственно из Индии, а не через промежуточные инстанции»[66]. Теперь, привлекая значительно больший материал, В.В. Вертоградова находит возможным предполагать влияние на каратепинские надписи «брахми из Южной и Юго-Западной Индии», а говоря об одной надписи брахми из Фаяз-тепе, связывать ее «с выходцами из Юго-Западной Индии[67].

Таблица

Находки монет в захоронениях в комплексах А, Б, В, Г и Д

Комплекс	Сасанидо-кушанские	Местного чекана	Сасанида Пероза и эфталитского чекана
А	*в центральном помещении храма П—I* Варахрана I (14)* Варахрана II (15, 24, 30, 31, 36) Хормизда (23) Пероза (32) (а также 21, 22, 25, 27, 33, 35, 37, 38, 39)		
Б	*в помещении X—5* Ардашира (56) *в наземном помещении восточнее святилища* Варахрана I (48) (а также 46, 47) *в помещении X—4* Варахрана II (49) (а также 50)	*в помещении X—3* (58, 59?) *в южном коридоре П—II* (28, 29?)	
В	*в пещере 3* (52, 53?)	*в пещере 2* (71, 72, 73, 74?)	*в пещере 2* Пероза (77, 78) *в пещере 3* эфталитская (45)

[66] *Грек Т.В.* Индийские надписи на керамике из Кара-тепе. — Кара-тепе I, с. 80.

[67] *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы, с. 26, 28.

Таблица (окончание)

Комплекс	Сасанидо-кушанские	Местного чекана	Сасанида Пероза и эфталитского чекана
Г		*в тайнике* (60, 61) в сев. коридоре П—V (65, 66)	
Д	*в пещерной келье*** Варахрана I (1 экз.) Варахрана II (2 экз.) Хормизда II (2 экз.)		

* Нумерация монет дается по списку Е.В. Зеймаля (см. ниже его статью в этом сборнике).

** Монеты, не вошедшие в список Е.В. Зеймаля, определены А.Б. Никитиным и Е.В. Зеймалем.

Список участников Совместной экспедиции на Кара-тепе в 1978—1989 гг.

Начальник экспедиции — д.и.н. Б.Я. Ставиский (1978—1989 гг.)

Руководители отдельных раскопов:

сотрудники ГЭ — к.и.н. К.Ф. Самосюк (1982—1983 гг.), к.и.н. Т.И. Зеймаль (1984—1989 гг.);

сотрудники ГМИНВ — к.и.н. В.Л. Лапушнян (1979—1980 гг.), В.В Федоров (1981—1982 гг.), П.А. Куценков (1983 г.), И.В. Ксенофонтова и В.В. Федоров (1984 г.), канд. иск. Э.В. Ганевская (1985—1986 гг.), канд. иск. Т.К. Мкртычев (1987—1989 гг.);

сотрудник ГМИРиА — В.Н. Мазурина (1978—1989 гг.);

зав. отделом Самаркандского музея — Ю.С. Давидян (1985—1988 гг.);

сотрудник ИВ АН СССР — С.А. Узянов (1987—1988 гг.).

Сотрудники экспедиции:

из ГЭ — Е.С. Борочина (1985—1986 гг.), А.М. Вайнштейн (1984 г.), Ф.П. Казимиренко (1985—1986, 1988—1989 гг.), В.В. Кривицкий (1984 г.), М.Л. Меншикова (1984—1986 гг.), А.Б. Никитин (1988—1989 гг.), Н.В. Чиркина (1981 г.), аспирант М. Сафонов (1988 г.);

из ГМИНВ — Е.А. Куркина (1989 г.), О.В. Лысцова (1986 г.);

из ВНИИР — реставраторы Н.А. Ковалева (1981—1984, 1987—1989 гг.), А.П. Белкин (1988 г.), Г.Э. Вересоцкая (1989 г.), Т.М. Вьюгина (1980 г.), А.Д. Дорофеев (1980 г.), А.К. Елкина (1984 г.), Е.И. Желтов (1982 г.), Д.И. Ковалев (1985—1986 гг.), И.Н. Петросян (1985—1986 гг.), М.Ф. Разанов (1982 г.), О.Д. Соболева (1989 г.), к.тех.наук. С.М. Шемаханская (1987—1988 гг.), О.В. Яхонт (1984 г.); химики З.М. Желнинская (1978 г.), К.А. Мееров (1984, 1988 гг.), Л.Г. Федотова (Бузкова)

(1978—1982, 1987—1988 гг.), к.хим. наук В.Н. Ярош (1981 г.); научные сотрудники к.мат.наук А.И. Громов (1988 г.), Е.А. Данченко (Мороз) (1981 г.), В.В. Длугач (1978 г.), к.иск. В.В. Зверев (1978, 1986—1989 гг.), Ю.А. Самойлов (1982 г.); инженеры С.И. Абдулов (1979, 1980, 1982, 1984 гг.), В.А. Зайцев (1978 г.), М.Д. Каретный (1978 г.), Н.И. Шкарупин (1979—1984, 1986 гг.); фотограф Г.Е. Ковальчук (1984, 1985, 1987 гг.), лаборант Ю.Г. Черторогова (1984 г.);

из ГМИР — художник Е.Б. Абрин (1980—1984, 1987—1988 гг.), реставратор Н.В. Калинин (1984 г.), научные сотрудники Т.М. Гельфман (1981 г.), Б.В. Иванов (1978, 1980 гг.), к.и.н. В.Ю. Лещенко (1983 г.), Б.А. Хршановский (1978 г.);

из Самаркандского музея-заповедника — реставратор Л.И. Зотова (1986—1987 гг.), научные сотрудники Г.М. Майтдинова (1981—1984 гг.), О.М. Ростовцев (1988 г.), лаборанты С.А. Ногай (1988 г.), К.В. Сысоев (1986—1988 гг.), фотограф С.В. Чупахин (1986—1987 гг.);

из ИВ АН СССР — к.филол.н. В.В. Вертоградова (1978, 1980, 1985—1988 гг.) и Н.В. Самозванцева (1988 г.), Н.И. Сериков (1987 г.);

из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР — канд.иск. В.А. Мешкерис (1985 г.);

из Государственного музея этнографии народов СССР Министерства культуры РСФСР — С.И. Илюшенко, В.Р. Янборисов (1985 г.);

научные сотрудники Г.Н. Жукова (Москва) (1978—1984 гг.) и Л.К. Сергеева (Ленинград) (1982 г.),

преподаватели МГУ: к.филол.н. А.А. Вигасин (1988 г.), ЛГУ: к.и.н. Л.П. Сергеева (1982 г.), Дальневосточного госуниверситета к.и.н. А.В. Александров (1987 г.), С.В. Герасименко (1988 г.);

архитекторы Т.В. Барсенева (Москва) (1982—1984 гг.), А.Н. Брянцев (Ташкент) (1984, 1985, 1987 гг.), Л.С. Васильева (Ленинград) (1989 г.), к.архит. А.Д. Крашенинников (1987, 1989 гг.), Т.И. Крашенинникова (Москва) (1989 г.), Н.С. Нижевская (Ташкент) (1982—1984 гг.), В.М. Столова (Ленинград) (1983 г.), О.А. Туманова (Ленинград) (1978—1981 гг.), В.А. Чуркина (Ленинград) (1980—1989 гг.), В.А. Шестов и Л.А. Шестова (Москва) (1986 г.);

студенты-практиканты МГУ — археолог Е.А. Беглова (1979 г.), искусствоведы Е.Е. Бушуева (1979 г.) и М.А. Неглинская (Витренко) (1980—1982, 1984 гг.), Московского архитектурного института — Н.П. Никифорова (1987 г.), Дальневосточного госуниверситета — И.Н. Кулигина и О.М. Смелякова (1987 г.), Л.В. Гирсов, К.А. Сидельников и Э.В. Цуранова (1988 г.);

водители автомашин — Д.И. Бикташев (1983—1989 гг.) и Г.Ибрагимов (1982, 1984, 1985—1989 гг.) (Ташкент);

лаборанты и маршрутные рабочие:

из Москвы — Л.К. Алексеева (1983 г.), А.Э. Баринов (1988, 1989 г.), Е.Р. Беспалова (1979 г.), В.В. Бузков (1986—1988 гг., в 1980—1982 гг. он приезжал из Ленинграда), Е.В. Виноградов (1986 г.), Н.П. Виноградов (1985, 1987 гг.), А.А. Волков (1988, 1989 гг.), А.В. Володько (1987—1989 гг.), Г.А. Горохов (1989 г.), В.Г. Горюнов (1985—1986 гг.), И.С. Данилова (1987 г.), В.В. Ефимов (1987 г.), И.В. Каминская (1987 г.), М.Н. Калюжный (1987—1988 гг.), Т.Г. Караваева (1989 г.), А.В. Каргин и Е.В. Каргина (1985—1986 гг.), А.В. Курбатов (1984 г.), М.В. Ладыгин (1981, 1982, 1984 гг.), Т.П. Лысобык (1989 г.), А.В. Лыч-

кин (1986 г.), М.К. Макова (1980 г.), И.Н. Максимов (1982 г.), М.Г. Межибовский (1985 г.), А.В. Мягков (1983 г.), Н.О. Назаревская (1989 г.), И.В. Неглинский (1982, 1984 гг.), И.Я. Никишина (1980—1987 гг.), А.Л. Петров (1987 г.), Г.С. Пиггот (1988 г.), С.Г. Пименов (1985—1989 гг.), А.К. Полянский (1980 г.), В.Ю. Родионов (1985—1986 гг.), Г.В. Руднева (1987 г.), В.А. Савин (1978, 1983 гг.), А.А. Собченко (1987 г.), Т.Е. Сокотоева (1988 г.), В.В. Степаненко (1988 г.), А.Д. Супряков (1988 г.), М.Э. Суханова (1986 г.), Г.Ю. Терских (1984 г.), В.Ф. Фоменко (1987 г.), А.П. Фомичев (1987 г.), М.А. Фрадкин (1986 г.), В.В. Хохлов (1982, 1986, 1987 гг.), А.Г. Шейнин (1983 г.), Г.Б. Чайдак (1986 г.), А.С. Цветков (1989 г.);

из Ленинграда — Л.Р. Антипов (1984, 1986—1989 гг.), А.М. Борочин (1986—1987 гг.), Л.П. Варламов (1981—1982 гг.), В.А. Галиопа (1983 г.), Б.Е. Гринберг (1983 г.), Р.В. Данюков (1986, 1987 гг.), С.В. Дроздова (1986 г.), В.В. Зеленский (1983 г.), А.М. Кабанов (1987 г.), И.А. Каждан (1988—1989 гг.), А.С. Колесников (1981 г.), А.А. Кореньков (1985 г.), В.А. Кореньков (1984, 1988, 1989 гг.), М. Кочубеев (1988 г.). М.А. Краснер (1987 г.), Г.Я. Кузьмин (1984 г.), Б.А. Локшин (1986 г.), Ю.П. Макаренко (1984 г.), С.Е. Маневский (1985 г.), В.И. Смелянский (1982 г.), В.В. Судаков (1983 г.), С.А. Суханов (1983 г.), С.И. Файнзильберг (1986 г.), Я.З. Цейтлин (1987 г.), Ю.А. Шуйский (1983—1984 гг.), О.А. Якушкина (1988 г.);

из Ташкента — Р.Ю. Исмаилова, В.М. Тихомиров, Н.И. Фахрутдинов, И.В. Хусаинова (1982 г.);

из Самарканда — В.С. Гвиздон (1986 г.);

из Термеза — Г.А. Малютина (1982 г.);

из Калинина — О.А. Мягкова (Сидоренко) (1982, 1983 гг.);

из Калуги — Л.Ф. Котов (1979 г.);

из Новгорода — В.Г. Пряхье (1988 г.);

из Свердловска — В.С. Трубецкой (1982 г.).

Б.Я. Ставиский, В.Н. Мазурина

РАБОТЫ В КОМПЛЕКСАХ В, Г и Д[1]

В 1978—1989 гг. на северном склоне южной вершины Кара-тепе велось изучение комплексов В, Г и Д. Работы в комплексах В и Г явились продолжением исследований предыдущих лет, раскопки комплекса Д начаты в рассматриваемый нами пероид.

1. Раскопки комплекса В (1978—1984 гг.)

Изучение этого комплекса было начато в 1962 г., когда В.Г. Луконин и А.П. Кусургашева (Погожева) в ходе первичной рекогносцировки расчистили здесь заполненный песком провал, который вел в пещерное помещение (пещера П—III), и осуществлялось систематически в 1971—1977 гг. Н.С. Сычевой, В.Л. Сычевым и А.Ф. Бердниковым. В результате работ 1971—1977 гг. было установлено, что комплекс В, подобно расположенным на восточном склоне комплексам А и Б, состоял из двух частей — пещер, вырытых в песчаниковой породе холма, и большого двора, расположенного на террасе северного склона. Выявлено также, что пещерная часть комплекса В резко отличалась от пещер комплексов А (пещера П—I) и Б (пещера П—II): каждая из пещер этих комплексов представляла собой пещерный храм с центральным святилищем, окруженным со всех четырех сторон обводным коридором, с двумя выходами во двор (ср. рис. 2), тогда как пещерная часть комплекса В состояла из группы пещер с длинными коридорообразными помещениями и отдельными входами в каждую из них. В эти годы были полностью раскопаны вытянутые в ряд вдоль южного края двора шесть широких арочных ниш, пять из которых оформляли входы в пещеры, а

[1] Раздел 1 написан Б.Я. Стависким с использованием материалов Л.К. Сергеевой и И.В. Ксенофонтовой, разделы 2 и 3 — Б.Я. Стависким и В.Н. Мазуриной.

одна (пятая с востока) служила открытым во двор небольшим помещением — сводчатым айваном; южная часть двора с ведущей вверх лестницей в его юго-западном углу (в западной стене); пещеры 1, 3, 4 и частично пещера 2[2].

Раскопки пещерных и наземных помещений комплекса В продолжались в 1978—1984 гг. и в основном завершены. Этот комплекс, заметно отличающийся как от комплексов А и Б[3], так и от других изучавшихся вплоть до 1987 г. на южной вершине Кара-тепе комплексов (Г, Д и Ю), включал помимо пещер 1, 2, 3, 4 (последняя была, вероятно, П-образной в плане) пещерную келью (восточнее входа в пещеру 1) и несколько наземных сооружений и помещений (рис. 3).

Композиционной основой комплекса служил большой, прямоугольный в плане двор, вытянутый с запада на восток на 20 м. Условно двор можно разделить на три части: юго-восточную, западную и северо-восточную.

Юго-восточная часть двора на юге примыкала к входным нишам пещер 1, 2 и 3; на востоке — к входному и соседнему с ним наземным помещениям восточной ограды комплекса В; на севере окаймлялась остатками срезанной в древности (или невысокой конструктивной?) стенки, за которой располагалась северо-восточная часть двора, и южной стеной находившегося там наземного святилища; на юго-западе соединялась через ступеньку (высотой 20 см) с западной частью двора. При раскопках в юго-восточной части двора выявлено несколько слоев глиняных обмазок полов основного этапа функционирования комплекса В. Некоторые из этих обмазок прослеживались лишь на отдельных участках и могли отмечать локальные ремонты полов. На больших площадях регистрировались три последовательные поверхности. Наиболее ранняя из них отмечена на нескольких участках в разных местах этой части двора. Этот ранний пол был перекрыт толстой глиняной обмазкой второго пола, в которой расчищены вырезанные на полу изображения сосуда с круглым туловом, поддоном и горлом-раструбом, из которого торчат трезубец и две ветки, и двух свастик с концами, загнутыми против часовой стрелки, — одна на тулове сосуда, другая над ним

[2] См.: Кара-тепе V. М., 1982, с. 25—26 и 50—55 (там же указана более ранняя литература).

[3] Явные различия в устройстве комплексов А и Б, с одной стороны, и В — с другой, отмечаемые всеми исследователями, породили даже предположение, что «пещеры комплекса В некогда были женским монастырем» (?!); см.: *Альбаум Л.И.* О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе). — Кара-тепе V, с. 62—63.

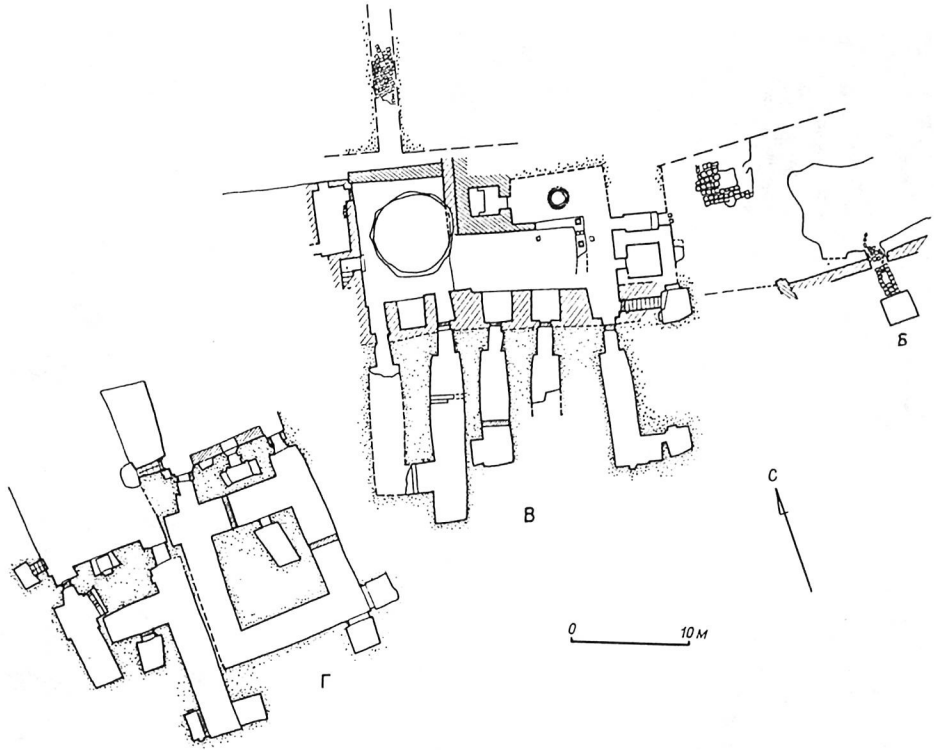


Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

(т. е. восточнее его) (рис. 4, 5). К левой (северной ветке) с плодом граната (?) было добавлено еще какое-то изображение, вырезанное грубее и менее глубоко; характер его не совсем ясен — слева, кажется, различимо изображение колосьев, правее — возможно, цветок тюльпана. Размеры первоначального и, очевидно, основного изображения сосуда с ветками и трезубцем — более 3 м в длину, с запада на восток (сосуд около 2 м, ветки более 1 м) при ширине (тулово сосуда) более 1,1 м. Контуры и детали изображения передавались врезанными линиями шириной до 1 см[4]. Изображение, таким образом, было рассчитано на то, чтобы его было видно издали, лучше всего — при спуске с лестницы в западной стене в юго-западном углу двора[5].

Второй пол лежал примерно в 10 см выше первого и был четко ограничен не только на севере, но и на востоке упомянутой ранней или конструктивной (?) стенкой, идущей сначала с запада на восток, а затем перпендикулярно — с севера на юг. Второй пол заходил на эту стенку, резко повышаясь к ней. Его поверхность над стенкой была плотной, гладкой, покрытой тонкой ганчевой обмазкой. На юге поверхность второго пола размыта на больших участках, разрушена и южная оконечность ранней или конструктивной (?) стенки, которая, вероятно, смыкалась с основанием сырцового пилона между входными нишами 1-й и 2-й пещер. Верхний пол этой части двора над стенкой (?) покоился на основе из кусков сырцовых кирпичей и был здесь на 12 см выше второго пола, а к югу постепенно понижался, сливаясь со вторым полом (примерно в 3 м от стенки). На верхнем полу над остатками стенки (?) были установлены две колонны, одна севернее другой на 1,95 м, от которых *in situ* сохранились каменные аттического типа профилированные базы (севернее с основанием 38 × 38 см, южная — 35 × 35 см). Между базами колонн расчищены лежавшие в ряд, с востока на запад, две жженые кирпичные плитки (размер 30 × 30 см). Еще одна такая же плитка найдена западнее, на верхнем полу (над изображением свастики к востоку от сосуда). Такая же плитка найдена к востоку, на участке между базами колонн и входом во двор. Видимо, это остатки вымостки «ритуальной дорожки», шедшей через двор комплекса В с востока, где находился вход в комплекс, на запад к уже упоминавшейся лестнице в западной части двора.

---

[4] Об изображении см. заметку Т.К. Мкртычева в этом сборнике.

[5] О лестнице см.: *Бердников А.Ф.* Раскопки комплекса В в 1974—1977 гг. — Кара-тепе V, с. 55.

Рис. 6

Западная часть двора представляла собой участок длиною (с севера на юг) 10 м и шириною около 7 м. На юге она примыкала к 4-й, 5-й и 6-й арочным нишам; на западе, севере и северо-востоке была ограждена сырцовыми стенами; на юго-востоке через порожек соединялась с юго-восточной частью двора. Посреди западной части двора раскопан круглый в плане водоем-хауз диаметром от 5 (по низу) до 6,5 м (по верхнему краю) (рис. 6). Вырыт он в песчаниковой породе холма Кара-тепе (на глубину 1,2 м) и обмазан толстым слоем глины; эта обмазка сохранилась лишь в нижней части водоема, четко оконтуривая его дно, верхний же край хауза размыт и прослеживался лишь по его песчаниковой основе. Использовался водоем, видимо, недолго, о чем свидетельствует отсутствие характерных для таких сооружений илистых отложений. Объем хауза позволял хранить в нем до 34 тонн воды одновременно[6]. Никаких труб, канав или водоподъемных устройств во дворе комплекса В найдено не было; таким образом, наполнение хауза могло осуществляться лишь вручную или с помощью вьючных животных; последних внутрь этого двора вряд ли вводили, так что от входа в комплекс воду все равно надо было носить на себе. В любом случае наполнение хауза требовало много труда, поскольку воду надо

[6] Предварительные данные о количестве воды в хаузе («более 40 куб.м, или 40 тыс. литров»), приводившиеся до того, как он был расчищен полностью, в АО-1979 (М., 1980, с. 458), следует считать преувеличенными.

было доставлять с берега Амударьи, протекавшей в 600—800 м от Кара-тепе, и затем вверх по холму, подошва которого лежала более чем на 10 м ниже уровня двора комплекса В.

Заполнение хауза песком, глиной и мусором после того, как он был заброшен, происходило постепенно, в течение многих веков: нижние слои его с керамикой кушанской эпохи перекрываются напластованиями песка и глинистых натеков со следами кострищ и зольников и фрагментами средневековой, в том числе поливной, глиняной посуды.

Помимо плотной поверхности глиняного пола, соответствующего, возможно, третьему (или второму) полу юго-восточной части двора, вокруг водоема выявлены участки более раннего пола (на 10 см ниже верхнего) с остатками горелых (к северо-западу и северо-востоку от хауза) и истлевших (к юго-востоку от него) деревянных столбов или колонн (диаметром менее 8—10 см), которые, вероятно, поддерживали над хаузом навес или легкую кровлю. Поскольку при рытье водоема была частично повреждена (срезана) расположенная северо-западнее его сырцовая стена, сооружение его следует относить не к самому раннему этапу функционирования комплекса В; скорее всего хауз и навес над ним существовали одновременно со вторым полом юго-восточной части двора и, возможно, с третьим его полом.

Северо-восточная часть двора включала небольшое наземное святилище и, восточнее его, остатки круглой в плане буддийской ступы (рис. 7). Под айваном святилища обнаружен конструктивный пол из кладок кирпича-сырца (размером 30—32 × 30—32 × 12 см), менее аккуратные вымостки из сырцовых кирпичей и их обломков уходят под основание ступы. Сразу же над конструктивным полом почти по всей площади северо-восточной части двора зачищена плотная глиняная поверхность пола (проследить ее не удалось лишь вдоль восточной стены и в северо-восточном углу двора). Верхний пол в этой части двора, служивший продолжением верхнего (третьего) пола его юго-восточной части, перекрывал не только нижний пол, но и основание ступы, оформленное в виде круга из рельефных изображений стилизованных лепестков лотоса.

Буддийское наземное святилище в северо-западной части двора комплекса В представляло собой постройку со стенами из кирпича-сырца (размером 29—33 × 29—33 см при толщине до 12 см). Постройка на западе была пристроена к стене, идущей с севера на юг (той самой, которую частично срезали при сооружении хауза в западной части двора); в

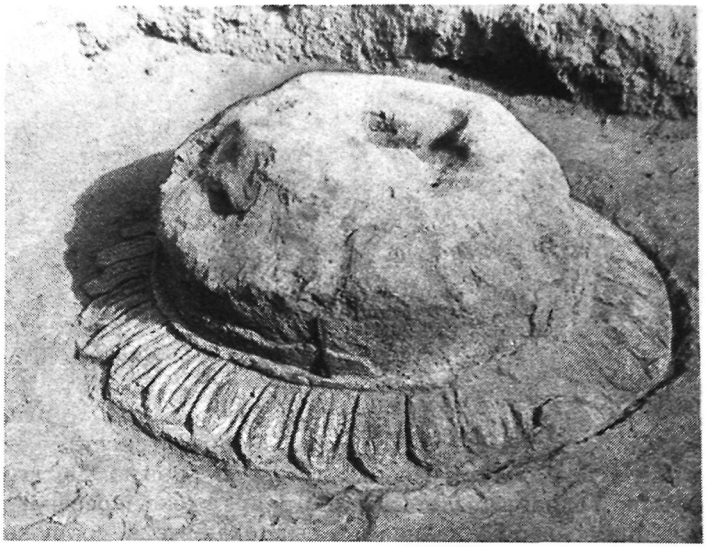


Рис. 7

месте стыка ее с западной стеной святилища зачищен участок восточной поверхности этой более ранней стены, обмазанной тонким слоем ганча. Вполне вероятно, что и на юге святилище было пристроено к конструктивной (?) стене или ее остаткам.

Вход в святилище был оформлен, вероятно, навесом или айваном, открывающимся на восток. С юга и с севера этот навес или айван ограждали сырцовые стенки (южная стена имела 76 см толщины и тянулась на 1,75 см; толщина северной стенки пока не определена, протяженность же ее намного больше, чем у южной стены и соответственно глубины навеса или айвана, так как она ограждала с севера весь северо-восточный участок двора). Расстояние между северной и южной стенками навеса или айвана — 3,5 м, площадь его, таким образом, была чуть больше 6 м^2. В западной стене находился вход в святилище. Входной проем шириною 0,9 м располагался не в центре стены, а был слегка сдвинут к северу: он отстоял от юго-западного угла навеса на 1,4 м, а от северо-западного его угла на 1,1 м. По отношению же к внутреннему помещению святилища вход размещался точно посредине его восточной стены — в 0,75 м как от юго-восточного, так и от северо-восточного угла помещения.

Помещение святилища было совсем невелико: длина каждой из стен равнялась примерно 2,4 м, так что площадь его не достигала даже 6 м^2. К тому же почти всю западную половину помещения занимала суфа, служившая постаментом крупной буддийской статуи. Стены святилища покрывали полихромные росписи. На расчищенных стенах восточной части святилища сохранность росписей плохая. Но все же удалось определить, что на южной стене и южной части восточной стены (к югу от входного проема) роспись тянулась ярусами: по низу шла красная панель, выше ряд килевидных арок с фигурами (?) в них, еще выше ряд сидящих поджав ноги фигур в розовых одеждах. На северной стене росписи носили иной характер. Здесь над красной панелью размещались, видимо, человеческие фигурки или их погрудные изображения, а выше помещалось, возможно, изображение постамента или сиденья и по сторонам от него — стоящие в полный рост фигуры. (Росписи эти частью законсервированы, частью проходят камеральную обработку в Отделе методов реставрации монументальной живописи ВНИИР, и приведенное описание в значительной мере гипотетично: вполне вероятно, что дальнейшее их исследование внесет в интерпретацию росписей существенные коррективы.)

Росписи играли, по-видимому, лишь вспомогательную роль в убранстве интерьера святилища. Ведущее место, очевидно, занимала скульптура, для которой росписи служили фоном, правда не только красочно-декоративным, но и смысловым. Главной святыней здесь была крупная статуя сидящего Будды. От этой статуи *in situ* на постаменте сохранилась часть ниже пояса — колени и скрытые под складками одежды ноги, а также подложенные под колени резные ганчевые «подушки» с растительным орнаментом. Торс и рука статуи упали (или были сброшены) вперед по направлению к входу, лицом вниз. Голова и кисти рук статуи были, вероятно, разбиты в древности, о чем свидетельствуют находки их кусков во дворе комплекса В, как в северо-восточной, так и в юго-восточной его частях; в последней — в рухнувших (или обрушенных в древности) кладках южной стены айвана и, возможно, внутреннего помещения святилища. О размерах этой статуи Будды можно судить по проведенному измерению расстояния от левого до правого ее колена: оно равнялось 1,8 м, в то время как расстояние между коленями обычного человека в такой позе — примерно 0,8 м. При зачистке остатков статуи в упавшей части торса были найдены две мелкие медные монеты, принадлежавшие чеканам сасанидо-кушанских выпусков Варахрана II и Хормизда II (определены А.Б. Ни-

Рис. 8

китиным и Е.В. Зеймалем). К сожалению, монеты лежали в трещине на внутренней стороне торса статуи, в песке, и невозможно установить, попали ли они туда вместе с рухнувшей (или сброшенной) с постамента частью статуи или обронены позднее, на заносимые песком обломки.

В завале внутри святилища, на верхнем полу во дворе и в массиве упавших (или сброшенных) во двор сырцовых кладок в 1980 и особенно в 1981 г. были найдены также фрагменты более мелких статуй или рельефов, которые размещались в святилище где-то поблизости от главной статуи. На скульптурных фрагментах видны следы раскраски и позолоты. Изготовлены статуи и рельефы были из глины и ганча[7]. Единственным исключением является часть каменного (из белого известняка) рельефа с изображением головы грифона, как бы парной к найденному на Фаяз-тепе каменному рельефному изображению (рис. 8)[8].

Завал в помещении святилища аналогичен зафиксированному в вертикальном срезе напластований входного проема: надувной песок и зольники поверх поверхностей полов, слой превратившихся в глиняный массив сырцовых кирпичей (отдельные фрагменты их хорошо различались в ходе раскопок),

[7] О технике изготовления скульптуры см. статью Н.А. Ковалевой в этом сборнике.

[8] *Альбаум Л.И.* Грифон из Фаяз-тепе. — История и археология Средней Азии. Аш., 1978, с. 60—67.

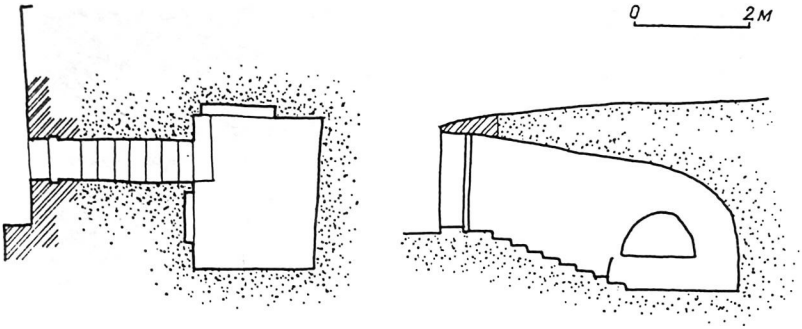


Рис. 9

а поверх этих остатков упавших верхних частей стен — слой песка, перекрытый, как и весь северный склон Кара-тепе, песком и глиной с включением гравия. Судя по характеру завала (относительно малому числу сырцовых кирпичей), перекрытие святилища было скорее всего деревянным. Найденные в завале многочисленные куски и кусочки глиняных тяг и ступенчатых карнизов с разноцветной росписью свидетельствуют, что переход от вертикальных плоскостей стен к потолку, а возможно, и края входного проема украшались лепными глиняными, пестро расписанными тягами и карнизами.

Ступа, располагавшаяся к востоку от святилища, перед входом в него, расчищена полностью (см. рис. 7). Судя по сохранившейся понизу толстой (до 2 см) глиняной штукатурке с красной раскраской, тулово ступы было выкрашено в красный цвет. Нельзя исключить вероятности того, что поверх красной раскраски ступа была еще и позолочена. Основание цилиндрического тела ступы окружали рельефные изображения 32 лепестков лотоса. Диаметр ступы равнялся примерно 1,5 м, сохранилась она на высоту до 0,75 м. В восточной части ступы, на верху ее, расчищены следы квадратного углубления (размером $33 \times 33 < 18$ см), возможно от реликвария.

Восточная ограда двора включала два наземных и одно пещерное помещение.

Пещерное помещение (рис. 9, 10), сходное по устройству и скорее всего по назначению с кельями монахов-служителей в комплексах А и Б, располагалось внутри (и ниже) восточного пилона входной ниши пещеры 1 комплекса В. Из этой ниши вниз в келью шел длинный проход по лестнице с восемью ступеньками (девятая ступень, которая могла слу-

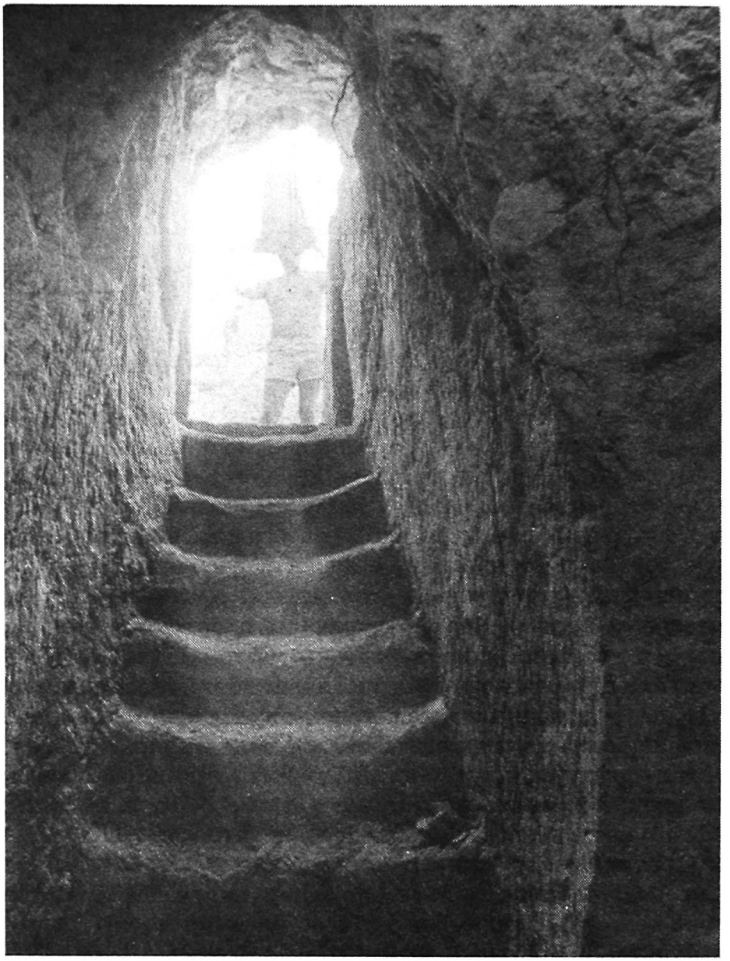


Рис. 10

жить и суфой, находилась уже в самой келье, занимая ее северо-западный угол). Ступеньки лестницы в проходе, выкопанные, как и все помещение, в песчаниковой породе холма Кара-тепе, первоначально сверху были покрыты жженными кирпичными плитками. Длина прохода с лестницей — 3,2 м, ширина его — 0,8 м, высота ступенек (без вымостки плитками) колебалась от 20 до 30 см. Собственно келья — небольшая комнатка неправильных в плане очертаний: ее восточная стена в длину достигала 2,6 м, северная — 2,1 м, южная —

2,15 м, западная — 2,7 м (включая ширину лестничного прохода). Сводчатый, видимо, потолок кельи большей частью обрушился, но высота помещения, судя по сохранившимся остаткам потолка, была не менее 2,4 м. В западной стене кельи находилась арочная нишка. Вторая ниша помещалась в северной стене кельи. Ее длина — 1,3 м, глубина — 50—55 см, высота — 95 см. На дне этой ниши расчищены три углубления округлой формы.

Вход в пещерную нишу еще в древности был замурован кладками кирпича-сырца разного размера (в том числе 36 × ? × 9,5 см; 34,5 × 31,5 × 12 см; 30 × 24 × 13,5 см) и их частями. Пустоты между отдельными сырцовыми кирпичами и кусками их заполнены глиняным раствором. Закладка первоначально закрывала, вероятно, весь вход и снаружи, со стороны входной ниши пещеры 1, была покрыта глиняной штукатуркой с красной раскраской. К моменту раскопок закладка сохранилась на высоту 70 см, а штукатурка с красной панелью лишь понизу. Верхняя часть входа, имевшего вид арочной ниши, оказалась незаложенной, а проход в пещерную келью заполнен до самого потолка завалом, состоящим из надувного песка, сырцовых кирпичей (от проломанной или обрушившейся верхней части закладки и кусков песчаника от потолка и стен). На полу в центре кельи, поверх слоя надувного песка и глинистых натеков, расчищены следы кострища с обожженной землей, угольками и золой. Такое же кострище, но меньшего размера, находилось в юго-восточном углу кельи. Над полом найдены также сброшенные, видимо, сюда многочисленные тигели с приставшим к их дну и стенкам шлаком (рис. 11), целые и фрагментированные керамические сосуды (рис. 12), в том числе с надписями на стенках, фрагменты крышек (от реликвариев?) с рельефным изображением цветка лотоса, головка терракотовой статуэтки женского божества и фигурки коня, две глиняные буллы, палец ноги гипсовой (ганчевой) статуи, куски ганча с красной краской и позолотой. В нише в северной стене лежала перевернутая вверх дном глиняная миска (рис. 13), в кострище — двуручный сосуд (рис. 14) и светильник-плошка (рис. 15). Возможно, что сброс мусора в келью производился дважды, так как вдоль восточной и отчасти северной стен была выявлена поверхность какого-то натека или позднего глиняного пола, разделявшего завал (к сожалению, в центре и других частях кельи эта поверхность не сохранилась).

С севера к восточному пилону входной ниши пещеры 1 была пристроена наземная сырцовая часть восточной ограды

Рис. 11

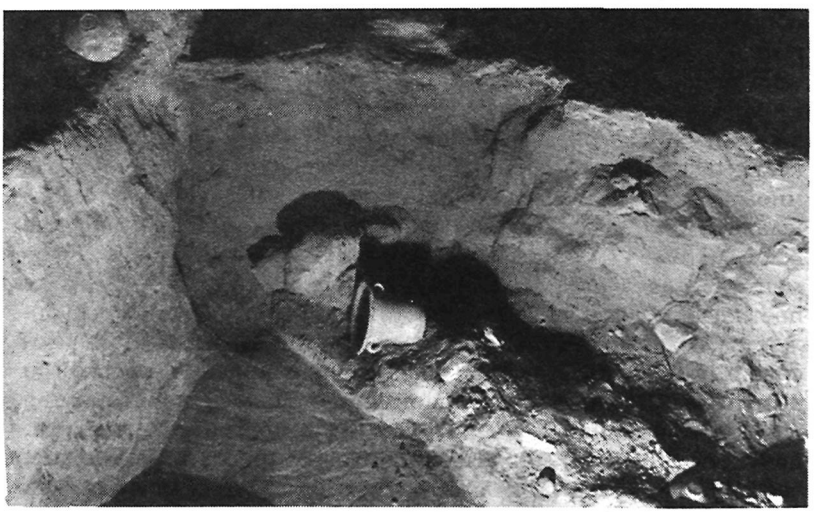


Рис. 12

Рис. 13

двора. В месте стыка пилона и южной стены этой части ограды на северной поверхности пилона прослежен участок глиняной штукатурки с ганчевой обмазкой (толщина штукатурки — около 2 см). Севернее пилона раскопана небольшая комната — «южное наземное помещение» восточной ограды двора (размеры его — около 2,5 × 2,5 м) с сырцовыми стенами толщиною в 1,2—1,3 м. Вход в это помещение находился в западной стене и достигал 90 см в ширину. У входа был порог (высотою 26 см) со следами (выше порога) дере-

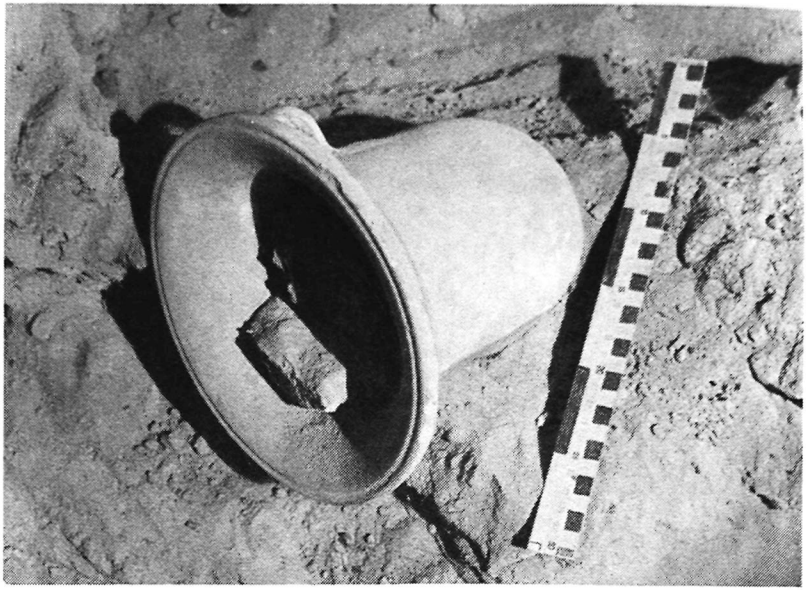


Рис. 14

Рис. 15

вянной рамы двери. На стенах прохода и внутренних стен помещения найдены следы глиняной штукатурки с ганчевой побелкой. Над четким глиняным полом помещения лежал слой песка, глинистых натеков и куски сырцовых кирпичей. Поверх слоя этого запустения были совершены захоронения, от которых до нас дошел лишь беспорядочный развал костей. Захоронений было, видимо, не менее двух (найдены остатки четырех бедренных костей и одного черепа). В этом же слое вперемежку с костными останками обнаружены медные колечки — одно целое и одно сохранившееся лишь наполовину — и железный стерженек. Вход в это помещение, очевидно после того, как его использовали для захоронений, был заложен тремя рядами сырцовых кирпичей, положенных вертикально, и двумя — горизонтально (размер сырца — 30 × 30 × 10—12 см). Выше, поверх глинистого натека, идет более небрежная закладка с включением вертикально стоявших жженых кирпичных плиток (размером 20 × 18 × 4,5 см).

Первоначальное назначение этого помещения не совсем ясно; возможно, что после того, как пещерная келья была заброшена, оно использовалось в качестве кельи монаха-служителя.

Более определенно можно говорить о расположенном севернее наземном помещении — через него шел проход во двор (и комплекс В вообще) с востока, с участка, откуда можно было попасть в расположенную на восточном склоне холма «первую группу помещений» (через северный двор комплекса Б)[9].

Это «входное помещение» комплекса В[10] оказалось прямоугольной, вытянутой с востока на запад комнатой длиною 2,65 м при ширине 1,6 м с двумя проходами длиною 1,1—1,15 м и шириною около 1,05 м. Сырцовые стены сохранились на высоту от 65 см до 1 м. Вдоль восточной стены «входного помещения» тянется приступка-ступень шириною более 40 см и высотою 12 см. Пол в восточном проходе находился на 12 см выше уровня приступки-ступени и соответственно на 24 см выше пола «входного помещения». У выхода на восток был сделан порожек из утопленной в пол кирпичной плитки.

Завал над полом этого помещения состоял из песка, глины и обломков сырцовых кирпичей. Толщина его достигала 55—65 см. Выше шел уже поверхностный слой, в котором были

---

[9] О раскопках этого участка, получившего условное обозначение «участок Б—В», см. статью С.А. Узянова в настоящем сборнике.

[10] Расчистка помещения проведена М.В. Ладыгиным.

найдены остатки черепа человека и мелкая медная скифатная монета — местный (?) чекан с тамгою в виде «якоря» (или лука). Возможно, что это следы захоронения.

В отчетный период работы велись также в пещерной части комплекса В, в пещерах 2 и 4. Как уже отмечалось, пещера 1 была не только заброшена (еще на начальном этапе истории комплекса), но и замурована, причем закладка была оштукатурена и выкрашена в красный цвет, глубинные же части пещер 3 и 4 в какой-то период были отгорожены от их входных частей, после чего использовались лишь их входные части; здесь выявлены и связанные с этими перегородками вторые полы. Более того, после периода запустения передние (входные) части пещер послужили местом захоронения покойников, останки которых, правда, были разрушены и перемешаны, и зачистить их не удалось[11].

В пещере 2, у входа в которую ранее была раскопана небрежная сырцовая закладка (характер ее тот же, что и в пещерах 3 и 4), была предпринята попытка раскопать и внутреннюю часть хотя бы близ входа; здесь провалилось (видимо, в древности или в средние века) перекрытие, и раскопочные работы сопряжены с опасностью обвалов. В итоге в этой пещере (ширина ее — 2,1 м) удалось раскопать лишь входную (северную) часть — участок длиною в 2,7 м вдоль восточной стены и до 4 м вдоль западной[12]. По всей этой части пещеры 2 поверх пола тянется слой запустения, образованный песком, натеками глины и кусками упавшего сводчатого потолка. У восточной стены пещеры этот завал достигал высоты 50—60 см, у западной — 30—40 см. Поверх завала лежит слой захоронений, перекрытый сверху массивом песчаниковой породы (от перекрытия) с линзами песка и глинистых натеков. Захоронений в пещере 2 было много, но, к сожалению, сохранились они очень плохо и в основном в перемешанном состоянии, так что даже определить первоначальную ориентировку костяков можно лишь в отдельных случаях. Один из покойников лежал в северо-восточном углу пещеры головой на север, два других — в северо-западном углу, вероятно, с той же ориентацией: здесь у северной стены сохранилась труха от черепа. В 2,7 м от северной и 0,2 м от западной стен найден еще один череп (тут же рассыпавшийся), а севернее — остатки таза и двух костяков, части которых были пе-

[11] См.: Кара-тепе III, с. 67, 89—90; Кара-тепе IV, с. 30—37; Кара-тепе V, с. 25—30; 50—55.

[12] Работы здесь вела К.Ф. Самосюк.

ремешаны. Всего на исследованном участке было, судя по остаткам черепов, не менее 7 погребений.

Захоронения сопровождались погребальным инвентарем: в слое захоронений найдены два фрагментированных бронзовых дисковидных зеркала (и остатки их матерчатых футляров), тридцать каменных и пастовых бус, шесть монет (одна — из отвала): четыре — мелкие медные скифатные, местного, вероятно, чекана с тамгой типа «якорь» или «лук», две крупные серебряные драхмы сасанидского царя Пероза, относящиеся скорее всего к последней четверти V в. н.э. В этом слое найден глиняный светильник не круглый, а слегка удлиненный в плане. В глубине пещеры 4 расчищен ее поворот на запад и перегородка из кирпича-сырца, отделившая восточную часть этой, вероятно, П-образной в плане пещеры от ее западного коридора (завален рухнувшим массивом перекрытия), лежавшего за шестой арочной нишей.

Из сказанного выше ясно, что история комплекса В была долгой и сложной, и отдельные этапы ее не всегда выявляются с должной определенностью. Схематично и сугубо предположительно известные сейчас данные позволяют охарактеризовать историю комплекса В так.

Вскоре после возведения пещер 1, 2 и 3 из-за угрозы обвала создатели комплекса вынуждены были забросить и замуровать пещеру 1. Находка на полу этой пещеры (пол здесь в отличие от других пещер только один) бронзовой монеты Канишки позволяет полагать, что сооружение комплекса В (или ранних его частей) датируется временем правления этого кушанского государя. Возможно, что пещерная келья рядом с пещерой 1 была первоначально заброшена вместе с этой пещерой. Ко времени возведения пещеры 1 относятся, видимо, имеющие общий с ее входной нишей фасад пещер 2 и 3, и, очевидно, конструктивный пол (и, возможно, конструктивная стенка) во дворе комплекса, а также круглая в плане ступа в северо-восточной части двора.

Переделки (возведение перегородок) в пещерах 2 и 3 и вторичный пол этих пещер могли объясняться тем, что при сооружении пещеры 4 (и составлявшего с нею единое целое арочного помещения в нише 5) был допущен просчет и стена между пещерами 3 и 4 оказалась слишком тонкой и начала рушиться (или грозить обвалом). Нельзя, правда, исключить вероятность того, что какое-то время пещеры 3 и 4 благополучно сосуществовали. Возможно, что переделкам в западной части двора предшествовало рытье хауза и сооружение наве-

са над ним. При рытье хауза была частично срезана ранняя стена, идущая с севера на юг восточнее хауза и западнее наземного святилища (в северо-восточной части двора); эта ранняя стена могла даже в какой-то первоначальный период отделять восточную часть комплекса (с пещерами 1, 2 и 3) от западной его части, линия фасада которой не совпадает с фасадом пилонов входов в пещеры 1, 2 и 3. Разновременностью этих двух частей двора может объясняться и перепад в высоте их (20 см).

В любом случае во время функционирования второго пола юго-восточной части двора обе части (восточная и западная) комплекса уже были объединены, а третий (снизу) пол перекрыл как второй пол юго-восточной части двора, так и основание круглой ступы, именно по этому полу пролегала ритуальная дорожка через двор, с востока мимо хауза к лестнице в юго-западном углу двора. Казалось бы, что существование этой дорожки подразумевает и функционирование водоема. В это время существовало, видимо, и наземное святилище в северо-восточной части двора, заброшенное или разрушенное. Обломки глиняных и гипсовых статуй и сырцовые кладки верха южной стены святилища найдены при раскопках юго-восточной и северо-восточной частей двора поверх завала над третьим полом. Думается, что к этому же времени относится и начало (?) использования пещерных и наземных помещений комплекса В для захоронений. Возможно, что они совершались с натечной поверхности, остатки которой удалось проследить на отдельных участках двора и во «входном помещении» в 50—60 см выше их основных полов. Период запустения (или разрушения) основных сооружений комплекса В следует, вероятно, относить ко времени, предшествующему обращению в Термезе монет местного (?) хионитского (?) чекана (конец IV—V в. н.э.). Захоронения же здесь надо датировать от конца IV до конца V в. (в отличие от захоронений с кушано-сасанидскими монетами в помещениях других комплексов). Работы последних лет явно показывают, что захоронения в покинутых помещениях Кара-тепе производились не единовременно, как это представлялось ранее, а на протяжении длительного периода (не менее чем 100 лет). Характерно, что в отличие от захоронений в целле пещерного храма комплекса Б или пещерной келье комплекса Г, где находили только кушано-сасанидские или только местные (?) «хионитские» (?) монеты, в слое захоронений в пещере 2 комплекса В не было ни одной кушано-сасанидской монеты, а хионитские (?) монеты сопровождали драхмы сасанида Перо-

за. Подробнее об этом речь идет в других статьях, здесь же отметим лишь, что монетные находки фиксируют, видимо, три периода захоронений на Кара-тепе — в конце IV в. (с кушано-сасанидскими монетами), в конце IV (?) — V в. (с кушано-сасанидскими и «хионитскими» монетами) и в конце V в. (с «хионитскими» монетами и монетами Пероза).

2. Раскопки комплекса Г

Комплекс Г располагался западнее комплекса В. Изучение его, как и лежавшего еще западнее комплекса Д, началось с их пещер. На месте западины, отмечавшей провал (или пролом) сводчатого потолка пещеры, получившей обозначение «пещера П—IV», в 1964 г. был заложен шурф, открывший доступ в эту пещеру (как теперь выяснилось, в восточное пещерное помещение комплекса Д). Восточная стена пещеры недалеко от провала оказалась просевшей; в ней через трещину просматривалось полузасыпанное пещерное помещение, обозначенное как П—V (рис. 16). Тогда уже удалось, отвалив глыбу осевшей породы, проникнуть в эту пещеру и обследовать ее южную (глубинную) часть, заполненную завалом лишь понизу, в то время как северная (входная) ее часть оказалась засыпанной доверху[13]. Новый этап изучения комплекса Г начался в 1975 г., когда работы здесь приобрели систематический характер и велись ежегодно до 1983 г. включительно.

Раскоп, заложенный над пещерой П—V, выявил, во-первых, остатки постройки, насчитывавшей, видимо, несколько помещений, одно из которых тянулось с востока на запад на 9,5 м и имело расписную штукатурку, и, во-вторых, ниже по склону, южный край двора с двумя входами в эту пещеру. В 1975—1977 гг. были раскопаны также южный айван двора и частично прилегавшие к входам участки пещеры П—V, а также большая ниша в центре южной стены айвана и небольшая каморка (тайник) за нею (рис. 17, ср. рис. 3)[14].

С 1978 г. раскопки комплекса Г вел отряд ГМИР во главе с В.Н. Мазуриной.

В свете работ 1964, 1975—1977 и последующих годов комплекс Г предстает как состоявший из пещерного храма (пе-

---

[13] *Ставиский Б.Я.* Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг. — Кара-тепе II, с. 15—17, 29.

[14] *Ставиский Б.Я.* Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг. — Кара-тепе V, с. 26—36.

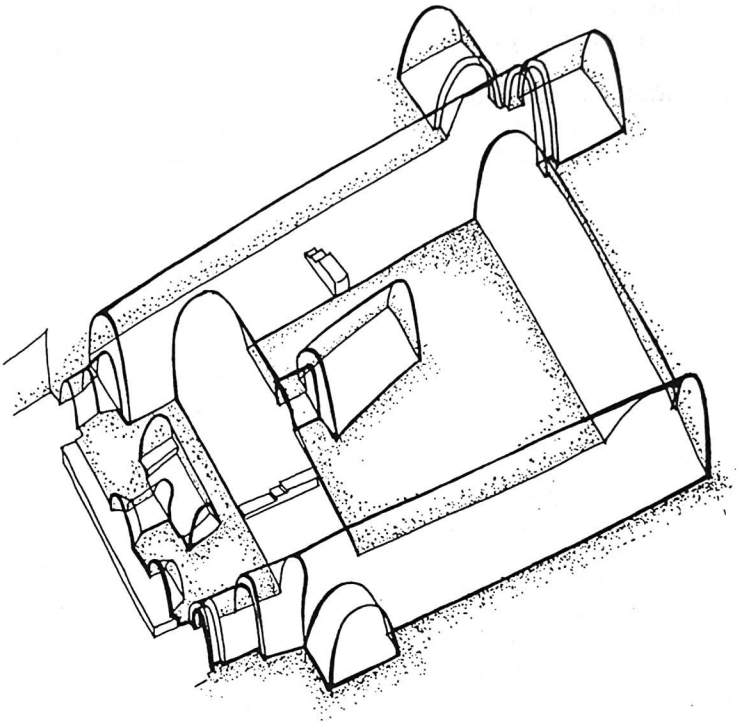


Рис. 16

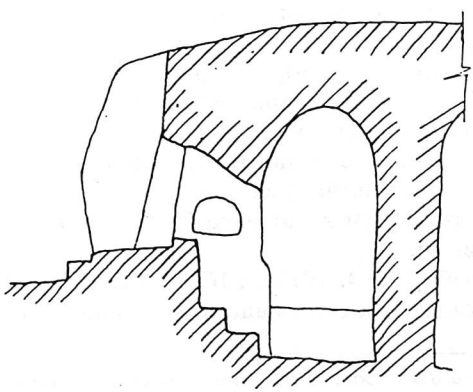


Рис. 17

щера П—V), большого двора перед ним и постройки над пещерным храмом[15].

Пещера П—V (пещерный храм)

В 1975—1977 гг. были зачищены входные проемы, ведущие из южного айвана двора комплекса Г в пещеру П—V, и примыкавшие к ним входные части пещеры; начата также расчистка северного (рис. 18), восточного и западного пещерных коридоров. При этом раскоп глубинной (южной) части пещеры с основным раскопом (двора и северной части пещеры) соединить не удалось из-за большого объема завалов и сложности работы под просевшими (а то и обрушившимися) сводчатыми потолками во входных частях пещеры. В 1978 и последующих годах пещера П—V расчищена почти полностью; не удалось раскопать лишь среднюю часть западного коридора из-за угрозы обвала не только сводчатого потолка, но и западной стены, смежной с восточным пещерным помещением комплекса Д (так называемой «пещерой П—IV»). Как мы и предполагали[16], пещера П—V комплекса Г по планировке была сходной с пещерными храмами комплексов А и Б (пещеры П—I и П—II) и служила пещерным храмом, который включал замкнутую целлу-святилище и окружавшие его со всех сторон обходные сводчатые коридоры.

Центральное пещерное помещение (святилище) представляло собой небольшое помещение, почти прямоугольное в плане, вытянутое с юго-юго-востока на северо-северо-запад на 3,5 м, при ширине около 2 м. Потолок его оформлен в виде свода высотою до 2,9 м. Вход с арочным верхом шириною 95 см находился в северной стене и был проложен из северного обводного коридора. Правее (западнее) входа находились три небольшие арочные ниши: одна из них в северной, остальные — в западной стенах святилища. Ниша в северной стене помещения возвышалась над полом на 1,1 м, северная ниша в западной стене — на 1,05 м, южная ниша в той же стене — на 1,1 м. Высота ниши в се-

---

[15] Краткие сведения о работах в комплексе Г до 1981 г. см.: *Ставиский Б.Я., Мазурина В.Н.* Значение раскопок буддийского культового центра на Кара-тепе в проблеме изучения буддизма. — Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983, с. 131—142. См. также: *Ставиский Б.Я.* Изучение Кара-тепе — буддийского культового центра кушанского Термеза в 1978—1981 гг. —Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 2. М., 1982, с. 24—27.

[16] Кара-тепе II, с. 19; Кара-тепе V, с. 27.

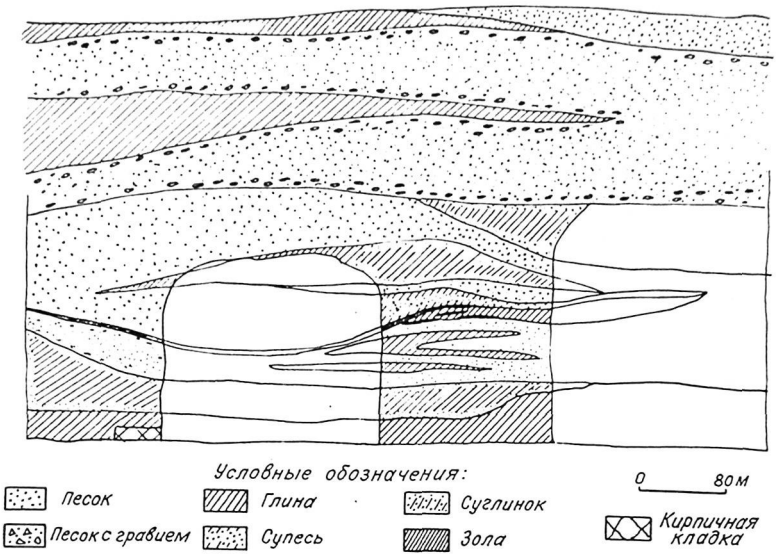


Рис. 18

верной стене — 0,45 м, ширина — 0,5 м, глубина — 0,15 м; высота северной ниши в западной стене — 0,5 м, ширина — 0,65 м, глубина — 0,45 м; высота южной ниши — 0,55 м, ширина — 0,6 м, глубина — 0,45 м. Помимо этих ниш, предназначенных, очевидно, для размещения плошек-светильников, в глубине пещерного святилища, в его восточной и западной стенах, найдены еще по паре небольших круглых нишек. Южные нишки помещались в 5 см от южной стены, северные — в 50 см от нее. Размеры их таковы: южной нишки в восточной стене — диаметр 10 см, глубина 10 см, северной — соответственно 20 и 10 см, южной нишки в западной стене — 10 и 10 см, северной — 20 и 15 см. Южная нишка в западной стене находится на высоте 1,15 м от пола, остальные — на высоте 1,2 м. Как и аналогичные нишки в пещерном святилище комплекса Б[17], они, видимо, служили для поддержания деревянных конструкций типа полки или помоста для размещения буддийских статуэток, рельефов и иных изображений, а также, вероятно, и светильников.

Помещение святилища было заполнено завалом — песком, глинистыми натеками, кусками сырцовых кирпичей и песчаниковой породы — лишь наполовину, больше во входной час-

[17] Кара-тепе I, с. 19.

ти, меньше в глубине. В завале над полом найдена часть каменной скульптуры — кусок головы со стилизованным в виде параллельных волнистых линий изображением волос, выкрашенных в черный цвет, со следами позолоты. К сожалению, утверждать, что скульптура, от которой отбит этот фрагмент, первоначально находилась в святилище, у нас нет оснований; кусок каменного изваяния мог быть принесен сюда уже после запустения (или разгрома) буддийских святынь Кара-тепе.

Пещерные обводные коридоры, окружавшие целлу-святилище пещерного храма комплекса Г, имели вид длинных, узких сводчатых помещений, переходящих одно в другое. Ширина каждого из них колеблется от 2,5 до 3,0 м, длина всех, кроме восточного, немногим превышает 12 м (длина восточного коридора достигает 14 м), высота сводчатого потолка от пола равнялась 2,5—3,0 м. Западный и восточный коридоры продолжались несколько дальше после пересечения с южным коридором, образуя близ входов в пещеру своеобразные вестибюли[18]. Помимо вестибюлей у входов и нишевидных окончаний южного и западного коридоров обводные коридоры пещерного храма комплекса Г имели еще две нишевидные камеры в юго-восточном углу (пол в них был расположен выше пола коридоров) (рис. 19); назначение этих камер неясно (возможно, в них хранился храмовой инвентарь или размещались буддийские статуи).

Вскоре после того как пещерный храм комплекса Г был сооружен (вернее, выдолблен в песчаниковой породе холма), северо-восточная его часть — вестибюль и северная часть восточного коридора и восточная часть северного коридора, — а также пещерное святилище были отделены от остальной части храма тонкими сырцовыми стенками, возведенными в восточном и северном коридорах непосредственно на полу. Плохая сохранность этих перегородок не позволяет определить, какова была их высота и были ли в них проходы. Поэтому мы можем лишь предполагать (но не утверждать), что южная и западная части пещерного храма были заброшены из-за допущенной создателями храма ошибки, в результате которой толщина стены между западным коридором храма и восточной пещерой соседнего комплекса Д (пещера П—IV) оказалась слишком тонкой и эта стена дала, вероятно, трещину или даже просела, так что западный обводной коридор храма комплекса Г вышел из строя, сделав невозможным ис-

[18] Вестибюли и входы в пещеру раскапывались в 1975—1977 гг., см.: Кара-тепе V, с. 33—35.

Рис. 19

пользование храмовых коридоров для ритуала обхода вокруг святилища. Как бы то ни было, перегородки в восточном и северном коридорах были возведены вскоре (или даже сразу) после сооружения пещерного храма в комплексе Г, а вместе с тем заметно изменилось убранство северо-восточной части храма: стены северной половины восточного коридора, включая вестибюль у восточного входа, а также южная и северная стены северного коридора к востоку от входа в святилище (равно как и северная поверхность перегородки в восточном коридоре) поверх глиняной штукатурки с белой ганчевой побелкой (эта штукатурка сохранилась в первоначальном виде в южной части восточного и, хуже, в южном коридоре) были покрыты новой штукатуркой с росписью красной краской по белому фону — сплошная красная панель понизу (высота ее от пола доходила до 1,2 м) и широкая полоса сюжетных изображений над панелью красными линиями и штрихами.

Следы этих росписей сохранились по всей северо-восточной части пещерного храма. На западной стене восточного вестибюля поверх их остатков выявлены части надписей-граффити — индийской (глубокой и четкой) и кушанской,

Рис. 20

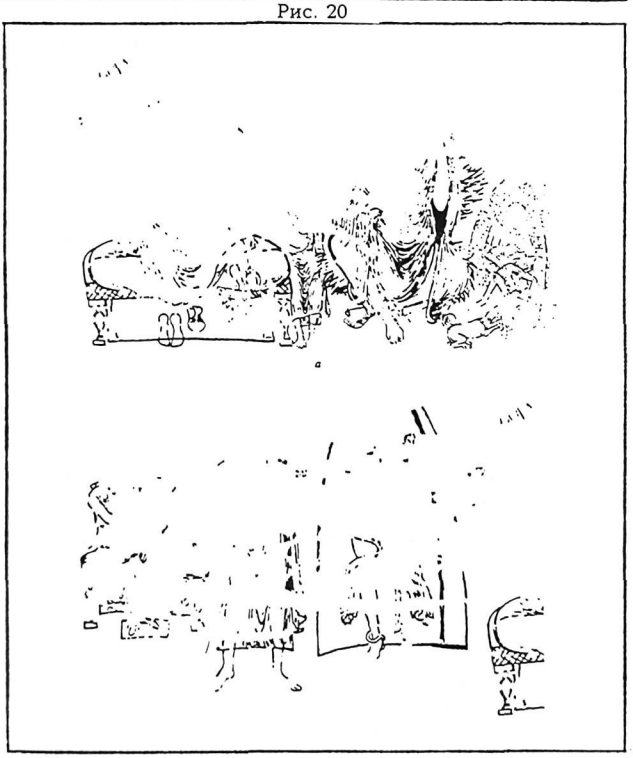


Рис. 21

мелкой, плохо различимой[19]. Лучше сохранились росписи на восточном краю южной стены северного коридора (восточнее входа в святилище) и на северной части западной стены восточного коридора (севернее перегородки в этом коридоре). Восточнее входа в святилище было расчищено изображение сидящего в позе размышления (дхьянамудра) Будды, окруженного двумя поясами стилизованных языков пламени (рис. 20). Это мастерски выполненное изображение, где объем умело передан не цветом, а одними лишь линиями, представляет собой не только замечательное художественное произведение, но и выдающийся памятник культурного синкретизма — создания нового иконографического типа Будды, вобравшего в себя местные маздеистские (или митраистские) черты. До обнаружения этого изображения на Кара-тепе образ Будды, окруженного языками пламени, был известен по находкам V—VI вв. в Китае и трактовался как возникший под воздействием древнекитайских традиций[20]. Новые данные объясняют его появление как результат слияния образа Будды и одного из древних среднеазиатских (древнеиранских) божеств, связанных с огнем, светом, солнцем. Показательно, что именно в «синкретическом духе» изображение на Кара-тепе было воспринято посетителем уже заброшенного (или разгромленного) пещерного храма комплекса Г, нацарапавшим рядом с этой фигурой надпись кушанским письмом с упоминанием «Будды-Мазды» (надпись эта скорее всего датируется концом IV в.)[21]. На самом краю этой стены, левее Будды, зачищена часть изображения женщины, стоящей на одной (левой) ноге. Отметим, что здесь, на стыке восточного и южного коридоров, был найден сползший, вероятно, с верха стены или перехода ее на свод фрагмент штукатурки с индийской надписью красной краской по белому фону, связанный и, следовательно, одновременный с росписью.

Полоса росписей продолжалась за углом, на западной стене восточного коридора. Здесь сохранилась нижняя часть фризообразной композиции общей длиною 3,25 м (рис. 21). В северной ее части хорошо различима крупная фигура божества (?), сидящего скрестив ноги в окружении языков пламени, с согнутой в локте и поднятой (в знак приветствия Буд-

---

[19] См.: Кара-тепе V, с. 39.

[20] *Snellgrove David L.* (General Editor). The Image of the Buddha. London—Tokyo, 1978, fig. 155, 157, 159, 161, 162, 163.

[21] Первую публикацию этого изображения см.: *Stavisky Boris.* «Buddha-Mazda» from Kara-tepe in Old Termez (Uzbekistan): A Preliminary Communication. — JIABS. 1980, vol. 3, № 2, с. 89—94.

ды?) рукой. Правее, у самого угла стены, помещена сцена, связанная с каким-то буддийским (индийским) или местным преданием: в верхней части этой сцены видно изображение арки или арочного портала с сидящей фигурой, держащей на животе округлый предмет (возможно, череп), в нижней — запрокинутую фигуру человека и двух собак, из которых одна облизывает (можно различить ее высунутый язык) левое плечо человека (изображена лишь передняя часть собаки), а вторая, с загнутым в кольцо хвостом, расположилась у его правой ноги. Левее крупной фигуры, окруженной пламенем, изображен персонаж, сидящий поджав ноги на троне или богатом сиденье с точеными ножками, перед которым на коврике стоят сосуд с носиком и обувь типа туфель; над плечом этого персонажа угадываются языки пламени, а справа — пальцы поднятой и повернутой вправо (в сторону Будды?) кисти руки. Между фигурой в обрамлении пламени и троном нарисована как бы втиснутая сюда фигурка стоящего человека, а левее трона в арочной нише стоит на одной (правой) ноге женщина, еще левее — донатор (?) в фас с расставленными в стороны ногами и поднятой (судя по остаткам росписи) левой рукой и, наконец, на левом (южном) краю композиции — трон или парадное сиденье с одним или двумя персонажами на нем и ковриком перед ним.

Храмовый двор

Двор, через который осуществлялся проход к пещерному храму комплекса Г (пещере П—V), лежал севернее этого храма[22]. В плане двор был близок к квадрату, стороны которого равнялись примерно 10 м. Вход во двор помещался в северной стене (эта стена сохранилась плохо, и место входа выявлено здесь по ведущей к нему из двора невысокой двухступенчатой лесенке). Вдоль западной стены тянулась узкая и высокая глинобитная скамья-суфа, а вдоль восточной и южной стен — портики-айваны. Айваны открывались внутрь двора, к его пониженной части. Потолки-навесы айванов поддерживали, вероятно, деревянные колонны, опиравшиеся на резные профилированные базы из белого местного известняка; две такие базы, часть третьей и отпечаток от четвертой были найдены при раскопках в южном айване.

[22] См.: Кара-тепе V, с. 28—32.

Стены южного айвана, через который осуществлялся вход в пещерный храм (и выход из него), были покрыты толстым слоем глиняной штукатурки и красной раскраской. В айване была также расположена большая ниша — между проходами в храм, напротив входа во двор. В нише скорее всего была установлена статуя Будды, сидящего на пьедестале, украшенном резным ганчем с растительным орнаментом; фрагменты таких резных рельефов были найдены в ходе раскопок. Интересно, что за спиной статуи, за задней стенкой ниши, размещалось потайное, вероятно, помещение с суфами по краям. Эта небольшая (длиною чуть больше 3 м при ширине менее 1,5 м) комнатка с лесенкой, ведущей к нише двора, могла использоваться для хранения сокровищ или священного инвентаря храма (ср. рис. 3).

Правее западного входа в храм при раскопках южного айвана была открыта странная узкая ниша, все стенки которой были покрыты штукатуркой и красной раскраской. Однако, как выяснилось, западная стенка здесь была пристроена к южной и северной и представляла собой закладку, возведенную возле лестницы, ведущей вниз — в пещерную келью монаха-служителя (подобные кельи были обнаружены в комплексах А и Б также возле одного, там северного, из входов в пещерные храмы П—I и П—II). В комплексе Г эта келья не была сооружена, вероятно, из-за недостаточной высоты склона холма: опасались, что потолок кельи обвалится, поэтому и прекратили долбить породу (рис. 22), а проход замуровали, оштукатурили и даже покрыли красной краской[23].

В сентябре 1982 г. сразу же по приезде на Кара-тепе мы обнаружили, что раскоп привлек внимание любопытных: следы их посещений были видны повсюду — то в виде «памятных» надписей, то по вывороченным кускам камня или сырцовых кладок, то по остаткам костров и мусора. К сожалению, этим «посетителям» удалось «открыть» в не докопанной нами части южного айвана двора комплекса Г нишу с частью статуи Будды (рис. 23). Как удалось выяснить, летом неизвестные отвалили отошедшую от песчаниковой стены более позднюю сырцовую кладку и нашли нишу, в которой находилась эта статуя. Какой она была в тот момент, можно только гадать. Сотрудники экспедиции увидели ее не менее чем через месяц—два после этого. Нам осталось лишь провести здесь дополнительные доследования, результаты которых были таковы.

---

[23] См.: Кара-тепе V, с. 32—33.

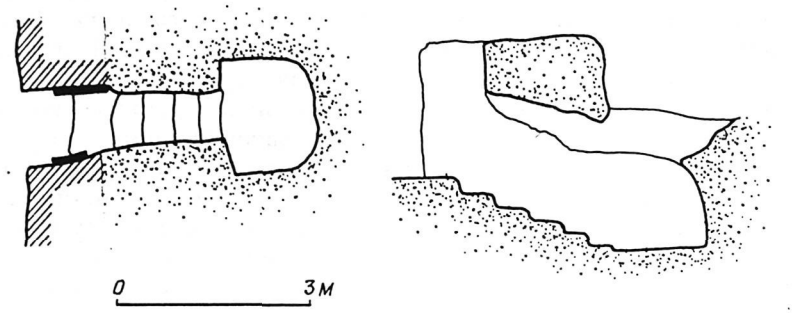


Рис. 22

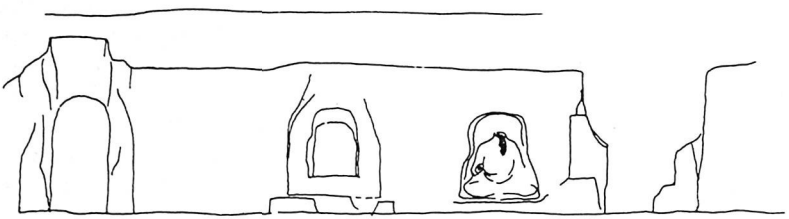


Рис. 23

Во-первых, выяснилось, что первоначальная (вертикально срезанная) поверхность песчаниковой породы Кара-тепе, образующая южную стену двора комплекса Г, была, видимо вскоре после сооружения двора, обведена как футляром стеной из кирпича-сырца (размер — 30—32 × 30—32 × 10—13 см). Ширина этой стены у ниши — около 50 см. На сырцовых кирпичах с нижней стороны нанесены знаки — три параллельные полосы, проведенные пальцами. Как на поверхности первоначальной песчаниковой стены, так и поверх вторичной (сырцовой) сохранился тонкий слой штукатурки из глины и ганча. По-видимому, строители комплекса Г сначала не учли рыхлого и недостаточно стойкого характера четвертичного песчаника, из которого сложен холм Кара-тепе, но вскоре, подметив его особенности, возвели вокруг песчаниковой поверхности «сырцовый футляр». Сначала были укреплены щеки входной арки: в арке западного входа в пещеру П—V были сооружены сырцовые уступы: восточный размером 68 × 50 см (в основании) и западный размером 68 × 30 см; затем к ним была пристроена стена, охватившая северный край южного айвана двора.

Во-вторых, была обследована ниша в первоначальной (песчаниковой) стене южного айвана храмового двора. Она была выдолблена в 37—55 см от западного края этой стены. Ее глубина — около 55 см, высота — около 1,3 см, ширина — около 1,2 см. Первоначально ниша имела скорее всего сложную форму трилистника с двумя расширениями внизу и одним вверху. В нише, как уже указывалось, располагалась статуя сидящего Будды с позолоченной и раскрашенной поверхностью. Ко времени обследования не сохранились голова, руки от предплечий вниз и левая нога статуи. Были повреждены также грудь, шея, нимб (от него сохранился лишь край, окрашенный в зеленый цвет) и внешняя декоративная обмазка (облицовка) груди, живота, левого плеча и правой ноги. Внутри статуя оказалась полой со следами камышовой обмотки каркаса, палок и палочек в руках. Поверх этого каркаса была вылеплена глиняная фигура, на ней видны отпечатки от ткани, которую, в свою очередь, покрывал ганч для окончательной моделировки фигуры Будды. Эта ганчевая облицовка была окрашена в красный цвет, по которому разместились выполненные позолотой сетка и шестилепестковые розетки (на накидке) и шахматный узор (на штанах) (рис. 24).

Стенки и потолок ниши были расписаны. На потолке сохранилась часть красного фона с белыми перлами, то образующими круг (из пяти перлов), то разбросанными отдельно. На переходе от потолка к стене ниши тянулась черная полоса с белой каемкой и растительными мотивами — пятилепестковый белый цветок и красно-бело-розовый побег (?). На стенках прямо по глиняной штукатурке (без ганчевой обмазки) нарисованы мелкие белые пятилепестковые розетки и крупные красно-белые цветки лотоса. Росписи заходили и за спину статуи на лицевую стенку ниши. Но здесь прослеживался еще след от темного (может быть, разложившегося темно-синего) пятна за головой Будды — его нимба (?).

И наконец, в-третьих, после снятия статуи для ее консервации и перевозки во ВНИИР, где намечалось провести работы по ее окончательной подготовке к экспозиции, выяснилось, как была устроена ниша и как закреплялась в ней статуя. Фигура как бы сидела на специально оставленной в нише ступеньке песчаниковой породы — платформе (высотою до 30 см и шириною более 25 см), так что ноги спускались ниже этой ступеньки. Внутри статую заполнял лёсс, в спине в лёссе находились два куска жженых (кирпичных) плиток (размером $< 21 \times 15 \times 5$ см), в седалище — еще два таких куска и

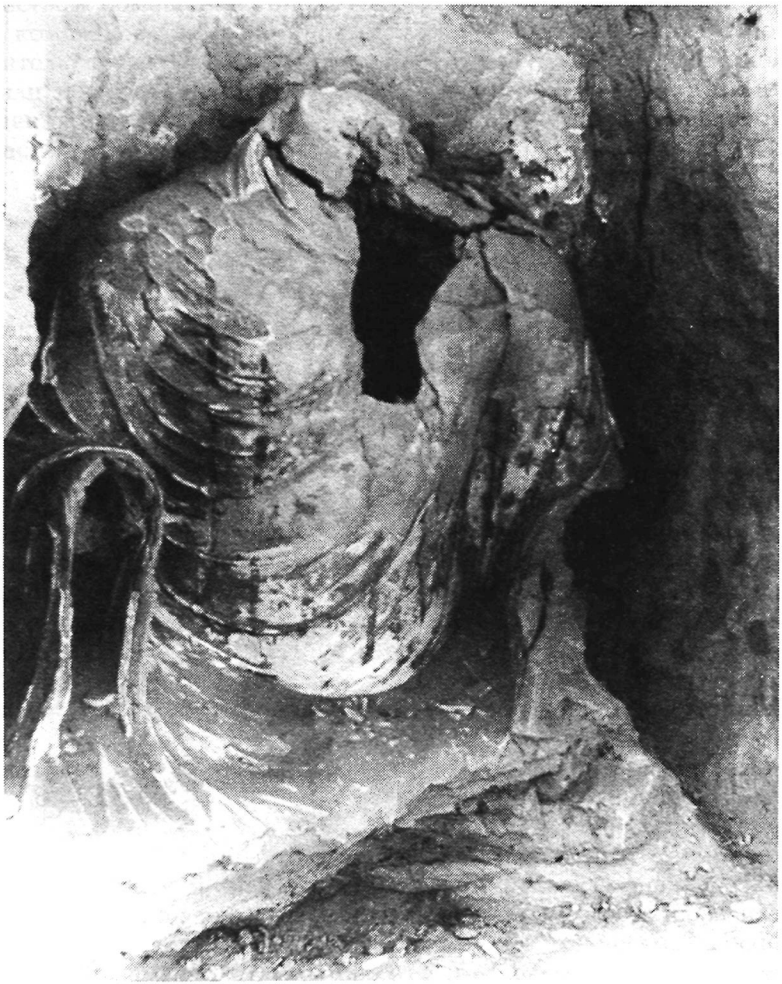


Рис. 24

обломки сырца. В спине найдены и два невыразительных фрагмента большого глиняного сосуда. За спиной статуи и под нею находились толстые глиняные «подушки», в которых сохранились полости от гнезд для деревянных круглых опор, поддерживающих статую в вертикальном положении — трех (диаметр — около 15 см) вертикальных, внизу ниши, и трех более мелких (диаметром около 10 см), горизонтальных, на лицевой стенке (рис. 25).

Рис. 25

Остатки здания над пещерным храмом

Следы постройки над пещерным храмом комплекса Г были раскопаны в 1975 г., и сведения о ней уже опубликованы[24]. Напомним, что здание, располагавшееся над пещерой П—V, в длину (с запада на восток) тянулось не менее чем на 9,5 м, а с юга на север — на 7,8—8,0 м. Эта постройка напоминала, вероятно, здание над пещерным храмом П—II комплекса Б, хотя, видимо, несколько уступала ему размерами и коли-

[24] Кара-тепе V, с. 35—36.

чеством помещений. Вполне возможно, что, подобно зданию в комплексе Б, эта постройка служила жильем монаха относительно высокого ранга, а то и местом для сбора учеников (или послушников) этого монаха. В любом случае эти помещения (их было не менее трех) не были функциональной частью лежавшего под ними пещерного храма.

3. Раскопки комплекса Д

Этот комплекс размещается к западу от комплекса Г, и, как уже отмечалось, раскопки его начались еще в 1964 г., когда здесь была выявлена западина на месте провала внутрь пещерного помещения, получившего обозначение П—IV[25]. В 1981 г. на месте предполагаемого юго-восточного угла двора этого комплекса, за западной стеной двора комплекса Г, был заложен небольшой (6 × 6 м) раскоп, который в силу не зависящих от нас причин вскоре был законсервирован: в полевой сезон 1981 г. его удалось углубить лишь на 0,5 м, удалив на всей его площади дерн и верх песчано-глинистого слоя завала. Систематические работы в комплексе Д начаты в 1982 г. и с тех пор регулярно ведутся отрядом ГМИР во главе с В.Н. Мазуриной. В результате раскопок 1982—1989 гг. исследование комплекса Д в основном завершено. Этот комплекс, как и все комплексы, которые изучаются нашей экспедицией на южной вершине Кара-тепе, состоит из двора, размещавшегося на специально обработанном северо-западном склоне южной вершины, и высеченных в песчаниковой породе пещер — длинной восточной с северным коротким коридором и замкнутой целлой-святилищем; западной с широким «вестибюлем» и, наконец, маленькой кельей монаха-служителя к северо-западу от западной пещеры. Устройство и планировка пещерной части комплекса (рис. 26) весьма своеобразны и заметно отличаются от всех остальных пещер комплексов южной вершины Кара-тепе.

Восточная пещера

Длинное сводчатое коридорообразное помещение этой пещеры с выходом во двор (вернее, видимо, в южный айван двора) в северной стене тянулось в глубь холма на 14,4 м

[25] Кара-тепе II, с. 8, 15—16.

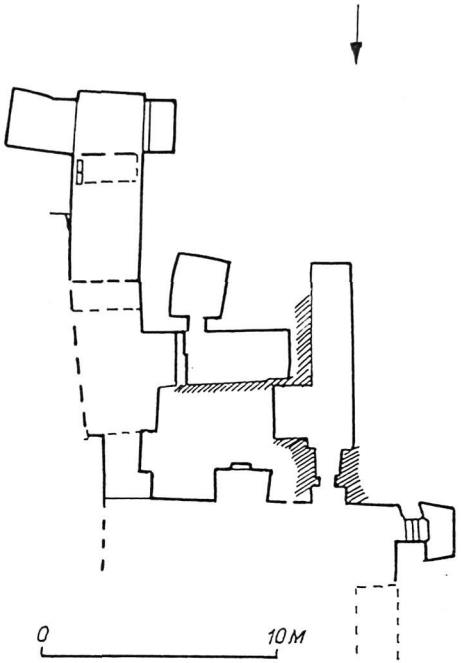


Рис. 26

(рис. 27). Ширина его у северной стены — 2,8 м, по южной стене — до 3,0 м. Максимальная высота сводчатого потолка от пола — 2,7—3,0 м. Возле южного края помещения, по обе стороны от него расположены две большие ниши со сводчатым потолком и невысоким порожком, отделяющим каждую из них от основного коридора. Восточная ниша чуть больше западной, ее площадь — около 5 × 3 м, площадь западной — 3,0 × 1,2 м. В 1,9—2,0 м от СЗ угла длинного восточного помещения к западу от него ответвляется северный сводчатый коридор (рис. 28) длиною 5,5 м и шириною более 2,4 м, в южной стене которого находился вход в замкнутую комнату-целлу того же типа, что и святилища в пещерных храмах комплексов Б (П—II) и Г(П—V), но в отличие от них не имевшую обвода из четырех коридоров. Неправильная в плане — ее стены в длину достигали 2 (южная и северная), 2,5 (западная) и 3 (восточная) метров, — целла в южной стене сохранила два, а на восточной и западной по одному небольшому круглому углублению (рис. 29) от каких-то деревянных

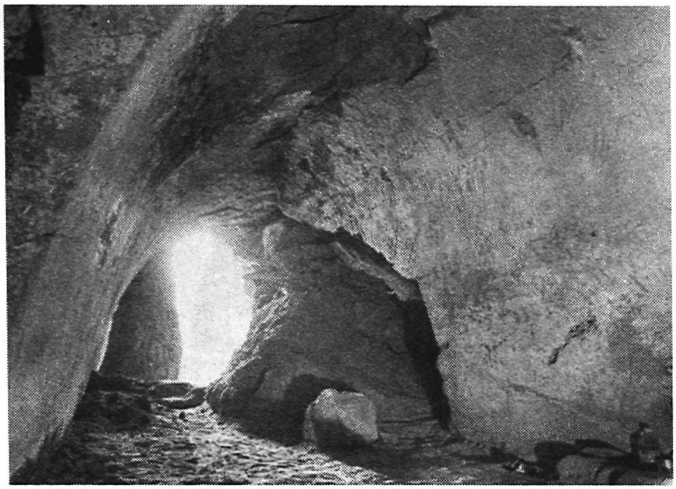


Рис. 27

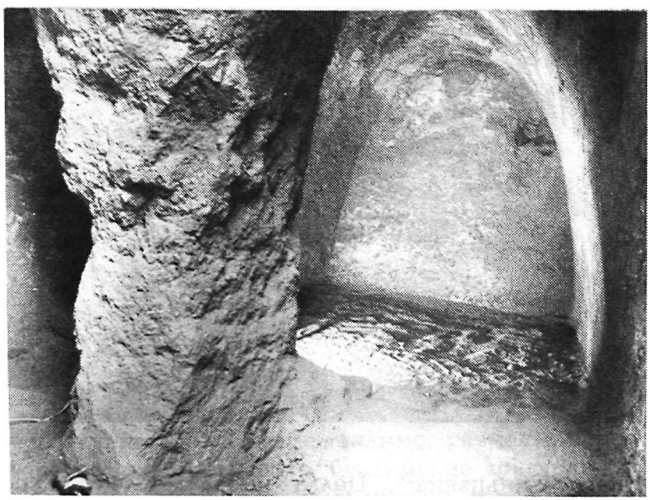


Рис. 28

конструкций (скорее всего для размещения на них буддийских рельефов, фигурок и светильников), аналогичных открытым в пещерных храмах П—II в комплексе Б и П—V в комплексе Г и, как отмечалось уже в первые годы работ Совместной экспедиции на Кара-тепе, в буддийских святынях

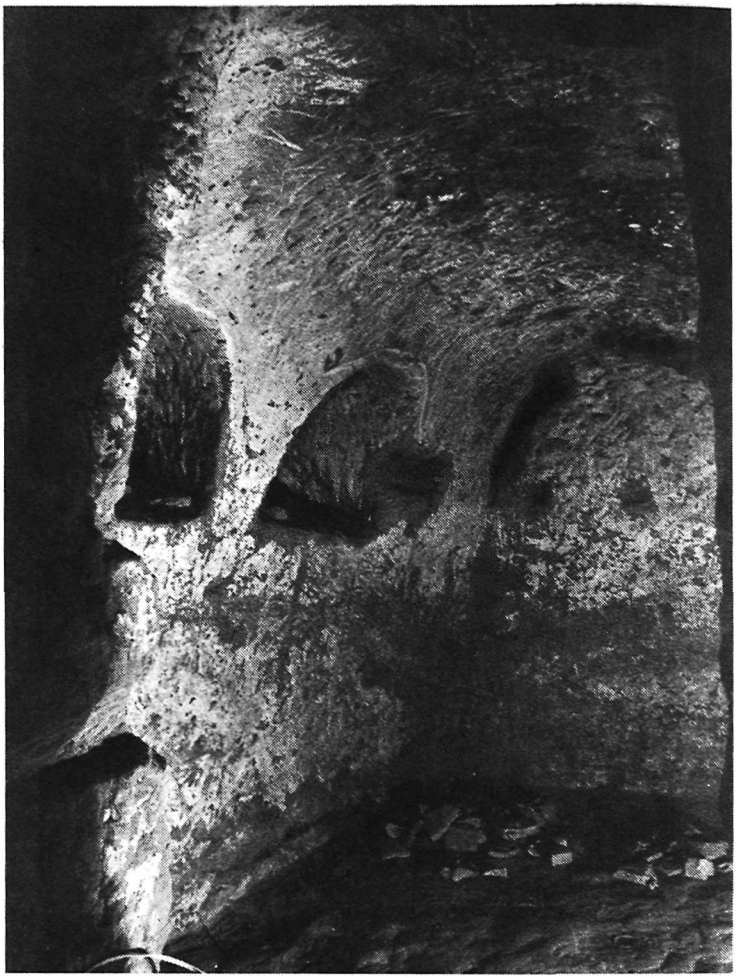


Рис. 29

нынешнего Синьцзяна[26]. Целла имела сводчатый потолок, высота свода — 2,5—2,8 м. Арочный вход располагался примерно посредине северной стены целлы и выводил в северное коридорообразное помещение, в 3,5 м от ЮЗ угла последнего. Ширина прохода — около 0,8 м, высота — около 1,5 м.

На стенах всех помещений восточной пещерной части комплекса Д сохранились остатки ганчевой штукатурки, на-

[26] Кара-тепе I, с. 19.

несенной поверх тонкой глиняной затирки песчаниковой породы стен. Сводчатые потолки и верхние части стен в момент их вскрытия были покрыты толстым слоем грязи и копоти. Однако, когда в 1984 г. во время съемок ташкентскими кинематографистами документального фильма «Таинственный Кара-тепе» восточное коридорообразное помещение комплекса Д было освещено прожекторами, в верхней части его стен удалось зафиксировать остатки выполненных красным контуром изображений сидящих будд или бодисатв. Три таких изображения отмечены на восточной стене. Самое южное из них почти не сохранилось. Второе изображение просматривается в 1,4 м от юго-восточной ниши, в 1,6 м над полом (расстояние между коленями — 0,75 м, расстояние от левого колена до плеча — 0,35 м). Третье расположено в 1,7 м над полом, в 0,7 м от правого плеча второго изображения. Поскольку севернее этого изображения начинается разрушенный участок восточной стены пещеры комплекса Д, смежной с западным и отчасти южным обводными коридорами пещерного храма П—V комплекса Г, можно лишь гадать, существовали ли первоначально и в северной части восточной стены длинного пещерного коридора комплекса Д изображения сидящих в ряд буддийских персонажей. Такое предположение представляется вполне вероятным, но настаивать на нем, конечно, нельзя. Следы изображений подобного типа выявлены также в юго-западной части этого пещерного коридора. Одна из фигур помещалась на северной стене юго-западной ниши; ее колено видно в 0,5 м от северо-западного угла ниши, в 1,5 м выше пола, расстояние между коленями — около 70 см. Второе изображение находилось на западной стене коридора, в 1,2 м севернее юго-западной ниши на высоте 1,6 м от пола, расстояние от правого колена до левого — около 75 см. Севернее еле различимы контуры еще одного сидящего персонажа.

Назначение восточной пещерной части комплекса Д скорее всего культовое. В целле, видимо, размещались на высоком деревянном постаменте буддийские фигурки и, может быть, рельефы, здесь же (и в нишах) горели светильники; длинный восточный коридор украшали «священные» росписи; ниши в южном его конце могли служить для размещения крупных буддийских статуй, рельефов, макетов ступ (или для хранения этих и подобных им реликвий); нельзя исключить вероятности использования этих ниш, во всяком случае юго-восточной, где не обнаружено росписей, и для хранения иных даров, сокровищ или даже воды.

На полу восточной пещерной части комплекса Д выявлены сырцовые кладки стен-перегородок: двух — в восточном коридоре к югу и к северу от пролома в западной стене, смежной с пещерным храмом комплекса Г, и одной — в северном коридорчике, возле входа в целлу (от двух первых сохранились лишь остатки первого нижнего ряда сырцовых кирпичей, от последней — кладки на высоту до 3—4 рядов).

При вскрытии восточного коридора в 1964 г. его входная (северная) часть была полностью скрыта заполнением, в то время как к югу уровень заполнения покато понижался, так что в южном конце коридора можно было стоять в полный рост[27]. Заполнение входной части, как показали раскопки 1982 г. и последующих лет, состояло вверху из песка, земли с галькой и кусков упавшего песчаника (от сводчатого потолка), а ниже — из песчаного массива. В песке встречалась керамика как с ангобом и полосчатым лощением, так и средневековая (в том числе поливная).

Западная пещера

Это помещение (иначе — «западный пещерный коридор») комплекса Д представляло собой сводчатое помещение, вытянутое с юга на север на 4,5 м при ширине в 2 м. На севере оно расширяется, образуя своеобразный вестибюль размером примерно 3 м (с юга на север) и 4 м (с запада на восток). В восточной, выступающей части вестибюля расчищена сырцовая стенка высотой до 25 см, возможно от расположенной здесь суфы, часть которой, прилегающая к восточной стене вестибюля, первоначально была заполнена кусками сырцовых кирпичей, рыхлым грунтом, песком, а то и битой керамикой и обмазана сверху слоем глины. В северной стене вестибюля, в 1,2 м от северо-восточного и 0,9 м от северо-западного его углов, располагался выход во двор с двумя ступеньками — нижней (южной) шириною 34 см и верхней шириною 74 см. К северу от верхней ступеньки, у выхода, был еще порог с вмазанными в него обожженной плиткой-кирпичом (размером 18 × 4 см) и еще одним куском от нее или другой подобной плитки. В проходе четко прослеживается горизонтальный и в западном его срезе вертикальный паз от двери (диаметром 5—6 см). Снаружи от паза — следы красной кра-

[27] Кара-тепе II, с. 16.

ски, внутри — белая раскраска штукатурки. Следы красной краски видны и на западной стене пещеры около юго-западного ее угла, на южной стене сохранились остатки линейной росписи красной краской, а ниже — нанесенной той же красной краской длинной однострочной индийской надписи. На потолке — следы прочерченной индийской надписи, которую в древности кто-то зачеркнул.

Во входном проходе прослежены две поверхности глиняных полов, одна ниже второй на 3 см, каждая толщиной 1,0—1,5 см.

Восточнее сырцовой стенки в нишевидном «кармане» вестибюля выявлены следы захоронения, а затем слой с костями от нескольких погребений обнаружен и к западу от входа. В этом слое найдены фрагменты плоского круглого (латунного) зеркала. По-видимому, эти, как и другие, пещерные и наземные помещения Кара-тепе после запустения использовались для захоронений, а затем входы в них замуровывали. В «западной пещере» комплекса Д захоронения были еще отделены и от южной ее части, где находились, очевидно, «священные» изображения и надпись (или надписи); на полу здесь выявлены остатки поперечной стенки, сложенной из кирпича-сырца размером 33—34 × 33—34 × 10—12 см (сохранилась на высоту 35 см).

Заполнение западной пещеры состояло из песчаного массива с включением гальки, глины и, возле сырцовых стен и закладки входа, кусков сырцовых кирпичей. В верхней части завала попадалась и средневековая, в том числе и поливная, керамика, свидетельствующая, что через пролом в верхней части закладки входа в эту пещеру проникали посетители. О том же свидетельствуют и надписи-граффити на стенах, в частности арабские.

Уровень пола в западной пещере был на 10 см выше, чем в восточной. В стене, разделявшей эти пещерные помещения, были отверстия, возможно, более позднего происхождения: в южной стене «вестибюля», в 65 см над полом, в 55 см от ее восточного и 42 см от западного краев, — овальной формы, шириной до 35 см и высотой до 42 см; в юго-восточном углу «вестибюля», в восточной стене, в 1,35 м над полом, — также овальной формы, шириной 62 и высотой 59 см. В западной стене помещения на высоте 1,55 м над полом располагалась треугольная ниша 24 см высотой и 20 см в основании.

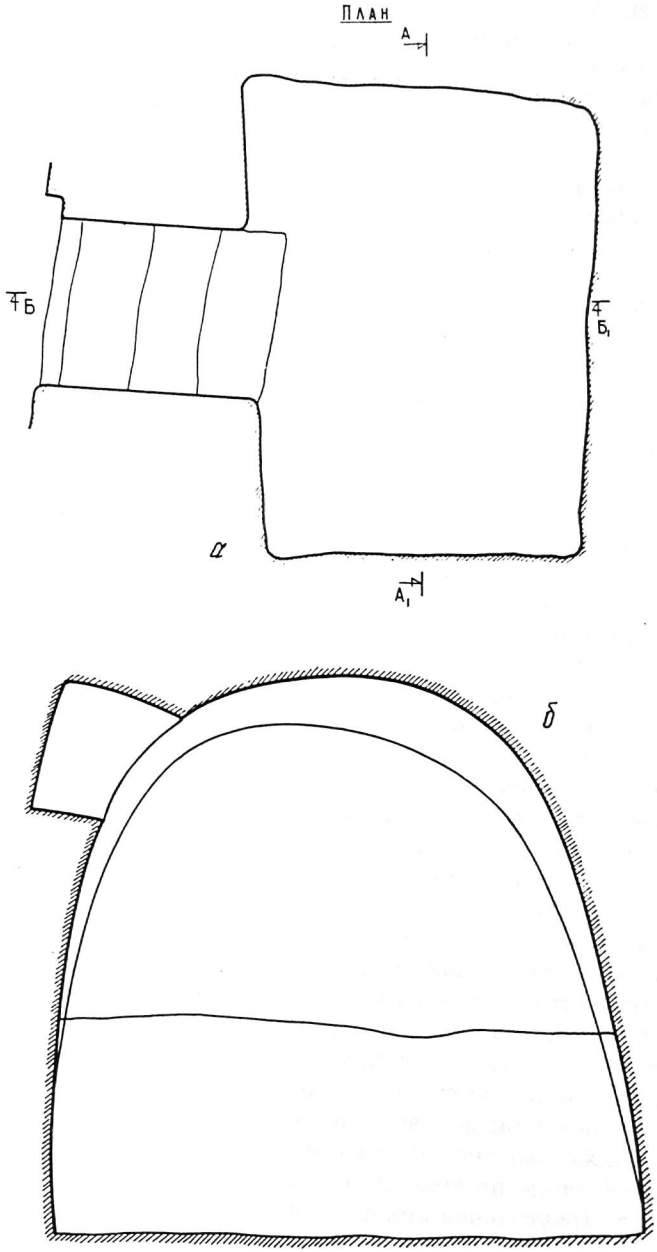
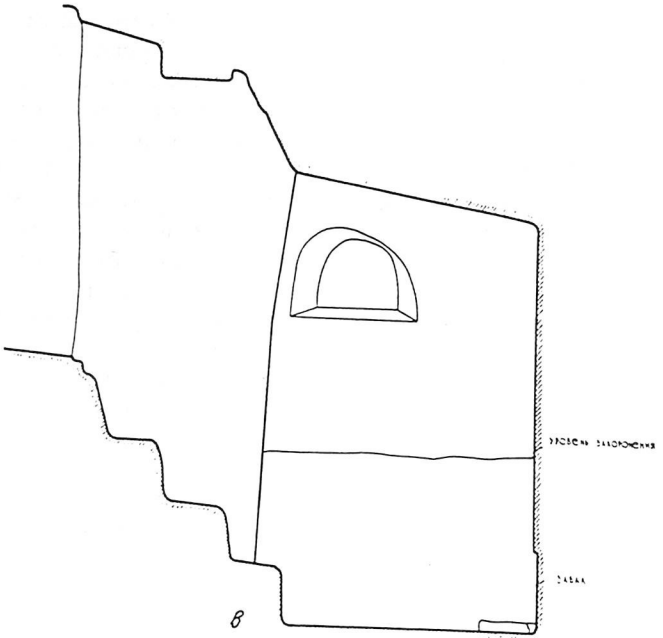


Рис. 30



Пещерная келья

Это маленькое изолированное помещение (рис. 30а, б, в) раскопано в западной стене двора. Здесь, в 0,7 м от юго-западного угла двора (к северо-западу от входа в западную пещеру), выявлен арочный проход, ведущий, как оказалось, в пещерную келью монаха-служителя, сходную с подобными помещениями в комплексах А, Б и Г (последняя не была достроена). Входной проем кельи достигал в ширину всего 0,75 м при высоте менее 1,8 м. Сразу же за входом начиналась ведущая вниз лестница из трех ступенек и небольшой приступки вверху, высеченных в песчанике, как и вся келья. Площадь кельи по полу — примерно 2,0 × 1,3 м, высота от уровня пола до вершины сводчатого потолка (с осью З—В) — менее 2,5 м. Вход помещался в восточной стене кельи, в южной стене, на высоте 1,4 м от пола находилась ниша глубиной 35 см, высотой 45 см и шириной 65 см. Пол и нижняя часть стен местами сохранили следы ганчевой обмазки.

Пол кельи был покрыт толстым (до 0,45 м) слоем завала, скорее всего сброшенного сюда мусора: кусков глины, обломков кирпича-сырца, жженых кирпичных плиток (возможно, от вымосток ступенек лестницы), кусков глиняной штукатурки с росписью — красные шести- и пятилепестковые розетки по белому фону — с небольшим числом фрагментов керамических сосудов. Над этим слоем до уровня 0,8 м выше пола лежал слой чистого песка, а поверх него было совершено захоронение, после которого вход в келью был замурован, причем столь основательно, что все пространство внутри кельи выше захоронения было в момент вскрытия пустым — ни песок, ни вода сюда не попадали. Замуровка была произведена кладками сырца, обложенными сверху и сбоку (частично) кусками белого известняка. Замуровка входа, как и во всех подобных случаях на Кара-тепе, не была заштукатурена и четко различалась на фоне стены со двора.

Захоронение (рис. 31) сохранилось относительно хорошо. По определению С.И. Мустафакулова, погребенная — женщина примерно 50 лет. Тело лежало на спине, головой на юг, лицом вверх, положив руки на талию и слегка отставив в сторону правую ногу. Под головой ее прослеживалось (в остатках) подобие подушки, ниже таза и бедренных костей какие-то органические остатки (возможно, от одежды). Среди косточек левой руки найдены 2 небольших тоненьких серебряных колечка и три мелкие медные монеты, а среди костей правой — часть железного кольца и еще одна монетка. Поблизости в песке найдена пятая монета сходного типа. По определению А.Б. Никитина, подтвержденному Е.В. Зеймалем, все пять монет, сопровождавшие захоронение, относятся к кушано-сасанидскому чекану Варахрана I (1 экз.), Варахрана II (2 экз.) и Хормизда II (2 экз.). Восточнее (левее) тела, у плеча, стоял двуручный сосуд, закрытый сверху чашей с профилированным туловом и маленьким поддоном (рис. 32а, б). Ниже уровня ног покойной, близ северной стены кельи, стоял второй двуручный сосуд (рис. 32в), однотипный с первым. В нишке в южной стене помещалась еще тарелочка (рис. 32г). Все сосуды изготовлены из желтой глины и покрыты красным ангобом.

Материалы из погребения были подвергнуты экспертизе. Согласно справке, составленной по ее результатам кандидатом биологических наук Л.Ф. Масленниковой, там были найдены такие вещества:

1. Содержимое чаши и кувшина:

а) белые кристаллы, растворимые в воде, — сахар или соль (?);

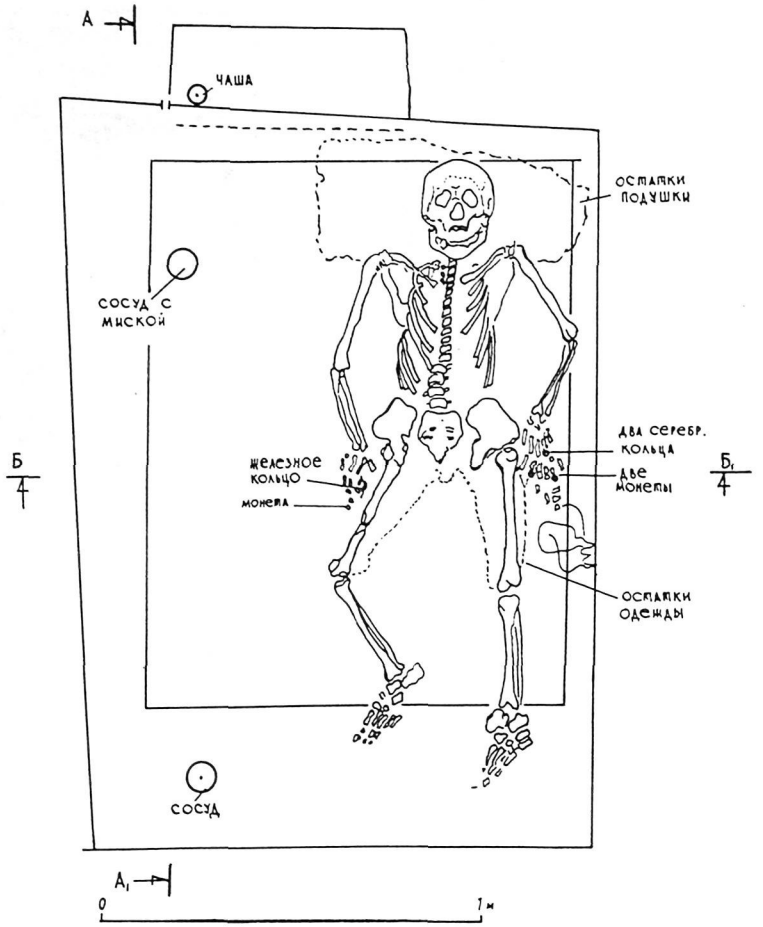


Рис. 31

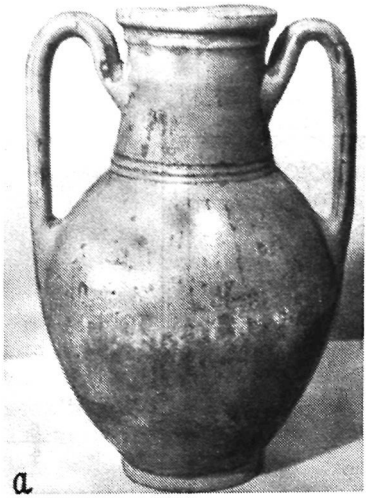
б) частицы округлой формы, похожие на выпечные изделия — сдобу, печенье и др.;

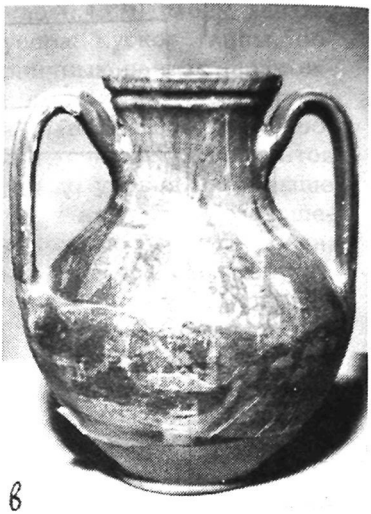
в) частицы древесины желтого цвета (лиственных или хвойных пород);

2. Образцы ткани и других предметов:

а) остатки черных, слоистых по структуре частиц, напоминающих фрагменты кожи;

б) частицы черного цвета, представляющие фрагменты растительного вещества из основы и трубчатых структур, по внешнему виду и форме похожи на лист растения;





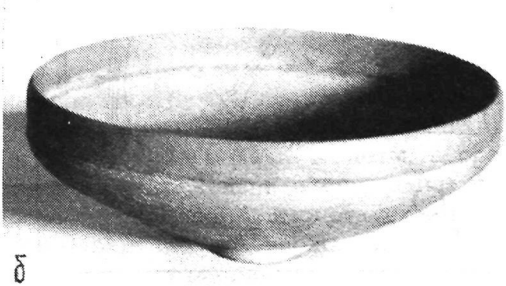


Рис. 32

в) образец ткани сложного полотняного переплетения с раппортом ткани 2(1) — одна нить перекрывает две нити; волокнистый состав этой ткани представлен тонкими волокнами натурального шелка;

г) «подушечка», состоящая из крахмалистых зерен пшеницы и мелких цветочных чешуек злаковых растений;

д) темные, слежавшиеся кусочки с пористой структурой, похожие на выпечные изделия (хлеб?);

е) мелкие темные трубочки (палочки) с пористой структурой — напоминают изделия из муки или сахара.

Двор

Двор комплекса Д, трапециевидный в плане, расширялся от южной части к северу (рис. 33). Его ширина вдоль южного края превышала 10 м, а на севере увеличивалась более чем на 2,0—2,5 м. Вдоль южной и восточной сторон двора тянулись обширные террасы-айваны: хорошо сохранившаяся (особенно в юго-западной части) южная (высота ее — 30 см) с верхней и боковой поверхностями, покрытыми глиняной обмазкой, и дошедшая до нас в плохом состоянии, без верхней части и обмазок, восточная. В последней обнаружен провал, образовавшийся при попытке выдолбить пещерную келью комплекса Г. Вероятно, вдоль восточной стены двора комплекса Д (и на его восточном айване) ко времени неудачной попытки соорудить келью лежал уже столь мощный слой завала сырцовых кладок, что строители комплекса Г не смогли рассчитать толщины естественного песчаникового слоя здесь и, врезавшись в завал, вынуждены были прекратить работы по рытью кельи. Иной характер имела, возможно, ситуация у западного края двора. Здесь к северо-западному углу южного айвана была пристроена площадка (примерно 1,5 × 1,5 м). Северный и восточный края площадки были ограничены стенами толщиною в один сырцовый кирпич, а пространство между ними было заполнено битым сырцом, глиной и строительным мусором. Площадка эта была пристроена, возможно, в период функционирования комплекса или вскоре после того, как он перестал действовать, но еще посещался. Целью этой пристройки скорее всего было стремление предохранить от разрушения (или провала) пещерное помещение (келью?) комплекса Е, расположенного к западу от комплекса Д; при раскопках здесь был обнаружен провал в глубь этой пещерной комнаты.

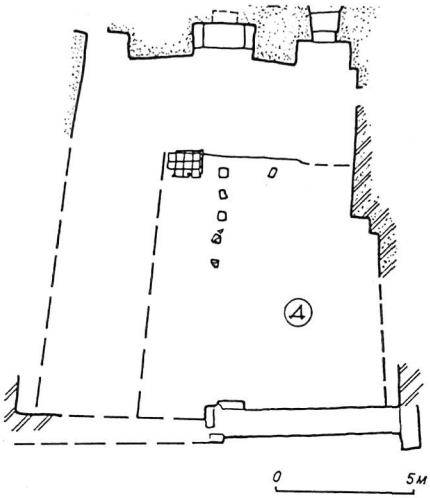


Рис. 33

На стыке южного и западного айванов обнаружена полуразвалившаяся ванночка-водоем, сложенная из жженых кирпичных плиток (такого рода водоем, но хорошей сохранности, расчищен во дворе комплекса Е, развал таких же кирпичных плиток был найден и в месте стыка южного и восточного айванов двора комплекса Г, но тогда назначение разрушенного сооружения не было понято).

Северная стена двора прослежена по остаткам сырцовых кладок в северо-западной и центральной частях двора и по выступающему останцу песчаниковой породы в его северо-восточном углу. К центру этой стены примыкает ступенька из кирпича-сырца, ведущая на пол двора, уровень которого был ниже сохранившихся остатков стены. Находки на полу двора в его центральной части нескольких жженых плиток, видимо оставшихся от «дорожки», ведущей от входа во двор к центральной нише южного айвана, могут дополнить наше представление о дворе комплекса.

Двор примыкал к северному фасаду пещерных помещений. Здесь на южном айване размещались три большие арочные ниши: слева (на востоке) и справа (на западе) они оформляли входы в пещерные помещения — восточный и западный коридоры, центральная ниша предназначалась для размещения в ней скульптурной буддийской композиции (рис. 34). Входные арки южного айвана были широкими — до 1,7 м, центральная еще шире (2,1—2,2 м). В западной стене

айвана находилась, как уже отмечалось, более мелкая ниша с лестничным спуском в пещерную келью.

Подробное описание статуи сидящего Будды, ног стоящих в полный рост донатора и донатрисы, фрагментов других персонажей и деталей скульптурной композиции в центральной нише южного айвана приводится в статье Н.А. Ковалевой (см. далее). Здесь же отметим лишь, что общая композиция в нише могла быть близкой к представленной на рельефе из Гири в Гандхаре (сцена посещения Будды Индрой, где над Буддой, Индрой и вторым предстоящим — Брахмой парят небожители, забрасывающие Будду стилизованными в виде четырех- и пятилепестковых розеток цветами)[28]. В композиции из Каратепе вместо Индры и Брахмы изображены были донатор и донатриса, над которыми размещались другие персонажи с лепестками цветов.

В глубине ниши, за спиной у статуи Будды, в песчаниковую стену была утоплена кладка кирпича-сырца (возможно, для крепления деревянного штыря, поддерживающего статую). После разрушения скульптур здесь была выкопана траншея или лаз, где было произведено погребение старого мужчины с ребенком. Датируется это захоронение, вероятно, средневековьем. Инвентаря при погребенных не было, ничего более определенного о захоронении сказать нельзя. При вскрытии его в 1988 г. А.И. Громов с помощью В.В. Зверева произвел фотограмметрию этого захоронения (первый опыт такого рода в археологии Средней Азии).

На стенах двора снизу прослежена красная расписная панель. Заполнение двора комплекса Д было различным. Вдоль восточной стены над восточным айваном завал был очень плотным от самого верха (дерн) до плохо различимого пола. В средней части южного айвана, перед нишей со скульптурой, под дерном лежал слой песка со включением гальки, ниже — массив рухнувших сырцовых кладок, перекрывавший напольный слой песка и глинистых натеков. В юго-западном углу под дерном залегал полуметровый слой песка, под ним — плотный массив рухнувших сырцовых кладок, затем снова слой песка. В северной части двора завал в основном состоял из песка. В завале на всей территории двора встречались фрагменты красной ангобированной посуды с полосчатым лощением (в том числе с остатками индийских надписей дипинти), а также средневековой (в частности — поливной) керамики.

---

[28] См.: *Marshall J.* The Buddhist Art of Gandhāra. Cambridge, 1960, fig. 107, pl. 74.

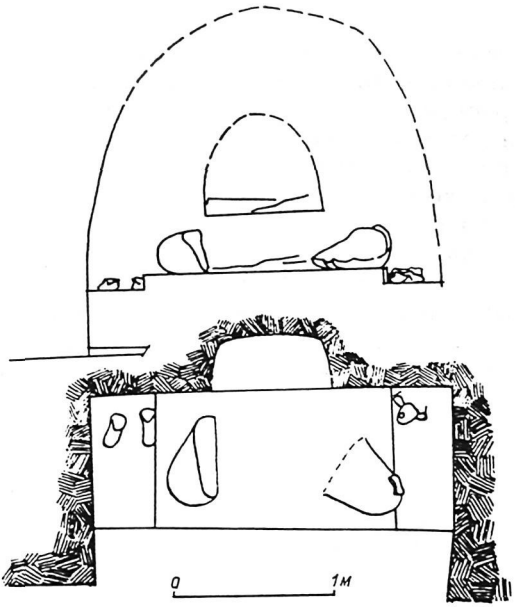


Рис. 34

Уникальный по устройству и планировке комплекс Д заметно обогатил наши знания не только об архитектуре Каратепе. Его раскопки ознаменовались также открытием интересной скульптуры, керамики, монет. Нельзя не отметить и несколько необычную находку — обломок профилированной детали, видимо от рельефа, с прочерченной арабской надписью.

С.А. Узянов

РАСКОПКИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ ЮЖНОЙ ВЕРШИНЫ КАРА-ТЕПЕ (1984—1987 гг.)

Участок Б—В

На северо-восточном краю южной вершины Кара-тепе между комплексами Б и В расположен связующий их участок Б—В (см. рис. 3). Работы здесь велись в 1984—1986 гг. под руководством Э.В. Ганевской, в 1987 г. под руководством автора. В западной части участка Б—В был заложен раскоп, протянувшийся на 10 м от внешней восточной стены комплекса В с запада на восток и на 12 м от северо-западного внешнего угла комплекса Б с севера на юг.

В результате работ 1984—1986 гг. обнаружена открытая площадка, соединяющая комплексы Б и В. Вход в комплекс В был фланкирован двумя приставными пилонами, состоявшими из строительного мусора и покрытыми ганчевой обмазкой.

На северном краю раскопа выявлена прямоугольная в плане сырцовая платформа, ориентированная строго по сторонам света. Платформа сложена из кирпичей 34 × 34 × 11—12 см со швами толщиной до 4 см, выстроена на материке (рис. 35). Длина платформы с запада на восток —4 м, ширина — 3,3 м. Северный край платформы не сохранился — размыт и деформирован. С западной, южной и восточной сторон на платформу ведут овальные в плане ступеньки. В хорошем состоянии западная ступень платформы, выложенная из двух кирпичей, обмазанных глиной; высота ступени от уровня пола — 15 см. Южная и восточная ступени худшей сохранности. Южный край платформы сохранился на высоту до 35 см, западный — до 15 см. В центре платформы выявлена сильно размытая яма. По предположению Б.Я. Ставиского, платформа служила основанием ступы, а яма в центре платформы осталась от камеры реликвария.

Почти на всей площади раскопа Б—В под дерновым слоем лежал массив песка и разложившегося четвертичного песча-

Рис. 35

ника, составляющего материковую основу холма Кара-тепе. В сезоны 1984—1986 гг. в юго-восточной части раскопа возле внешнего угла комплекса Б была выявлена глиняная обмазка раннего пола, а на внешней поверхности северной стены комплекса Б — участок ее ганчевой обмазки с переходом к этому полу. С запада к внешнему северо-западному углу северного двора комплекса Б была пристроена (поверх слоя надувного песка) стенка из сырца 32 × 32 × 12—13 см. В этой части раскопа поверх раннего пола был расчищен завал сырцовых кирпичей, выше которого прослежены фрагменты обмазки второго (позднего) пола. В западной части раскопа четко прослеживаются поверхности обоих полов, а между ними — слой надувного песка от 10 до 40 см (рис. 36).

Рис. 36

В сезоне 1987 г. работы на участке Б—В были продолжены. За сезон было расчищено около 500 м^2. В результате работ на участке Б—В были уточнены ранее полученные данные. К востоку от восточного прохода в комплексе В выявлена прямоугольная вымостка из сырцового кирпича 32 × 32 × 11 см, который заглублен на 2—4 см в материк. Вымостка покрыта хорошо сохранившейся глиняной обмазкой, она возвышалась над уровнем нижнего пола на 12—17 см.

Ширина вымостки по оси запад—восток — 3 м, длина прослежена на 6 м до конца прямоугольного основания ступы. Северный край вымостки, как и ступы, практически не сохранился. Нижний пол дошел до нас во фрагментарном состоянии почти по всей площади юго-западного угла участка Б—В. Он представляет собой глиняную обмазку толщиной 2—4 см, положенную на материковую поверхность.

На участке Б—В базовая поверхность везде была выровнена и в известной мере соответствует рельефу холма. В вымостке у восточного прохода комплекса В зафиксированы две закругленные выемки диаметром приблизительно 17 см: одна — в юго-восточном углу вымостки, другая — в 2,5 м севернее ее. Приставной пилон высотой 85 см, шириной 80 см возведен возле вымостки и частично перекрывал ее, на его поверхности сохранились небольшие фрагменты белой штукатурки, сам же он состоит из строительного мусора и песка.

В юго-восточной части участка Б—В был зачищен верхний пол, отделенный от нижнего подушкой из чистого песка светло-серого цвета толщиной 13—20 см; толщина обмазки пола — 4—6 см. Верхний пол плохой сохранности, практически не сохранился на краях склонов холма. Этот пол был перекрыт слоем надувного песка толщиной от 25—30 см до 1 м. Слой слабо задернованного галечника с песком, перекрывающим его, представлял дневную поверхность до начала работ на Кара-тепе; в настоящее время он практически уничтожен многолетними отвалами из комплексов Б и В.

В южной части участка Б—В были обнаружены остатки двух приставных поздних стен, относящихся к уровню верхнего пола и примыкающих с запада и востока к проходу в северной стене комплекса Б. Высота восточной стены от уровня верхнего пола — 20—30 см, ширина — 78 см, она прослежена на 6 м вдоль северо-восточной стены комплекса Б. От приставной западной стены сохранился незначительный фрагмент 70 см шириной и 1,2 м длиной. Следует отметить, что рельеф холма выше участка Б—В создает углубление, через которое воды со значительной площади холма стекают через этот комплекс, этим, возможно, объясняется его плохая сохранность.

При зачистке прохода в комплекс Б была выявлена вымостка из обожженных керамических плит желтоватого, розоватого, зелено-серого цвета, размерами $28 \times 27 \times 5$, $29 \times 29 \times 5$, $25 \times 25 \times 4$, $32 \times 32 \times 6$ см. Вымостка из обожженных плит являлась продолжением дорожки, ведущей от ступы комплекса Б на площадку участка Б—В. Вымостка вытянута

по оси север—юг и прослеживается на 4,5 м; хорошо сохранилась она только в проеме, далее прослеживается фрагментарно. Возможно, она была выложена по три плиты в ряд и углублена на 1—3 см в поверхность верхнего пола. При зачистке дорожки, ведущей от северного проема к ступе, под обмазкой была выявлена вымостка из сырцового кирпича 33 × 33, 32 × 32 см. Сырцовые кирпичи были, как и вымостка, выложены по три в ряд и по ширине соответствовали вымостке.

В результате работ на участке Б—В можно выделить два периода обживания: к первому относятся нижний пол, ступа, восточная стена комплекса В, северная стена комплекса Б; ко второму периоду обживания, наступившему после некоторого запустения, относятся верхний пол, приставной пилон из строительного мусора в комплексе В, приставные стены к северным стенам комплекса Б и вымостка из вторично использованных керамических плит.

Траншея к северу от комплекса В

В сезоне 1987 г. были завершены работы в траншее к северу от комплекса В. В результате работ были уточнены некоторые данные, а также получен первый стратиграфический разрез склона южной вершины Кара-тепе от подошвы холма. Стратиграфический разрез был произведен до грунтовой дороги (отметка 9,70 м от нулевого репера на вершине холма), огибающей северный склон холма. В результате окончательной зачистки вымостки, начатой еще в предыдущие сезоны, выяснилось, что вымостка выложена сырцовыми кирпичами 33 × 33 × 12 см, с интервалами между гранями кирпичей в 4—7 см. Материковый склон холма предварительно был слегка срезан: сохранившаяся часть вымостки по оси север—юг имеет естественный перепад в 15—17 см. По оси север—юг расчищено 13 рядов кирпичей, по оси запад—восток — 5 рядов, которые уходят в стенки траншеи. Кирпичи были заглублены в материк, некоторые из них зафиксированы только по оставленному ложу, которое, очевидно, вырезалось в четвертичном песчанике, после чего в него вмонтировался кирпич; глубина ложа — 3—4 см. Северо-восточная часть вымостки в траншее наиболее пострадала от размывов. Всего выявлено по оси север—юг 5,5 м вымостки, по линии запад—восток — 2 м. Южный край сохранившейся в траншее вымостки отстоит от северной стены двора комплекса В на 5,75 см. От юж-

ного края вымостки до конца траншеи прослеживаются фрагменты обмазки толщиной от 3 до 5 см. В этом месте естественное понижение холма было частично выровнено за счет забутовки плотной глиной с фрагментами аморфных вкраплений сырца, верх забутовки был обмазан (отметка 7,12 м от 0). Очевидно, забутовка и покрывавшая ее обмазка — остатки ремонта вымостки. В восточной стене траншеи над вымосткой прослеживается слой толщиной до 40 см плотного завала темно-бурого цвета с фрагментами сырцового кирпича. Этот завал перекрыт мощным слоем чистого серого надувного песка толщиной до 50 см. От южного края траншеи — пласт надувного песка светло-бурого цвета с вкраплениями гальки. Над ним расположена шестиметровая прослойка бурого цвета из глины, в ней прослежено 5 сырцовых кирпичей, зафиксированных в горизонтальной плоскости. Возможно, эта прослойка отмечает некую стабильную поверхность, хотя разъяснить особенности стратиграфии северного склона холма за комплексом В смогут лишь дальнейшие работы. Над прослойкой расположен трехметровый язык плотного завала темно-бурого цвета с фрагментами сырца; толщина сохранившейся части натека до 20 см, над ним слой (5—10 см) разложившегося, слабо задернованного песчаника с галечником, который представлял дневную поверхность до начала раскопок на Кара-тепе. В настоящее время этот слой перекрыт отвалами (до 1,5 м), образовавшимися в результате работ на комплексе В.

Помещение 1 к западу от комплекса В—Г

В 1987 г. были продолжены работы по расчистке помещения 1 к западу от комплекса В (рис. 37—38а, б). Помещение имеет вытянутую прямоугольную форму с отклонением 10° к востоку по оси север—юг. Его длина — 5,32 м, ширина — 2,37 м. Стены помещения сохранились на высоту от 1 до 1,7 м; южная часть стен помещения лучшей сохранности, что вызвано естественным повышением холма. Сложены они из сырцового кирпича размером $28 \times 28 \times 11$ см, $30 \times 30 \times 12$ см, $33 \times 33 \times 13$ см. В южной части помещения сохранились до 10 рядов кирпичей, верхний ряд сильно разрушен.

Помещение 1 было раскопано частично, до начала прохода в западной стене помещения (отметка 6,77 м от условного нуля на вершине холма). Замедление работ по расчистке всего помещения вызвано интенсивным развалом штукатурки,

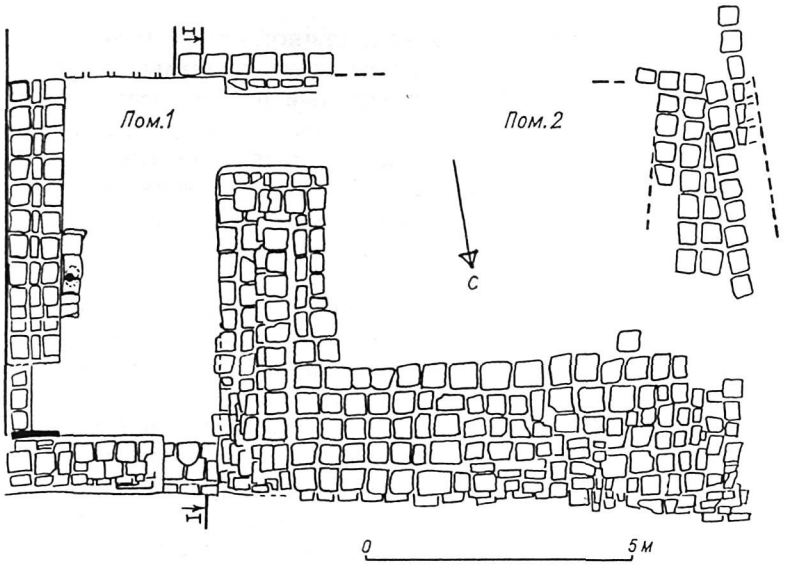


Рис. 37

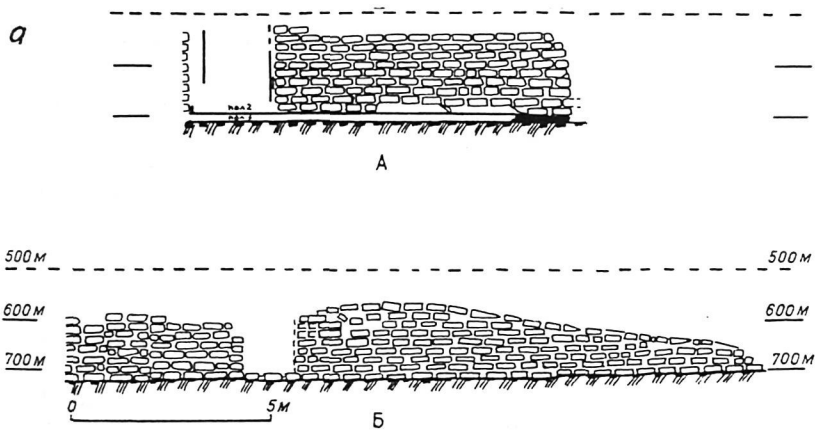


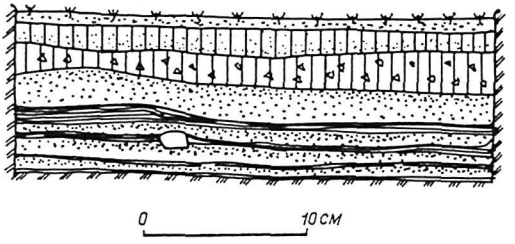
Рис. 38

сползшей вместе с частью обмазки южной стены. В этом развале встречены фрагменты штукатурки площадью до 50—70 см^2, окрашенные в белый и красный цвет с фрагментами рисунков (?) граффити. В том же развале были зафиксированы фрагменты лепных глиняных карнизов, покрытых интенсивным слоем белой штукатурки. Из-за отсутствия должного числа реставраторов, занятых на более ответственных участках работ, развал в южной части помещения 1 к западу от комплекса В был законсервирован.

Материковая поверхность в помещении 1 имеет естественный перепад от 10 до 17 см с запада к востоку и с севера к югу. Материк — четвертичный песчаник серовато-зеленого цвета, покрытый обмазкой толщиной от 2 до 4 см со следами ремонта. В 20 см от западной и в 180 см от восточной стен на полу зафиксировано пятно кострища площадью 40—50 см^2 на глубине 7,22 м от 0; пятно интенсивного черного цвета. На полу зафиксирован также развал камина или алтаря, примыкающего к восточной стене помещения. Сохранилось его основание, состоящее из четырех кирпичей 30 × 30 × 11 см, низ которых тщательно обмазан и переходит в закраину пола и далее к его плоскости. В центре алтаря — овальное углубление площадью 15 × 20 см, глубиной до 7 см, со следами интенсивного горения. На восточной стене за алтарем — красное сферическое пятно 90 × 80 см — след от прокаливания задней стенки алтаря, которое сохранилось, несмотря на то, что обмазка восточной стены в этом месте до нас не дошла; это свидетельствует о длительном использовании алтаря. Очевидно, камера алтаря имела вид арки (форма пятна от прокаливания), о чем свидетельствует и сохранившийся второй ряд кирпичей 30 × 30 × 11 см, служивших, возможно, ее основанием.

Восточная стена помещения 1 возведена на материковой поверхности. Первоначально в северной стене помещения (она же северная стена комплекса В) имелся проход шириной 1,03 м, который впоследствии был заложен стеной в один кирпич, обмазан и заштукатурен. Длина восточной стены помещения от края прохода до юго-восточного угла помещения — 4,27 м. Восточная и часть южной стены (длина — 1,45 м) составляли в древности западную стену двора комплекса В и северную стену прохода с лестницей, ведущей вверх, в юго-западном углу двора комплекса В. Восточная и юго-восточная части стен помещения 1, возведенные единовременно, достигают толщины 76 см, толщина швов между кирпичами — 2—4 см. У основания стен сохранились два

Рис. 39



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Рис. 40

слоя обмазки и штукатурки. Толщина более ранней обмазки колеблется от 3 до 5 см. В торце восточной стены, обращенном в проход, позже заложенный, хорошо сохранилась штукатурка интенсивного розового цвета.

Северная стена помещения 1 также возведена на материке, и ее сооружение соотносится с нижним полом. Северная стена выложена в 2,5 кирпича, достигает толщины 84 см. В северной стене, в северо-западном углу помещения, прорезан более поздний проход шириной 77 см, в 1,5 м от северо-восточного угла помещения (рис. 39). В порог северного прохода встроена обожженная плитка серо-зеленого цвета 29 × 35 × 5 см (отметка 6,94 от 0).

Западная стена помещения возведена на плотной подушке из песка, в котором встречаются фрагменты костей животных, керамики, штукатурки и различного строительного мусора. Со строительством западной стены связан и верхний пол толщиной от 3 до 4 см. Толщина подушки между нижним и верхним полами колеблется от 10 до 17 см. Над верхним полом зафиксирован слой плотного надувного песка толщиной от 10 до 20 см, над которым лежали слои интенсивных многолетних натеков с тонкими прослойками намытого песка; толщина натеков колеблется от 3 до 15 мм. Натеки перекрывает еще один слой надувного песка мощностью от 5 до 23 см, в котором располагается плотный завал из обмазки, невыразительных фрагментов штукатурки, аморфного сырца. Далее следует плотный слой завала верха стен помещения с вкраплениями фрагментов и целых сырцовых кирпичей мощностью от 17 до 80 см; над ним — плотный слой серого песка с аморфными вкраплениями сырца мощностью от 10 до 30 см. Этот слой перекрывается слабо задернованным 10-сантиметровым слоем галечника с песком, представляющим современную дневную поверхность (рис. 40).

Работы в помещении 1 не завершены, но уже возможно попытаться реконструировать последовательность его строительства. *Вероятно, первоначально были возведены северная* и часть юго-восточной стены помещения 1, в это же время функционировал проход в восточной стене, ведущий из комплекса В на запад. После проведения ремонтных работ и, возможно, некоторого запустения в помещении возводится западная стена на подушке из песка и мусора. Проход в восточной стене закладывается и превращается в нишу, а в северной стене прорубается новый.

Т.К. Мкртычев

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТ В КОМПЛЕКСЕ Е (1987—1989 гг.)

В 1987 г. Каратепинский отряд Государственного музея искусства народов Востока продолжил работы на северном склоне южного холма Кара-тепе. Был выбран новый участок исследований, который расположен к западу от комплекса Д. Согласно принятой системе обозначения новый комплекс получил наименование Е.

Основной задачей раскопа было вскрытие всего комплекса с подробной фиксацией его слоев. В целях скорейшего введения в научный оборот информации, полученной во время раскопок, в настоящей статье автор предлагает предварительные итоги работ, которые по мере продолжения изучения комплекса будут дополняться.

На основании проведенных исследований в комплексе Е удалось выделить три конструктивно-планировочные зоны: пещерную, предпещерную и дворовую (рис. 41). Пещерная зона представлена помещениями, вырубленными в песчаниковом холме. Их изучение пока не проводилось. Предпещерная зона включает в себя помещения, при сооружении которых комбинировались конструкции, как сложенные из сырцового кирпича, так и вырубленные в песчанике. В настоящее время полностью раскопано предпещерное помещение в западной части комплекса (предпещерное помещение № 2). Судя по раскопанному помещению, во время функционирования буддийской святыни перестройки в зоне не проводились. Зафиксированные изменения в его планировке произошли после начавшегося запустения. Работы в этой зоне продолжаются. Дворовая зона находится на склоне холма. На ней располагаются дворовые сооружения. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что основные перестроечные работы в комплексе проводились именно в этой зоне. Из-за специфики работ — выноски грунта из предпе-

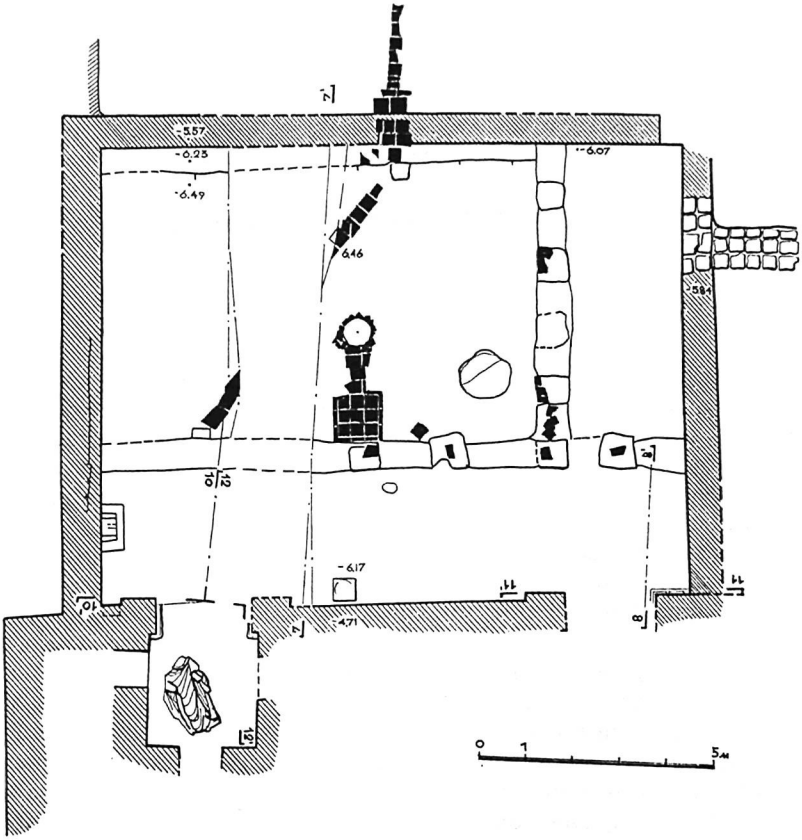


Рис. 41

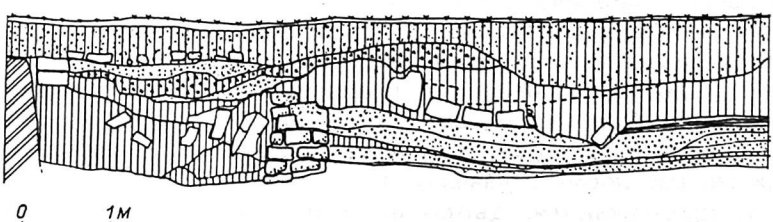


Рис. 42

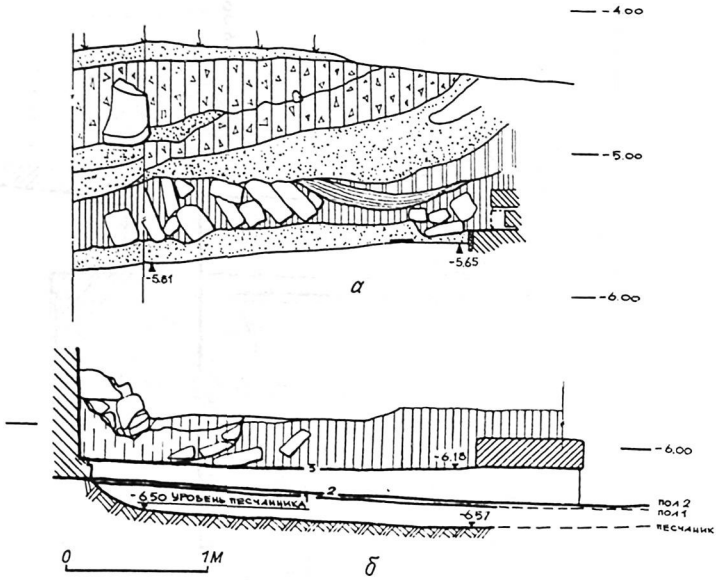


Рис. 43

щерных и пещерных помещений — для стратиграфической бровки во дворе оставлены невыбранные участки. Их вскрытие в дальнейшем позволит уточнить планировку двора на этапах существования комплекса. Поверхностные зачистки частично выявили планировку помещения, примыкающего ко двору с северо-запада. Однако продолжение работ в направлении на север затруднено многолетними отвалами, образовавшимися в результате работ в предшествующие годы.

На основании полученной стратиграфии дворовой и предпещерной зон (рис. 42—45) удалось определить основные этапы существования комплекса.

Строительство комплекса, состоящего из трех перечисленных зон, можно рассматривать как единовременный акт. Одновременно с прокладкой, по всей видимости, двух пещер в склоне перед входом в них была вырублена горизонтальная площадка. Она послужила основанием для предпещерных помещений и дворовых сооружений. На отдельных участках эту площадку выровняли глиняной подсыпкой. Максимально зафиксированная толщина подсыпки — 12—13 см. Строительство предпещерных помещений и стен, оконтуривших двор, производилось сырцовым кирпичом размером 32—33 × 32 × 12—13 см. Двор комплекса Е имеет почти правиль-

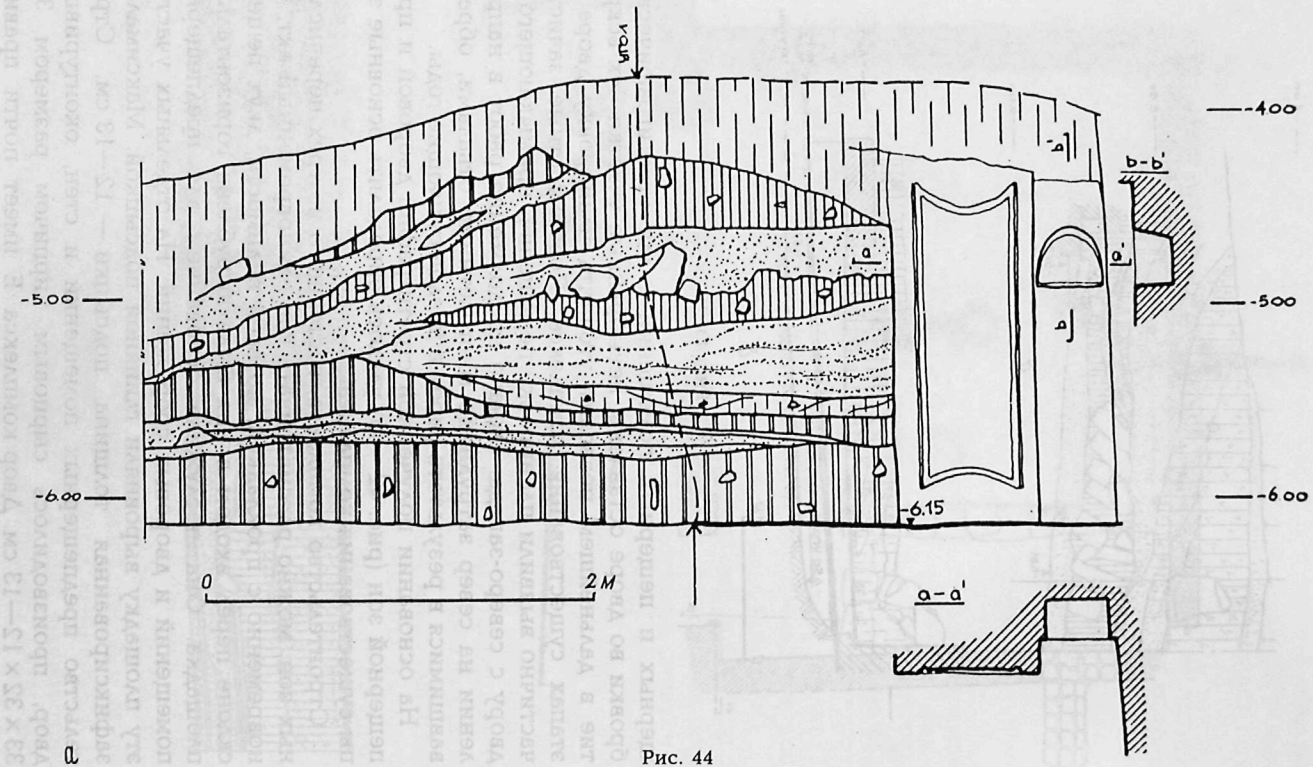
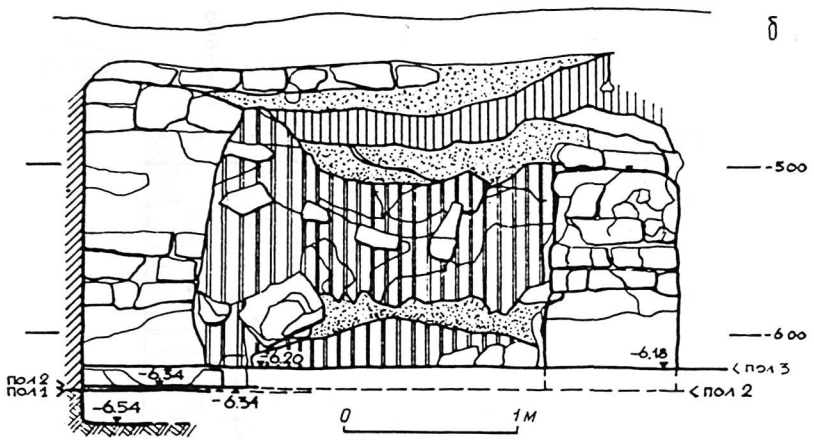


Рис. 44



ную прямоугольную форму 9,45 (9,55) × 12,4 м. Раскопки за западной стеной двора показывают, что комплекс Е является последним, самым западным в непрерывной цепи сооружений по северному склону южного холма. Вдоль внешнего фасада западной стены зафиксирована свалка керамики, возникшая в процессе уборки двора комплекса. Эта свалка разрасталась, видимо, по мере существования буддийского комплекса.

С большой вероятностью мы можем предположить, что по краям фасада, вырубленного в склоне холма, располагались две пещеры, арочные проходы из которых вели в два симметричных подквадратных помещения. Размеры раскопанного предпещерного помещения № 2 — 2,3 × 2,4 м. В нем на высоте 2,28 м от уровня пола (последнего этапа существования комплекса) сохранилась ганчевая полоска — переход к обмазке потолка. Очевидно, перекрытие помещения было плоским.

На восточной стене помещения зафиксирован заложенный во время запустения проход (ширина — 1,3 м). Вероятно, проход вел в коридор, соединявший симметричные предпещерные помещения. На западной стене раскопан другой проход шириной 0,75 м и длиной 0,96 м с сохранившимся потолочным перекрытием. На щеках прохода на высоте 1,7 м от уровня пола последнего этапа существования комплекса имеются разрушенные выемки, оставшиеся от установленной здесь деревянной балки диаметром 15 см. Перекрытие прохода осуществлялось при помощи камышового настила (тол-

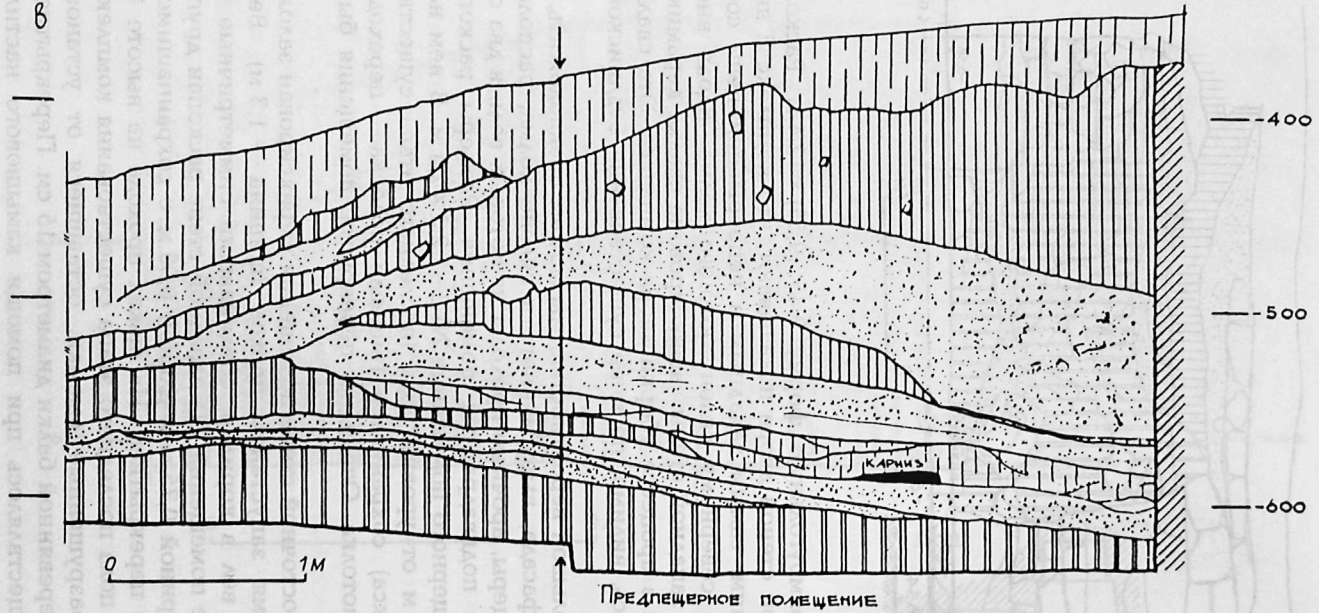


Рис. 44 (окончание)

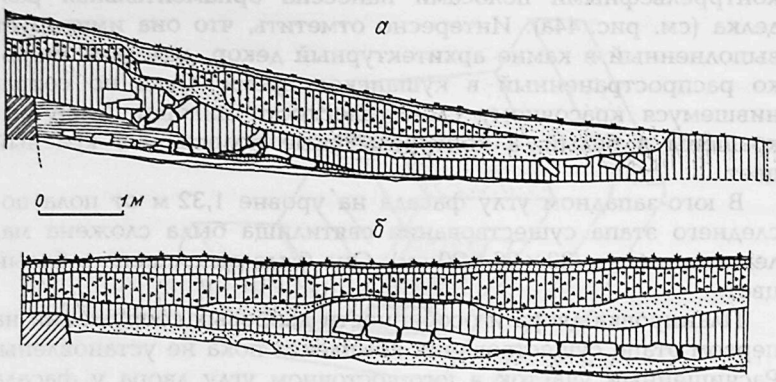


Рис. 45

щина — 8 см), который сверху был покрыт глиняной обмазкой (толщина — 2 см), а затем заложен сырцовыми кирпичами. Снизу камышовый настил был обмазан слоем саманной штукатурки толщиной 4,5 см с ганчевой побелкой. Проход вел в небольшое помещение, сложенное из сырцового кирпича и построенное одновременно с возведением стены вокруг двора. Очевидно, симметричное помещение вырублено в песчанике в восточной половине комплекса[1].

Изначально стены предпещерного помещения были оформлены налепным рельефным карнизом, оштукатурены и покрыты ганчевой побелкой. Поверх нее не менее трех раз наносился красочный слой. От первого этапа на южной стене сохранился контурный рисунок красной краской: цветок лотоса в круге. На первом этапе в предпещерном помещении уровень, вырубленный в песчанике, и глиняная подсыпка во дворе были обмазаны саманно-глиняной обмазкой (максимально зафиксированная толщина — 1,8 см), которая затем была покрыта тонким ганчевым слоем.

Выходящие во двор сырцовые пилоны помимо рельефных карнизов в основании украшались рельефным плинтусом. На внешних гранях пилонов и на щеках прохода неглубокими

[1] Работы по вскрытию восточной части предпещерных помещений еще не проводились, но о наличии такого симметричного помещения говорит провал в западной части двора комплекса Д, образовавшийся в результате просчета строителей. Подобные ошибки при сооружении боковых пещер уже встречались на Кара-тепе — в комплексе Г, в пещерной келье. См.: *Ставиский Б.Я.* Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг. —Кара-тепе V, с. 32.

контррельефными полосами нанесена орнаментальная разделка (см. рис. 44а). Интересно отметить, что она имитирует выполненный в камне архитектурный декор, довольно широко распространенный в кушанское время. Судя по сохранившемуся красочному слою, плоскости пилонов были выкрашены в белый, а контррельефные полосы — в красный цвет.

В юго-западном углу фасада на уровне 1,32 м от пола последнего этапа существования святилища была сложена маленькая нишка (32 × 26 × 20 см). Она была выкрашена в белый цвет.

Планировка двора и особенности дворовых сооружений на первом этапе существования комплекса пока не установлены. Расчищенный участок в юго-восточном углу двора у фасада предпещерного помещения № 1 дал для этого этапа два последовательных уровня полов, покрытых саманно-глиняной обмазкой. Прослойка между полами не превышает 3 см. К первому этапу относится слой шириной 34—35 см, глубиной 15—18 см, оставшийся от какого-то пристенного (деревянного?) сооружения; он зафиксирован вдоль восточной стены. К этому времени может быть отнесена вырубленная в песчанике яма (диаметр — 93 см, глубина — 17 см), которая располагалась в центральной части двора.

Второй этап существования комплекса характеризуется возведением вдоль сырцового фасада предпещерной зоны площадки шириной 3,4 м. Благодаря разнице в ее высоте (от 14 см у фасада до 28 см у северного края) она снивелировала участок перед фасадом на уровень 6,18—6,14 м от условного репера. Слой площадки перекрыл рельефный плинтус на пилонах. С этого этапа выход из предпещерных помещений, уровень пола которых повысился менее значительно (в предпещерном помещении № 2 всего на 2 см), осуществлялся через невысокую ступеньку — южный край площадки. Более высокий северный край площадки был оштукатурен. Наиболее вероятно, что эта площадка послужила основанием для айвана, сооруженного на втором этапе перед сырцовым фасадом. О наличии здесь перекрытия свидетельствует пол площадки, выполненный саманно-глиняной обмазкой и покрашенный черной краской. Черной краской был покрашен и новый пол предпещерного помещения № 2. Отметим, что покраска черной краской пола айвана уже встречалась в комплексе Г[2].

[2] *Ставиский Б.Я.* Основные итоги изучения, с. 29.

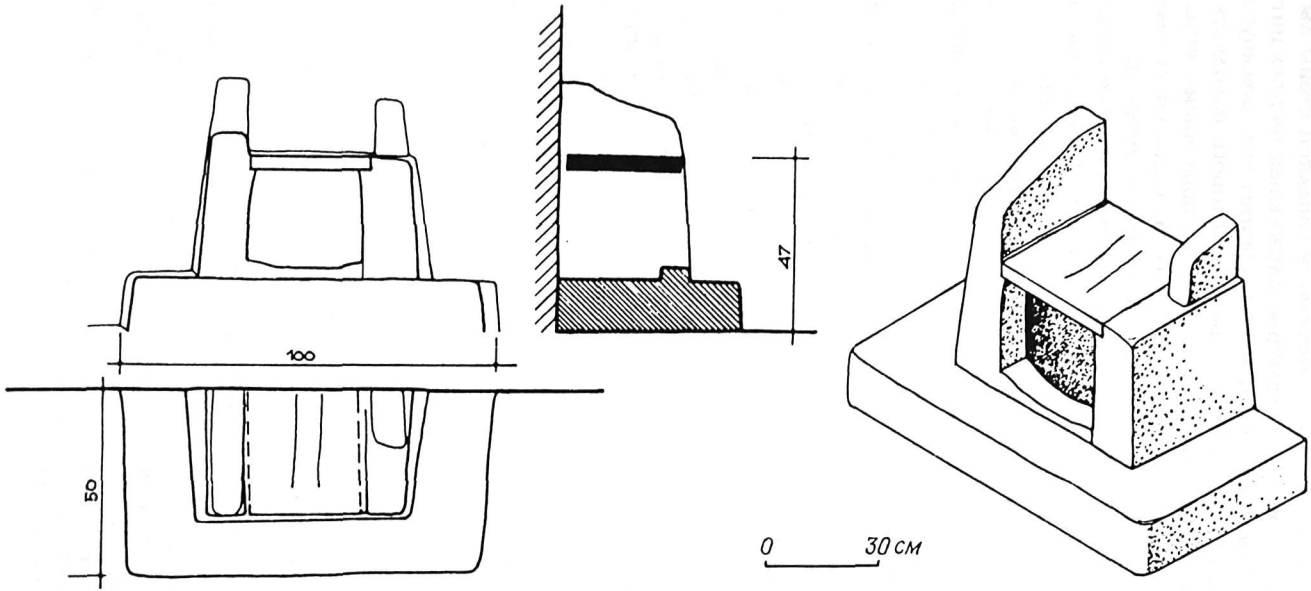


Рис. 46

На втором этапе на площадке у западной стены двора сооружается некая конструкция, служившая частью интерьера айвана. Конструкция (рис. 46) состоит из прямоугольного основания 95 × 46 × 15 см, в центре которого находится ниша, образованная двумя вертикально поставленными кирпичами, перекрытыми керамической плиткой. Судя по сохранности, данная конструкция имела минимум два яруса ниш, причем ниша второго яруса делилась внутренней перегородкой на два отсека. Основание конструкции было выкрашено черной, боковые грани — красной, а фасад — белой краской. Внутренняя поверхность ниши первого яруса, так же как и частично сохранившаяся ниша второго яруса, была оштукатурена и побелена. Можно предположить, что конструкция использовалась для хранения (демонстрации?) атрибутов, применяемых в ритуале.

В связи с сооружением айвана во дворе комплекса образовалась значительно пониженная площадка. По всей видимости, именно на втором этапе в ее центральной части сооружается резервуар для омовения со стоком и сливной ямой. Резервуар квадратный в плане (1,0 × 1,04 м), выложен керамической плиткой 30 × 30 × 4,0—5,5 см. Южная стенка резервуара примыкает к северной части площадки айвана. Ложе резервуара наклонено к северу. У северной стенки расположен сток — вымощенная дорожка (длина — 1 м, максимальная ширина — 0,5 м), ведущая к сливной яме. В яму вставлена крупная керамическая форма (диаметр— 60 см) — на глубину 58 см от уровня двора. Верхний край ямы по кругу обложен фрагментами жженых кирпичей. Во время работ 1989 г. во дворе комплекса Д В.Н. Мазурина нашла следы аналогичного резервуара, также выложенного керамической плиткой. Большой хауз — диаметром около 7 м, — выдолбленный в песчанике, имеется в западной части двора комплекса В[3]. Приспособление для умывания найдено и в постройке над храмом П—II в комплексе Б[4]. По всей видимости, омовение было одной из обязательных частей ритуала, совершавшегося в комплексах.

Во время второго этапа функционирования комплекса вход во двор осуществлялся с севера по дорожке, вымощенной керамической плиткой 35 × 35 × 4,2; 29 × 29 × 3,5 см. Дорожка прослеживается по оси север—юг на протяжении 2,07 м. Она

[3] *Stavisky B.Ya.* Kara-tepe in Old Termez (Southern Uzbekistan). — Orientalia Josephi Tucci Memoriae Dicata. Roma, 1988, табл. 1.

[4] Кара-тепе V, с. 12—17.

подводила к двухступенчатой лестнице (ширина — 0,7 м), расположенной в центре северной стены двора. Горизонтальные грани ступеней укреплены керамической плиткой. Во дворе дорожка продолжалась от лестницы в юго-западном направлении и заканчивалась у входа в айван, располагавшегося напротив входа в предпещерное помещение № 2. Перед айваном была выложена ступенька — ею служила бывшая база пилястра, сделанного из ортогенного известняка (рис. 47а).

Со вторым этапом мы связываем покрытие стен предпещерного помещения № 2 новым ганчевым слоем и нанесение по нему нового контурного рисунка, выполненного красной краской.

На третьем этапе существования комплекса была произведена засыпка пониженной части двора. В это время перестал функционировать резервуар для омовения. В сливную яму была сброшена каменная база колонны (рис. 47б). На образовавшейся площадке по линии северного края айвана второго этапа, а также по оси север—юг в восточной части двора возводятся сырцовые основания под колонны. Они имеют форму невысоких параллелепипедов со сторонами от 62 до 72 см при высоте не более 20 см, со следами стволов колонн наверху. Сами основания и пол вокруг них обмазывались ганчем. Можно предположить, что сырцовые основания под колонны заняли место каменных баз, одна из которых, по всей видимости, попала в сливную яму. Сырцовые основания по оси север—юг указывают на возведение айвана вдоль восточной стены на третьем этапе существования комплекса.

Пока нет никаких данных, позволяющих сопоставить живопись последнего слоя в предпещерном помещении № 2 с выделенными на основании стратиграфии этапами существования комплекса. Мы условно предполагаем, что она была сделана на третьем этапе непрофессиональным художником. После побелки, перекрывшей контурный рисунок второго этапа, в верхней части панели неширокой кистью красной краской была грубо проведена полоса крупных треугольников. Сначала намечался контур, а потом этой же кистью треугольники закрашивались.

На четвертом этапе колоннаду айвана сменила глухая сырцовая стена — пространство между сырцовыми основаниями под колонны было заложено и оштукатурено. Вместо айвана перед предпещерными помещениями получился Г-образный коридор.

Четвертый этап был последним периодом функционирования комплекса Е в качестве буддийской святыни.

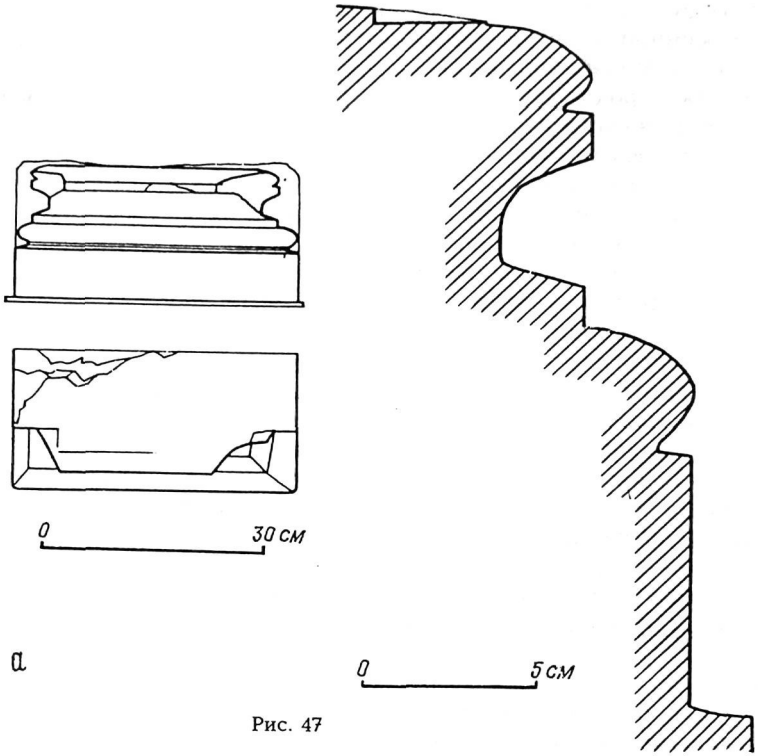


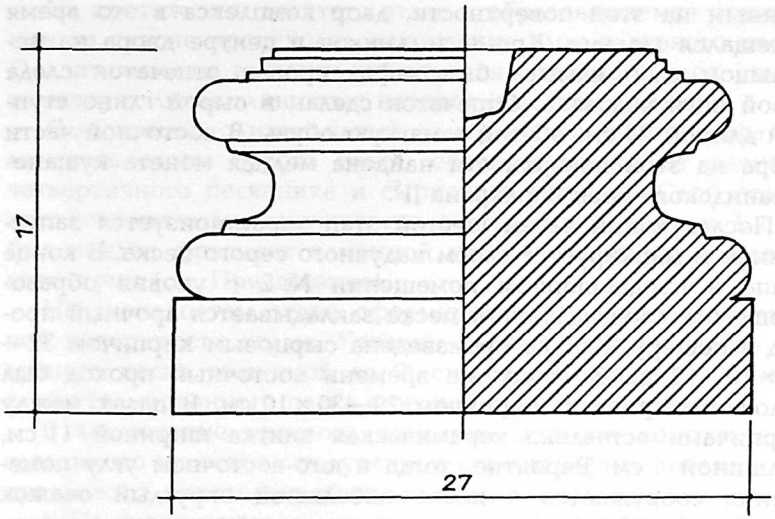
Рис. 47

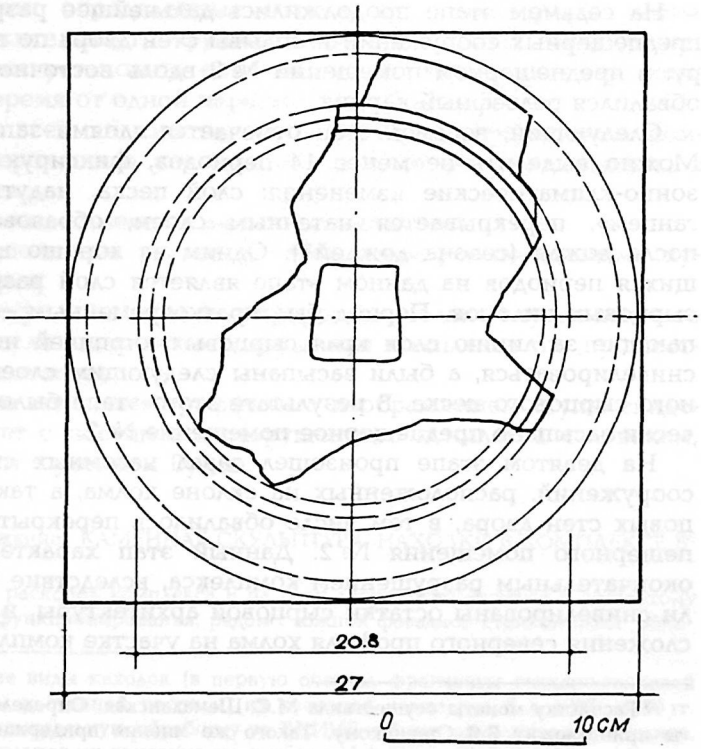
На протяжении всего пятого этапа происходило разрушение комплексов. Оно началось с разрушения коридора, возведенного на четвертом этапе. По полученной стратиграфии вход в пещерные сооружения осуществлялся практически во время всего этапа. Однако к его концу произошел обвал перекрытия (?), засыпавший вход в восточное предпещерное помещение № 1, тогда как в это же время в помещении № 2 сохранились не только перекрытия, но и лепные карнизы.

На полу коридора и предпещерного помещения № 2 выявлены фрагменты керамики, каменной (см. Приложение) и глиняно-ганчевой скульптуры, которые в течение этапа были засыпаны слоем разрушения.

Сам слой также содержит многочисленные фрагменты керамики, глиняной, ганчевой, каменной скульптуры, фрагменты стенной живописи и мелкие кусочки горелого дерева.

К концу пятого этапа во дворе сложилась поверхность, уровень которой повышался к разрушавшимся стенам двора. Судя по зольным пятнам неправильной конфигурации, зачи-





б

щенным на этой поверхности, двор комплекса в это время посещался людьми. Кроме зольников в центре двора на небольшом слое намыва был зафиксирован отпечаток следа левой ноги человека. Отпечаток сделан в сырой глине ступней длиной 24 см, обутой в мягкую обувь. В восточной части двора на этой поверхности найдена медная монета кушано-сасанидского царя Варахрана II[5].

Последующий затем шестой этап характеризуется запустением и маркируется слоем надувного серого песка. В конце этапа в предпещерном помещении № 2 с уровня образовавшегося слоя надувного песка закладывается арочный проход в пещеру. Кладка произведена сырцовым кирпичом 32—33 × 10—12 см. К этому же времени восточный проход был заложен сырцовым кирпичом 29—30 × 10 см. В пазах между кирпичами вставлена керамическая плитка шириной 11 см, толщиной 4 см. Вероятно, тогда в юго-восточном углу помещения сооружается в песке небольшой округлый очажок (диаметр — 15 см); в верхнем углу западной стены под карнизом появляется граффити с изображением ступы.

На седьмом этапе продолжились дальнейшее разрушение предпещерных сооружений и оплывы стен двора по периметру: в предпещерном помещении № 2 вдоль восточной стены обвалился рельефный карниз.

Следующий, восьмой этап отмечается слоями запустения. Можно выделить не менее 14 периодов, фиксирующих сезонно-климатические изменения: слой песка, надутый «афганцем», перекрывается натечным слоем, образовавшимся после дождя (сезона дождей?). Одним из хорошо выделяющихся периодов на данном этапе является слой разрушения сырцовых пилонов. Период был кратковременным — выступающие за линию слоя края сырцовых кирпичей не успели снивелироваться, а были засыпаны следующим слоем надувного сырцового песка. В результате этого этапа было практически засыпано предпещерное помещение № 2.

На девятом этапе произошел завал наземных сырцовых сооружений, расположенных на склоне холма, а также сырцовых стен двора, в том числе обвалилось перекрытие предпещерного помещения № 2. Данный этап характеризуется окончательным разрушением комплекса, вследствие чего были снивелированы остатки сырцовой архитектуры, и началом сложения северного профиля холма на участке комплекса Е.

---

[5] Расчистку монеты осуществила М.С. Шемаханская. Определение монеты принадлежит Б.Я. Ставискому. Такого же мнения придерживается видевший монету Э.В. Ртвеладзе.

На протяжении десятого этапа в образовавшемся понижении на склоне происходит накопление слоя надувного песка. О длительности времени накопления надувного слоя свидетельствует линза глинистых натеков (высохшая лужа).

Следующий, одиннадцатый этап в истории комплекса отмечается слоем бурого цвета, образовавшимся от размыва четвертичного песчаника и сырцового кирпича. Слой содержит незначительное количество фрагментов керамики. В слое был найден фрагмент каменной *хармики* (harmika) — навершия ступы (см. Приложение).

На двенадцатом этапе сформировался уровень современной поверхности холма. Уровень состоит из слоя серого надувного песка толщиной до 20 см. Его перекрывает тонкий слой утрамбованного песка с редкой растительностью.

В заключение краткого описания истории комплекса Е, сделанного на основе полученной стратиграфии, хотелось бы предложить некоторые общие выводы.

1. На функционирование комплекса Е как буддийской святыни приходятся четыре этапа его истории, во время которых произошли определенные изменения в планировке двора. Продолжительность функционирования этого буддийского комплекса установить пока нет возможности, так как неизвестно время от одной перестройки до другой.

2. По всей видимости, во время функционирования комплекса произошло упрощение его архитектурного декора, в частности:

— замена каменных деталей глиняными;

— выполнение раскраски стен непрофессиональными художниками.

3. Доступ в пещеры был прекращен только спустя какое-то время после частичного разрушения комплекса (по прошествии двух этапов).

4. В то же время граффити с изображением ступы свидетельствует о посещении разрушенного комплекса человеком, знакомым с учением Будды.

Приложение. КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА. НАХОДКИ В КОМПЛЕКСЕ Е[6]

В ходе раскопок комплекса Е на полу двора, относящегося к четвертому этапу его функционирования, рядом с южной фасадной стенкой была обна-

[6] Другие виды находок (в первую очередь фрагменты глиняно-ганчевой скульптуры и стенной росписи) из раскопок комплекса Е в 1987—1989 гг. проходят камеральную обработку во ВНИИР и будут опубликованы позднее. Предварительное их описание см. в статье Н.А. Ковалевой.

Рис. 48

ружена часть каменного предмета — вотивной ступы, изготовленной из единого куска мраморовидного известняка (рис. 48). Найденная часть ступы представляет собой подквадратный блок 4,5 × 4,6 см, высотой 14 см с сильно профилированным плинтусом и карнизами. На нем располагается катушкообразный барабан диаметром 37,5 см, высотой 12,8 см. Выступающие части барабана также имеют сложную профилировку.

Часть венчика барабана сбита. Однако в процессе раскопок недостающие фрагменты были найдены. Один фрагмент был положен сверху на вотивную ступу. Второй фрагмент находился в этом же слое на небольшом удалении к востоку от ступы.

На верхней плоскости барабана выдолблено углубление диаметром 27 см, глубиной 14 см. Поверху вокруг углубления сделана «полочка» шириной 3—3,5 см, на которую должна была устанавливаться полусферическая «крышка», имитирующая полусферу буддийской ступы (*skumbha*). Вдоль «полочки» зафиксированы следы ганча, которым эта «крышка» закреплялась. Поверхность ступы, за исключением основания и углубления, тщательно выкрашена в красный цвет. Судя по сохранившимся слоям, покраска производилась не менее двух раз. На одной из нижних граней подквадратного основания сохранился фрагмент ганчевой выкружки с некоей горизонтальной плоскости на вертикаль боковой грани вотивной ступы. На фрагменте имеются рельефные валики, имитирующие драпировку (?), также выкрашенные в красный цвет. Очевидно, первоначально вотивная ступа располагалась на постаменте, который был орнаментирован раскрашенным ганчем. К моменту начала разрушения комплекса вотивная ступа была снята с постамента, однако особое отношение к ней, по всей видимости, сохранялось вплоть до запустения двора.

Подобные каменные изделия уже встречались на буддийских памятниках правобережной Бактрии — на Айртаме и на Уштурмулло. В литературе они

получили название реликвариев[7]. Такое определение несколько сужает понимание данных находок. Называя каратепинский предмет вотивной ступой, мы исходили из того, что он по своей форме, так же как и другие известные «реликварии», повторяет буддийские культовые сооружения — ступы. Символика этих сооружений, как и их функциональное назначение, сложнее и шире функций реликвария — урны для хранения священных останков-реликвий. Как известно, модели сохраняют весь семантический комплекс, присущий оригиналам. Поэтому правильнее именовать эти находки вотивными ступами.

От вотивной ступы, найденной на Айртаме, сохранилось основание — квадратный в плане блок (52 × 52 см, высотой 35 см) с карнизом и плинтусом. На верхней плоскости блока располагалась коническая полость диаметром 18 см[8]. Блок был обнаружен в святилище рядом с квадратным постаментом. По всей видимости, на аналогичном постаменте располагалась и каратепинская вотивная ступа. Гибель буддийского комплекса на Айртаме относится к концу III в. н.э.

Наиболее сохранившаяся вотивная ступа подобного типа была найдена при раскопках монастыря на Уштурмулло. Она состоит из двух частей. Нижняя часть — квадратный в плане блок 38 × 38 см, высотой 18—19 см с сильно профилированным плинтусом и карнизом. На верхней плоскости блока основания имеется круглый паз (диаметр — 30 см, глубина — 1,5 см), в который вставлялась верхняя половина ступы. Она состоит из барабана высотой 14 см и удлиненной полусферы высотой 18 см, на вершине которой располагается квадратное гнездо (5 × 5 см, глубина — 7 см) для крепления *хармики* и мачты (*ясти*) с зонтиками (*чакрами*). Т.И. Зеймаль датирует этап, к которому относится вотивная ступа, III—IV вв. н.э.[9].

В рассмотренной группе вотивных ступ представлены два способа их изготовления. Первый способ — обточка из двух разных кусков камня отдельно квадратного основания и отдельно барабана с полусферой (Айртам, Уштурмулло). Второй — обточка из двух разных кусков камня отдельно основания с барабаном и отдельно полусферы (Кара-тепе).

Небольшое количество вотивных ступ и широкий диапазон их датировок не позволяют пока определить причины, побудившие мастеров делать однотипные вещи двумя способами[10].

В слое разрушения рядом с вотивной ступой была найдена нижняя часть каменного многоступенчатого алтаря (рис. 49). Она представляет собой квадратное в плане (со стороной 12,6 × 12,7 см) трехступенчатое основание с невысокой колонной (квадратной в сечении — 5,8 см). Общая высота фрагмента — 13,7 см. Алтарик выкрашен в красный цвет. Судя по толщине красочного слоя (0,1—0,2 см), раскраска производилась неоднократно.

---

[7] *Зеймаль Т.И.* Буддийская ступа у Верблюжьей Горки. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987, с. 74. Ступы такого типа известны были и в древней Индии (подобный «реликварий в форме ступы» из Тахти-Бахи II—III вв. н.э. представлен, например, в экспозиции Музея Виктории и Альберта в Лондоне (I s. 299—1951). — *Ред.*).

[8] *Тургунов Б.А.* К изучению Айртама. — Из истории античной культуры Узбекистана. Таш.,1973, с. 56—57, рис. 46.

[9] *Зеймаль Т.И.* Буддийская ступа у Верблюжьей Горки, с. 72.

[10] При выяснении причин этого явления следует помнить, что материал для ваяния в приамударьинских районах Бактрии в кушанское время добывали в одном месте — каменоломнях на Ходжа-Гульсуаре.

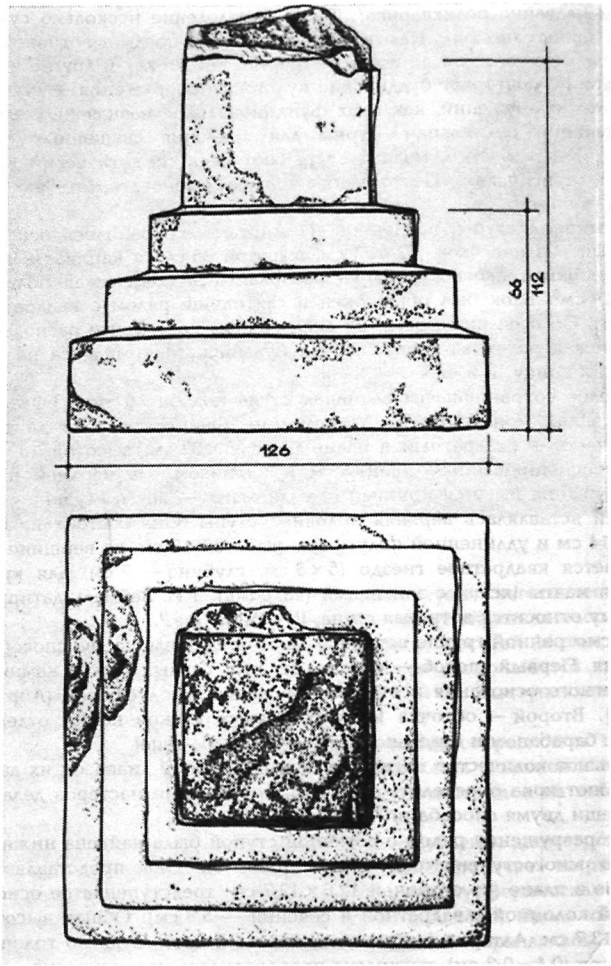


Рис. 49

Изображения алтарей подобных размеров встречаются, в частности, на гандхарских рельефах в сценах поклонения Будде[11].

В юго-западной части раскопа был обнаружен фрагмент каменной *хармики* (harmika) — навершия ступы, символизирующей Восьмеричный путь[12]. *Хармика* сделана из серого плотного камня, отличающегося от обыч-

[11] *Ingholt H.* Gandharan Art in Pakistan. N.Y., 1957, № 261.

[12] *Roth G.* Symbolism of the Buddhist Stupa. — The Stupa. Its Religious, Historical and Architectural Significance. Wiesbaden, 1980, c. 188.

но используемого в каменном зодчестве правобережья Амударьи белого ортогенного известняка. По имеющемуся фрагменту восстанавливается диаметр мачты (*yasti*) ступы — 24—26 см. Исходя из диаметра, можно предполагать, что высота мачты достигала 6,6 м. Таким образом, общая высота ступы могла быть 6,3 м.

Ю.С. Давидян

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА Ю (1982—1988 гг.)

Пещера, или пещерная часть, входящая, вероятно, в состав буддийского комплекса[1], условно обозначенного в 1982 г. как комплекс Ю, расположена в южной части южной вершины Кара-тепе, в отдалении от раскапывавшихся совместной экспедицией в 1961—1988 гг. комплексов А, Б, В, Г, Д и Е.

Пещера эта была одной из трех, впервые обнаруженных пещер на этом трехглавом холме работавшей в 1926—1928 гг. в Термезе экспедицией Музея восточных культур (сейчас ГМИНВ). Осмотревший эти пещеры в 1928 г. сотрудник экспедиции, известный специалист по истории искусства древнего мира А.С. Стрелков нашел их почти доверху засыпанными песком и сырцовым кирпичом, провалившимся через проломы в потолках, и высказал мысль, что это остатки буддийских пещер. Из-за нехватки времени и рабочих рук дальнейшее обследование пещеры было отложено[2].

В 1934—1936 гг. в пещерной части комплекса Ю работал сотрудник Комитета по охране памятников старины УзССР, директор Термезского музея Г.В. Парфенов. Он произвел архитектурные обмеры, фотофиксацию и сделал описание незасыпанных участков пещеры[3].

Ко времени начала работы Совместной экспедиции на Кара-тепе в 1961 г. вход в эту пещеру был засыпан (возможно, случайно). В 1981 г. он вновь был разрыт пограничниками. Не имея возможности приступить тогда к изучению этого комплекса, сотрудники экспедиции после беглого осмотра пеще-

[1] Как показали предшествующие раскопки на Кара-тепе, пещерному храму обычно сопутствует наземное здание, указывающее местонахождение пещеры. Судя по рельефу холма (наличие «горба»), наземная часть комплекса примыкала к пещере с юга.

[2] Кара-тепе I, с. 5. Описываемая пещера (комплекса Ю) обозначена А.С. Стрелковым как пещера № 3 (Кара-тепе I, с. 84).

[3] Результаты работы Г.В. Парфенова опубликованы так и не были, за исключением плана пещерных помещений (см.: Кара-тепе I, с. 84).

ры (О.А. Туманова произвела здесь примерные схематические обмеры на уровне верха завала) засыпали вход (точнее, лаз), пытаясь тем самым предохранить пещеру от случайных посетителей до полевого сезона 1982 г., когда намечалось начать ее раскопки. В 1982 г. здесь были предприняты регулярные расчистки пещеры по направлению с севера на юг, где, по предварительным соображениям, должен был находиться вход в пещерную часть комплекса.

В результате раскопок в 1982—1988 г.[4] была полностью раскопана до уровня пола пещерная часть комплекса, выявлена ее планировка, характер культурных напластований и начато изучение примыкавшей к ней с юга наземной части.

Как выяснилось, пещерная часть комплекса Ю (рис. 50) состоит из центрального помещения пещеры, включающего глубокую нишу в ее северной стене; небольшого северо-восточного помещения, куда из центральных помещений пещеры ведет неширокий и низкий арочный проем; двух коридоров —западного и восточного, ведущих из глубинных частей комплекса к выходам из него, и небольшого помещения между западным и восточным коридорами, связанного с наземной частью комплекса.

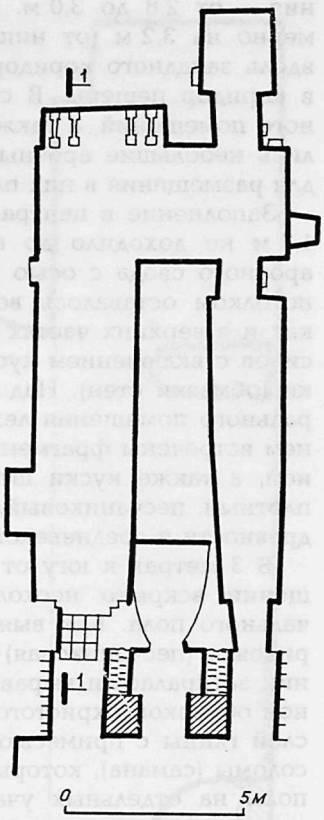


Рис. 50

а) Центральное пещерное помещение

Центральное помещение вытянуто с запада на восток на 6,8 м (по южной стене) при ширине 2,65 м. Высота помеще-

[4] В работах на комплексе Ю в 1982—1984 гг. принимали участие научные сотрудники отдела Востока Эрмитажа, в 1985—1988 гг. исследование комплекса велось отрядом Государственного объединенного Самаркандского музея-заповедника.

ния — от 2,8 до 3,0 м. Сводчатый потолок сохранился примерно на 3,2 м (от ниши в центральном помещении на юг вдоль западного коридора), остальная часть свода завалилась в коридор пещеры. В стенах центрального и северо-восточного помещений, а также в узких проходах хорошо сохранились небольшие арочные ниши, предназначенные, вероятно, для размещения в них плошек-светильников.

Заполнение в центральном помещении мощностью до 1—1,2 м не доходило до потолка, имевшего вид уплощенного арочного свода с осью запад—восток, между заполнением и потолком оставалось воздушное пространство. Завал здесь, как и в верхних частях коридоров, состоял из песчаных массивов с включением кусков упавшего песчаника и штукатурки (обмазки стен). Над полом в северо-западной части центрального помещения лежал слой песка толщиной 5—10 см, в нем встречены фрагменты керамики, в том числе глазурованной, а также куски штукатурки потолка и стен. Пол здесь плотный, песчаниковый, затоптанный (возможно, не только в древности и средневековье, но и в наше время).

В 3 метрах к югу от большой ниши в центральном помещении вскрыто несколько сохранившихся слоев первоначального пола. Как выяснилось, горизонтально ровная материковая (песчаниковая) основа пола в центральном помещении затиралась и выравнивалась глинистой, хорошо отмученной обмазкой охристого цвета, поверх которой накладывался слой глины с примесью кварцевого песка и мелкой молотой соломы (самана), который окрашивали в красный цвет. Затем полы на отдельных участках были перекрашены в черный цвет.

На ряде участков пола зафиксирован довольно толстый слой ганчевой затирки (до 0,2—0,3 см), поверх нее — черная краска. Местами поверхность этого многослойного пола доходит до восточной и южной стен центрального помещения, накладываясь на их основания[5].

В 5 см над уровнем первоначальных полов здесь в различных участках вскрыт слой мелко отмученной натечной глины с включением фрагментов глиняной посуды, сердоликовых бус и разрозненных костей человеческих скелетов. Слой этот образовался, очевидно, в результате просачивания воды в

[5] Многослойный пол зафиксирован не на всех участках. В других местах (например, в южной части западного коридора) верхняя прослойка полов (черная краска, затем ганчевая затирка и опять черная краска) отсутствует, что, возможно, связано с ремонтом пола в отдельных местах центрального помещения.

Рис. 51

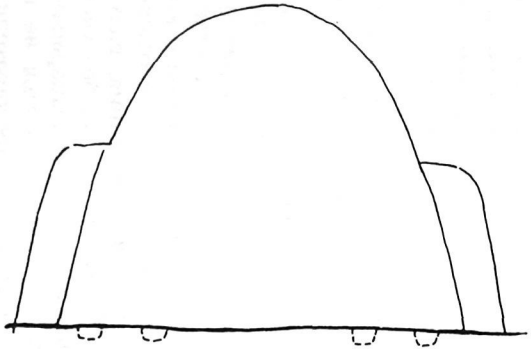
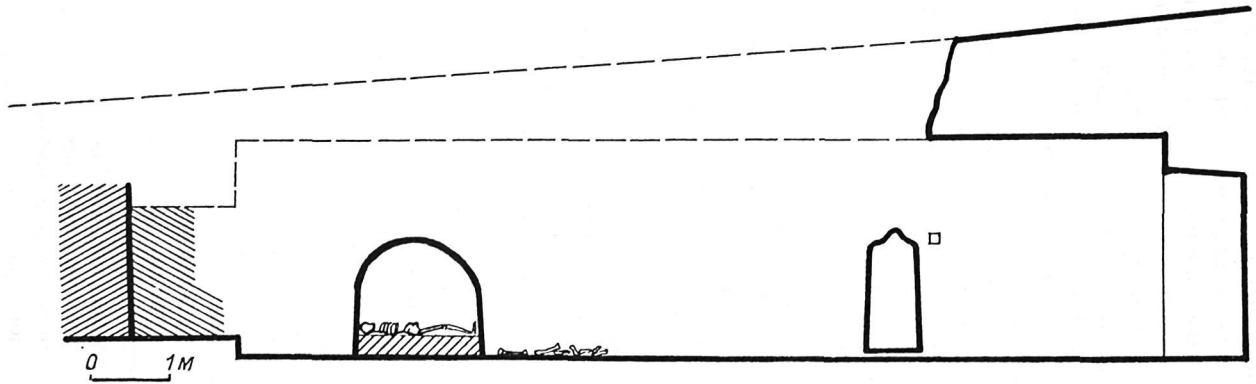


Рис. 52



проломы и рыхлые участки потолков в западном коридоре пещеры. Еще выше, примерно в 3—5 см от уровня натечной глины, зафиксирован второй пол, состоящий из плотной, затоптанной глинистой массы (грунта). Этот пол относится к последнему периоду использования пещеры, о чем свидетельствуют повсеместные находки на этом уровне глазурованной керамики XI—XII вв. и одного фрагмента XIV—XV вв.

В западной части северной стены центрального помещения располагалась большая ниша (рис. 51) шириной немногим более 3 м при глубине около 1 м, с арочным верхом. На полу ниши выявлены следы деревянной конструкции в виде утопленных в песчаниковый пол четырех плах диаметром 23—25 см, тянувшихся с юга на север, параллельно одна другой, на всю глубину ниши. Скорее всего это остатки деревянного помоста для статуи или статуй. В верхней части свода ниши имеется круглое сквозное отверстие, выходящее на поверхность холма и предназначенное, вероятно, для дневного освещения скульптуры, располагавшейся в нише.

Стенки ниши в отличие от стен и потолка центрального помещения выкрашены в ярко-красный цвет. Остальные плоскости центрального помещения окрашены неравномерно в различные цвета. Западная стена была ровного красновато-коричневого цвета. Следы полихромной окраски сохранились на участке северной стены между большой нишей и входом в северо-восточное помещение. По нижним частям стены здесь фрагментарно сохранились три цветовых пояса: в основании — желтый по густой побелке (тянется горизонтально от пола на высоту 47 см), над ним красная сплошная лента шириной 10 см по побелке и, наконец, белый (побелка), сохранивший местами фрагменты росписи красной краской. Восточная и южная стены центрального помещения сохранили следы побелки по песчаниковой основе лишь в верхних частях.

На всех стенах центрального помещения имеются выцарапанные рисунки-граффити в виде трех кистей человеческих рук с растопыренными пальцами (одна на восточной, две другие на южной стенах), головы голубя (на южной стене), овальные и продолговатые прямые линии (на западной и южной стенах), арабские надписи X—XIV (XVII) вв., небольшие вертикальные насечки и другие неясные начертания, размещенные, как и обнаруженные на Кара-тепе ранее, без учета архитектуры и планировки комплекса. Все они выцарапаны по окраске или побелке стен и, очевидно, относятся не ко времени расцвета жизни, а к периоду запустения каратепинских построек.

Вопрос о датировке рисунков и надписей остается спорным. Скорее всего они относятся к разному времени. Очень условно можно выделить по крайней мере две основные группы рисунков и надписей, хронологически охватывающих соответственно два периода: 1-й — раннесредневековый, доарабский, связанный с периодом запустения буддийского монастыря (примерно с конца IV по VII в.), и 2-й — «мусульманский», связанный с распространением и утверждением в Тохаристане ислама (X—XIV (XVII) вв.). Так, изображение голубя (как и вообще животных), нехарактерное для ислама, ассоциируется с теми 550 телесными формами в виде животных и людей, обличья которых, согласно буддийской традиции, принимал в своих перерождениях Будда[6], и, возможно, связано каким-то образом со временем захоронений в пещере.

Изображение человеческой руки (ладони) — явление, распространенное не столько в буддизме, сколько в мусульманском культе. Широко, к примеру, были распространены талисманы в виде руки Али или Фатимы (дочери Мухаммада)[7]. Несомненно, к послеарабскому периоду относятся и надписи. Эти надписи, сделанные неразборчивыми и зачастую разрозненными буквами арабского алфавита, процарапаны в восточном верхнем углу южной стены и на верхней части восточной стены. Еще одна надпись почерком куфи, заключенная в процарапанный прямоугольник, сохранилась на восточной щеке большой ниши. Скорее всего эти надписи имели такой же характер, как и другие мусульманские граффити Кара-тепе[8].

О неоднократном посещении и относительно длительном использовании пещеры мусульманами свидетельствует и неглубокое (до 10 см), грубо выдолбленное углубление в западной стене западного коридора, в 3,2 м от северной стены центрального помещения (рис. 52), которое явно не имеет никакого отношения к буддийскому храму. Углубление представляет собой продолговатую арочную нишу высотой 1,75 м и шириной в основании 0,7 м, причем основание ниши выби-

---

[6] *Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л.* «Святые» реликвии. Миф и действительность. М., 1987, с. 64.

[7] Два таких талисмана XIV в. («панджа» — плоская бронзовая литая пластина, воспроизводящая кисть руки Али, испещренная надписями, — инв. № КП—2815, Э—94—312, КП—2815, а также знамя басмачей с изображением руки Али) хранятся в фондах Самаркандского музея. Металлические изображения рук Али и Фатимы крепились и на мазарах, несколько таких мазаров известно под Самаркандом.

[8] См.: *Певзнер С.Б.* Арабские надписи-граффити из Кара-тепе. — Кара-тепе IV, с. 82—87.

то на 8—9 см выше уровня первоначального пола и совпадает с уровнем утрамбованного или затоптанного слоя, т.е. вторичного пола, на котором и было найдено несколько мелких фрагментов поливной керамики. Ориентирована ниша на запад, как ориентированы в Средней Азии многие михрабные ниши. Не вызывает сомнения, что при использовании пещеры мусульманскими отшельниками ниша играла роль михраба. Полуподземные или подземные с михрабной нишей помещения в мусульманский период больше всего соответствуют функциональному назначению чилляхоны, т.е. помещения культового типа, предназначенного для совершения чилля — сорокадневного религиозного уединения для молитв и религиозных размышлений благочестивых мусульман, желавших удалиться от всего мирского (сорокадневного поста). Случаи использования под чилляхону заброшенных пещер отмечены и в других местах Средней Азии. Иногда для этих целей специально рыли пещеры. Так, в качестве чилляхоны использовались пещерные сводчатые сооружения,вырытые в лёссовых холмах городища Афрасиаб у могилы Ходжа Данияра[9].

На территории самого Старого Термеза найдены две пещеры, выдолбленные в песчаниковой толще и исполнявшие, видимо, функции чилляхоны. Одна из них находится к северо-востоку от Чингиз-тепе, вторая — у мавзолея Хакима ат-Термези[10]. Справа от ниши сделано неглубокое (до 4—5 см) углубление прямоугольной формы неизвестного назначения.

С михрабной нишей, очевидно, связаны и вертикальные насечки, процарапанные поверх штукатурки на южной (не менее 8 рядов) и северной стенах (один ряд в северо-восточном углу) центрального помещения, а также на восточной щеке большой ниши, они аналогичны насечкам, обнаруженным в пещерной части комплекса Б, и, вероятно, отмечали дни, проведенные мусульманскими отшельниками в пещере во время уединения[11]. В сочетании с открытой в комплексе Ю михрабной нишей и связанной с ней по времени глазурованной керамикой X—XIV (XVII) вв. это предположение становится более убедительным. Найденные же в пещере фрагменты керамики не только X—XII, но и XIV—XVI (XVII) вв. позволяют расширить диапазон времени использования пещер мусульманами.

---

[9] См.: *Абу Тахир-Ходжа.* Самария, гл. XII. «О пещерах и подземельях, известных своими качествами и свойствами», с. 166—167 (цит. по: *Писарчик А.К.* Народная архитектура Самарканда. Душ., 1975, с. 45—46, 52).

[10] Последняя пещера открыта сотрудником Термезского музея В.А. Козловским.

[11] Кара-тепе I, с. 20.

Вероятно, не одна открытая для доступа пещера Кара-тепе использовалась в мусульманском средневековье отшельниками в качестве чилляхоны. Следует напомнить, что в XI—XIV вв. в Тохаристане существовали и быстро развивались поддерживаемые широкими народными массами различные мистические направления, многие из которых призывали к отшельничеству и уходу от суетной житейской борьбы к религиозным размышлениям (как средству постижения божества). В домонгольском Термезе был распространен культ святых и их могил, в том числе известного в свое время суфия Хакима ат-Термези, чья могила находится на территории Старого Термеза. Эти обстоятельства делают более понятным появление в непосредственной близости от мавзолея и в отдаленных от городского центра местах помещений типа чилляхоны[12].

Таким образом, исследование центрального помещения позволило уточнить и дополнить общее представление об устройстве и истории пещерных комплексов на Кара-тепе. Что же касается определения назначения этого помещения в период расцвета жизни на Кара-тепе, то, судя по планировочным особенностям, размерам (это самое большое помещение в пещерной части комплекса), а также по аналогии с другими каратепинскими комплексами, оно скорее всего в пору функционирования буддийских святынь Кара-тепе было пещерным храмом.

б) Пещера в северо-восточном углу

В северо-восточном углу храмового помещения располагался узкий арочный проход (высотой 1,75 м) в небольшую каморку, назначение которой не совсем понятно. Комната эта могла выполнять роль хранилища культового и иного инвентаря или, что менее вероятно, зимней кельи монаха-служителя. Не исключено, что она служила для совершения определенных ритуалов обрядового характера. Помещение это — прямоугольное в плане, длиной 2,3 м и шириной 2 м (по северной стене). Арка свода потолка рухнула, пол неровный, с горбом посередине и неровными углублениями вдоль восточной и западной стенок, поэтому точно установить пер-

[12] Помещения типа чилляхоны у могил мусульманских святых известны и в Самарканде, у могилы Кусама ибн Аббаса в некрополе Шах-и Зинда, в уже упоминавшихся лёссовых пещерах на Афрасиабе у могилы Ходжа-Данияра и т.д.

воначальную высоту помещения не представляется возможным (примерно 2,2 м). Стены, свод и пол кельи в отличие от центрального помещения не сохранили следов окраски или побелки. Скорее всего их и не было. На западной стене этого помещения и на восточной стене прохода, ведущего к нему, имеются небольшие ниши, которые, вероятно, предназначались для размещения плошек-светильников (чирагов)[13].

Здесь же на западной и восточной щеках прохода высечены небольшие (до 10 см), но достаточно глубокие (от 10 до 20 см) овальные и прямоугольные углубления, видимо предназначенные для крепления дверной рамы. Кроме этого, на восточной стене прохода над нишкой зафиксированы угол и плоскость ровного вертикального углубления, высеченного, видимо, либо для более плотного крепления дверной рамы, либо для более удобного и полного открывания дверей.

в) Пещерные коридоры

Оба коридора, как западный, так и восточный, до начала раскопок были заполнены почти до самого потолка и в результате наноса и смыва в них песка и гравия были снивелированы со склоном холма. Уровень завала в западном коридоре достигал 2 м. Раскопки 1985—1988 гг. позволили определить их общие размеры, планировочные особенности и характер культурных напластований. Общая длина западного коридора (см. рис. 52), как выяснилось, составила 12,3 м (с входным проемом — 13,5 м) при ширине 2,7 м (в северной части). К югу коридор незаметно сужается: на самой южной отметке его ширина — 2,55 м. Здесь почти повсеместно расчищена поверхность многослойного пола, покрывавшего материковый песчаник. В отличие от центрального помещения полы западного коридора были покрыты красной краской, нанесенной по саманной штукатурке, которая была положена на глинистую затирку песчаникового основания. Черная окраска и ганчевая затирка (или побелка) здесь отсутствуют. Пол коридора покато понижается от центральной части пещеры к выходу из нее.

В западной стене коридора, в 9 м от северной (большой) ниши и в 5,1 м от михраба, выявлена еще одна достаточно

[13] Фрагменты одной такой плошки, аналогичной найденным ранее на Кара-тепе (см.: Кара-тепе I, с. 40), происходят с пола в северной части восточного коридора.

глубокая ниша высотой 1,6 м и шириной у основания 1,7 м. Вероятно, в период функционирования буддийского монастыря она, как и ниша в центральном помещении, предназначалась для буддийской статуи или статуй. Глубина ниши — 0,75 м. Стены и полы в нише, в отличие от большой ниши в центральном помещении, выкрашены таким же ровным и мягким красновато-коричневым цветом, как и западная стена центрального помещения, а также вся вскрытая площадь стен западного коридора.

В 1,6 м от этой ниши выявлены поперечные стены прохода, ведущего из западного коридора к наземной части комплекса. Ширина входного проема — 1,2 м. Сохранившаяся высота стен — 1,6 м, толщина стен — 1,5 м. Проход имеет приступок высотой 15 см, стены прохода неровные, сильно деформированы, имеют большие углубления неправильной формы, что, видимо, связано с неоднократной его замуровкой. Судя по сохранившимся контурам стен, проход имел сводчатые перекрытия, полностью высеченные в песчанике. Стены и пол прохода окрашены в красновато-коричневый цвет, как и стены западного коридора.

В восточной стене западного коридора в 1 м от поперечной стенки выявлен большой пролом (первоначально принятый нами за входной проем), а за ним — еще одно, довольно странное помещение, целиком высеченное в песчанике между западным и восточным пещерными коридорами.

Как показали раскопки, западный пещерный коридор не имел надстроек из кирпича-сырца или иного строительного материала. Сводчатые стены коридора, судя по напластованиям обвала, были целиком высечены в песчаниковой толще холма. Как уже говорилось, пещера была сплошь завалена в основном рухнувшим сверху массивом песчаникового перекрытия коридора и песком, причем верх этого заполнения (мощностью до 1 м) представлял собой почти чистый слой надувного песка. Несколько фрагментов сырцовых кирпичей найдены на полу лишь у входного проема, на месте стыка пещерной и наземной частей комплекса.

Характер напластований в раскопанных участках западного коридора (особенно в непотревоженных, южных) несколько отличен от заполнения в основной части пещеры. Сразу же за дерном здесь начинается слой чистого надувного песка. На глубине 20—30 см от поверхности песчаникового оплыва, спускающегося в противоположный склону холма в западном коридоре, найдены три лежащих вплотную друг к другу человеческих черепа. Расположение черепов и отсутствие остальных

ных частей скелетов свидетельствует о том, что они были перемещены. Здесь же найдено несколько фрагментов керамики кушанского времени и более поздней поливной посуды, относящейся к XI—XII вв., и один фрагмент XIV (XV) в. Это фрагмент чаши с двусторонней поливой типа «кобальт», т.е. сине-голубой поливой, разрисованной по белому фону. Орнамент — геометрического характера, в виде концентрических кругов, заполняющих все внутреннее пространство фрагмента. По окраске и стилю орнаментации фрагмент аналогичен керамике Самарканда XV—XVI вв., тимуридского Ахсыкета и керамике Ташкента XV—начала XVII в.[14] Примечательно, что этот фрагмент, как и фрагмент XVI—XVII вв., найденный нами в пещере, расположенной на западной вершине Каратепе в 1987 г., может косвенно свидетельствовать об использовании отдельных пещер Кара-тепе в качестве чилляхоны даже в послемонгольский период (несмотря на почти полное уничтожение и запустение Термеза).

В глубине песчаного оплыва на расстоянии примерно 0,7 м от дневной поверхности и в 1,5 м от уровня пола (в слое надувного песка) найдена берцовая кость верблюда. Под слоем надувного песка лежал почти метровый плотный завал из натечной глины и кусков песчаника, представляющих собой остатки рухнувшего свода. Непосредственно перед проходом в западном коридоре, на протяжении примерно 0,6 м, выявлен завал из битого сырцового кирпича (размеры двух целиком сохранившихся кирпичей — 33 × 31 × 12 см) мощностью до 0,4 м. Завал начинается от южной стенки ниши в западном коридоре и идет на высоту 0,5 м к правой стенке коридора.

Здесь же, на полу между нишей в западном коридоре и проходом, найдены фрагменты керамики кушанского времени, 6 фрагментов кубура (или кубуров) с гранеными наружными поверхностями и два с овальными, фрагмент чашевидного предмета из белого известняка, скорее всего зонтика-чатра, венчавшего буддийскую ступу[15], и две жженые кирпичные плитки размером 30 × 29 × 7 см.

Интересен фрагмент стенки сосуда со штампованным орнаментом в виде вихревой розетки.

Между завалом из битого кирпича и нишей, а также вдоль западной и восточной стен коридора почти на всем протяже-

---

[14] *Сухарев И.А.* Два блюда XV в. из Самарканда. — Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 1. Таш., 1948, с. 57; *Вархотова Д.* Художественная керамика XV—начала XVI в. из Ташкента. — ОНУ. 1969, № 8, с. 86—89; *Ахроров И.* Новые археологические материалы с городища Ахсыкет XIV—XVI вв. — Там же, с. 79—81.

[15] Об изделиях такого рода на Кара-тепе см.: Кара-тепе I, с. 35—36.

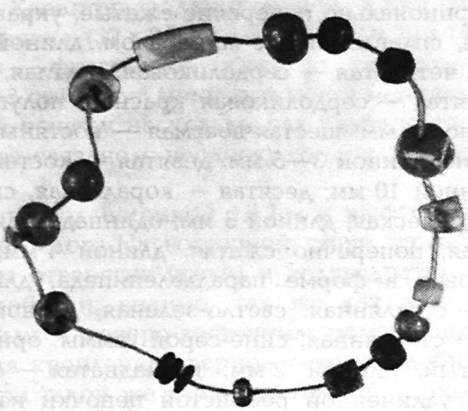


Рис. 53

нии в слое чистого песка повсеместно (почти до михрабной ниши) найдено множество разрозненных костей человеческих скелетов, и, наконец, в самой нише, на грубом настиле высотой 30 см, сложенном из сырцовых кирпичей и жженых плиток, расчищен почти полностью сохранившийся человеческий скелет[16]. Скелет ориентирован по линии юго-запад — северо-восток. Вытянутый во весь рост костяк лежал на спине, череп лицом обращен вверх. Скелет не потревожен, сохранен анатомический порядок костей. Рядом со скелетом, на том же уровне, примерно в 50—60 см от него, найдена мелкая медная монета очень плохой сохранности (диаметром примерно 1 см).

Еще две монеты найдены на полу примерно в центре западного коридора (одна из них с изображением сидящей фигуры мужчины в кафтане с высоко поднятым воротом). Здесь же наряду с разрозненными костями человеческих скелетов найдены фрагменты медного бубенчика диаметром 6,5 см (диаметр в сечении — около 5 мм), целиком сохранившийся медный бубенчик грушевидной формы с ушком на корпусе (высота — 1,6 см) с прорезью длиной 1,2 см; 16 бус, по-види-

[16] Полы в нише окрашены в красновато-коричневый цвет, как и стены (и полы) западного коридора; следовательно, сырцовая подстилка была сделана в период захоронения в пещере усопших после запустения буддийского монастыря (размеры жженых плиток — 30 × 29 × 7; 30 × 27 × 3,5 см).

мому, одного ожерелья (рис. 53) из сердолика, жадеита, коралла, кости и стеклянной пасты (три — сердоликовые, округлые, пропорционально поперечно сжатые, украшенные белым рисунком, сплавленным с минералом, длиной по отверстию 4—5 мм; четвертая — сердоликовая, круглая, диаметром около 5 мм; пятая — сердоликовая красная, полупрозрачная, граненая, длиной 4 мм; шестая-восьмая — костяные, коротко-цилиндрические, длиной 3—5 мм; девятая — костяная, цилиндрическая, длиной 10 мм; десятая — коралловая, светло-оранжевая, цилиндрическая, длиной 3 мм; одиннадцатая — жадеитовая, округлая, поперечно сжатая, длиной 4 мм; двенадцатая — жадеитовая в форме параллелепипеда, длиной 5 мм; тринадцатая — стеклянная, светло-зеленая, длиной 3 мм; четырнадцатая — стеклянная, сине-серой гаммы, орнамент продольно-полосатый, длиной 2 мм; пятнадцатая — стеклянная, синяя, в виде удлиненной ребристой цепочки из округлых, сильно сжатых 3 бусин, длиной 4 мм; шестнадцатая — оранжевая[17], округлая, поперечно сжатая, слоистой структуры). Интересны два фрагмента стенок сосуда с налепами и штампом, фрагмент тонкостенного сосуда с небольшим налепом в виде шарообразной фигуры в обрамлении, 2 — со штампованным налепом в виде овального листа, ниже которого сохранилась часть штампованного орнамента.

Находки подобной керамики, как уже отмечалось, расширяют набор найденных ранее на Кара-тепе образцов как штампованных орнаментов, так и фрагментов с налепами[18]. Здесь же, примерно в 1 м к югу от михрабной ниши, у западной стены коридора, найдены 3 халцедоновых отщепа[19].

Большинство костей человеческих скелетов оказались потревоженными. Перемещен и сопутствующий материал. По-видимому, здесь мы имеем дело с остатками захоронений, аналогичными обнаруженным ранее в пещерах и наземных помещениях Кара-тепе и относящихся ко времени после их запустения, скорее всего концу IV—VI в.

---

[17] Из семени неизвестного растения.

[18] См.: Кара-тепе II, с. 18—19.

[19] Халцедоновые нуклеусы и прочие предметы из халцедона (всего их шесть) найдены при обследовании местности примерно в 50—60 м к юго-западу от комплекса Ю, у подножия южного холма Кара-тепе. Несколько халцедоновых нуклеусов и отщепов найдены в пещерной части комплекса Д. О находках каменных орудий на территории Старого Термеза сообщается и в отчетах ТАКЭ. Все это может косвенно свидетельствовать об обживании этой территории еще в каменном веке. Но как и когда они попали в пещеры Кара-тепе и чем они могли служить людям уже в историческое время — остается совершенно непонятным.

Вход в западный коридор был доверху заложен стеной из сырцового кирпича в три-четыре ряда. Толщина стены — от 1,3 до 1 м. Характер кладки и наличие в ней разноформатного битого кирпича (32 × 31(30) × 15 см; 32 × 32 × 14 см), а в верхней части — фрагментов жженого кирпича (9 фрагментов толщиной 3 см) могут дополнительно свидетельствовать о том, что вход в пещеру несколько раз разбирался, что, очевидно, также было связано с неоднократными захоронениями в них людей.

Узкий проход шириной 1,15 м и высотой 2 м ведет в восточный коридор. На восточной стене этого входа зафиксированы два отверстия (ямки) и подквадратные углубления со следами побелки, видимо, так же как и в проходе между центральным и северо-восточным помещениями, предназначенные для крепления дверной рамы и удобного открывания дверей. При такой же длине восточный коридор заметно у́же западного. Ширина его в северной части составляет 2 м, в южной — 1,7 м. Здесь, как и в западном коридоре, расчищены поперечные стенки с контурами арочного проема, ведущего из пещеры наружу. Ширина проема в основании в северной части — 1,15 м, в южной — примерно 1 м. Глубина — 1,4 м, и здесь, как и в западном коридоре, проем имеет приступок высотой 12 см. На западной стене проема также выявлены округлые углубления диаметром 12—15 см и глубиной до 20 см, предназначенные для крепления дверной рамы. Арочный свод проема, вероятно рухнувший еще в древности, по-видимому, был целиком высечен в песчанике, о чем свидетельствует мощный завал из кусков песчаника в южной части коридора. Стены восточного коридора, имевшего также сводчатый потолок, в отличие от стен центрального помещения и западного коридора покрыты просто побелкой, нанесенной на глинистую затирку песчаникового основания. Полы сохранились лишь в северных участках. В отличие от многослойного пола в центральном помещении песчаниковая основа здесь лишь затерта глиной. На отдельных участках сохранился второй слой затирки и побелки, что, очевидно, было связано с его ремонтом.

Характер напластований в этом коридоре сходен с заполнением в западном коридоре (сплошной массив рухнувшего свода и надувного песка). И здесь в слое натечного песка в 30—50 см над уровнем пола также было найдено множество разрозненных человеческих скелетов, две монеты кушано-сасанидского типа (примерно в центре коридора), пряжка (рис. 54) из сплава на серебряной основе размером 2 × 1 см и,

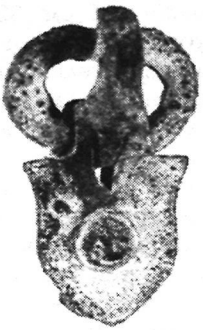


Рис. 54

Рис. 55

наконец, великолепное золотое кольцо (рис. 55) диаметром около 24 мм и весом 3,2 г. Ободок (шинка) сплошной, четырехугольный в сечении, очертанием в неполный круг, с двумя декоративными выступающими плечиками. Гнездовая оправа в разрезе трапециевидной формы, расширяющаяся кверху, донце ее плоское, сверху по кругу — полоска площадки, соединенная со стенками оправы пояском зерни, и вертикальная простая, ленточная царга. На одном из плечиков — чеканная накладка в виде чаши-фиалы с кромкой зерни. Отсутствует вставка и часть царги. На оправе имеются помятости. С внешней стороны донца оправы имеется пробоина. Если к тому же учесть, что кольцо было найдено на фаланге пальца, то можно предположить, что вставка была удалена второпях каким-то острым предметом с руки умершего.

г) Пещерное помещение на юге

В южной части пещеры, как уже отмечалось, выявлено еще одно довольно необычное по планировке небольшое сводчатое помещение, целиком высеченное в песчанике. Помещение это было как бы втиснуто между двумя коридорами; толщина его восточной стенки составляет 10 см, а западной — всего 6 см. Не случайно рухнувшая здесь, по-видимому, еще в период захоронения в пещере людей стена образовала большой пролом, соединивший это помещение с западным коридором. В отличие от полностью дошедшей до нас восточной стены западная стена помещения сохранилась лишь в основании. Высота сохранившихся в северо-западном углу стен помещения доходит до 4—5 см. Ширина помещения в северной части составляет 2,20 м, длина — 2,90 м, высота, судя по контурам сохранившейся дуги арочного свода и окраски по северной стене, — чуть более 2 м. Уровень пола на 6—7 см выше уровня пола в южных участках западного коридора, но на 7—8 см ниже уровня полов в соответствующих участках восточного коридора. Западная и восточная стены помещения плавно и дугообразно сужаются к югу, где выявлены контуры проема, ведущего во двор[20]. Проем этот также был заложен стеной из сырцового кирпича в один ряд, но в отличие от стены, замуровавшей вход в запад-

[20] Точную ширину сильно деформированного проема определить не удалось. К тому же расчистка проема и его основания не завершена.

ный коридор пещеры, здесь поперечная стена лежит не на песчаниковом полу, а на мощном (до 70 см) слое натечного песка.

До раскопок 1987 г. помещение было полностью (до верха холма) завалено гравием, натечной галькой в верхней части и массивом песка с кусками рухнувшего свода в нижней. В завале в смешанном слое натечного песка и кусков песчаника в 70 см над уровнем пола вскрыты остатки пяти разрозненных человеческих скелетов. В этом же слое найдены 5 медных монет очень плохой сохранности. Слой, вскрытый под захоронением (в 70 см над уровнем пола), состоял из почти чистого натечного песка и, судя по характеру залегания, образовался в результате просачивания воды и промывки песка из наземной части комплекса.

Стены помещения, как и в западном коридоре, затерты красноватой глиной с незначительным количеством мелкой молотой соломы и окрашены в красновато-коричневый цвет. Иначе окрашен пол. Материковая (песчаниковая) основа его обмазана глинистой затиркой охристого цвета, поверх которой лежит слой саманной штукатурки красновато-коричневого цвета мощностью от 0,5 до 0,7 см, затем ганчевая затирка (или побелка) и, наконец, тонкий слой черной краски[21].

На полу помещения найден фрагмент круглой в основании резной крышки от реликвария в виде цветка лотоса из обожженной глины[22]. Назначение помещения неясно. Если принять во внимание найденный на полу помещения фрагмент крышки реликвария, а также обнаруженный ранее (в 1986 г.) в западном коридоре сразу же за проломом в западной стене обломок ритуального зонтика-чатра из белого известняка (он мог попасть туда из пролома), то можно предположить, что раскопанное помещение в какой-то период служило потайной камерой или секретной кладовой.

---

[21] Для пещерной части комплекса Ю характерно, что песчаниковая основа всех плоскостей здесь повсеместно затиралась (для выравнивания поверхности) хорошо отмученной мелкозернистой глинистой обмазкой охристого цвета, а уже затем на нее наносились штукатурка, побелка или краска. Объяснялось это, по-видимому, тем, что песчаник — пористая масса и нанести на него непосредственно побелку или окраску было нельзя. Исходным материалом для получения глинистой затирки скорее всего служили жирные, хорошо отмученные естественным образом глинистые желваки и прослойки, повсеместно выявленные в песчаниковой толще вскрытых участков пещер Кара-тепе.

[22] Ср. Кара-тепе I, с. 84.

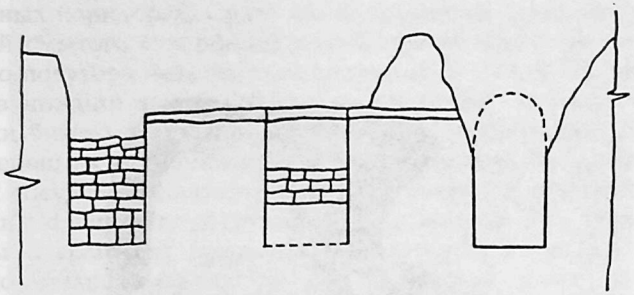


Рис. 56

g) Наружные сооружения (входные ниши)

Песчаниковая основа холма на всем протяжении вскрытых участков у выходов из пещерной части была строго вертикально «срезана» от поверхности холма до уровня полов, а к выходам пристроены сквозные арочные ниши из сырцового кирпича, продолжающие пещерные коридоры и помещение между ними и оформляющие их со стороны двора (рис. 56, ср. рис. 50).

Стены всех вскрытых участков входных ниш равномерно тянутся на юг на 2,1—2,2 м. Кверху они сужаются, переходя в сводчатые арки. На расстоянии 0,95—1,00 м от песчаниковой основы (выходов из пещерных коридоров) на всех наружных стенах удалось зафиксировать поперечные вертикальные швы со следами штукатурки, свидетельствующие о том, что первоначальная длина стен входных ниш была почти в два раза короче и лишь позднее, но еще в пору функционирования на Кара-тепе буддийского центра их удлинили. Причем, если эти вторичные стены в западной и восточной нишах являются как бы продолжением более ранних, то отрезки стен, пристроенных к центральной нише, заметно шире и на 0,24 м (западный) и 0,34 (восточный) выступают вовнутрь, образуя достаточно глубокую сквозную арочную нишу между ними и проемом в помещении между пещерными коридорами. Ширина первоначальной арочной ниши — 1,85 м, вторичной — 1,30 м.

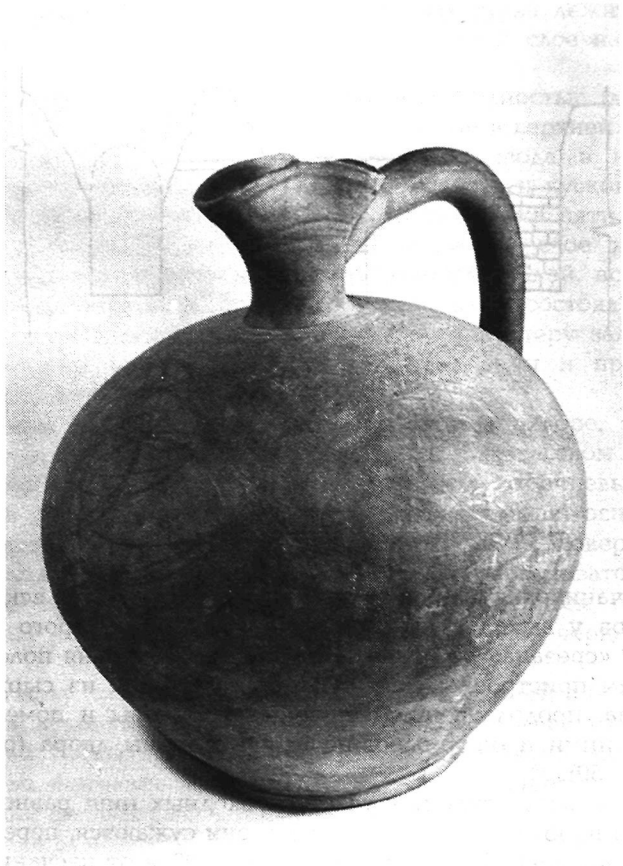


Рис. 57

Арочные своды входных ниш не сохранились. Высоту стен точно определить пока не удалось, так как раскопки здесь не доведены до уровня полов. Размер кирпича в кладках — 31(32) × 31(32) × 12(14) см. Стены западной и восточной ниш затерты красновато-коричневой глиной и неоднократно выбелены. Так, на западной стене восточной ниши удалось выявить 4 слоя побелки. Центральная ниша окрашена неравномерно. Вторичные стены здесь также затерты красновато-коричневой глиной и выбелены, а поверх побелки стен первоначальной, более широкой ниши нанесена еще и черная краска, такая же, как на полах помещения между пещерными коридорами.

Культурные напластования во вскрытых участках наружной части комплекса в целом сходны с напластованиями в пещерных коридорах. Сразу же за дерновым слоем начинается слой смытого с вершины холма гравия. Под ним — мощный, до полутора метров, слой надувного и натечного песка, и лишь в нижних частях (примерно на уровне первого яруса) осколки битого сырцового кирпича и незначительное количество черепков керамики кушанского времени: два фрагмента стенок сосуда со штампованным орнаментом в виде вихревой розетки, фрагмент двуручного ангобированного кувшина, кубуры с граненой наружной поверхностью, тагоры и несколько мелких фрагментов обожженных плит. В юго-восточном углу центральной ниши, в 5 см над уровнем фиксируемого пола, в слое натечного песка найден небольшой хорошо сохранившийся одноручный глиняный сосуд для воды со сливом типа энохои (рис. 57). Высота кувшина — 23,5 см. Круглая в сечении ручка прикреплена верхней частью к венчику и горлу сосуда. Плечи и бóльшая часть шарообразного тулова сосуда покрыты красным ангобом, на котором затерт сложный орнамент — сетчатый, из пересекающихся полос. Лишь один небольшой фрагмент толстостенного сосуда с поливой темно-зеленого цвета с внутренней стороны и фрагмент граненой ручки чирага ярко-голубого цвета найдены сразу же под слоем гравия в слое надувного песка, на глубине 0,5 м от поверхности холма, над входом в восточный пещерный коридор. Здесь же зафиксированы следы костра, возможно, как и поливная керамика, относящиеся ко времени обживания пещеры мусульманскими отшельниками. Мощность зольного слоя — до 10 см, диаметр — до 0,6—0,7 м. Все это наряду с найденным на полу сосудом говорит о том, что основная часть культурного слоя осталась непотревоженной в период освоения пещеры мусульманскими отшельниками.

* * *

В целом в ходе работ 1982—1988 гг. удалось полностью выявить планировку пещерной и начать раскопки наземной части комплекса Ю, в результате устройство и планировка комплекса, несмотря на сходство некоторых элементов с ранее изученными (например, оформление со стороны двора пещерных коридоров сводами из сырцового кирпича, как в комплексе В), представляется необычным, что сигнализирует о его «нетиповом» характере. Необычен и восточный кори-

дор — он заметно у́же западного. Пока можно предположить, что восточнее к нему примыкал еще один комплекс и его как бы «втиснули» в имеющуюся площадь. Возможно также, что здесь мы сталкиваемся с новой разновидностью буддийского комплекса. Не имеет прямых аналогий на Кара-тепе по своей планировке и помещение, высеченное между двумя коридорами пещеры.

Раскопками установлены три периода использования пещерной части комплекса. Первый период, связанный с его сооружением и расцветом, относится к кушанской эпохе, когда комплекс был буддийским монастырем. На конец IV в. приходится, видимо, гибель монастыря. Второй, связанный с погребением в пещере людей после запустения буддийского монастыря, относится к концу IV—V в. (возможно, и позже). Третий («мусульманский») связан с использованием пещеры в качестве чилляхоны (начиная с X—XI вв.). Находки поздней поливной керамики в комплексе Ю позволили значительно расширить диапазон времени использования пещеры мусульманскими отшельниками.

Т.И. Зеймаль

РАСКОПКИ НА СЕВЕРНОЙ ВЕРШИНЕ КАРА-ТЕПЕ (1985—1989)[1]

Новый раскоп, заложенный на Кара-тепе в 1985 г., расположен на северной, самой низкой, вершине этого холма, где начато исследование оплывших остатков отдельно стоящей наземной постройки, имеющих подковообразные очертания (50 × 50 при высоте 4 м), — открытой стороной «подкова» обращена на запад. На поверхности холма (там, где она не нарушена недавними земляными работами) до начала работ «читались» выходы регулярной кирпичной кладки — остатки стен здания, а также встречались в подъеме фрагменты кушанской и позднекушанской керамики, обломки плиток из обожженной глины. Судя по микрорельефу, помещения этого здания группировались с трех сторон вокруг квадратного двора, а два небольших всхолмления к северу от холма представляют собой остатки планировочно связанных со зданием отдельно стоящих сооружений. Чашевидное углубление в 50 м к западу от северного холма Кара-тепе, по мнению Л.И. Альбаума, проводившего там небольшие раскопки, — это остатки водохранилища-хауза. И наконец, еще одна особенность археолого-топографической ситуации вокруг северного холма Кара-тепе: у подножия естественной возвышенности в направлении восток—запад проходит протяженный вал, ограничивающий с севера пригород Термеза кушанского времени, — остатки стены (Б.Я. Ставиский) или акведука, по которому на этот участок пригорода подводилась вода (Л.И. Альбаум).

Многолетние раскопочные работы на Кара-тепе были сосредоточены на исследовании пещер или примыкавших к ним

[1] Работы велись Отделом Востока Государственного Эрмитажа. Сведения о раскопках 1988—1989 гг., приводимые в конце статьи, носят предварительный характер.

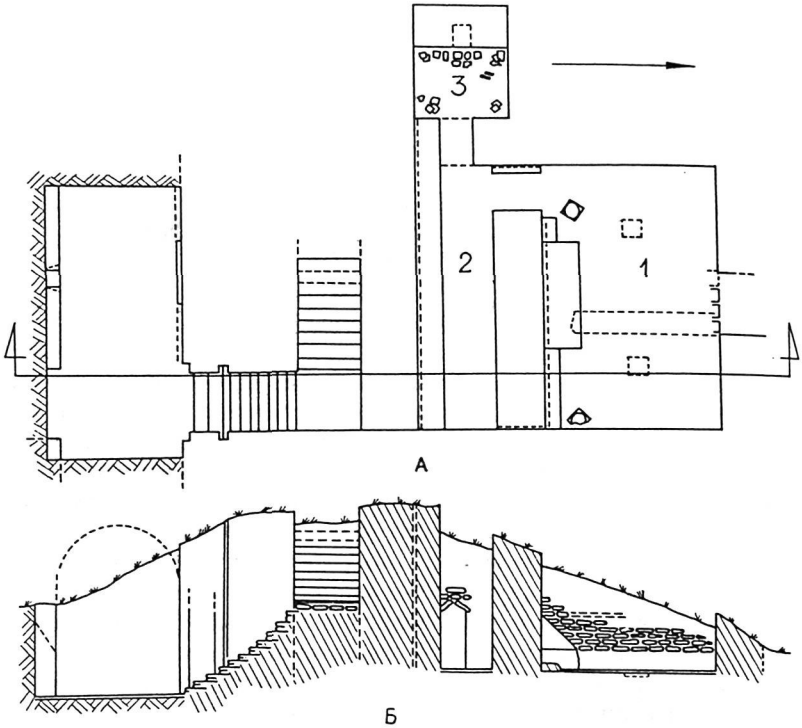


Рис. 58

наземных построек. На северном холме видимых признаков существования пещер не было обнаружено. Поэтому располагавшееся здесь здание могло иметь отличную от уже известных построек планировку и назначение.

Раскопочные работы были начаты на северо-западной оконечности «подковы» с небольшого шурфа (1985 г.), превратившегося за сезоны 1986—1987 гг. в раскоп площадью около 150 м^2 (рис. 58а, б). В пределах раскопа оказались три связанных планировочно помещения, составлявших обособленный комплекс в большом здании со своим — единственным — выходом на север, за пределы постройки.

Главным помещением в этом комплексе был прямоугольный зал площадью около 35 м^2 (7,40 м × 4,40 м), вытянутый в направлении запад—восток. В северной, внешней стене этого зала имелся широкий (1,42 м) проем, ступенчатый порог которого (высота — 0,25 м) был облицован четырьмя каменны-

ми блоками на алебастровом растворе. Сложенные из квадратного сырцового кирпича (со стороной 0,37—0,38 м) на глиняном растворе и покрытые саманной штукатуркой, стены здания сохранились на разную высоту. Лучшая по сохранности стена — южная, противоположная входу в помещение — имеет высоту до 3,5 м. К ней примыкает широкий (около 3,0 м) кирпичный пилон, пристроенный к стене и выступающий за ее линию на 0,88—0,90 м. Верх пилона разрушен, поэтому его первоначальную высоту установить невозможно; ясно только, что она была не менее 2,5 м. Располагался пилон по центру южной стены — на равном удалении от западной и восточной стен зала. Вдоль южной стены по обе стороны от пилона стояли узкие, шириной в один кирпич, суфы (высота — в три ряда кладки кирпича). Поверхность пилона, суф и стены, к которой они примыкали, поверх глиняной штукатурки покрывал тонкий слой белого ганча.

Западная и восточная стены зала сохранились хуже — на высоту от 3,5 до 1,2 м. Они сложены из такого же сырцового кирпича, оштукатурены и окрашены в красный цвет. Северная стена — наружная — сохранилась еще хуже, особенно от прохода в сторону северо-западного угла помещения, где она оказалась разрушенной почти до самого основания. Но, судя по участку от проема до северо-восточного угла, северная стена также была окрашена в красный цвет.

Перекрытие зала было плоским и опиралось на две колонны (видимо, деревянные), стоявшие на каменных базах, которые были найдены в этом же помещении, но сдвинутыми со своих первоначальных мест. При зачистке поверхности пола исходное положение баз на центральной продольной оси зала было зафиксировано по отпечаткам на полу. Обе базы (одна сохранилась полностью, другая сильно оббита) изготовлены из известняка, одинаковы по размерам (0,45 × 0,45 м по основанию, высота —0,25 м) и конфигурации профиля: квадратный плинт, на нем — два сплющенных вала разного диаметра, разделенных скоцией с двумя ступеньками-выкружками на переходе от верхнего вала к горизонтальной плоскости базы. Для крепления с фустом колонны в центре верхней плоскости базы квадратное (5,5 × 5,5 см, глубина — 4 см) или круглое (диаметр — 6 см) гнездо. У базы, сохранившейся полностью (рис. 59), на нижней плоскости плинтуса имеется глубокое квадратное гнездо с пологими закраинами — видимо, «технологического» назначения (для закрепления заготовки базы на поворотной доске при обточке профиля).

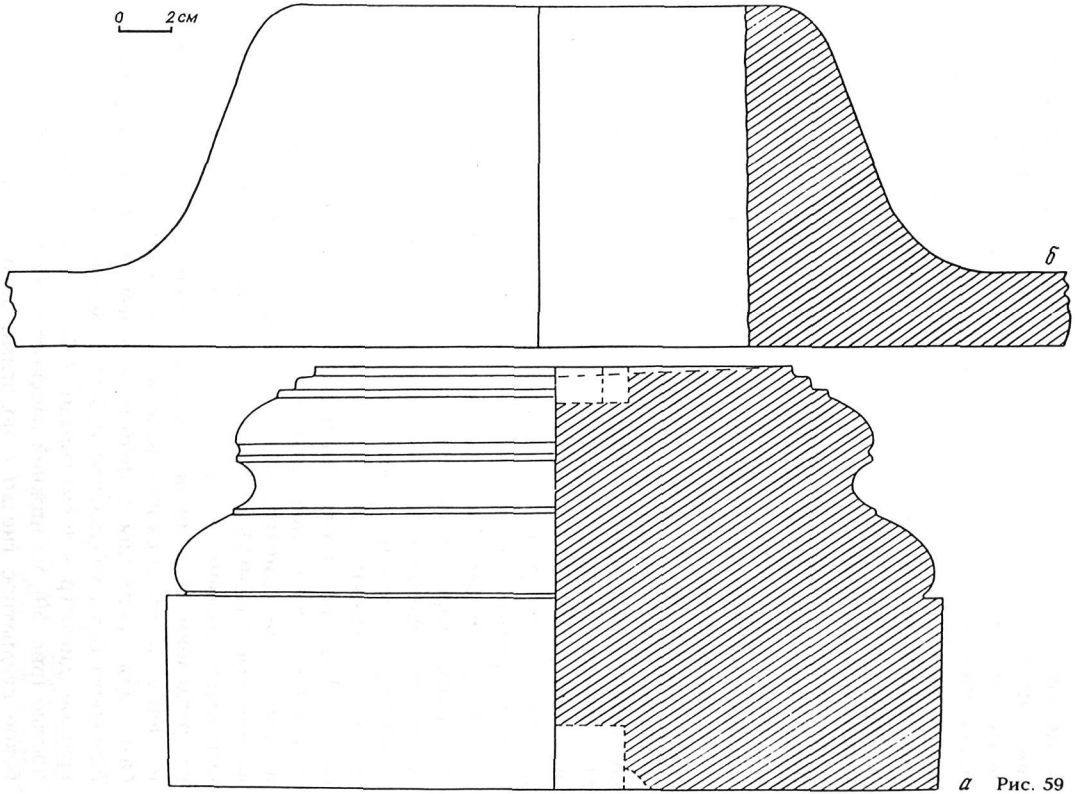


Рис. 59

При расчистке завала на полу помещения были найдены куски глиняной обмазки перекрытия, положенной на слой камыша (стебли четко отпечатались на глине). Как показала зачистка поверхности пола, базы колонн были слегка утоплены в пол за счет обмазки. Поверхность пола в этом помещении была окрашена в черный цвет, а вдоль западной и восточной стен, как бы спускаясь с них, по полу шли широкие (около 0,25 м) красные полосы.

Дверной проем в северо-западном углу зала (ширина — 0,9 м) вел в длинный и узкий коридор (7,40 × 1,40 м), стены которого сохранились на высоту более 4 м, оштукатуренные и покрытые тонким слоем белого ганча. Поверх ганча прослеживаются местами остатки тонких красных полос, образующих простейший узор. Назначение этого помещения-коридора пока не вполне ясно. В его западном торце имеется узкий сводчатый проем, ведущий в примыкающее к коридору третье помещение этого планировочного комплекса.

Помещение в западном торце коридора — небольшое (2,32 × 3,25 м). Примерно третью часть его занимает сооруженный из сырцового кирпича широкий (0,95 м) и высокий (1,10 м) постамент во всю ширину западной стены, противоположной входу в помещение. В средней части фасадной поверхности постамента — треугольная глубокая (0,50 м) ниша (ширина по основанию треугольника — 0,40 м, максимальная высота —0,55 м). Внутренняя поверхность ниши оштукатурена, ее стенки покрывает слой копоти.

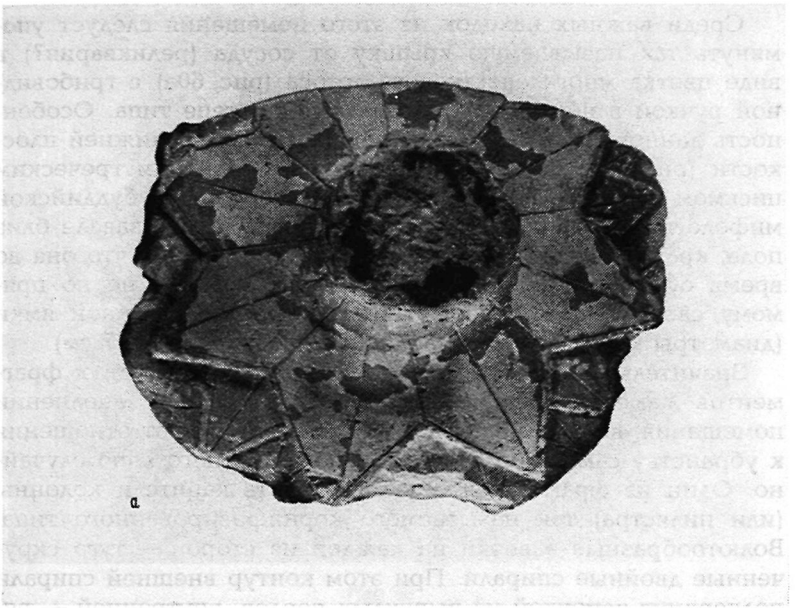
На стенах помещения, а также на вертикальной и горизонтальной плоскости постамента глиняная штукатурка покрыта тонким слоем белого ганча, по которому красной краской выполнен несложный линейный узор — парные горизонтальные полосы, переходящие со стен на постамент. Такие же две параллельные прочерченные красные полосы идут по стенам помещения вертикально, продолжая вверх линию примыкания постамента к боковым стенкам этого помещения. Парные горизонтальные полосы на стенах и постаменте (нижняя пара линий) служат нижней границей побелки. Возможно, низы стен и постамента имели окраску другого цвета (по предположению реставратора экспедиции Н. Ковалевой — зеленого). К моменту раскопок в этом помещении низы стен и постамента четко выделялись своей лёссовой поверхностью на фоне побеленных стен. Не исключено, что эти непобеленные участки стен и постамента были первоначально облицованы плитками из обожженной глины (скопления целых таких плиток и их обломков были обнаружены в

помещении — на полу и на верхней плоскости постамента) — в этом случае необходимость в их побелке и покраске отпадала. Видимо, такими же плитками был вымощен и пол.

Вблизи треугольной ниши вымостка пола частично сохранилась в непотревоженном виде: прямо под нишей была расчищена круглая очажная ямка (диаметр — 0,17 м, глубина — около 0,2 м), заполненная золой, а вокруг нее с трех сторон плашмя лежали обожженные плитки, с четвертой же вертикально поставленный на ребро крупный кусок плитки примыкал к поверхности постамента. Лежащие в два слоя плитки слева от очажной ямки (на расстоянии 0,15—0,20 м от нее) можно принять за остатки боковой стенки очага. Реконструируемые размеры очага: ширина по фасаду — около 0,8 м, за линию постамента очаг выступал на 0,4 м, внутриочажное пространство — 0,45 × 0,28 м.

Видимо, когда помещение прекратило функционировать по своему прямому назначению, облицовка из плиток была вскрыта, часть ее свалили кучками по углам, часть (в основном обломки) забросили на верхнюю плоскость постамента. Размеры облицовочных плиток-кирпичей неодинаковы. Судя по целым экземплярам, они были квадратными или слегка трапециевидными, со стороной от 0,26 до 0,35 м при толщине 4—6 см.

Заполнение помещения составляли рухнувшие верха кирпичных стен и перекрытия (возможно, сводчатого). В завале было много керамических фрагментов: от больших водоносных кувшинов (с двумя ручками, цилиндрическим горлом и шаровидным туловом), от кубков-чаш (вертикальный бортик — изогнутого профиля, по светло-красному ангобу — полосы лощения), от мисок-тагор, светильников-плошек, небольших кувшинов с воронкообразным горлом (типа кундики). Следует отметить часть (в нескольких фрагментах) толстостенного сосуда типа корчаги с профилированной закраиной широкого устья, с петлевидными ручками (украшены круглыми глубокими ямками-вдавлениями у основания) и сложным орнаментом (крутая волна из глубоко врезанной двойной линии, между ее гребнями — схематичные изображения веточек и «елочек», горизонтальные ряды из вдавленных кружков и скобок) по плечику. Фрагменты одного и того же сосуда встречаются в завале на разной глубине и, видимо, попали в заполнение, когда обрушилось перекрытие помещения. Поскольку керамики в заполнении помещения много, можно предполагать, что она происходит из помещений второго этажа (сохранившаяся высота стен допускает существование таких помещений).



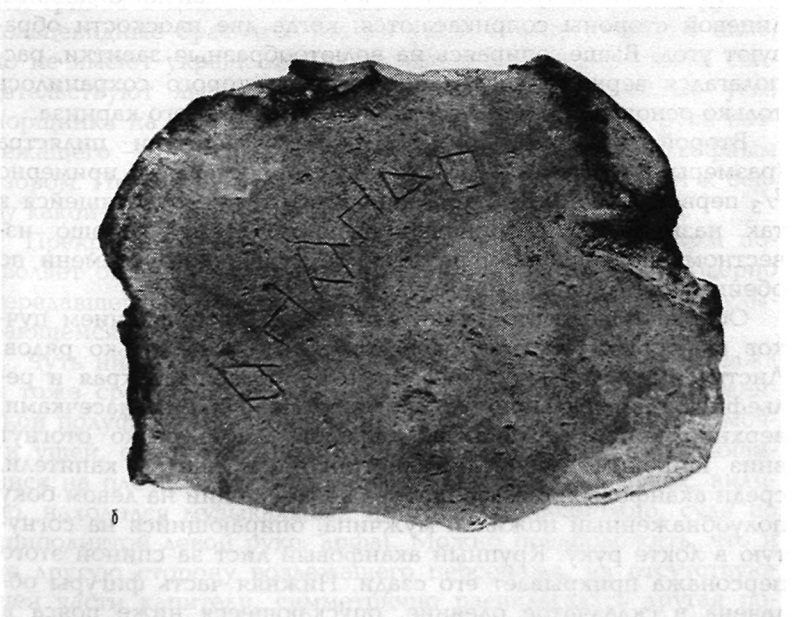


Рис. 60

Среди важных находок из этого помещения следует упомянуть так называемую крышку от сосуда (реликвария?) в виде цветка многолепесткового лотоса (рис. 60а) с грибовидной ручкой в центре, обычного для Кара-тепе типа. Особенность данного экземпляра — процарапанная на нижней плоскости (рис. 60б) бактрийская надпись кушанским греческим письмом «Ананда» — имя известного персонажа буддийской мифологии. Крышка с этой надписью найдена в завале близ пола, края ее оббиты и закопчены, т.е. возможно, что она во время существования очага использовалась уже не по прямому своему назначению, а для закрывания очажной ямки (диаметры крышки и ямки полностью совпадают —17 см).

Значительный интерес представляет и находка двух фрагментов каменного архитектурного декора — в заполнении помещения, высоко над полом, которые не имеют отношения к убранству самого помещения и попали в него явно случайно. Один из фрагментов — угловая часть капители колонны (или пилястра) так называемого коринфизированного типа. Волютообразные завитки на каждой из сторон — туго скрученные двойные спирали. При этом контур внешней спирали подчеркнут цепочкой из выпуклых перлов, внутренней — рядом треугольных зубцов. Волютообразные завитки боковой и лицевой стороны соприкасаются, когда две плоскости образуют угол. Выше, опираясь на волютообразные завитки, располагался верхний пояс капители, от которого сохранилось только основание в виде ступенчатого рельефного карниза.

Второй фрагмент (рис. 61) — часть капители пилястра (размеры фрагмента — 35 × 23 см, что составляет примерно $^2/_3$ первоначального объема капители), также относящейся к так называемому коринфизированному типу, хорошо известному по раскопкам памятников кушанского времени по обеим берегам верховьев Амударьи.

Основное поле этой капители занято изображением пучков аканфовых листьев, расположенных в несколько рядов. Листья имеют сильно изрезанные приостренные края и рельефную центральную жилку с поперечными насечками; верхний конец вертикально стоящего листа резко отогнут вниз широким языком-пятилистником. В центре капители, среди аканфовых листьев, изображен лежащий на левом боку полуобнаженный пожилой мужчина, опирающийся на согнутую в локте руку. Крупный аканфовый лист за спиной этого персонажа прикрывает его сзади. Нижняя часть фигуры облачена в складчатое одеяние, опускающееся ниже пояса и имеющее орнаментированный верхний край. На шее — двой-

Рис. 61

ная гривна с центральным украшением, на запястьях рук — кольцевидные браслеты. Мочки ушей сильно оттянуты вниз, но не имеют украшений. О зрелом возрасте персонажа свидетельствуют лысина на темени, длинные пушистые усы, морщинка на лбу, слегка отвислый живот. В левой руке возлежащего — полусферическая чаша, украшенная рельефным узором. Правая рука вытянута вдоль тела и прижимает к бедру какой-то удлиненный предмет — возможно, бурдюк.

Прекрасная сохранность центральной части капители позволяет оценить высокое мастерство скульптора, достоверно передавшего выражение довольства и наслаждения на улыбающемся лице.

Чуть ниже, по левую сторону от центрального персонажа и тоже среди аканфовых листьев, угадывается контур женской полуфигуры, к сожалению сбитой. Видны длинные мочки ушей, оттянутые пирамидальными серьгами, спускающимися на плечи. В вытянутых вперед и согнутых руках, видимо, находился музыкальный инструмент (возможно, судя по приподнятой левой руке, арфа). Можно предположить, что и по другую сторону возлежащего персонажа, на отсутствующей части капители, симметрично располагалась другая полуфигура.

Угол капители оформлен спиралевидными завитками, соприкасающимися на грани плоскостей друг с другом и опирающимися на отогнутый вниз конец аканфового листа. Так же отогнут вниз конец более крупного углового листа и в нижнем ряду листьев. Спиральный завиток разворачивается в дугу по направлению к середине капители, внутреннюю сторону дуги украшают треугольные зубцы.

Верхний пояс капители не сохранился, нет четко выраженной горизонтальной плоскости в основании капители. Для реконструкции ее полного облика можно воспользоваться сопоставлением с капителями пилястров знаменитой сурхкотальской «буддийской платформы»[2]: в верхней части капители, вероятно, проходила полоса бордюра с растительным орнаментальным мотивом — например, побегами виноградной лозы с листьями и гроздьями ягод (ср. № 213 и 215 из Сурх-Котала). Такое завершение капители хорошо согласовывалось бы с персонажем, в руках которого чаша для вина и бурдюк (?).

При значительном общем сходстве капители из Кара-тепе с сурхкотальскими (аканфовая листва с полуфигурами, спиралевидные завитки по углам и др.) можно отметить и различия между ними. Во-первых, ни на одной из 25 сурхкотальских капителей нет трехфигурных композиций. Во-вторых, публикуемую каратепинскую капитель отличает более свободное расположение листьев аканфа и фигур в них по полю капители, тогда как у сурхкотальских листья образуют два четко выделенных яруса, граница между которыми приходится на пояс спрятанной в листьях фигуры. И на сурхкотальских капителях, и на нашем экземпляре сходным образом проработаны листья аканфа (приостренные и сильно изрезанные края, резко отогнутый вниз кончик листа и т. п.), но угловые волютообразные завитки у сурхкотальских капителей как бы «задавлены» листвой и слабо выражены. Каратепинский же мастер, напротив, стремился выделить их из листвы — прежде всего размером, подчеркивая кривую спирали завитка «зубчиками» или цепочкой из перлов.

Видимо, все элементы сходства следует объяснять не только хронологической близостью каратепинской и сурхкотальских капителей (II—III вв.), но и единством художественной школы с отчетливо выраженным стилем и набором художественных и технических приемов, в стиле которой эти ка-

[2] *Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G.* Surkh Kotal en Bactriane. Vol. 1 (MDAFA, t. 25). P., 1983, рис. 66—68.

пители были изготовлены. Различия же в деталях не только указывают на существование разных мастерских в рамках этой школы, но и свидетельствуют о значительной творческой свободе мастера, предоставляемой ему каноном (в частности, в построении композиции). Нет никаких признаков, которые позволяли бы оценивать различия между каратепинской капителью и сурхкотальскими как хронологические (например, как принадлежность к разным этапам развития традиций кушано-бактрийской школы).

Благодаря тому что капитель лежала в мягком завалезаполнении помещения, ее поверхность не пострадала от воздействия почвенных солей. Отчетливо видны следы резца, которым мастер обрабатывал поверхность камня, что позволяет, высоко оценивая его художественный талант, познакомиться более детально и с техническими приемами кушанских ваятелей.

Назначение помещения № 3 пока остается не вполне ясным, но капитель, как уже было отмечено, к его убранству не имела никакого отношения: ее явно принесли сюда из какой-то соседней постройки. Помещение № 3 вполне можно было бы считать кельей для монаха (в пользу такого предположения говорят размеры помещения, выкладка пола плитками, наличие очага и ниши для светильника), но нет уверенности, что высокий и широкий постамент был сооружен как лежанка для сна. Функциональное назначение помещения № 3 может быть с уверенностью определено только с учетом назначения всех остальных помещений этого планировочного комплекса (и здания в целом). Существенное препятствие для этого состоит в том, что помещения второго этажа (и, в частности, над помещением № 3) не сохранились. Узкий и длинный коридор № 2 с его высокими стенами мог использоваться не только для прохода в помещение № 1, но и для хранения припасов и приношений. Нелегко определить пока и назначение помещения № 1: непонятно, какую роль выполнял пилон у южной стены — его гладкая поверхность лишена на сохранившейся высоте каких-либо следов росписи, хотя «почетное» место в центре стены, против входа в помещение, вряд ли отведено пилону случайно. Скорее всего помещение № 1 — это не зал для собраний монахов или молений, каких-то ритуальных действий, а так называемый зал для медитаций, куда в буддийских монастырях допускаются не только постоянные жители обители, но и ревностные прихожане.

Видимо, окончательно ответить на вопрос о назначении каждого из трех помещений в этом обособленном комплексе

(и комплекса в целом) можно будет только после того, как будет вскрыта территория к северу от зала, т.е. когда станет ясно, какое место в общей застройке северного холма Каратепе занимали эти помещения.

Пока мы не располагаем какими-либо материалами, уточняющими время сооружения этого комплекса из трех помещений и ранний этап его существования. Керамический материал из заполнения помещений относится ко второй половине IV в. и дает дату функционирования этого планировочного комплекса на последнем этапе его жизни. Найденная в завале, высоко над полом, монета Васудевы не может (по условиям ее залегания) служить опорой для датировки. Ясно только, что эта часть здания на северном холме Кара-тепе продолжала функционировать до последних десятилетий IV в.

Разрушение раскопанных помещений можно синхронизировать, таким образом, с разрушениями и запустением других наземных и пещерных сооружений каратепинской «лавры», как и расположенного в 1 км к северу буддийского монастыря Фаяз-тепе, т.е. с событиями конца IV в., вызванными приходом в правобережье Амударьи сасанидского войска Шапура II и последующим периодом сасанидской оккупации.

Нет полной уверенности, что разрушения в раскопанных помещениях — результат намеренных действий. Наиболее отчетливая картина прослеживается в зале № 1: рухнула кровля, на полу лежат крупные комья глиняной обмазки крыши, разрушена часть северной стены (правее входа в помещение). На полу у стены, под ее развалом, найдены остатки человеческого скелета. В помещении № 3 вскрыта облицовка пола, в зале сдвинуты со своих мест каменные базы колонн. Но все эти разрушения могли происходить не в результате учиненного в какой-то момент погрома, а постепенно, когда здание было оставлено и монастырь прекратил функционировать.

Спустя какое-то время развалины этого здания (как и другие наземные и пещерные помещения Кара-тепе, а также здание Фаяз-тепе) были использованы для захоронений. В менее пострадавшем от разрушения коридоре № 2 на слое надувного песка (толщиной 20—25 см), скопившегося над полом, было совершено захоронение — видимо, единственное в этом коридоре. Тогда же (или позже) вход в коридор со стороны зала был заложен каменными блоками, собранными где-то рядом со зданием (но за его пределами). Блоки (всего их 26) прямоугольных очертаний, с общей высотой (26—28 см), но разной длины и толщины (рис. 62). Один из закла-

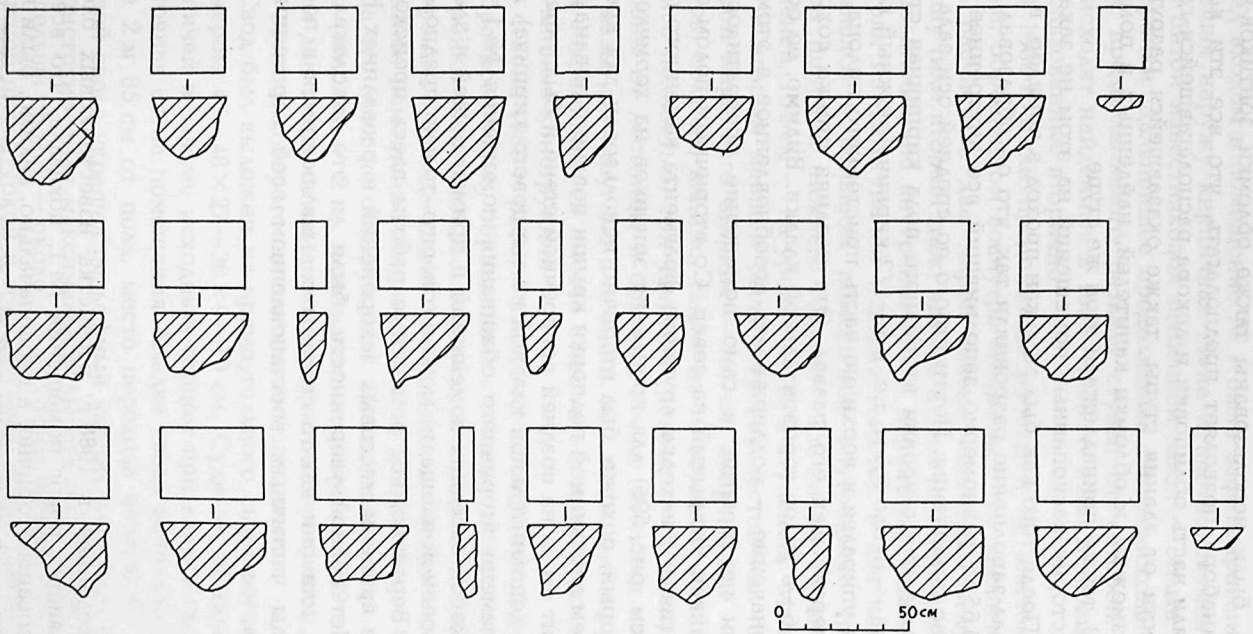


Рис. 62

дочных камней — угловая база пилястра, другой — фрагмент карниза, были использованы также обломки зонтиков-чатр. Такой «набор» позволяет предполагать, что все эти камни составляли часть облицовки и декора располагавшейся где-то поблизости от здания ступы, также оказавшейся разрушенной. Возможно, и обломки капителей, найденных в помещении № 3, также принадлежали этой же ступе.

Но история раскопанных помещений на этом не заканчивается. После того как был заложен проход в коридор, в зале № 1 завал-заполнение разровняли так, что он образовал слой в 0,6—0,65 м, равномерно заполнивший все внутреннее пространство помещения. Почти строго по средней оси зала № 1 была возведена с уровня вторичного пола кирпичная стенка (толщина — около 0,5 м, т.е. в 1—1/2 кирпича), южный конец которой упирался в верхнюю часть пристенного пилона, частично перекрывая его развал. Эта поздняя стенка сохранилась на 6—8 рядов горизонтальной кладки. Видимо, ее основное назначение — поддерживать возобновленное в этом помещении перекрытие, а само помещение превратилось из зала в айван, открытый на север. Со вторичным полом этого айвана связана находка крупного фрагмента каменного основания (см. рис. 59б) для крепления зонтиков на *хармике* ступы, который, похоже, был вторично использован для крепления в нем деревянной подпорки крыши позднего айвана (этот фрагмент стоял на поздней поперечной стене и был укреплен с боков дополнительной кладкой из сырцового кирпича).

О времени вторичного обживания помещения № 1 пока (до раскопок соседних помещений и примыкающей к зданию незастроенной площади) можно говорить только предположительно. Вероятно, все ремонтные работы здесь происходили позднее времени массовых захоронений в развалинах Каратепе. Нет полной уверенности, были ли это узколокальные работы, или они как-то связаны с выявляющимся в последние годы частичным восстановлением всей каратепинской «лавры».

* * *

Проведенная в 1988 г. расчистка известняковых блоков, составлявших порог помещения № 1, показала, что все они использованы вторично, а первоначально, видимо, были предназначены для облицовки той же ступы, что и блоки, обна-

руженные в коридоре № 2. На раскопанном в 1988 г. участке перед входом в помещение № 1 были зафиксированы только упавшая наружу кирпичная стена и плотно сцементированный битой известняковой щебенкой завал — оплыв какой-то постройки. Дальнейшее продолжение этого раскопа — в сторону предполагаемого развала ступы, от которой, видимо, происходят найденные в 1987—1988 гг. известняковые блоки, использованные вторично.

В 1988 г. были продолжены работы и на южном склоне холма, обращенном вовнутрь «подковы», где удалось полностью расчистить два марша-колена лестницы, ведущей на крышу (или второй этаж) здания из тех помещений, которые располагались по внутреннему его периметру. Нижний марш состоял из 10 ступеней (каждая высотой в два кирпича) и начинался в большом помещении внутреннего периметра двора (ширина нижнего марша — 158 см на уровне 1—3-й ступеней, 164 см — на уровне 4—10-й ступеней). Между нижним и вторым маршем была устроена лестничная площадка. Второй марш (его ширина — 167 см, направление — запад—восток) состоял, видимо, также из 10 ступеней (шесть сохранились полностью, три уверенно реконструируются). По обе стороны от лестницы в боковых стенах имеются вертикальные пазы (полукруглые в сечении, 33 × 16 см, фиксируются по всей сохранившейся высоте стен), в которых некогда стояли деревянные конструкции.

В сезоне 1989 г. работы велись на склоне северного колена П-образного холма, обращенном в сторону внутреннего двора постройки. Как оказалось в результате раскопок, здесь вдоль внутреннего фасада здания располагалось большое коридорообразное помещение шириной 3,35 м, длиной более 12 м (оба торца его пока не обнаружены). Помещение имело выход во двор (ширина — 2 м), освещалось окнами (в 1989 г. обнаружены два таких окна), имело сводчатое перекрытие, рухнувшие остатки которого составляли его заполнение.

Свод был выложен из прямоугольного сырцового кирпича размером 45—48 × 27—30 × 9—10 см. Судя по расположению кирпичей в завале, исходным торцом при кладке свода была восточная стена помещения. Кладка свода начиналась на высоте 2 м 85 см от пола, место перехода вертикали стены к кривой свода украшал рельефный карниз сложного профиля. Реконструируемая максимальная высота помещения (от пола до шелыги свода) — около 4,5 м. Стены помещения покрыты глиняной штукатуркой и тонким слоем ганча. Побелка сохранилась на щеках и наклонном подоконнике оконных проемов.

Работы последних лет позволяют говорить о синхронности вскрытого ранее комплекса из трех помещений с помещением или помещениями, обращенными в сторону внутреннего двора, об их определенной связи при сохранении, однако, обособленного назначения помещений 1—3.

В.А. Лившиц, В.Г. Шкода

ДРЕВНЕИНДИЙСКОЕ «KARAḶA» В БАКТРИЙСКОЙ НАДПИСИ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

В течение последних трех десятилетий в Южном Узбекистане — в долине Сурхандарьи, а также в Южном Таджикистане и в Афганистане найдено около 30 бактрийских надписей на обломках глиняных сосудов. Почти все эти надписи, к сожалению, фрагментированные: они сохранили, как правило, лишь по несколько букв, редко — в разрушенных контекстах — отдельные слова, среди которых в немногих случаях удается распознать слова, известные ранее по Большой Сурхкотальской надписи — основном источнике наших знаний о бактрийской лексике[1].

Исключения составляют бактрийские надписи на керамике, найденные при раскопках буддийского центра на Каратепе (в Старом Термезе) и сохранившиеся либо целиком, либо с очень небольшими лакунами. Среди этих надписей имеются обозначения принадлежности сосуда определенным лицам — рядовым монахам и буддийским проповедникам. Названия сосудов в таких надписях могут не присутствовать. К надписям этого типа принадлежит краткая санскритско-бактрийская «билингва»: скр. (брахми) Buddhaśiraddharmakathikas[ya] «Буддашира, проповедника дхармы», бактр. βοδδο ζβ[η]ο χοβι «собственное Будды, проповедника»[2].

---

[1] Бактрийский манихейский рукописный фрагмент из Турфанского оазиса, хранящийся в Берлине, по объему (всего 37 строк манихейским письмом на R и V) *превосходит* Большую Сурхкотальскую надпись, но опубликован до сих пор лишь частично. См.: *Henning W.B.* The Bactrian Inscription. — BSOAS. Vol. 23, 1960, с. 55, примеч.; *Gershevitch I.* The Bactrian Fragment in Manichean Script. — AAASH. T. 28, 1984, с. 273—280; *Sims-Williams N.* A Note on Bactrian Phonology. — BSOAS. Vol. 48, 1985, с. 111—116; *Sims-Williams N.* Bactrian. — Compendium Linguarum Iranicarum, hrsg. von R.Schmitt. Wiesbaden, 1989, с. 230—235.

[2] Публикация надписи: *Грек Т.В., Лившиц В.А.* Двуязычная надпись из Кара-тепе. — Кара-тепе III, с. 118—121, табл. XXIII. Значение бактр. χοβι в этом издании осталось непонятым.

В бактрийской версии сравнительно с санскритской сокращены имя собственное (βοδδο = Buddhaśira) и духовный ранг (ζβ[η] «проповедник», из др.-ир. *zbaya(t), при скр. ddharmakathika), но зато присутствует местоимение χοβι (это написание передает, очевидно, xub или xubə) «свой, собственный», из др.-ир. *hvaipaϑya-, авест. xᵛaēpaiϑya-, ман.-б. xwβyc (диалектная бактрийская форма), согд. xēpϑ, ягн. хар. xʷap, хер и т.д.[3]

Однако далеко не все бактрийские надписи на керамике из Кара-тепе обозначали принадлежность сосудов. Существовали и разные типы пожелательных и дидактических надписей, как связанные с буддийскими индийскими формулами, так и не находящие, как кажется, прямых аналогий в индийском. Попытка чтения и интерпретации одной из таких бактрийских надписей предлагается в данной статье. Следует при этом учитывать, что наши знания о бактрийском до сих пор таковы, что любая интерпретация краткого текста, содержащего не встречавшиеся ранее слова, может быть лишь гипотетичной.

Надпись начертана черными чернилами на нижней части глиняного сосуда, между поддоном и полосой темно-красного ангоба на тулове. Длина надписи по окружности — 34,5 см, она сохранилась почти целиком, отсутствует лишь один небольшой фрагмент — конец надписи, длиной около 3 см, не более четырех букв. Три куска сосуда, составляющие вместе и содержащие надпись, были найдены в 1978 г. у внешней стороны западной стены комплекса В, в слое керамики над полом. В настоящее время фрагменты хранятся в Государственном музее истории религии и атеизма (Ленинград), инв. № 36111 КВП (Б 8258).

Профиль нижней части сосуда, сохранившейся почти целиком, наличие остатков ручки и ангоб указывают, что это был, вероятно, сосуд для жидкости с узким горлом и ручкой. Аналогичные сосуды хорошо известны на Кара-тепе. Некото-

[3] Обозначение принадлежности сосуда содержит еще одна надпись из Кара-тепе, начертанная на кундике. В этой надписи имеется три части: санскритская (брахми), пракритская (кхароштхи) и бактрийская. Судя по этой надписи, сосуд, принадлежавший бхикшу (бактр. βικϸο), мог либо сменить хозяина, либо (что кажется маловероятным) одновременно находиться в распоряжении двух монахов. В бактрийской части этой надписи χοβο «свой, собственный» (орфографический вариант к χοβι) соответствует скр. pudgala, пракр. puṃgalaga. Этой надписи посвящена другая статья данного сборника: «Бактрийская версия трехъязычной надписи».

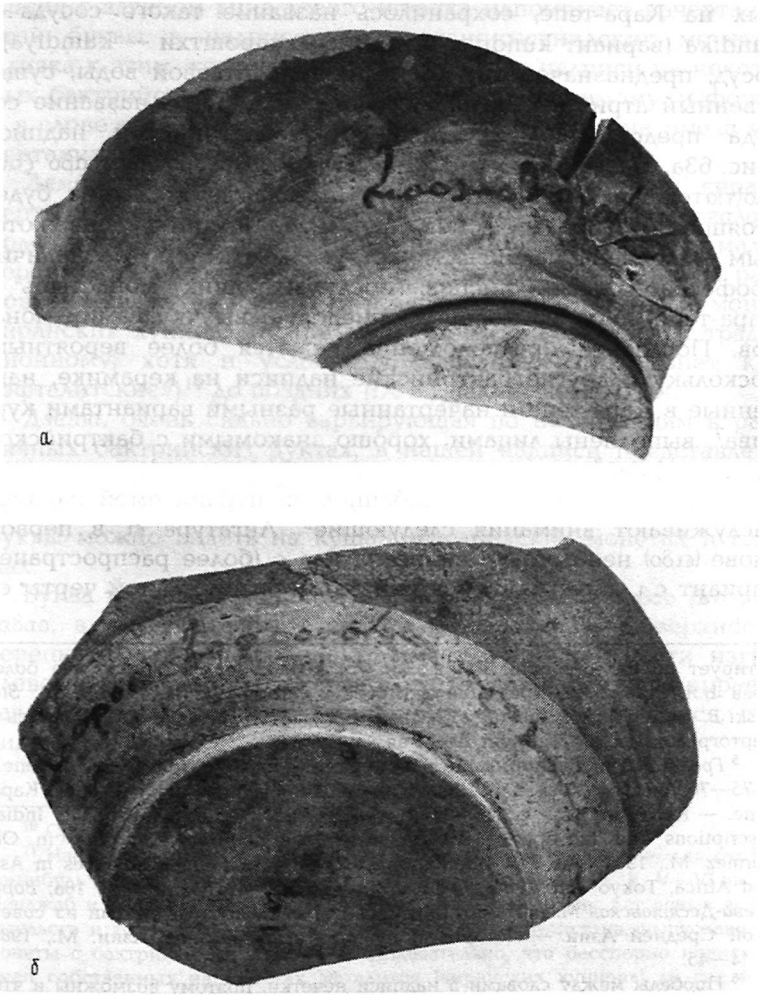


Рис. 63

рые из них имели индийские (санскритские или пракритские) надписи[4]. В нескольких индийских надписях брахми, найден-

[4] *Вертоградова В.В.* Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе. — Кара-тепе IV, с. 70—81, табл. 11—13. Автор замечает (с. 81), что по крайней мере в двух санскритских дидактических надписях, найденных на Кара-тепе, текст расположен на «самой нижней части сосуда под линией, которой отделяется ангобированная поверхность, тогда как в вотивных сосудах надпись обычно располагается в средней части или ближе к верхнему краю». Надпись I, рассматриваемую в этой статье Вертоградовой, автор

ных на Кара-тепе, сохранилось название такого сосуда — kundika (вариант kundiya, в надписи кхароштхи — kuṃḍiya)[5], сосуд, предназначенный для хранения питьевой воды, существенный атрибут буддийских монахов. Другое название сосуда представлено в публикуемой бактрийской надписи (рис. 63а, б): ειδο μο κοπαλο (τ)αδαο(βο) ταδαο αβο αροο αβο ζαοο αλσ(τ)ατο ιαδη α(.)[..][6] «Этот сосуд (капала) пусть всегда будет стоящим без вреда (?), без ущерба...». Четкий курсив, которым выполнена надпись, может указывать либо на наличие профессиональных писцов, обслуживающих монастырь в Кара-тепе, либо на хорошую писцовую выучку самих монахов. Последнее предположение кажется более вероятным, поскольку и другие бактрийские надписи на керамике, найденные в Кара-тепе и начертанные разными вариантами курсива[7], выполнены лицами, хорошо знакомыми с бактрийской каллиграфией[8].

Из палеографических особенностей публикуемой надписи заслуживают внимания следующие[9]. Лигатура ει в первом слове (ειδο) необычна: ι написана над ε (более распространен вариант с ι, опускающейся вниз от горизонтальной черты ε).

датирует по палеографии II в. н.э. (с. 75), однако нам кажется, что более прав Б.Я. Ставиский, предлагая датировать сам сосуд III—IV вв., см.: *Stawiski B.* Mittelasien. Kunst der Kuschan. Lpz., 1979, Taf. 112—113. Надпись II Вертоградова (с. 80) датирует II—III вв.

[5] *Грек Т.В.* Индийские надписи на керамике из Кара-тепе. — Кара-тепе I, с. 75—76, рис. 44; *Грек Т.В.* Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе. — Кара-тепе III, с. 116—117, табл. XXIд; *Vertogradova V.V.* Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez. M., 1983 (The 31st International Congress of Human Sciences in Asia and Africa, Tokyo and Kyoto, Section 3), с. 34, 40—41, 47, рис. 15, 18а; *Воробьева-Десятовская М.И.* Памятники письмом кхароштхи и брахми из советской Средней Азии. — История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 44—45.

[6] Пробелы между словами в надписи нечетки, поэтому возможны и чтения αβοαροο, αβοζαοο.

[7] Исключение составляет фрагмент надписи на черепке, сделанной монументальным письмом. См.: *Ставиский Б.Я.* Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг. — Кара-тепе I, с. 43, рис. 41; *Харматта Я.* К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. — Кара-тепе II, с. 38, рис. 9а; *Лившиц В.А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. — Там же, с. 75—76 (приведено чтение В.Б. Хеннинга).

[8] О том, что по крайней мере в некоторых случаях надписи писали сами монахи, свидетельствует бактрийское νοβιχτο βικβο «написал бхикшу...» на кундике, упоминавшейся в примеч. 3.

[9] Ср.: *Humbach H.* Baktrische Sprachdenkmäler. Teil 2. Wiesbaden, 1967; *Gershevitch I.* Bactrian Inscriptions and Manuscripts. — Indogermanische Forschungen. T. 72, 1967, с. 27—57.

Каппа с загибом вниз левого штриха напоминает начертание этой буквы в надписях на кушано-сасанидских монетах. Близка к этим же монетным легендам и к надписи на некоторых бактрийских геммах (III—IV вв.?), по-видимому, и форма π в слове κοπαλο: судя по верхней части буквы, она имела начертания, напоминающие N[10].

Лямбда имеет вид высокой, слегка наклоненной вправо черты, с очень коротким горизонтальным штрихом в κοπαλο и более протяженным в αλστατο (чтение αλοστατο кажется маловероятным). Близкая форма λ представлена в нескольких разновременных бактрийских памятниках — от легенд монет «иранских хуннов» (правильнее было бы вернуться к традиционному, хотя и условному, названию этих монет как «эфталитские»)[11] до поздних (IX в.) надписей из Точи.

Дзета, очень сильно варьирующая по начертаниям в различных бактрийских дуктах, в нашей надписи представлена формой с почти закрытой верхней частью и вертикальной нижней, без следов загиба вправо. Сходные начертания этой буквы можно видеть на кушано-сасанидских монетах и геммах.

Буква τ имеет в надписи две формы: в слове ταδαο (второе ταδαο, в ταδαοβο буква τ сильно повреждена — поверхность черепка здесь выщерблена) τ имеет в нижней части изгиб влево; в лигатуре -στ- в слове αλστατο *may* загибается вправо, такая форма буквы в бактрийском курсиве встречается, по-видимому, редко[12].

---

[10] Ср.: *Humbach H.* Baktrische Sprachdenkmäler, 2, табл. 7.

[11] Насколько мы можем судить, из индийских источников нельзя сколько-нибудь определенно заключить, что Hūṇa, вторгшиеся в V—VI вв. в Пенджаб и Западную Индию, были иранскими племенами; нет ясных доказательств и тому, что иранцами были владетели Забулистана, выпускавшие монеты с бактрийскими легендами. Показательно, что бесспорно иранских имен собственных на монетах эфталитов («иранских хуннов») до сих пор найти не удалось; нет, насколько известно, таких имен и в индийских источниках, повествующих о «хуннах». Несколько имен эфталитских вождей, упоминаемых в «Шах-наме» Фирдоуси, можно интерпретировать как иранские, однако на монетах этих имен нет. Естественно предположить, что эфталиты заимствовали бактрийский письменный язык и бактрийскую титулатуру (βαγο «господин», χοαδηο, χδηο «государь») для официального употребления, но в V—VI вв. еще не были ассимилированы местным восточноиранским населением. К аналогичному выводу пришел и Н. Симс-Вильямс: «Despite the continuing use of Graeco-Bactrian script, the legends of the coins and countermarks of the succeeding period, after Bactria was invaded by the Hephthalites and other Hunnish tribes in the mid fourth century A.D., have even less claim to be regarded as Bactrian texts» (*Sims-Williams N.* Bactrian, с. 231).

[12] Ср.: *Humbach H.* Baktrische Sprachdenkmäler, 2, табл. 3.

Заслуживает также внимания форма ι в слове ιαδη, с заметным утолщением в средней части буквы и соединением со следующей α, необычным для ι. У нас нет, однако, сомнений в отождествлении этого знака: он не может быть прочтен иначе, чем ι (все другие «узкие» буквы курсива — γ, λ, σ, τ — выглядят совершенно иначе). Напротив, нет ясности в значении ρ в последовательности αροο: оно может быть прочтено и как αρ̄οο, с *сан*, поскольку значение и этимология слова остаются, как мы увидим ниже, неясными, а по начертаниям *ро* и *сан* нередко совпадают и в других бактрийских памятниках. Отметим еще, что ο в позиции конца слова может иметь значительный росчерк вверху вправо, приближаясь, таким образом, к форме δ (так в ζαοο).

По палеографии надпись можно отнести скорее всего к III в. н. э. Малочисленность бактрийских памятников и почти полное отсутствие курсивных текстов, имеющих точные (абсолютные) датировки, не позволяют исключить для надписи и более раннюю (II в.), и более позднюю (IV в.) даты. Нерегулярность пробелов между словами свидетельствует, вероятно, о сравнительно ранней дате, однако и этот признак не является точно датирующим. Можно лишь заметить, что предложенная дата — III в. н. э. — не противоречит, насколько мы можем судить, археологическим датировкам комплекса и слоя, в котором были найдены фрагменты сосуда с надписью.

Вычленение слов в бактрийском тексте, написанном без ясно выраженных пробелов, связано с его лингвистической интерпретацией. Эта процедура в некоторой степени облегчается тем, что бактрийские слова, как правило, имеют в исходе букву, обозначающую гласный — чаще всего ο, реже ι или α. Вопрос о фонетической релевантности такого исхода (чисто графический символ словоразделителя или реально произносившийся гласный) остается спорным[13], но в любом случае наличие ο (или ι, α) позволяет заподозрить границу слова. На этом принципе основано в первую очередь предложенное выше членение текста надписи. Выделение отдельных слов облегчается, конечно, в случаях, когда в тексте имеются слова, уже известные по другим бактрийским памятникам. В нашей надписи к таким словам принадлежат лишь местоимение ειδο «этот» и μο — артикль (указательное местоимение с ослабленным значением).

[13] См. последний по времени анализ проблемы: *Lazard G., Grenet F. Lamberterie Ch. de.* Notes bactriennes. — Studia Iranica. T. 13, fasc. 2, P., 1984, с. 219—222.

Сочетание ειδο μο «этот» имеет соответствие в ειδο μα «эта» в начале Большой Сурхкотальской надписи, где μα — Fem. артикля (бактр. μο из др.-ир. *ima-, μα из *imā-)[14]. Указательное местоимение ειδο можно вслед за А. Мариком[15] возводить к древнеиранскому *aita- «этот»; Н. Симс-Вильямс предлагает видеть в ειδο местоименную основу ει, из ayam, присутствующей в бактрийском ειιο (вариант ειο), и усилительной частицы -δο < *uti «и»[16]. Однако *uti нехарактерно для указательных местоимений в иранских языках, этой частицы нет и в согдийских указательных местоимениях[17], тогда как в относительных местоимениях и в союзах *uti-, как показал Н. Симс-Вильямс, присутствует и в согдийском, и в бактрийском. Для ειδο ср. согд. 'yt, позднее 'yδ, христ. yd, парф., ср.-п. ēd.

Следующее далее в надписи слово κοπαλο не может быть, очевидно, собственно бактрийским словом, поскольку в интервокальной позиции древнее -р- озвончается. После ειδο μο «этот» в надписи на сосуде следует скорее всего предполагать обозначение сосуда, а потому наиболее вероятно видеть в κοπαλο бактрийскую передачу древнеиндийского kapāla-(n.) «1. череп, черепок, скорлупа, оболочка; 2. чаша, чашка для подаяния, блюдо» (от *kap-, лат. caput, др.-англ. hafola «голова»)[18]. Древнеиранское *kapāra-(ka-) отражено в пехл. kabārag (kp'lk') «вместилище, сосуд» и в новоперс. kavāra, kivāra «оболочка, шелуха, кожица плода».

Адаптация слова в бактрийском ограничилась изменением гласного первого слога и утратой конечного -а или заменой

---

[14] *Benveniste E.* Inscriptions de Bactriane. — JA. T. 249, 1961, с. 148; *Gershevitch I.* The Well of Baghlan. — Asia Major. N.S. T. 12, pt. 1, 1966, с. 102—103.

[15] *Maricq A.* Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan). La grande inscription de Kaniška et l'étéo-tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane. — JA. T. 246, 1958, с. 353.

[16] *Sims-Williams N.* A Note on Bactrian Phonology, с. 114. В ειμο «этот» (бактрийские надписи из Айртама и Дильберджина) Н. Симс-Вильямс справедливо видит стяжение из ειιο + μο, отмечая, что предлагавшееся ранее объяснение ειμο из *ayam или *iyam (*Лившиц В.А., Кругликова Т.И.* Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия, 2. Материалы Советско-афганской экспедиции. М., 1979, с. 108) неудовлетворительно, поскольку конечное древнеиранское -m не могло сохраниться в бактрийском.

[17] *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954, с. 206—207, 218—219.

[18] См. сравнительные материалы: *Mayrhofer M.* Kurzgefaβtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg, 1956, с. 155, 564; *Bailey H.W.* Indo-Iranian Studies II. — Transactions of the Philological Society. L., 1955, с. 146—147, 153.

его на гласный, скорее всего редуцированный ə: kopă̮l(ə) или kəpă̮l(ə) — *омикрон* мог передавать, вероятно, не только гласный u, но также |ŏ| и |ə|[19].

О заимствованиях в бактрийский из индийских языков — санскрита и пракритов — известно очень немногое. Ранние культурные и торговые связи с Индией и широкое распространение в Бактрии буддизма позволяют предполагать, что бактрийская лексика, особенно терминологическая, содержала значительное количество индийских заимствований, но бактрийских памятников еще слишком мало, чтобы проверить это предположение. За пределами простых заимствований находится бактрийская транскрипция санскритской триратны на скале в Джагату (Центральный Афганистан): ναμωο βοδο ναμωο δουαρμο ναμωο σαγγο — «почтение Будде, почтение дхарме, почтение сангхе»[20]. В рукописных бактрийских фрагментах из Туйока (Турфанский оазис), происходящих, вероятно, из буддийской общины тохаристанцев VIII—IX вв., засвидетельствованы *ρακϸαζο (Pl. ρακϸαζανο = скр. rākṣasa и производное Fem. ρακϸαζανζο (rākšazānj = rākṣasī, с бактрийским суффиксом Fem. -ānj, соответствующим согд. -ānč)[21].

К этому небольшому перечню можно добавить заимствования в турфанском манихейско-бактрийском фрагменте (M 1224), в который, возможно, санскритизмы проникли, как это обычно для манихейских иранских текстов, через парфянское посредство (в M 1224, например, mwwl «корни» = скр. mūla, pwwn = puṇya «добродетельный, благотворящий», с бактрийским производным прилагательным pwnyng, šmn'n = «śramaṇas»). Ср. еще бактрийские транскрипции индийских теофорных имен на кушанских монетах: βοδδο = Buddha, σακαμανο βουδο = Śākyamuni Buddha, личное имя βοδδο, служащее сокращением санскритского Buddhaśira в

---

[19] Ср.: *Lazard G., Grenet F., Lamberterie Ch. de.* Notes bactriennes, с. 219—222.

[20] Здесь ναμωο = скр. namo, *омикрон* служит бактрийским орфографическим оформлением конца слова, а не передачей предлога направления o, как считал О. Хансен. Ср.: *Scerrato U.* A Note on Some Pre-Muslim Antiquities of Ğaġatū. — East and West. Vol. 17. Roma, 1961, с. 16; *Humbach H.* Baktrische Sprachdenkmäler, 1, с. 105. Бактрийское σαγγο = скр. saṃgha «буддийская монашеская община» имеется также в разрушенном контексте в Айртамской надписи; возможно, что это же слово как имя собственное представлено на одной бактрийской гемме, ср.: *Davary G.Dj.* Baktrisch. Ein Wörterbuch. Heidelberg, 1982, с. 265.

[21] *Hansen O.* Ein neues Hephthalitenfragment. — La parola del Passato. T. 20. Roma, 1951, с. 362; *Gershevitch I.* Bactrian Inscriptions and Manuscripts, с. 38; *Sims-Williams N.* Bactrian, с. 235.

упоминавшейся выше краткой двуязычной надписи из Карателе и противостоящее несокращенной форме βοδδοζιροσσα (с воспроизведением формы пракритского Gen. Sg. budhaśiraṣa) в другой, еще не изданной надписи из Кара-тепе.

Возможно, что ближайшей аналогией kapāla в бактрийской надписи на сосуде будет передача индийского pātra или bhikṣāpātra в бактрийской надписи на обломке глиняного сосуда из Зар-тепе, близ Термеза, найденного в 1978 г. В.А. Завьяловым в стратиграфическом раскопе, датируемом археологическим периодом не позднее IV в.[22] На этом обломке сохранилось лишь]ατρα αβο αρ[; нужно учитывать, что в собственно бактрийских словах в поствокальной позиции древнеиранский t переходил в звонкий d, а потому в]ατρα следует скорее всего видеть заимствование. Восстановление слова [π]ατρα = скр. pātra (*[ειδο μο π]ατρα в начале надписи?) «сосуд; блюдо для подаяния» кажется вероятным. Сегмент αβο αρ[в надписи из Зар-тепе мог бы быть сопоставлен с αβο αροο в тексте на капале, но мы пока ничего не знаем об этом сочетании (или слове).

Следует поэтому попытаться установить синтаксические связи в надписи, исходя из того, что вся надпись или по крайней мере часть ее говорит об ειδο μο κοπαλο «этой капале». В конце надписи, перед последним, разрушенным словом стоит, четко отграниченное с обеих сторон пробелами, ιαδη — слово, которое может быть понято как yādē «пусть будет», 3 Sg. Konj. от глагола ah-, др.-ир. *hyātai. Для флексии бактрийской формы, медиальной по происхождению, ср. авест. 3 Sg. Konj. -āite, др.-инд. -āte, хот.-сак. -āte, ягн. -ōti (в vōti «пусть станет, пусть будет»). Ясно, что надпись содержит пожелание.

Перед ιαδη можно видеть αλστατο «стоявший» |alstāt(ə)| из др.-ир. *adištāta-, с s вместо ожидаемого -š-, по аналогии с уже известными в бактрийском ωσταδο «установленное, установил» < *ava-stāta-, σταδο «ставшее, стал, был» < *stāta-. Труднее объяснить -τ- после гласного вместо -δ-. До недавнего времени полагали, что наличие союзов οδο и οτο, оба со значением «и», указывает на возможность чередования t/d в бактрийском или по крайней мере на альтернативное выражение бактрийской фонемы |d| через δ и τ. Однако Н. Симс-Вильямс убедительно показал, что οτο восходит к *utti, из др.-ир. *uta-uti, тогда как οδο продолжает uta. Несколько других

[22] Раскоп 9, ярус IV — работы Бактрийской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР.

слов, содержащих τ после гласной, также не могут свидетельствовать о сохранении древнего глухого в этой позиции: поствокальное -t- в бактрийском возникает, как правило, из сочетания «согласный + t», чаще всего из *-št- и сочетания *t + *t во вторичном контакте[23]. Приходится предположить, что в αλστατο второе τ возникло в результате ассимиляции: *alstād(ə) > alstāt(ə); остается неясным, однако, почему ассимиляция не затронула ωσταδο, σταδο.

Слово, следующее после κοπαλο, частично повреждено — уничтожена нижняя часть первой буквы (вылом поверхности черепка), сильно выцвели две последние, но чтение установить не удается: (τ)αδαο(βο) и далее, после пробела, ταδαο. Это сочетание может быть понято как tadă(ə)-b(ə) tadă(ə) «всегда», буквально «затем также затем», из др.-ир. *tatā api tatā или *tatā upa tatā, где *tatā — контаминация из ta и tadā (авест. taδa). Ср. др.-инд. tátas «затем, тогда», бактр. ταδο < *tatah «затем, тогда» (для последнего, впрочем, Н. Симс-Вильямс не исключает и возведение к редуплицированному местоимению, подобно хот.-сак. ttīttä «затем, потом»)[24]. Бактрийскую усилительную частицу -βο из *api Х. Хумбах видит в сочетаниях κιδαβο «который», οδαβο «и», μαλαβο, μαλβο «здесь»[25].

Среднюю часть надписи занимают два слова или два сочетания, каждое из которых включает в себя именной префикс или предлог αβο. До сих пор в бактрийском написании αβο было известно как существительное «вода», как предлог «к, по направлению» (возможно также «на, в»[26]) и как именной приативный префикс «без-, не-», в Большой Сурхкотальской надписи он представлен в прилагательном αβαβγο |abābg(ə)| «безводный», из *apa-āpaka-[27], в орфографическом варианте

---

[23] *Sims-Williams N.* A Note on Bactrian Phonology.

[24] Там же, с. 114. О бактр. ταδο см. также: *Harmatta J.* The Great Bactrian Inscription. — AAASH. T. 12, fasc. 3—4, 1964, с. 439; *Gershevitch I.* The Well of Baghlan. — AM. NS. Vol. 12, 1, 1966, с. 106, примеч. 25a.

[25] *Humbach H.* Bactrian kidabo, odabo, kaldabo, malabo/malbo. — Etudes irano-aryennes offertes à Gilbert Lazard. P., 1989, с. 209—215.

[26] *Henning W.B.* The Bactrian Inscription, с. 50—51, 53; ср. примеры употребления предлога αβο у *Davary G.Dj.* Baktrisch, с. 147—148. Значения предлога вряд ли следует объяснять контаминацией др.-ир. abi и upa (так у *Davary G.Dj.* Baktrisch, с. 143). О том, что значения направления и местонахождения могли развиваться у abi, свидетельствуют, например, ср.-п., парф. ō «к, в» (преимущественно направление) и хорезм. f «в, на, над» (местонахождение), оба из abi.

[27] *Maricq A.* Inscriptions de Surkh-Kotal, 359; *Henning W.B.* The Bactrian Inscription, с. 53.

αβ-. Этот префикс, др.-ир. *apa-, хорезм. ba- (ср. также согд. 'pw-, pw-, из *apam), можно видеть в αβο αροο, αβο ζαοο. Второе из них содержит zăw(ə) «ущерб, вред», от др.-ир. корня *zav-, широко представленного в лексике многих иранских языков: ср.-п. wizāy- (wizūdan, wizāstan), н.-п. guzāy- «уменьшать, повреждать, наносить ущерб», осет.-ирон.: ävzyjyn: ävzyd, диг. ävzujun: ävzud «выпадать, вылезать (о волосах), чахнуть», язг. zaw-: zod «давить, сжимать, сдавливать», хот.-сак. ysauy- «исчезать, кончаться» (ср. также сочетания этого корня с префиксом vi-, имеющие специализированное значение: парф.-ман. wizaw- «увядать, гаснуть, кончаться», хот.-сак. buysai- «гасить», согд. wyz'w «угасание», шугн. wizāw- «гаснуть, быть потушенным», wizāw- «гасить» и соответствия в других памирских языках[28].

Труднее обстоит дело с морфологическим членением и установлением значения αβο αροο. Для надписи, содержащей пожелание, кажется возможным предположить, что этот сегмент надписи построен по тому же типу, что и последующее αβο ζαοο, однако приративный префикс в позиции перед гласным а-основы ожидался бы в форме αβ-, а не αβο (ср. αβαβγο), и к тому же надежных этимологических сопоставлений не видно: авест. ^{1}ara- обозначает, судя по контексту (Yt. 5. 93), какой-то телесный недуг[29], но не вообще синоним к «вред, ущерб» — значение, которое кажется более вероятным в надписи на капале. Членение αβ-οαροο, орфографически допустимое, также не вызывает надежных смысловых соответствий: среди многочисленных древнеиранских омофоничных корней var- имелся, вероятно, и var- «рвать» (и. е. *uel-, Pok. 1144—1145), засвидетельствованный в хотанском var- с тем же значением[30], однако перевод «без поломки» для αβ-οαροο кажется весьма натянутым. Этот сегмент надписи приходится сейчас переводить лишь условно, видеть в нем синоним к αβο ζαοο.

Как было отмечено, kapāla в древнеиндийском имело в качестве основного значение «череп», отсюда «чаша из черепа».

---

[28] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.—Л., 1958, с. 124—215; *Ghilain A.* Essai sur la langue parthe. Louvain, 1939, с. 66, 96, 117; *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954, 216, 957; *Bailey H.W.* Khotanese Texts, IV. Cambridge, 1961, с. 134; *Emmerick R.E.* Saka Grammatical Studies. L., 1968, с. 101, 114; *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974, с. 96, 109.

[29] *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch (2. Aufl.). B., 1961, стб. 185, переводит «mit einem bestimmten Gebrechen behaftet».

[30] *Emmerick R.E.* Saka Grammatical Studies, с. 119.

Позднее в санскрите kapāla стало употребляться также для обозначения срезанной овальной или круглой половины глиняного кувшина, а затем — миски или чаши[31]. Возможно, что публикуемая надпись была нанесена на уже отбитую или спиленную нижнюю часть сосуда типа кундики, которая использовалась затем в качестве чаши — kapāla (нужно отметить, что верхняя часть сосуда обломана на всем ее протяжении).

Как можно судить по доступной нам литературе, сосуд типа kapāla не традиционен для классического буддизма. Показательно, что это слово в значении «сосуд» отсутствует в словаре Ф. Эджертона, содержащем лексику буддийского санскрита[32]. В пали kapāla- наряду с другими значениями («череп», «сковородка» — обычно ayokapāla- «железная сковородка») имеет и значение «чаша для сбора подаяний, употребляемая аскетами»[33]. Г. Либерт отмечает, что в «буддизме kapāla считалась символом победы над демонами» и что «по форме kapāla могла не отличаться от bhikṣāpātra — чаши для подаяний у буддийских монахов», в результате чего «эти два обозначения смешивались в буддийской литературе»[34]. В большом санскритском словаре О. Бётлинга среди многих значений kapāla представлено и «чаша для подаяния». Как сосуды для сбора подаяний, kapāla и pātra выступают, вероятно, при описании ритуальных положений рук, держащих сосуд, — buddhapātra и kapālamudrā; эти описания особенно широко представлены в буддийских текстах[35], созданных в странах Дальнего Востока.

В Ведах и в Брахманах kapāla обозначает чашку или блюдце, которое употребляется специально для жертвоприношений puroḍāś — лепешки из толченого риса[36]; в описаниях

---

[31] *Gopinatha Rao T.A.* Elements of Hindu Iconography. Vol. 1. Pt. 1. Madras, 1914, с. 13, табл. IV, рис. 8; *Liebert G.* Iconographic Dictionary of the Indian Religions. Hinduism-Buddhism-Jainism (Studies in South Asian Culture, vol. V). Leiden, 1976, с. 125.

[32] *Edgerton F.* Buddhist Hybrid Sanskrit. Vol. 2. New Haven, 1953, с. 167, где приведены только композиты с kapāla в значении «череп».

[33] *Davids R.* Pali-English Dictionary. Chipstead, 1921—1925, *s. v.* kapāla (указано Т.Я. Елизаренковой).

[34] *Liebert G.* Iconographic Dictionary..., с. 125, со ссылкой на *Glasenapp H. von.* Buddistische Mysterien. Die geheime Lehren und Riten den Diamant-Fahrzeugs. Stuttgart, 1940 (эта работа нам известна только по ссылкам у Г. Либерт).

[35] *Saunders E.D.* Mudrā. A Study of Symbolic Gestures in Japanese Buddhist Sculpture. N. Y., 1960, с. 113; *Liebert G.* Iconographic Dictionary..., с. 50; *Banerjea J.N.* The Development of Hindu Iconography. Calcutta, 1956, с. 249—250.

[36] Вед. puroḍāś (purodās, purolās) обозначало также жертвенное возлияние, предназначенное для огня.

этого ритуала kapala нередко переводится как «обожженный черепок»[37].

С иной конфессиональной средой связано употребление kapāla в связи с Шивой — в текстах и в иконографии. Здесь kapāla предстает атрибутом Шивы в разных его ипостасях (bhairava, nataraja); с kapāla связан и один из многочисленных его эпитетов — Śiva Kapāli, который он получил после того, как отрубил пятую голову Брахмы — сюжет, хорошо известный и в «Махабхарате»[38], а также широко отраженный в изобразительном искусстве шиваизма и в его ритуалах[39]. Чаша из человеческого черепа стала непременным атрибутом шиваитской секты капаликов (kāpālika, kapālin), возникшей в Индии в первые века нашей эры[40]. Капалики почитали Шиву в его наиболее страшной ипостаси, намазывали тело пеплом сожженных трупов, вкушали омерзительную пищу и пили вино из человеческих черепов[41]. Как отмечает Д.Н. Лоренцен, в санскритских текстах капалики нередко осуждаются, о них пишут как о шарлатанах, которые бродят с черепом в руках, выпрашивают подаяние и злоупотребляют вином[42].

По-видимому, из шиваизма ритуалы, связанные с kapāla как атрибутом гневных божеств, проникли в тантрический буддизм. Здесь kapāla связано с обрядами жертвоприношений богам, чуждыми буддийским представлениям и буддийским ритуалам; упоминаются наиболее часто asṛjkapāla «с человеческой кровью» и māṅsakapāla «с человеческой плотью». Согласно позднейшим тантрическим обрядам, в таких kapāla, сделанных из человеческих черепов, совершались возлияния вином — ритуал, который призван был умилостивить Шиву и Парвати[43].

---

[37] *Gonda J.* Vedic Ritual. The Non-solemn Rites. Leiden—Köln, 1980, с. 173.

[38] Purāṇic Encyclopaedia. A Comprehensive Dictionary with Special Reference to the Epic and Purāṇic Literature. Delhi—Patna—Varanasi, 1979, с. 387, *s. v.* kapāli II.

[39] Ср., например, описание танца kapāla в раннетамильской литературе, см.: *Sivaramamurti C.* Nataraja in Art, Thought and Literature. New Delhi, 1974, с. 6, 172 и сл.; *Kramrisch S.* Manifestations of Shiva. Philadelphia, 1981, *passim.*

[40] *Lorenzen D.N.* The Kāpālikas and Kālāmukhas. Two Lost Śaivite Sects. Berkeley—Los Angeles, 1972. Как отмечает автор (с. 13), старейшее упоминание слова kapālin встречается в сутре «Яджнавалкья-смрити» (около 100—300 гг.).

[41] *Glasenapp H. von.* Der Hinduismus. Religion und Gesellschaft im heutigen Indien. München, 1922, с. 391.

[42] *Lorenzen D.N.* The Kāpālikas..., с. 5.

[43] *Bhattacharyya B.* The Indian Buddhist Iconography, Mainly Based on the Sādhanamālā and Cognate Tāntric Texts of Rituals. Calcutta, 1968, с. 435; *Banerjea J.N.* The Development of Hindu Iconography, с. 304.

В ламаизме kapāla также распространенный атрибут гневных божеств, сосуды для пищи и питья «демонических Будд» и других богов[44]. В тибетской и монгольской ламаистской иконографии часты изображения шестирукого божества или ракшасов, держащих в левой руке, перед грудью, наполненную кровью kapāla[45]. В то же время в ламаизме kapāla — особый объект ритуала, представляющий собой человеческий череп на металлической подставке, обычно в виде низкого треножника, в каждой вершине которого помещено изображение человеческого черепа или головы; эти изображения персонифицируют силы огня. Благостные или злые качества, которые приписываются такой kapāla, иногда зависят от характера соединения костей черепа[46].

В монгольском ламаизме kapāla (габала), как и в Тибете, употребляется при совершении тарнистических ритуалов, чаще всего при поклонении докшитам[47]. Габала при этом наполнялась кровью животных, приносимых в жертву. Для изготовления габала выбирался череп девственника, умершего естественной смертью и не убившего намеренно за свою жизнь ни одного животного. Вместо габала из человеческого черепа ламаисты стали позднее пользоваться металлическими чашами из серебра или меди, иногда с крышкой[48].

Термин капала, примененный в публикуемой надписи в значении «чаша для подаяний», весьма важен для изучения этнографии бактрийского буддизма. К настоящему времени в находках из Кара-тепе известны надписи на фрагментах керамики уже с тремя названиями сосудов: кундика, гхата — в индийских надписях[49] и капала — в бактрийской. Необходи-

---

[44] *Waddell L.A.* Tibetan Buddhism, with its Mystic Cults, Symbolism and Mythology, and its Relation to Indian Buddhism. N. Y., 1972, с. 353, 363; *Nebesky-Wojkowitz R. de.* Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deites. L., 1956, с. 18.

[45] *Nebesky-Wojkowitz R. de.* Oracles and Demons..., *passim.*

[46] *Liebert G.* Iconographic dictionary..., с. 125—126; Catalogue de l'exposition «Om mani padme hum» (le Musée Royal de Mariemont). Morlanwelz, 1980, № 68—70; *Rawson Ph.* Tantra. L., 1973, рис. 13.

[47] Подробное описание габала у монгольских ламаистов см.: *Позднеев А.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. — Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. 16. СПб., 1887, с. 98 и сл.

[48] *Позднеев А.* Очерки быта..., с. 99; Catalogue de l'exposition, № 70.

[49] См. экскурс в индийскую терминологию, применявшуюся для обозначения некоторых из каратепинских сосудов: *Vertogradova V.V.* Indian Inscriptions..., с. 67—69; *Воробьева-Десятовская М.И.* Памятники письмом кхароштхи и брахми..., с. 57—59.

мо отметить, что в одной из надписей (кхароштхи) термин гхата (bhikṣāghata) также употреблен для обозначения чаши для сбора подаяний[50]. Эти надписи существенны не только потому, что содержат термины, характерные для определенной категории буддийских сосудов, но и тем, что благодаря им можно установить формы конкретных бактрийских сосудов, для обозначения которых эти термины употреблялись.

[50] Надпись помещена возле самого венчика (черепок хранится в отделении Средней Азии Отдела Востока Государственного Эрмитажа, инв. № А—1693). Профиль черепка дает возможность судить о форме сосуда, который представлял собой, по всей вероятности, миску с высоким бортом. Фотография надписи воспроизводилась неоднократно; см.: *Грек Т.В.* Индийские надписи..., с. 70—72, рис. 43б.; *Vertogradova V.V.* Indian Inscriptions..., с. 13, рис. 21b. О термине ghata см. также: *Banerjea J.N.* The Development of Hindu Iconography, с. 197, 221; *Coomaraswamy A.K., Kershaw F.S.* A Chinese Buddhist Water Vessel and its Indian Phototype. — Artibus Asiae. Vol. 2—3. P., 1928/29, с. 129, 134, 138; *Liebert G.* Iconographic Dictionary..., с. 95.

В.А. Лившиц

БАКТРИЙСКАЯ НАДПИСЬ НА ФРАГМЕНТЕ СОСУДА ИЗ КАРА-ТЕПЕ (НАХОДКА 1984 г.)

Осенью 1984 г. при раскопках пещерной кельи комплекса В в завале над полом найдены три куска стенки глиняного сосуда светло-желтого цвета с горизонтальной полосой темно-коричневого ангоба (полевой шифр КТ—84/В—15Н). Возможно, что к этому же сосуду принадлежат два куска венчика, сходные по цвету и фактуре, но непосредственно к фрагментам стенки не примыкающие.

На стенке сосуда чернилами («тушью») начертана бактрийская надпись, она составилась из трех фрагментов (рис. 64)[1]. Надпись выполнена каллиграфическим курсивом. Промежутки между словами очень узкие, они почти не превышают ширины большинства букв: слитно со следующим словом написан артикль μα, слитно с предшествующим — «изафет» ι. В надписи можно заметить лишь одну лигатуру: ει в ειδι; примечательна нерегулярность в соединении направо *алфы*.

Неясно, дошла ли до нас надпись целиком. После конечной -α последнего из сохранившихся слов следов букв нет, хотя здесь достаточно места для начальной буквы следующего слова, если бы такое было. Возможно, однако, что следующее слово начиналось после более широкого пробела, чем все сохранившиеся слова.

Текст:

ειδι μα-μαδογο αβο-ι ϸao ζουρια[?

«Этот сосуд для жертвенного возлияния (?) царя».

Указательное местоимение ειδι впервые, насколько известно, выступает с конечным -ι в Большой Сурхкотальской надписи. В ней представлен вариант ειδο (во всех трех версиях этой надписи), эта же форма в опубликованной в этом сбор-

[1] На фрагментах венчика следов надписи нет.

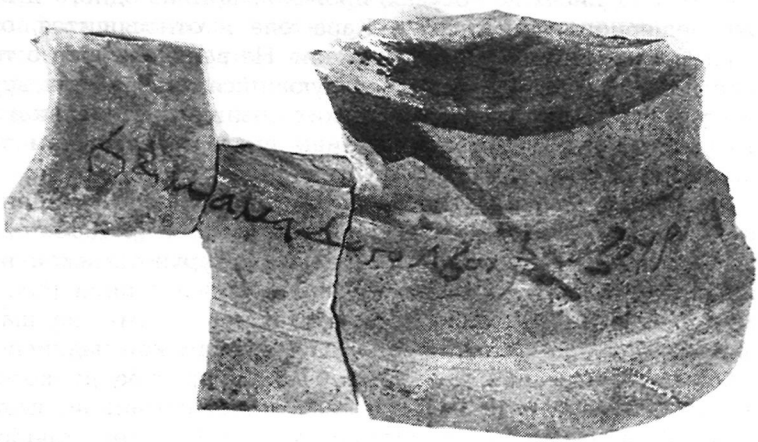


Рис. 64

нике надписи на глиняном сосуде из Кара-тепе[2], ср. также ιδο как орфографический вариант к ειδο в надписи из Дашт-е Навур (согласно чтению Х. Хумбаха и Г. Давари) и в санскритско-бактрийской билингве из Точи (ITSBb, по чтению Г. Давари)[3]. Наличие варианта ειδι можно было, однако, предполагать на основании альтернаций κιδο/ι «который», σιδο/ι «что, которое», ταδο/ι «затем», καλδο/ι «когда», ασιδο/ι «потому, поэтому»[4], κεδο/ι «как, когда», οτο/ι «и» — местоимений и союзов, в которых частица -δο/ι восходит к др.-ир. *uti; аналогичные орфографические варианты представлены и для других частей речи: глагол (формы, восходящие к историческим причастиям, а также флексия) — πιδοριγδο/ι «остался», οζοοαστο/ι «провел», κιρδο/ι «сделал», φροχορτινδο/ι «они убежали (?)», существительные — μαρηγο/ι «слуга», прилагательные — ϸιζ⌒γαργο/ι «творящий добро (?)». Причины появления таких альтернаций остаются неизвестными: они не могут быть связаны с диалектными различиями внутри письменного бактрийского языка, поскольку формы с -ο и -ι представлены достаточно широко в версиях одной и той же — Большой Сурхкотальской надписи, точно так же как ειδο и

[2] См.: *Лившиц В.А., Шкода В.Г.* Древнеиндийское kapāla в бактрийской надписи из Кара-тепе.

[3] *Davary G.Dj.* Baktrisch. Ein Wörterbuch. Heidelberg, 1982, с. 71, 181—182.

[4] Согласно В.Б. Хеннингу, из ασο «из, от» + σιδο, иные объяснения у Харматты и Давари, см.: *Davary.* Baktrisch, с. 164.

ειδι — в надписях на сосудах, происходящих из одного и того же пещерного монастыря в Кара-тепе и относящихся, очевидно, к одному и тому же времени. Не решен вопрос о том, обозначает ли конечный -ο, чередующийся с -ι (реже и, вероятно, в определенных фонетических позициях — с -α), какой-то гласный исход или служит лишь чисто графическим знаком конца слова[5]: ειδο, ειδι |ēd| или |ēdə|.

Для μαμαδογο, следующим после ειδι, возможны членения: μ- — артикль при слове, начинающемся с α-(μ-αμαδογο), и μα — артикль + μαδογο. Ср. в Большой Сурхкотальской надписи: μαβτο (вар. μαβτι)=m + āšt(ə) «(эта) лестница (?)», из др.-ир. *ā-sritā-[6]; μανδαρο αβο «внутренние воды», из mā̆ + andar(ə); μα λιζο «(этот) акрополь» (в Айртамской надписи μα λιζα). Для сочетания ειδι μα или ειδι μ- ср. ειδο μο κοπαλο в надписи на сосуде из Кара-тепе, опубликованной выше[7]. Названием сосуда, таким образом, может быть либо αμαδογο, либо μαδογο, причем в последнем случае, учитывая артикль μα, вероятно происхождение слова из древнеиранского существительного жен. р. (ср. μα λιζο/α < *imā dizā[8]: |āmă̆dug(ə)|, |mă̆dug(ə)| из *āmă̆tŭka-, *mă̆tŭkā-, от *mā(y)- «мерить»?). Сколько-нибудь точных этимологических соответствий среди названий сосудов в других иранских языках обнаружить не удалось[9].

Предлог αβο в значении «для» в бактрийских памятниках до сих пор не был засвидетельствован (в этом значении отмечен предлог φαρο м.-б. fr), однако кажется несомненным, что в данной надписи αβο не выражает ни направления, ни местонахождения. Нет также оснований видеть здесь существительное αβο — «вода».

---

[5] См.: *Lazard G., Grenet F., Lamberterie Ch. de.* Notes bactriennes. — Studia Iranica. T. 13. Fasc. 2. P., 1984, с. 219—222.

[6] *Sims-Williams N.* A Note on Bactrian Syntax. — Indogermanische Forschungen. Bd. 78. B., 1972, с. 95.

[7] См. статью В.А. Лившица и В.Г. Шкоды в этом сборнике.

[8] Ср. хот.-сак. m- «этот», согд. (')m- — артикль и указательное местоимение.

[9] От *mā(y)- образовано ср.-перс. paymānag «мера», н.-п. paymāna «мера, сосуд как мера; чаша, бокал», ср. еще др.-инд. ámatara- (n.) «сосуд для питья», предположительно сопоставляемое М. Майрхофером с арм. aman «сосуд», лат. ampla «ручка, ушко» (*Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956, с. 43). В пашто maṭkay «небольшой глиняный кувшин», maṭəy «кувшин, в котором сбивают масло», maṭa «глиняный котелок» связаны, очевидно, с məta «гончарный» (məṭa xāwra «гончарная глина»), maṭin «глинистый» и, как можно судить по -ṭ-, заимствованы из индийских языков или образованы от заимствованной основы.

αβο ι ϷαΟ — бактр. ι, относительно-указательная морфема («изафет» и артикль), вводящая наиболее часто приложение и препозитивное именное определение[10], может выступать непосредственно после предлога. Так, в Большой Сурхкотальской надписи: πιδο ι χοαδηο φρομανο «по приказу государя» (в версии В «изафет» здесь опущен: πιδο χοαδηο φρομανο); πιδο ι ιωγο οδο υιρσο χϷονο «в году правления 31»; в Айртамской надписи: πιδο ια Ϸοδ[ι]αα φρομανα «по приказу Шудийи» (ια — орфографический вариант «изафета» или форма жен. р. |yă|, зависящая от φρομανα, др.-ир. framānā).

Слово ζουρια можно было бы понимать как имя собственное царя (Термеза?), неясное по этимологии и языковой принадлежности (Zuhr(i)ya, Zohr(i)ya?), однако следует учитывать, что в известных до сих пор бактрийских памятниках нет достоверных свидетельств «изафета» в сочетании «титул + имя собственное». Единственным примером такого рода можно было бы считать употребление ι в следующей синтагме Сурхкотальской надписи: σιδο ι βαγο ϷαΟ κανηϷκι ναμοβαργο κιρδο «который (= акрополь) сделал носящим (свое имя) господин, царь Канишка» или «который был сделан носящим имя господина, царя Канишки»[11]. Однако в βαγο ϷαΟ здесь можно видеть обозначение кушанского царя, правившего в период, когда в Сурх-Котале производились строительные работы, о которых говорится в надписи (это был Хуϸишка, имя его, очевидно, сочли неудобным упоминать рядом с именем великого основателя династии, в честь которого возводились храмы)[12]. В этом случае перевод будет таким: «который господин царь сделал носящим имя Канишки»[13].

Таким образом, в ζουρια следует скорее видеть нарицательное имя. Сопоставление с авест. zaoθra- (n.), zaoθrā- (fem.)

---

[10] Наиболее точный анализ употребления ι в Большой Сурхкотальской надписи принадлежит В.Б. Хеннингу (*Henning W.B.* The Bactrian Inscription. — BSOAS. Vol. 23, 1960, с. 50—51). В словаре Г. Давари «изафет» смешан с конечной -ι у некоторых существительных (грамматическая значимость таких форм неясна), см.: *Davary.* Baktrisch..., с. 199—202. Ср. еще: *Хумбах Х.* К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе. — Кара-тепе IV, с. 63—69.

[11] Эти варианты перевода предложил в 1960 г. В.Б. Хеннинг (*Henning W.B.* The Bactrian Inscription, с. 53).

[12] В Айртамской надписи, как показал недавно Э.В. Ртвеладзе, акрополь (и храм?) также носит имя Канишки: [κ]α[ν]ηϷκαα ναμα κιρδο «сделал по имени Канишки» (стк. 3).

[13] См.: *Harmatta J.* The Great Bactrian Inscription. — AAASH. T. 12, 1964, с. 430—432; *Лившиц В.А.* Перевод Большой Сурхкотальской надписи. — *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. 1. М., 1964, с. 192—193; *Lazard G., Grenet F., Lamberterie Ch. de.* Notes bactriennes, с. 199—201, 227.

«жертвенное, ритуальное возлияние; жидкость, предназначенная для жертвоприношения», др.-инд. hotrá-, ср.-перс. zōhr, согд. будд. δr'wšyh, хр. žwšy, позволяет видеть в этом слове |zōhr(i)ya|, из др.-ир. *zauθriya-, с сокращением долгого -ō- (*zōhr- > zohr), «предназначенный для жертвоприношения (огню, воде)». Препозиция именного («генитивного») определения в сочетании βαο ζουρια «жертвенное возлияние царя» аналогична χοαδηο φρομαvο «приказ царя».

Но здесь следует остановиться: в краткой надписи мы и так прочли, возможно, больше, чем в ней написано; нет пользы рассуждать о том, почему *такая* надпись найдена в буддийском монастыре и какой могла быть ритуальная практика термезских зороастрийцев во II—III вв.

В.В. Вертоградова

ИНДИЙСКИЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК КОНЦА 70-х—80-х годов НА КАРА-ТЕПЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

За указанный период индийские эпиграфические находки имели место во всех подвергавшихся археологическому изучению комплексах: В, Г, Д и Е, а также в раскопе на северной вершине Кара-тепе. Основную часть материала составили надписи кхароштхи. Тексты брахми представлены на нескольких фрагментах.

Настоящее сообщение не имеет целью представить подробное описание всех найденных за рассматриваемый период надписей (тексты всех надписей публикуются нами отдельным изданием[1]), а предполагает дать лишь краткий обзор находок этого периода и очертить ряд вопросов, на которые, по нашему мнению, следует обратить внимание при дальнейшем исследовании каратепинской эпиграфики.

Исследованный материал позволил уточнить выявленные нами ранее жанровые различия индийских надписей на керамике: выделение дарственной и «владельческой» надписи[2]. Более отчетливой предстала структура дарственной надписи, в которой кроме зарегистрированных ранее на Кара-тепе установлен еще ряд буддийских терминов и формульных выражений. К их числу прежде всего следует отнести термин *danamuḱhe* «благочестивый дар» (№ 56кх), ср. также *danamuḱha* (№ 54кх) и *dana[mukha]* (№ 50кх). Прочтение этого

---

[1] *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе. Проблемы датировки и интерпретации. М., 1995. Нумерация надписей в данной статье соответствует нумерации, принятой в этом издании.

[2] *Vertogradova V.V.* Notes on Indian Inscriptions from Kara-tepe. — Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VI World Sanskrit Conference. October 13—20, 1984. Philadelphia. Moscow, 1984, с. 165—166; *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. — МАИКЦА. Информационный бюллетень. М., 1987, с. 21—23; *она же.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе, с. 11—13.

термина, распространенного исключительно в надписях кхароштхи из Северо-Западной Индии[3], подтверждает предположительное восстановление его Я. Харматтой при реконструкции модели каратепинской надписи[4], хотя в целом модель Харматты требует теперь уточнений.

Среди новых находок следует также отметить два формульных сочетания: *agrabhaga̍e* — «ради лучшей доли» (№ 58кх) и синонимичное ему *[agrapadiaṃ]śaa* — «ради лучшей участи», которое реконструируется в № 49кх. Эти формулы засвидетельствованы во многих надписях кхароштхи, преимущественно кушанского времени. Так, первая формула встречается в одной из надписей Хувишки, вторая — в надписи Ваграмареги из Вардака[5].

Наше представление о дарственной надписи из Кара-тепе расширяется за счет прочтения еще одной формулы: *imena kuśalamulena* — «с помощью этого корня благочестивой заслуги» (№ 48кх). Термин *kuśalamula* известен во многих буддийских текстах, однако как часть дарственной надписи формула *imena kuśalamulena* характерна для текстов кхароштхи и засвидетельствована в надписях от Таксилы (Маникьяла) на востоке до района Кабула (Вардак, Хидда) на западе. Характерно, что для той части дарственной надписи, которая представляет благопожелание, данная формула может комбинироваться с одной из двух описанных выше формул, причем это обычно имеет место в надписях правителей или знатных лиц[6].

Таким образом, новые эпиграфические находки позволяют реконструировать один из вариантов модели каратепинской дарственной надписи (в ее заключительной части) следующим образом: *imena kuśalamulena... agrabhagae bhavatu* — «С помощью этого корня благой заслуги... пусть это будет для обретения лучшей доли таким-то!» Такая модель предполагает в начальной ее части текст: «Этот сосуд — дар такого-то».

При дальнейшем изучении дарственной надписи из Каратепе следует сосредоточить внимание на выявлении формул благопожелания, которые даже при фрагментарности текста могут дать представление о структуре всей надписи, а в ряде случаев — некоторое свидетельство о характере буддийского учения (ср. № 36кх).

---

[3] *Konow St.* Kharoṣṭhī Inscriptions with the Exception of those of Aśoka. Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. 2. Calcutta, 1929, с. 145.

[4] *Харматта Я.* К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. — Кара-тепе II, с. 35.

[5] Подробнее об этом см.: *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе, с. 88.

[6] Там же.

Другой вопрос, относящийся к дарственной надписи, — это вопрос об адресанте. Выявив в текстах несколько имен собственных в род. п., мы можем предположить в некоторых из них дарителей сосудов. Чаще это не индийские имена, скорее всего принадлежавшие представителям местной знати, например: *asvavhara* (№ 41кх), *ḱhagu* (№ 51кх) и др. Однако до сих пор не зарегистрировано ни одной дарственной надписи, адресантом которой выступал бы монах. Все имеющиеся на Кара-тепе надписи, где упоминается слово *bhikṣu* — «буддийский монах» или другие монашеские звания, относятся к типу владельческих. В связи с этим следует отметить, что реконструкция Я. Харматтой модели каратепинской дарственной надписи как *[bhikṣusa] saṃghaaṃlaṃsa [danamukhe]...* — «[дар монаха] Сангхапалы...»[7] пока что не подтверждена находками, а буддийское имя *saṃgha(p)ala* могло быть частью владельческой надписи. Таким образом, вопрос о дарении сосудов монахами требует дальнейшего изучения.

Обнаруженные за указанный период надписи (№ 26бр, № 46кх, № 47кх, № 3бр-б-кх, № 4бр-б-кх) дали возможность надежно установить основной тип индийской владельческой надписи из Кара-тепе и пересмотреть некоторые ранее опубликованные материалы[8]. Ср. надпись № 26бр, полный текст которой мы реконструируем на основе ряда других: *siddham Om ayaṃ kuṃḍikaḥ bhikṣusya jīvanaṃdasya [pudgalīyah nakenaci hartthavyaḥ]* — «Благо! Ом! Этот сосуд для воды монаха Дживананды [личный. Никому не брать!]» или № 46кх: ayaṃ-panikuṃdiya-bhikṣusya-jīvanaṃdasya-pugaĩga].

Появление «владельческой» надписи на Кара-тепе естественно было бы связать с практикой подписывания частного сосуда именем владельца, что известно из многих традиций. Однако индийская «владельческая» надпись из Карпа-тепе, имеющая достаточно разработанную и стабильную структуру с сакральными благопожелательными словами (*siddham, Om)* в начале и призывом-оберегом в конце, а также упоминанием почетных званий монахов, функционально отличается от обычного подписывания тем, что указывает на особый, по-видимому сакральный, характер текста. Такой текст являлся своеобразным подтверждением личности монаха и его заслуг. Все известные теперь на Кара-тепе надписи этого типа (их насчитывается более двадцати) были нанесены на сосуды для

---

[7] *Харматта Я.* К интерпретации надписей на керамике, с. 35.

[8] Подробнее об этом см.: *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе, с. 11—12.

воды, являвшиеся своего рода оберегами. Характерно, что одному монаху могло быть приписано несколько сосудов.

Таким образом, подписывание сосуда (кундики) формулами личной принадлежности являлось частью религиозного ритуала, как и нанесение дарственной надписи на сосуд (гхату).

Теперь, когда примерно ясна модель «владельческой» надписи, основной интерес будущих находок следует видеть в том, что они могут дать нам новые имена и звания реальных монахов и проповедников Кара-тепе. Пока что наиболее надежными можно считать два имени: Дживананда и Буддхашира.

Изучая «владельческие» надписи, следует обратить внимание на то, что среди них встречаются надписи многоязычные, выполненные двумя или тремя алфавитами. Наиболее интересна среди этих надписей № 3бр-б-кх. Индийские части ее представляют два близких «владельческих» текста, выполненных алфавитами брахми и кхароштхи. Текст брахми начинается с благопожелания и читается следующим образом: *siddham ayo-kuṇḍiyaḥ bhikṣu-buddhamittrasyaḥ pudhaliyaḥ* — «Благо! Этот сосуд для воды монаха Буддхамитры личный».

Текст кхароштхи читается так: *ayo-kuḍiya-bhikṣusya-budhaśirasya-pugaligasya* — «Этот сосуд для воды монаха Буддхаширы личный (букв. «личного»).

Сосуд имеет две бактрийские надписи (в центре и вокруг горла), которые публикуются В.А. Лившицем[9].

В связи с интерпретацией этих надписей встает ряд вопросов. Прежде всего вопрос о различии имен собственных: *Buddhamittra* (бр), *Budhaśira* (кх) и о назначении надписи вокруг горла.

Естественно, возникает предположение о разновременности надписей. Этой точки зрения придерживается В.А. Лившиц[10].

По нашему мнению (мы исходим из технических особенностей надписей), все надписи выполнены одновременно и хорошо скомпонованы на поверхности сосуда. Из-за того что надписи в центре сосуда одновременны, трудно предполагать передачу сосуда от одного лица другому. Различие имен в надписях в центре сосуда могло произойти оттого, что тексты на разных алфавитах списывались с разных образцов: один с именем *Buddhamittra*, другой — с именем *Budhaśira*.

---

[9] *Лившиц В.А.* Бактрийская версия трехъязычной надписи на сосуде из Кара-тепе (в настоящем сборнике).

[10] Там же.

Надпись вокруг горла, которая, согласно В.А. Лившицу, читается «написал монах Буддашира», по нашему мнению, сделана для того, чтобы исправить ошибку — несоответствие имен в трех надписях в центре сосуда и утвердить имя «владельца» — реального каратепинского проповедника Буддхаширы, имя которого 8 раз засвидетельствовано в эпиграфике Кара-тепе[11]. Имя *Buddhamittra* на Кара-тепе не встречается.

Находка надписи № 63кх, где читается *-naṃ-mahāsamghī-kapāṃ*, чрезвычайно важна, так как надежно подтверждает присутствие на Кара-тепе буддийской школы махасангхика. Ранее это слово было реконструировано по сохранившимся фрагментам Я. Харматтой в № 2кх и нами в № 36кх[12]. Эта школа, по-видимому, представляла ветвь северных махасангхиков, называвшуюся махасангхика-локоттаравада, она засвидетельствована и в надписях другого термезского монастыря — Фаяз-тепе[13]. В связи с тем, что эта школа упоминается только надписями кхароштхи, снова возникает вопрос, удержалась ли школа махасангхика на Кара-тепе и в период владельческих надписей брахми, или же появление нового письма имело место в связи со сменой школы или появлением еще одной школы. Во всяком случае, предположение Я. Харматты[14] о смене прежней школы школой сарвастивада (мы тоже ранее допускали такую возможность) до сих пор текстами не подтверждено. Для решения этого вопроса требуются дальнейшие исследования[15].

Особый интерес среди находок рассматриваемого периода представляет надпись № 58кх с наименованием вихары: *-vhara-gulavhara-jhada-vi(ha)[rami]* — «вихаре [...] вхары, сына Гулавхары (Гондофара)»[16]. Эта надпись, обнаруженная в раскопе на северной вершине Кара-тепе, где последние сезоны полевых исследований выявили большое наземное здание, очевидно, буддийский монастырь, основанный сыном Гондо-

---

[11] Подробнее об этом см.: *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе, с. 109, 146—147.

[12] Там же.

[13] *Воробьева-Десятовская М.И.* Памятники письмом кхароштхи и брахми из советской Средней Азии. — История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 42.

[14] *Харматта Я.* К интерпретации надписей на керамике, с. 36.

[15] Подробнее об этом см.: *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе, с. 42.

[16] Предварительную публикацию надписи см.: *Вертоградова В.В.* Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Каратепе. — МАИКЦА. Информационный бюллетень. Вып. 13. М., 1987, с. 28—33.

фара[17], ставит перед исследователями ряд вопросов. Прежде всего вопрос об имени сына, которым, по нашему предположению, мог быть *asvavhara*.

Это имя засвидетельствовано на Кара-тепе в № 41кх и, как мы пытались показать, относится к именам знати иранского происхождения.

Вопрос, о каком Гондофаре (скорее всего правителе или представителе местной знати) идет речь в надписи, пока что остается неясным. Как мы уже отмечали, словосочетание «сын Гондофара» *(gwndḥw'l'n)* встречается, согласно сообщению Ф. Жинью, в неизданной надписи на гемме из коллекции Ashmoleum Museum (Оксфорд). Возможно, изучение этой надписи приблизит нас к установлению личности и даты каратепинского Гондофара.

Еще один вопрос, который дают возможность поставить и отчасти решить новые индийские надписи, — это вопрос датировки функционирования монастыря. К сожалению, начальной даты жизни Кара-тепе по надписям установить не удается. Что касается поздней даты, то надписи брахми (№ 26бр, № 25бр) по палеографическим признакам указывают на IV—V вв., а текст брахми из надписи, выполненной тремя алфавитами (№ 3бр-б-кх), дает основания для датировки его рубежом V—VI вв. К этому времени следует отнести все «владельческие» надписи Буддхаширы. После этого времени жизнь буддийской общины по надписям не просматривается.

[17] К этому же выводу приходит Б.Я. Ставиский в статье в этом сборнике: «Новые данные о Кара-тепе. Основные итоги работ 1978 – 1989 гг.».

В.А. Лившиц

БАКТРИЙСКАЯ ВЕРСИЯ ТРЕХЪЯЗЫЧНОЙ НАДПИСИ НА СОСУДЕ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

В 1984 г. на Кара-тепе в пещерной келье комплекса В, в завале над полом, был найден глиняный сосуд (полевой шифр $\frac{\text{КТ—84}}{\text{В—14н}}$) с шаровидным туловом, узким горлом, отбитым у основания, и отбитой ручкой. Верхняя часть сосуда покрыта красным, нижняя — светлым ангобом. Высота сосуда до основания горла — 14 см, диаметр тулова — 16 см, диаметр дна — 8 см.

На сосуде имеется несколько надписей, написанных чернилами («тушью»). Одна из них, состоящая из трех частей (все в одной строке), опоясывает сосуд в центре тулова, на уровне нижнего основания ручки. Другая надпись, также в одну строку, начертана вокруг основания горла (рис. 65а,б).

Надпись в центре тулова содержит три текста, все разными алфавитами: брахми, бактрийским («греческо-бактрийским», иногда неточно называемым «кушанским») и кхароштхи. Все три текста хорошо сохранились; они плотно заполняют пространство справа и слева от ручки и располагаются несколько выше двойной полосы на красной ангобированной поверхности. Справа от ручки расположена надпись брахми, правее — бактрийская, еще правее — кхароштхи.

Бактрийская надпись, начертанная в средней части тулова сосуда, непосредственно после санскритской надписи на брахми, содержит три слова. Пробелы между словами четко не прослеживаются, но членение надписи не вызывает сомнений, поскольку она является сокращенной версией санскритского текста:

ει<δ>ο βοδδομιτρα χοβο

«Этот (сосуд) собственный («свой») Буддамитры».

В первом слове *дельта* была, вероятно, пропущена писавшим и затем добавлена к *йоте*, в результате чего последняя

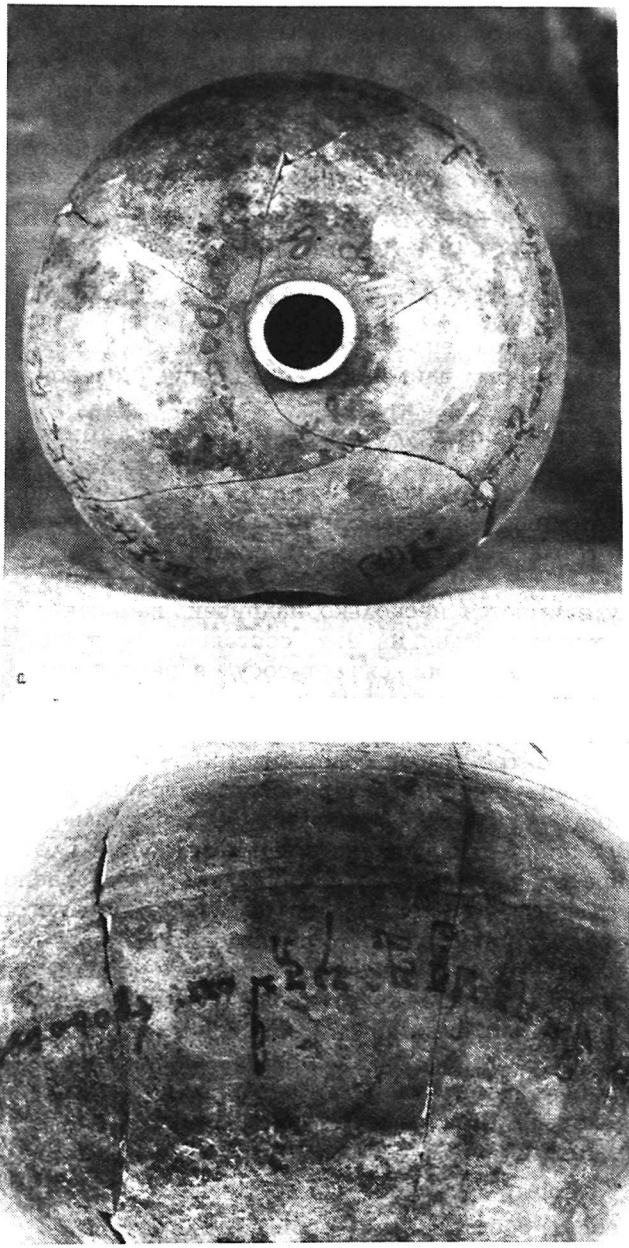


Рис. 65

приобрела очень странный вид (нечто похожее на перевернутую *бету*). Вряд ли можно предполагать, что у писавшего здесь расплылись чернила, и читать в этом случае ειο «(именно) этот» — указательное местоимение, представленное во фрагментированной бактрийской надписи из Дильберджина (в неясном контексте — фрагмент У, стк. 7)[1] и в версии В Большой Сурхкотальской надписи, стк. 16, а в варианте ειιο четырежды засвидетельствованное в версиях М и А Большой Сурхкотальской надписи (ср. также ιο в бактрийской версии надписи из Дашт-и Навур?)[2].

Указательное местоимение ειδο «это(т)» = ēd, из др.-ир. *aita-, отмечено в самом начале Большой Сурхкотальской надписи (ειδο μα λιζο — «этот акрополь», где μα — определенный артикль), а также в публикуемой в этом же сборнике бактрийской надписи на ϰarāla; орфографический вариант ειδι — в другой бактрийской надписи с Кара-тепе[3]. В двух надписях на сосудах, как и в Большой Сурхкотальской, ειδο/ειδι сопровождается артиклем μο/μα (ειδο μο κοπαλο, ειδι μα μαδογο). Отсутствие артикля в рассматриваемой надписи связано, очевидно, с тем, что существительное — название сосуда — в этой надписи опущено. Это можно объяснить либо наличием рядом санскритской надписи (которую, очевидно, могли прочесть и термезские монахи-бактрийцы), либо тем, что для формуляров бактрийских «принадлежностных» надписей на керамике обозначение сосуда было не обязательным[4].

Наличие на кундике индийской и бактрийской надписей одинакового содержания, фиксирующих временную принад-

---

[1] *Лившиц В.А., Кругликова И.Т.* Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979, с. 108, 110.

[2] Бактр. ειιο, ειο, ιιο (?)=ēy (или īy), из др.-ир. *ayam/iyam, ср.: *Gershevitch I.* The Well of Baghlan. — Asia Major. N. S., vol. 12, 1966, с. 96, № 6; *он же.* Nokonzok's Well. — Afghan Stidies. L., 1979, № 2, с. 64, 66; иное толкование (из др.-ир. *ahya) у Х. Хумбаха, см.: *Davary G.D., Humbach H.* Die baktrische Inschrift IDN 1 von Dašt-e Nawur (Afghanistan). — Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Wiesbaden, 1976, № 1, с. 11; *Davary G.D.* Baktrisch. Ein Wörterbuch. Heidelberg, 1982, с. 182.

[3] Это же местоимение в написании ιδο Х. Хумбах видит в надписи из Дашт-и Навур и в бактрийской версии надписи b из Точи, см.: *Davary G.D., Humbach H.* Die baktrische Inschrift..., с. 15; *Davary G.D.* Baktrisch..., с. 181.

[4] Это предположение основывается на аналогии с парфянскими надписями на керамике, среди которых имеются как содержащие название сосуда, так и без них — только местоимение «это(т)» + имя собственное владельца. См., например: *Лившиц В.А.* Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака. — Эпиграфика Востока. Вып. 22. Л., 1984, с. 18—40.

лежность сосуда одному и тому же лицу, следует объяснять, очевидно, тем, что среди монахов в Термезе наряду с бактрийцами были выходцы из Индии. Можно полагать, что надписи эти действительно предназначались для прочтения: они указывали на временную принадлежность сосуда данному монаху, о чем должны были знать все бхикшу, как индийцы, так и бактрийцы[5].

βοδδομιτρα в бактрийской надписи — передача санскритского Buddhamittra- с копированием скр. -a в -μιτρα (при собственно бактрийских формах μιυρο, μιορο, μιιρο, μειρο, μιρο = Mihr, Mīr). В бактрийской передаче отсутствует соответствие для санскритской падежной флексии род. п. -sya[6]. Предполагаемая для бактрийского флексия род. п. ед. ч. -i (-i из *-ahya) употребляется весьма нерегулярно[7], однако в данном случае кажется более вероятным, что писавший бактрийский текст просто не понимал значения -sya и воспроизвел лишь основу санскритского имени собственного (ср., однако, далее о бактр. βοδδοζιροσσα в другой надписи на этой же кундике).

Последнее слово бактрийской надписи — χοβο, соответствующее функционально санскритскому pudgalīyaḥ, имеет значение «свой, собственный». Его орфографический вариант

---

[5] Утверждение о том, что среди каратепинских надписей на керамике совершенно нет и не может быть «принадлежностных», удостоверяющих, что сосудом если не владеет, то по крайней мере распоряжается определенный бхикшу (см.: *Воробьева-Десятовская М.И.* Памятники письмом кхароштхи и брахми из советской Средней Азии. — История и культура Центральной Азии. М., 1983, с. 56—58), прямо опровергается надписями на кундике. Сейчас ясно, что и краткая санскритско-бактрийская надпись на фрагменте сосуда с Кара-тепе, опубликованная ранее (*Грек Т.В., Лившиц В.А.* Двуязычная надпись из Кара-тепе. — Кара-тепе III, с. 118—121, табл. XXIIIa; ср.: *Хумбах Х.* К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе. — Кара-тепе IV, с. 62—69; *Воробьева-Десятовская М.И.* Памятники..., с. 46—47), также является «принадлежностной», хотя в ней нет обозначения сосуда, а в санскритской ее части нет и слова со значением «относящийся к отдельному лицу, личностный»: скр. Buddhaśira ddharmakathikas[ya] «Буддхаширы (= Buddhaśrī?), проповедника дхармы», бактр. βοδδο ζβ[η]ο χοβι «Будда(ширы), проповедника, собственный («свой»)». Здесь βοδδο — сокращение от *βοδδοϷιρο (Buddhaśira), образованное, возможно, по типу иранских усеченных гипокористиков (например, парф., ср.-перс. Mihr из Mihrdāt и т. п.). Эквивалентом для скр. ddharmakathika «проповедник дхармы» в бактрийской версии служит не ζβ[ι]ο χοβι, как предполагалось ранее (ср. справедливые сомнения Х. Хумбаха [«К находкам бактрийских надписей», с. 69]), а только ζβ[ι]ο — «зовущий, призывающий», из *zbaya(t)-.

[6] Ср. аналогично ζβ[ι]ο при скр. ddharmakathikas[ya] в каратепинской надписи, упоминавшейся в примеч. 5.

[7] См. выше; ср.: *Хумбах Х.* К находкам...; *Davary G.D.* Baktrisch..., с. 199—201.

χοβι представлен в каратепинской надписи, открытой ранее[8]. Бактр. χοβο/χοβι передает, вероятно, звучание xub (+минимальный гласный?)[9] и восходит к др.-ир. *hvaipaϑya-, авест. xᵛaēpaiϑya-, ср. др.-перс. xvaipašya-, ср.-перс. xwēbēš (ман. xwybš), xwēš, н.-п. xwēš, парф.-ман. wxēbeh, хот.-сак. hävya-, хорезм. xwpsk, xbsk, согд. xēpϑ, янг. xap, xᵂap, xēp, афг. xpəl, шунг. xubaϑ. Иное (диалектное?) отражение этого слова представлено в манихейско-бактрийском χwβус (текст M 1224, V, стк. 18), которое В.Б. Хеннинг сопоставлял с авест. xᵛaēpaiϑya-[10].

Бактрийского эквивалента надпись кхарошти не имеет, но имя монаха Buddhaśira представлено в бактрийской надписи, начертанной вокруг основания горла сосуда. Эта надпись гласит:

νοβιχτο βυικϸο βο(δδ)οζιροσσα

«Написал монах Буддхашира».

Эта надпись написана более крупно и размашисто, чем бактрийская надпись на середине тулова. Примечательно, что в βυικϸο («бхикшу», впервые засвидетельствовано в бактрийском, ср. согд. pykšw, ṗykšw) соединяются между собой только β и υ, особенно примечательно отсутствие соединения -кϸ. Можно заметить еще, что писавший эту надпись в βυικϸο передал санскритскую форму bhikṣu-, а не пракритскую bhichu-, отойдя, таким образом, от рабского копирования форм пракритской надписи. Он выбрал также *gзету* для передачи -ś-, и мы не можем не оценить его выбор — это была самая точная передача из предоставляемых бактрийским алфавитом. С не меньшим успехом писавший употребил удвоение σσ для передачи пракритского ṣ — бактр. ϸ или σ были бы здесь менее удачны.

Но при всем при этом писавший эту надпись не был бактрийцем. Об этом свидетельствует не столько его индийское имя[11], сколько наличие в его надписи рабской передачи пра-

---

[8] См. примеч. 5.

[9] Чередование конечных -о/-i в бактрийских памятниках наблюдается весьма часто.

[10] См. сообщение И. Гершевича: *Gershevitch I.* The Bactrian Fragment in Manichean Script. — Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. T. 28, 1980 (1984), с. 275; ['']wt xwβус... l'' hw''n «и свои дары». Значение бактр. χοβο в надписи из Дашт-и Навур и в турфанском рукописном фрагменте M 7 (стк. 9) остается неясным. Ср.: *Davary G.D.* Baktrisch..., с. 292—293.

[11] Индийские, особенно индо-буддийские имена иранцы принимали нередко. Об этом можно судить, например, по колофонам согдийско-буддийских текстов.

критской формы род. п. — βοδδοζιροσσα (-σσα = -s̲a), совершенно неоправданной с точки зрения бактрийской конструкции с νοβιχτο «написал». В бактрийском языке при формах переходного претерита субъект (агенс) мог выражаться энклитическим местоимением (косв. п.), но существительное в роли агенса такой конструкции падежного оформления не получало (ср., например, в надписи из Айртама, стк. 6: οτι ειμο μιιροζαδα νιβιχτο «и это написал Мирзад»). Поэтому конечное -σσα для бактрийской надписи — бессмыслица. Приходится предположить, что бактрийскую надпись писал индийский монах Буддхашира (он же, вероятно, сам написал и надпись кхароштхи, упоминающую его имя), который хорошо владел бактрийским письмом, но очень плохо понимал бактрийскую грамматику и поэтому перенес в бактрийский текст пракритскую форму род. п.

Как индийские, так и бактрийские надписи на кундике показывают, что либо сосуд сменил (временного) хозяина или пользователя, либо им владели (пользовались) два монаха одновременно. Более вероятным кажется первый вариант.

В иранской эпиграфике известен случай, когда глиняный сосуд сменил своего хозяина, что получило отражение в новой надписи, причем прежняя надпись не была смыта. Это две парфянские надписи на фрагменте крупного кувшина из Эрк-калы (Старый Мерв), начертанные одним почерком (писец-профессионал?):

(1) spyr ZNH NPŠH brzk
«Этот кувшин собственный («свой») Бурзака»

(2) spyr ZNH ZY LY wrtrgngwrk
«Этот кувшин мой, Вархрагнгорака»[12].

[12] *Лившиц В.А.* Новые парфянские надписи, с. 22—23, рис. 1.

Е.В. Зеймаль

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК КАРА-ТЕПЕ (1961—1984 гг.)

В 1988 г. исполнилось 50 лет с тех пор, как началось археологическое изучение буддийского пещерного монастыря Кара-тепе в Старом Термезе[1], уже более четверти века (с 1961 г.) ежегодно ведет раскопки этого замечательного памятника экспедиция под руководством Б.Я. Ставиского. Заслуженную известность получили и сами пещеры, и наземные постройки, и обнаруженные здесь памятники искусства, и особенно надписи. Что же касается монетных находок, то пока они не нашли полного отражения в литературе[2]. Задача данной статьи — восполнить этот пробел, не ограничиваясь публикацией списка монет (за 1961—1984 гг.), но и рассмотрев их стратиграфическое распределение, а также значение для датировки Кара-тепе.

---

[1] *Пчелина Е.Г.* Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе. — Кара-тепе I, с. 84—85. Там же приводятся сведения об осуществлявшихся ранее обследованиях Кара-тепе, не сопровождавшихся раскопками.

[2] Помимо многочисленных упоминаний монетных находок в отчетах Б.Я. Ставиского (Кара-тепе I, с. 42—43; III, с. 47; IV, с. 21, 26, 28 и др.) и в описаниях раскопок, опубликованных его сотрудниками (Кара-тепе IV, с. 36, 120—121 и др.), монетам из раскопок 1961—1971 гг. была посвящена краткая предварительная публикация (Кара-тепе III, с. 101—104), составленная по предварительным определениям, содержащая много неточностей (ср. Кара-тепе V, с. 45, примеч. 49) и с публикацией данной статьи полностью утратившая свое значение. Кроме того, краткий обзор монетных находок на Кара-тепе, основанный на тех же данных, был опубликован недавно Б.Я. Стависким (*Stavisky B.* Kara-Tepe in Old Termez. A Buddhist Religious Centre of the Kushan Period on the Bank of the Oxus. — From Hecataeus to Al-Huwārizmī. Collection of the Sources for the History of Pre-Islamic Central Asia. Ser. 1. Vol. 3. Budapest, 1984). Более развернутый характер имеют публикации Б.И. Вайнберг, посвященные отдельным монетам из Кара-тепе или косвенно связанные с материалами этого памятника (Кара-тепе III, с. 129—154; совместно с Т.А. Раевской — Кара-тепе V, с. 64—71).

Состав монетных находок и их стратиграфическое распределение

Всего за время раскопок на Кара-тепе[3] (1961—1984 гг.) было найдено 80 монет (3 серебряные, остальные медные), из них 8 монет кушанских царей, 5 подражаний монетам Васудевы, 30 монет сасанидских кушаншахов (из них 15 без более точного определения), 18 монет термезского локального чекана, 3 драхмы Пероза или подражаний им, а также 16 экземпляров, оставшихся не определенными из-за плохой сохранности (см. список монет — Приложение I)[4]. Не останавливаясь подробно на оценке датировочных возможностей представленных на Кара-тепе нумизматических групп[5], рассмотрим их стратиграфическое распределение.

---

[3] Местонахождение монет из раскопок 1936—1937 гг. неизвестно, и они здесь не рассматриваются. Известно только, что тогда были найдены «две монеты кушанского чекана (конец I—начало II в.), а на площадке с керамическими печами найдена медная монета типа Васудева (III в.). В верхнем культурном слое одной из пещер обнаружена медная монета сасанидского чекана с изображением Шапура II», а в верхнем слое одного из помещений наземного здания — «две плоские медные монеты плохой сохранности», относящиеся, по М.Е. Массону, к VII в. См.: *Массон М.Е.* Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. — Труды АН УзССР. Серия I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Т. 2. Таш., 1945, с. 5—6. Монета «с изображением Шапура II» была найдена В.Н. Кесаевым при расчистке лаза в пещеру № 2 в 1936 г. (*Пчелина Е.Г.* Начало работ, с. 85). «Две монеты кушанского чекана (конец I—начало II в.)» должны соответствовать двум монетам Канишки, найденным в коридоре наземного храма (в комплексе А), а еще две монеты, найденные там же (Е.Г. Пчелина на с. 88 называет их тоже «кушанскими»), видимо, те, которые М.Е. Массон отнес к VII в. Об этих же монетах упоминает и Б.Я. Ставиский (Кара-тепе I, с. 42), называя две оставшиеся неопределенными монеты из обходного коридора наземного здания «позднекушанскими». Поскольку все монеты из раскопок 1937 г. определял М.Е. Массон, видимо, его сведениям следует отдать предпочтение. Монеты из раскопок 1936 г. на Чингиз-тепе, расположенном в непосредственной близости от Кара-тепе, были первоначально определены А.А. Быковым (они хранятся в отделе Востока Гос. Эрмитажа), но теперь в эти определения необходимо внести уточнения (ср.: *Пиотровский Б.Б.* Раскопки на Чингиз-тепе. — Труды УзФАН СССР. Серия 1. История, археология. Вып 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. (Т. 1.). Таш., 1940, с. 159 и сл.): их список дан в Приложении III к данной статье.

[4] Далее в тексте даны ссылки на номера монет в Приложении I.

[5] Оценку датировочных возможностей близких по составу находок монет из Тепаи Шах (кушанские монеты и подражания им) см.: *Зеймаль Е.В.* Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района. — *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983, с. 161—

Монеты кушанских царей (Канишка I? — № 1[6]; Хувишка — № 2, 62, 63; Васудева — № 3, 6, 9, 40?) в большинстве случаев залегали в достаточно неопределенных в стратиграфическом отношении условиях, что затрудняет их прямое использование для датировки монастыря в целом (или каких-то его частей). Так, монета Канишки I (№ 1) найдена за пределами двора комплекса А (к западу от наземного здания — так называемый «задний двор»), в завале, вместе с большим количеством керамики (в том числе с надписями), видимо образовавшемся уже после того, как закончился первый (кушанский) период существования монастыря. Б.Я. Ставиский (Кара-тепе I, с. 14), отмечая остатки двух периодов в существовании комплекса А, подчеркивает, что «выявить стратиграфическое деление свалки на два слоя, соответствующих этим периодам, здесь (т. е. на «заднем дворе». — *Е.З.*) не удалось». Также из завала происходят две монеты Хувишки (№ 62, 63), найденные во дворе комплекса В (в обломке сырцового кирпича), и две монеты Васудевы (№ 9 — в 1,5 м над полом в южном коридоре пещерного комплекса П—II; № 6 — в боковой комнате надземного здания комплекса А). Более определенны условия залегания трех монет из бокового помещения («кладовой») пещерного храма П—I в комплексе А: все они происходят из подстилающей вторичный пол прослойки (толщиной 35—40 см) над основным (первоначальным) полом этой пещеры.

Вторичный пол в этом комплексе, как указывает Б.Я. Ставиский, «выделялся довольно четко», хотя «в боковом помещении следы вторичного обживания его были менее заметны»; сама прослойка под вторичным полом образовалась «не только путем естественного заполнения пещеры надувным песком и обвалившимися кусками песчаника, но и в результате выброса сюда мусора при расчистке северного коридора комплекса для вторичного его использования» (Кара-тепе I, с. 17). Таким образом, и в этом случае монеты стратиграфически скорее относятся к слою, образовавшемуся после окончания первого (кушанского) периода функционирования монастыря. То, что одна из этих монет (№ 2) лежала на первоначальном полу (у прохода), видимо, не имеет принципиального значения, поскольку она могла попасть туда с другим мусором из северного коридора, когда образовывалась про-

166. См. также: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душ., 1983 (в частности, гл. XXI, «Монеты сасанидских кушаншахов», с. 257—261).

[6] Монета плохой сохранности. В предварительных публикациях фигурирует как монета Вимы Кадфиза или Канишки I.

слойка между полами. Видимо, уже после прекращения функционирования монастыря попала в щель полубазы из известняка и монета Васудевы[7] (или подражание его монетам — см. № 40), в противном случае мы были бы вынуждены датировать по этой монете (конец IV—начало V в., если это подражание) один из этапов строительных работ на Кара-тепе.

Подражания монетам Васудевы, найденные на Кара-тепе, относятся ко второму (№ 43) и третьему периодам их чеканки (№ 4, 42)[8]; в двух случаях сохранность монет не позволила определить период (№ 7, 8 — обе монеты подняты на поверхности). Из них № 4 был найден в завале между основным и вторичным полами в уже упоминавшемся боковом помещении храма П—I (комплекс А) — там же, где были монеты Хувишки (№ 2) и Васудевы (№ 3). Будучи в этой находке младшей монетой, № 4, видимо, должен датировать (в качестве *terminus post quem)* вторичный пол в этом помещении. Монета № 43 происходит из завала над полом в помещении № 1 на верхней площадке холма, а № 42 обнаружен в завале к северу от северного двора комплекса Б, т. е. в довольно неопределенных стратиграфических условиях.

Чеканка сасанидских кушаншахов[9] представлена на Кара-тепе монетами Арташира (кушаншах — 371—379 гг.; шаханшах — 38?—383 гг.) — № 56; Варахрана I (кушаншах — 384—389 гг.; шаханшах — 389—399 гг.) — № 14, 41(?), 48; Варахрана II (кушаншах — 389—3?? гг.) — № 15, 24(?), 30, 31, 36, 49, 76; Хормизда (кушаншах — 450—457 гг.; шаханшах — 457—459 гг.) — № 23, 79; Пероза (кушаншах — 457—459 гг.; шаханшах — 459—484 гг.) — № 32, 57. Еще для 14 экземпляров (№ 21, 22, 25, 27, 33, 35, 37—39, 46, 50, 52, 53, 58) пришлось из-за недостаточно хорошей сохранности ограничиться лишь общим определением — «сасанидо-кушанские» (возможно, сасанидо-кушанские монеты, если судить по фактуре и по обстоятельствам находки, имеются и среди тех 17 монет, ко-

[7] Стратиграфические обстоятельства этой находки детально описал Б.Я. Ставиский (Кара-тепе III, с. 79—80).

[8] Эту условную классификацию подражаний монетам Васудевы см.: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душ., 1983, с. 241—245.

[9] Здесь и далее принята классификация и хронология монет сасанидских кушаншахов, предложенная В.Г. Лукониным (*Луконин В.Г.* Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ. Вып. 18. Л., 1967, с. 16—33; *он же.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 125—151), принимавшим непосредственное участие и в раскопках Кара-тепе, и в определении монет, найденных там. Текст этой статьи писался, когда его уже не стало, но он с полным правом мог бы считаться одним из ее авторов.

торые остались без какого-либо определения). Только одна монета относится к так называемой группе Кобада (№ 47). Третья большая группа медных монет сасанидских кушаншахов — так называемые кушано-сасанидские монеты (л. ст. — стоящий царь, об. ст. — «Шива» перед быком) — на Каратепе совершенно не представлена.

Наибольшее число сасанидо-кушанских монет было найдено в святилище П—I (комплекса А) — в слое захоронений, совершенных уже после того, как монастырь прекратил существовать. Здесь было найдено 17 сасанидо-кушанских монет (в том числе Варахран I — № 14; Варахран II — № 24, 30, 31, 36; Хормизд — № 23; Пероз — № 32), а также 10 монет, не получивших определения) (см. Приложение I). Младшими сасанидо-кушанскими монетами для нерасчленимого стратиграфически слоя погребений в святилище П—I являются № 23 (Хормизд) и № 32 (Пероз), а датировать это скопление погребений, если исходить из хронологической схемы В.Г. Луконина, следует не ранее середины V в.

Для погребений были использованы и заброшенные помещения на верхней площадке холма в здании над храмом П—II, где также в качестве «обола Харона» послужили монеты сасанидских кушаншахов: в помещении Х-4 — Варахрана II (№ 49), в помещении Х-5 — Арташира (№ 56). Кроме того, в помещении Х-3, над полом была найдена монета кушаншаха Пероза (№ 57), но датирующими (младшими) для погребений в этом помещении, видимо, являются монеты термезского локального чекана (№ 58, 59), датировочные возможности которых будут рассмотрены далее.

Несколько сасанидо-кушанских монет было обнаружено в наземных помещениях комплекса Б (№ 41, 46, 48) и в пещере № 3 комплекса В (№ 52, 53, 68); но относятся они явно к периоду запустения монастыря в целом.

О датировочных возможностях находки двух монет сасанидских кушаншахов (№ 76 — Варахран II, № 75 — Хормизд), найденных, возможно, внутри упавшей статуи в наземном святилище во дворе комплекса В, будет сказано ниже, но очевидно, что и в этом случае дата по младшей монете — не ранее середины V в.

Еще более позднюю дату для каратепинских погребений периода запустения дают находки трех серебряных драхм, чеканенных по образцу монет сасанидского шаханшаха Пероза. Одна из них (№ 45 — эмиссия 288, по классификации

Р. Гёбля[10]) была найдена в пещере № 3 комплекса В (в слое погребений)[11], две другие (№ 77, 78 — эмиссия 287, по той же классификации) — в том же комплексе В, но среди захоронений в пещере № 2. Наиболее вероятная дата выпуска этих монет — VI в. (скорее, его первая половина или середина, чем конец). Этим временем можно датировать и погребения в пещерах комплекса В.

Во время раскопок Кара-тепе было найдено 18 медных тонких монет с отчетливо выраженной скифатностью, которые относятся к ранее неизвестной чеканке и могут быть определены как термезский локальный чекан. Вопрос об их локализации и датировке будет рассмотрен ниже, а здесь необходимо отметить, что в большинстве случаев эти монеты присутствуют в погребении времени запустения монастыря (№ 28 — южный коридор в пещере П—II комплекса Б, у скелета № 2, а № 29 — в выброшенной из этого слоя земле; № 58, 59 — в помещении Х-3 на верхней площадке холма; № 60, 61, 65, 66 — из захоронений в пещерах комплекса Г, а № 64, 70 — в выбросе земли из этих пещер; № 71—74 — из слоя захоронений в пещере № 2 комплекса В, где были найдены также эфталитские серебряные драхмы № 77 и 78 по образцу драхм Пероза). Лишь в трех случаях (из 17) для монет этой группы не фиксируется связь с погребениями в заброшенных пещерах и наземных постройках монастыря (№ 44 — во дворе комплекса Б, в завале; № 69 — комплекс В, в поверхностном слое; № 79 — комплекс Д, в поверхностном слое). Присутствие монет этой группы среди инвентаря захоронений в заброшенных зданиях характерно и для расположенных по соседству от Кара-тепе памятников — Фаяз-тепе и Кургана.

---

[10] *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 1—4. Wiesbaden, 1967.

[11] Б.И. Вайнберг, публикуя эту монету (Кара-тепе V, с. 66—68), высказала предположение, что она «либо связана с поздним погребением, впущенным в заложенную пещеру (это очень трудно представить даже чисто технически. — *Е.З.*), либо занесена туда поздними посетителями». Видимо, после находки в соседней пещере № 2 еще двух столь же поздних монет (№ 77, 78) присутствие в слое погребений монет VI в. может быть «истолковано» более простым способом: захоронения, в которых эти монеты присутствуют, были сделаны в VI в. Нет никаких оснований сомневаться в этом только потому, что в тех же погребениях присутствуют сасанидо-кушанские монеты (№ 52, 53): это лишь показывает, что обращение (или только использование в захоронениях) сасанидо-кушанских монет продолжалось и в VI в.

Первые монеты этой группы на Кара-тепе (№ 28, 29) были найдены в 1970 г., но плохая сохранность затрудняла их изучение и определение. Начиная с 1973 г. их находки участились, а всего к началу 1985 г. на Кара-тепе уже найдено 18 монет этой группы. Три из них были опубликованы Б.И. Вайнберг (№ 60, 61 и 64 по Приложению I)[12].

Как уже было отмечено, монеты этой группы в аналогичных условиях были найдены также во время раскопок в непосредственной близости от Кара-тепе (менее 1 км) — на Фаяз-тепе (11 экз.) и Кургане (5 экз.)[13]. Всего, таким образом, теперь известны 34 такие монеты. И хотя их сохранность в большинстве случаев посредственная или плохая, такое количество экземпляров позволяет сделать (несмотря на значительные различия между ними в рамках одного иконографического типа) суммарное описание наиболее существенных особенностей этой группы монет.

Лицевая сторона (выпуклая) занята погрудным изображением правителя в три четверти вправо (исключение — один экземпляр из Фаяз-тепе, на котором правитель обращен влево). Лицо скуластое, с длинными усами и «монголовидными» глазами. Волосы лежат длинными прядями. В правом ухе — крупная серьга. На шее, возможно, ожерелье (или оторочка ворота нижнего одеяния?). Волосы, видимо, перевязаны лентой-диадемой, но она различима не на всех экземплярах. В центре диадемы — полумесяц (?). Трехчастная трактовка бюста намечена, но выражена на разных экземплярах с неодинаковой степенью определенности. Справа в поле — знак, имеющий довольно неустойчивое начертание (видимо, нечто вроде тамги). Поле монеты обрамлено ободком из крупных точек, вплотную примыкающих одна к другой. Легенда отсутствует.

Обратная сторона обрамлена таким же точечным ободком, как и лицевая сторона. Центральную часть поля монеты занимает знак, напоминающий тамгу: горизонтальная черта-подставка и отходящая от нее перпендикулярно вверх черта — «ножка» (иногда изображена не прямой, а ломаной линией), увенчанная сверху дугой (концы дуги обращены вниз)

---

[12] *Вайнберг Б.И., Раевская Т.А.* Нумизматические заметки. — Кара-тепе V, с. 64—66.

[13] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Л.И. Альбаума и В.А. Козловского, любезно предоставивших в мое распоряжение эти монеты из Фаяз-тепе и Кургана для изучения и публикации.

или двумя отходящими от вершины «ножки» отрезками, направленными вниз (в таком виде знак напоминает «стрелу» на подставке). На обратной стороне также нет никаких признаков легенды.

Несмотря на неустойчивость веса, усугубляемую плохой сохранностью многих экземпляров этой группы, можно выделить два разных номинала — большой и малый, легко опознаваемые на глаз (по линейным размерам). Принципиальных различий между номиналами по изображениям не прослеживается.

Историческая атрибуция монет этой группы вызывает серьезные трудности, поскольку монеты анэпиграфны. Наиболее определенно решается вопрос об их локализации. Все 34 экземпляра, которые сейчас известны, происходят с городища Старого Термеза (Кара-тепе, Фаяз-тепе и Курган составляют треугольник со сторонами менее 1 км). Монетами этой группы, которые были бы найдены за пределами Старого Термеза, мы пока не располагаем, что позволяет рассматривать данную нумизматическую группу как местную, термезскую чеканку со строго ограниченным ареалом.

Вопрос о дате этих монет может быть решен (во всяком случае, пока) только предположительно. Совместное присутствие монет рассматриваемой группы вместе с эфталитскими подражаниями драхмам Пероза (в пещере № 2 комплекса В — № 71—74, 78) указывает на то, что они находились в обращении одновременно — в VI в. Труднее определить дату их выпуска. Б.И. Вайнберг высказала мнение, что «время чекана этих монет весьма приблизительно определяется от второй половины IV в. и, вероятно, до конца V в., когда на смену кушано-сасанидским и сасанидо-кушанским монетам, сопровождавшим погребения в Кара-тепе, приходят монеты эфталитов, чеканенные по типу монет Пероза», хотя «это не бесспорно»[14]. Видимо, ни вторая половина IV в., ни середина V в. не могут быть приняты для датировки интересующих нас монет: их выпуск в Термезе, пережившем сасанидскую оккупацию, невозможно представить. Нет уверенности, что предлагаемое Б.И. Вайнберг противопоставление термезских локальных монет эфталитским подражаниям драхмам Пероза справедливо. Более того, скорее можно представить их параллельную чеканку: эфталитское серебро с широкой зоной обращения и местная медная монета, обращающаяся по прину-

[14] *Вайнберг Б.И., Раевская Т.А.* Нумизматические заметки, с. 66. Мнение Б.И. Вайнберг было высказано до находок 1982 г. в комплексе В (№ 69—78).

дительному курсу и именно поэтому имеющая ограниченный ареал. Иконографические особенности термезских анэпиграфных монет не противоречат такому предположению, тогда как сближение их с чеканкой сасанидских кушаншахов (при датировке термезских монет в пределах V в.) вряд ли возможно: слишком велики различия между ними.

Таким образом, есть больше оснований датировать термезский локальный чекан эфталитским временем — концом V—VI в. Остается надеяться, что новые находки позволят не только проверить предлагаемую датировку, но и уточнить, как долго продолжалась их чеканка — на протяжении только первой половины VI в. или позднее. Значительные различия между известными в настоящее время экземплярами термезского локального чекана показывают, что в их изготовлении участвовало несколько резчиков штемпелей и что их выпуск, во всяком случае, не был каким-то одноразовым или кратковременным актом.

Монетные находки и история буддийского комплекса Кара-тепе

Поскольку пока с основным периодом жизни монастыря не связано стратиграфически ни одной монетной находки, его датировка вынужденно опирается на ненумизматические данные. Б.Я. Ставиский относит сооружение каратепинских пещер и наземных построек ко времени Канишки (предположительно), а функционирование монастыря, частичные перестройки и ремонты — ко времени Хувишки и Васудевы (также предположительно)[15]. Монетные находки, к сожалению, не могут быть использованы для подтверждения этих датировок или их уточнения и сужения. Находка двух монет Хувишки в тесте сырцового кирпича (№ 61, 62 — завал во дворе комплекса В) также не дает надежной хронологической опоры, так как, во-первых, неизвестно, какой постройке принадлежал этот кирпич[16], а во-вторых, монеты могли попасть в кирпичное тесто и значительно позднее времени их выпуска.

---

[15] *Stavisky B.* Kara Tepe, с. 129.

[16] Здесь же, во дворе комплекса В, были исследованы остатки построек, бесспорно относящихся ко времени частичного восстановления монастыря после периода запустения.

Весьма неопределенной (если исходить из монет) остается и дата, после которой монастырь перестает существовать[17].

Как было показано выше (см. таблицу стратиграфического распределения монетных находок), большинство монет относится к тому времени, когда монастырь уже не функционировал, а в пещерах и в наземных постройках совершались массовые захоронения. Стратиграфически нерасчленимый слой погребений в святилище П—I (комплекса А) следует датировать, если исходить из хронологии В.Г. Луконина, не ранее середины V в. (по младшим монетам № 23 и 32, чеканенным сасанидскими кушаншахами Хормиздом и Перозом). Такую же дату получает период запустения и в здании на холме (над храмом П—II комплекса Б — по монете № 57). Еще более поздняя дата устанавливается для погребений в пещерах № 2 и 3 комплекса В — VI в. (по монетам № 45, 77, 78). Отнесение к эфталитскому времени (конец V—VI в.) медных монет термезского локального чекана означает, что погребения и в южном коридоре храма П—II (комплекса Б), и в комплексе Г также совершались в конце V—VI в. Это не исключает, конечно, гибели монастыря во второй половине IV в. (сасанидская оккупация): захоронения в его заброшенных развалинах, видимо, совершались не сразу после ухода монахов, а несколько позднее — вплоть до второй половины V—VI в. Этим же временем датируются захоронения и в развалинах расположенного в непосредственной близости Фаяз-тепе, и в раннем здании на месте Кургана.

Еще до раскопок наземного святилища во дворе комплекса В Б.Я. Ставиский полагал, что «эти захоронения вписали в историю Кара-тепе последнюю страницу»[18]. Теперь появились основания считать, что после периода запустения произошло возобновление (во всяком случае, частичное) Каратепе как буддийского монастыря. Для датировки восстановления монастыря особый интерес представляет находка двух монет сасанидских кушаншахов (№ 76 — Варахран II, № 75 — Хормизд), которые, возможно, находились внутри упавшей статуи (святилище во дворе комплекса В). Если это так, то, судя по монете кушаншаха Хормизда (450—457), сооружение этой статуи датируется не ранее середины V в.[19]. Но по-

[17] По Б.Я. Ставискому, разрушение или начало запустения монастыря приходится на интервал примерно между 260 и 370 гг. — *Stavisky B.* Kara Tepe, с. 129.

[18] Кара-тепе IV, с. 29; ср.: *Stavisky B.* Kara Tepe, с. 129.

[19] Монета Варахрана II, если бы она была одна, оставляла бы возможность для предположения, что возобновление монастыря произошло в конце

скольку в других зданиях и пещерах захоронения продолжали совершаться и во второй половине V в., и в VI в. (полностью или частично — неизвестно), изготовление статуи (и восстановление Кара-тепе как монастыря) нельзя датировать непосредственно временем выпуска монеты кушаншаха Хормизда, а следует отнести к более позднему периоду — в пределах второй половины (или только последних десятилетий?) VI — начала VII в. Отсутствие в наземной части так называемого раннесредневекового прямоугольного кирпича, видимо, не может препятствовать такой датировке: из квадратного сырцового кирпича тех же размеров, что и на Кара-тепе, было возведено в конце VI—VII в. сводчатое двухэтажное здание Кургана.

Датировка частичного возобновления Кара-тепе как буддийского монастыря второй половиной VI—началом VII в. достаточно хорошо согласуется с судьбами других буддийских памятников Термезской буддийской «лавры» и ее округи. Исследованный в 80 км от Термеза (вверх по Амударье) небольшой буддийский монастырь Уштур-мулло (в оазисе Тепаи Шах) также был разрушен, видимо, во второй половине IV в., а в VI или VII в. главная ступа этого монастыря была восстановлена (само здание осталось в развалинах, в период запустения в нем тоже совершались захоронения)[20]. Видимо, эти частично возродившиеся буддийские монастыри кушанского времени и отмечал для VII в.[21] в Термезе и его окрестностях Сюань Цзан — они и составляют последнюю страницу в истории буддийского культового центра Кара-тепе.

IV или начале V в., т. е. до массовых захоронений. Но присутствие внутри статуи и монеты Хормизда исключает такое допущение.

[20] Неопубликованные материалы Т.И. Зеймаль.

[21] В связи с этим хотелось бы напомнить о монетах, найденных в 1937 г. (№ 04, 05 в Приложении I) и датированных М.Е. Массоном VII в. («плоские медные монеты плохой сохранности того типа, которые я отношу примерно к VII в.» — ТАКЭ II, с. 6), хотя, возможно, так были названы монеты, обозначаемые здесь как термезский локальный чекан эфталитского времени.

Приложение I

Монеты из раскопок Кара-тепе

№	Вес	Диам.	Оси	Определение и краткое описание	Обстоятельства находки	Инв. №	Публикации, примечания
1	2	3	4	5	6	7	8
					1936 г.		
01*				«Медная монета сасанидского чекана с изображением Шапура II» (определение М.Е. Массона)	При расчистке В.Н. Кесаевым лаза в пещеру № 2		ТАКЭ II, с. 5—6; ср. КТ I, с. 85
					1937 г.		
02				«Монета кушанского чекана (конец I—II в.)», по М.Е. Массону; по Е.Г. Пчелиной — Канишка	Комплекс А, наземный храм, замурованная часть коридора, в слое с разрозненными костями человеческих скелетов		ТАКЭ II, с. 5; КТ I, с. 88
03				То же	Там же		
04				«Плоская медная монета VII в.» (по определению М.Е. Массона)	Там же		ТАКЭ II, с. 6; но ср. КТ I, с. 88 и 42, где эта монета названа «позднекушанской»

* № 01—05 обозначены монеты, которые были недоступны мне в натуре; место их хранения неизвестно.

1	2	3	4	5	6	7	8
05				То же	Там же		То же
					1961 г.		
1	16,72	28,1	?	Канишка I(?) (об. ст. — бог Вад?)	Компл. А, «задний двор» к западу от наземного здания, у зап. обреза, в слое свалки	ВН—60	КТ I, с. 42—43 (ср. КТ III, с. 101, № 1)
2	9,65	25,6	XII	Хувишка (царь на слоне вправо; стоящее божество — Атеш?)	Компл. А, храм П—I, боковое помещ. («кладовая»), на полу, у прохода	ВН—61	КТ III, № 2
3	9,15	25,0	XII	Васудева	Там же (вместе с № 2)	ВН—62	КТ III, № 4
4	2,67	18,1	XI	Подражание монетам Васудевы	Там же, в завале над полом (вместе с керамикой), у входа в помещение	ВН—63	КТ III, № 5
5	2,13	(16,9)	—	Неопределенная, в двух фрагментах	Компл. А, двор, завал, верх прослойки с керамикой, против зап. колена обходного коридора, в южном айване	ВН—64	КТ III, № 11
6	8,75	23,8	XII	Васудева	Компл. А, боковая комната наземного здания, завал	ВН—65	
7	1,04	13,3	—	Неопределенная (подражание монетам Васудевы?)	На поверхности, у входа в пещеру № 2 (на восточном склоне Кара-тепе)		

Приложение I (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
					1965 г.		
8	5,13	18,4	XII	Подражание монетам Васудевы	Подъем, в окрестностях Каратепе, на городище Старого Термеза	ВН—67	
					1968 г.		
9	7,35	23,5	XII	Васудева	Комплекс Б, храм П—II, ю.-в. угол. южн. обходного коридора, в завале (в 1,5 м над полом)	ВН—68	
10	0,61	12,0	—	Неопределенная	Компл. Б, центральное святилище в храме П—II	ВН—69	
					1969 г.		
11	0,30	11,8	—	Неопределенная	Компл. А, храм П—I, святилище, в слое захоронений, около костяка	ВН—70	
12	0,60	12,3	—	Неопределенная	Там же	ВН—71	
13	0,17	12,7	—	Неопределенная	Там же	ВН—72	
14	1,13	12,6	IX?	Сасанидский кушаншах Варахран I («сас.-куш.» — е/7)	Там же, но в центре святилища, на полу	ВН—73	КТ III, № 13

1	2	3	4	5	6	7	8
15	1,42	15,3	IX	Сасанидский кушаншах Варахран II («сас.-куш. —f?/7)	Там же, в центре святилища, на полу	ВН—74	
16	0,74	13,9	—	Неопределенная	Там же, в центре святилища, в 40 см над полом	ВН—75	
17	1,02	—	—	Неопределенная	Там же, на полу, в 1 м от вост. стены и в 1 м от входа	ВН—76	
18	(0,89)	(11,2)	—	Неопределенная	Там же, в центре святилища, над полом	ВН—77	
19	(0,48)	(13,0)	—	Неопределенная (фрагмент)	Там же	ВН—78	
20	(0,52)	—	—	Неопределенная (2 фрагмента)	Там же	ВН—79	
					1970 г.		
21	0,66	11,3	IX?	Сасанидо-кушанская (?/7)	Компл. А, храм П—I, у костяка № 9	ВН—80	
22	(0,35)	(12,4)	—	Сасанидо-кушанская (?)	Там же	ВН—81	
23	0,79	12,8	I	Сасанидский кушаншах Хормизд (g?/7)	Там же, у костяка № 11	ВН—82	
24	0,91	12,9	III	Сасанидский кушаншах Варахран II (f?/7)	Там же	ВН—83	
25	(0,39)	(11,6)	—	Сасанидо-кушанская (фрагмент — ?/7)	Там же, возле правого локтя скелета	ВН—84	

Приложение I (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
26	(0,53)	(12,4)	—	Неопределенная (края обломаны)	Там же, в области таза	ВН—85	
27	0,62	(12,1)	—	Сасанидо-кушанская (?/7)	Там же, в скоплении костей	ВН—86	
28	0,84	20,4	—	Термезский локальный чекан эфталитского времени	Компл. Б, П—II, южн. коридор, возле стопы скелета № 2	ВН—87	
29	1,34	19,0	V	То же	Там же, скопление костей (в выбросе земли)	ВН—88	
30	0,69	14,2	XII?	Сасанидский кушаншах Варахран II (f/7)	Компл. А, храм П—I, святилище, возле руки с браслетом	ВН—89	
31	0,73	12,8	III	То же (?)	Там же	ВН—90	
32	0,75	11,1	X	Сасанидский кушаншах Пероз (h/7?)	Там же, в скоплении костей	ВН—91	
33	(0,77)	12,9	—	Сасанидо-кушанская (?/7)	Там же	ВН—92	
34	(0,48)	—	—	Неопределенная (2 фрагмента)	Там же	ВН—93	
35	(0,92)	10,3	—	Сасанидо-кушанская (?/7)	Там же	ВН—94	
36	0,68	12,4	—	Сасанидский кушаншах Варахран II	Там же	ВН—95	

1	2	3	4	5	6	7	8
37	(0,43)	13,0	—	Сасанидо-кушанская (?/7)	Там же	ВН—96	
38	(0,20)	(9,3)	—	Сасанидо-кушанская (фрагмент — ?/7)	Там же	ВН—97	
39	(0,44)	12,8	—	Сасанидо-кушанская (фрагмент — ?)	Там же	ВН—98	
					1971 г.		
40	4,97	18,8	XII	Васудева (или подражание его монетам)	Компл. Б, двор, в трещине базы столба (в сев. стене)	ВН—99	
41	1,55	14,8	VIII	Сасанидский кушаншах Варахран (I?) (царь обращен влево?)	Компл. Б, двор, выброс	ВН—100	
42	2,26	15,2	X	Подражание монетам Васудевы (3-й период)	Компл. Б, к сев. от сев. двора	ВН—101	
					1972 г.		
43	4,79			Подражание монетам Васудевы (2-й период)	Здание на холме, над храмом П—II (компл. Б), помещ. X-I, завал над полом	ВН—	
					1973 г.		
44	(0,38)	14,2	?	Термезский локальный чекан эфталитского времени	Компл. Б, двор, в завале	ВН—102	

Приложение I (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
45	1,32	31,1	XI	Серебряное подражание драхме Пероза с надчеканом в виде «сердечка»	Компл. В, пещера 3, слой с погребениями	ВН—103	КТ V, с. 66—67; Гёбль, 1967, эм. 288
46	1,06	13,9	—	Сасанидо-кушанская (?/7)	Компл. Б, назем. помещ. к вост. от святилища	ВН—104	
47	(0,77)	11,1	—	Сасанидо-кушанская, группа «Кобада» (фрагмент)	Там же	ВН—105	
48	0,68	12,6	III	Сасанидский кушаншах Варахран I (e?/7)	Там же	ВН—106	
49	0,64	12,1	I	Сасанидский кушаншах Варахран II (?/7)	Здание на холме, над храмом П—II (компл. Б), помещ. X-4, погреб. № 1, в лев. руке	ВН—107	
50	0,79	13,4	—	Сасанидо-кушанская (?/7)	Там же, погреб. № 2, в правой руке	ВН—108	
51	(0,89)	(12,8)	—	Неопределенная	Там же	ВН—109	
52	0,54	12,7	—	Сасанидо-кушанская	Компл. В, пещера 3	ВН—110	
53	0,51	11,9	—	То же	Там же	ВН—111	
54	1,91	15,2	—	Неопределенная	Там же	ВН—112	
55	0,35	(11,6)	—	Неопределенная (фрагмент)	Там же	ВН—113	
					1974 г.		
56	2,14	18,1	IX	Сасанидский кушаншах Ардашир (b/5)	Здание на холме, над храмом П—II (компл. Б), помещ. X-5, слой захоронений	ВН—114	

1	2	3	4	5	6	7	8
57	(0,49)	12,8	—	Сасанидский кушаншах Пероз (h/7)	Там же, помещ. X-3, над полом	ВН—115	
58	0,45	14,8	—	Термезский локальный чекан эфталитского времени	Там же	ВН—116	
59	0,44	16,6	IX?	То же	Там же, помещ. X-3, слой погребений, поверх натека	ВН—117	
					1976 г.		
60	0,66	16,0	IX	То же	Компл. Г, тайник, у южн. погребения (близ бедра)	ВН—118	КТ V, с. 64—65, табл. 25а
61	1,18	19,1	IV	То же	Там же, среди костей правой руки	ВН—119	Кт V, с. 65—66
62	4,22	22,6	XII	Хувишка (царь на тахте, об. ст. — стоящий Михр)	Компл. В, двор, завал, в тесте сырцового кирпича	ВН—120	
63	5,41	28,9	XII	То же (царь, сидящий со скрещенными ногами, об. ст. — стоящий Михр)	Там же	ВН—121	
					1977 г.		
64	0,78	16,6	III	Термезский локальный чекан эфталитского времени	Компл. Г, в выбросе земли	ВН—122	КТ V, с. 66, табл. 25б, в
					1978 г.		
65	0,55	(16,1)	IX	То же (края обломаны)	Компл. Г, пещера П—V, сев. коридор, в слое над полом	ВН—123	

Приложение I (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8
					1980 г.		
65а					Компл. Б, верхняя постройка, помещение с алтарем, над полом, у восточной стены	ВН—540	
					1981 г.		
66	0,23			То же	Комплекс Г, в слое захоронений	ВН—124	
67	16,1			Сасанидский кушаншах Ардашир (b?/5)	Комплекс В, святилище, с.-з. угол, в 5—10 см выше суфы	ВН—125	
68	1,13			Сасанидо-кушанская (?/7)	Компл. В, святилище, в выбросе земли	ВН—126	
					1982 г.		
69	0,55			Термезский локальный чекан эфталитского времени	Компл. В, помещ. у вост. выхода во двор, в поверхностном слое	ВН—531	
70	0,83			То же	Компл. Г, из старых отвалов	ВН—532	
71	1,22	20,8	XII	То же	Компл. В, пещера 2, слой захоронений (2,0 м от сев. и 0,4 м от зап. стены)	ВН—533	
72	0,47			То же	Компл. В, пещера 2, в слое захоронений	ВН—534	

1	2	3	4	5	6	7	8
73	1,29			То же	Там же	ВН—535	
74	0,80			То же	Там же, в выбросе земли	ВН—536	
75	1,14			Сасанидский кушаншах Хормизд (?/7)	Компл. В, святилище во дворе, внутри упавшей статуи	ВН—537	
76	1,05			Сасанидский кушаншах Варахран II (f?/7)	Там же	ВН—538	
77	2,43	30,4	III	Драхма сасанидского царя Пероза (или подражание ей — ср. Гёбль, 1967, эм. 287)	Компл. Б, пещера 2, слой захоронений (2,4 м от сев. и 0,25 от зап. стены)	ВН—529	
78	2,38			То же (ср. Гёбль, 1967, эм. 287, тип. II — корона с крыльями).	Там же (1,4 м от сев. и 0,7 м от вост. стены)	ВН—530	
79	0,69			Термезский локальный чекан эфталитского времени	Компл. Д, поверхностный слой	ВН—539	
					1983 г.		
80				То же	Компл. Г		

Приложение II

Стратиграфическое распределение монетных находок на Кара-тепе

Место и условия находки	Период запустения			Возобновление монастыря	Неопределенные условия, подъем
	Завал над основн. полом	Вторичн. пол и завал над ним	Слой захоронений		
1	2	3	4	5	6
Комплекс А					
Наземное здание:					
коридор			02,03 — кш		6 кш
боковая комната			04,05 — ?		
«Задний двор»	1 кш				
Храм П—I:					
боковое помещ.	2,3 кш; 4 пк				
святилище	16—20 нп	14,15 ск	11—13, 26, 34 — нп 21—25, 30—33, 35—39 ск		
Комплекс Б					
Двор		40 кш(пк?)			41 ск, 42 пк, 44 тл
Наземн. помещ. (к вост. от святилища)					46—48 ск
Храм П—II:					
южн. коридор			28, 29 — тл		
центр. святилище	10 нп				

1	2	3	4	5	6
Здание на холме					
(над храмом П—II, компл. Б):					
помещ. X-1	43 пк				
помещ. X-3	57 ск, 58 тл		59 тл		
помещ. X-4			49, 50 ск; 51 нп		
помещ. X-5			56 ск		
Комплекс В					
Наземная часть: двор				62, 63 кш	(62, 63 кш?)
святилище	67 ск			75, 76 ск	68 ск
помещ. к вост. от выхода					69 тл
Пещера В—2			71—74 тл; 77, 78—эс		
Пещера В—3			45 эс		52, 53 ск; 54, 55 нп
Комплекс Г					
			60, 61, 66—тл		64, 70—тл
Пещера П—V	65 тл				
Комплекс Д					
					79 тл

Номер в таблице соответствует номеру в списке находок (Приложение I); рядом с цифрами — буквенное обозначение группы: кш — кушанские, пк — подражания кушанским, ск — сасанидо-кушанские, эс — эфталитские подражания сасанидским драхмам, тл — термезский локальный чекан, нп — неопределенные.

Приложение III

Монеты из раскопок Чингиз-тепе (1936 г.)

№	Вес	Диам.	Оси	Определение и краткое описание	Обстоятельства находки	Инв. №
1	16,82	26,9	XII	Канишка I (об. ст. — Михр?)		ВН—51(А—1503)
2	6,61	22,1	XII	Васудева		ВН—58(А—1510)
3	4,73	19,0	XII	Подражание монетам Васудевы	Комната № 4, гл. 1, 10 м (от 0/5)	ВН—53(А—1505)
4	3,56	17,8	XII	То же	Комната № 2, ю.-з. угол, гл. 1, 24 (рядом с керамической чашечкой и осколком хума)	ВН—54(А—1506)
5	2,42	17,3	XII	То же	гл. 1, 06 (от Н/З)	ВН—56(А—1508)
6	1,09	13,8	IX	То же	гл. 0,73 (от М/З)	ВН—57(А—1509)
7	1,09	15,5	—	Сасанидо-кушанская монета (?/7)	Комната № 3, с.-з. угол, гл. 1 м	ВН—52(А—1504)
8	4,01	18,2	XII	Сасанидо-кушанская монета группы «Кобада» (на об. ст. — алтарь)	У входа в пещеру	ВН—59(А—1510)
9	2,66	18,8	—	Неопределенная (на об. ст. — стоящая фигура; возможно, «Канишка II»)	Раскоп № 2, кв. ЛЗ, гл. 0,30 (от Л/х)	ВН—55(А—1507)

H. Humbach

THE PEROZ HEPHTHALITE COINS

From an article published by B.J. Vajnberg and T.A. Raevskaja in Kara-Tepe V (1982)[1] we learn that among the coins unearthed at the site of Kara-Tepe there is also one specimen of Göbl's emission No. 288 (quoted by myself as NumH 288)[2]. This emission is part of a typological group comprising the three emissions NumH 287—289. It is evident from the portrait of the obverse that the typological group derives from the coinage of the Sassanian Great King Peroz (459—484), and nobody doubts that it was issued by Hephthalite rulers.

As far as I can see Göbl had no clear idea of the chronology and the geographical distribution of the group. This induced him to draw an inadequate picture of its historical background attributing it to his «true Hephthalites», who according to him were a fourth ware of Hunnish invaders who did not cross the Hindukush[3]. He dated them to the period from 465/485 to the second half of the VIIth century[4].

A more convincing chronology was proposed by Vajnberg in her contribution to Kara-Tepe III (1972), who dated NumH 287 to the last quarter of the Vth, NumH 288 to the beginning of the VIth, and NumH 289 to the later VIth century[5]. In the same connection Vajnberg also gave a short survey of the very numerous findings of coins of the same kind at different sites in Soviet Central Asia. At first sight this corroborates Göbl's geographical picture. However, as early as in my review of Göbl's work (1969) I drew attention to the fact that a great number of such coins (at least of NumH 288—289) are kept in the Lahore

---

[1] *Вайнберг Б.И., Раевская Т.А.* Нумизматические заметки. — Кара-тепе V, с. 64—70, особенно с. 66 и сл.

[2] *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 1—4. Wiesbaden, 1967.

[3] Göbl, 1, S. 25—26; II, 8.

[4] Göbl, 1, S. 25; II, 43.

[5] *Вайнберг Б.И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. — Кара-тепе III (с. 129—154, особенно с. 132—144).

Museum where I could inspect them briefly in 1964[6]. Thus the group seems to have been current in the whole area occupied by the Hephthalites in the period of their largest expanse towards the south-east. The point of departure of the diffusion was Balkh. On the observe of NumH 287 we find the Bactrian form of its name, *Baxlo* (see fig. 1), which nobody but Göbl has wanted to explain as a by-form of the name of Baghlan (Bactr. *Bagolaggo*)[7]. On the observe of NumH 287 we see the Bactrian inscription *Ēb* which is still unexplained. Its position to the right of the imitated head of Peroz suggests one should consider it as the name or title of the Hephthalite ruler. Since the obligate final *-o* is missing *Ēb* is likely to be an abbreviation. In analogy to the Alkhan/Alkhun coins which show inscriptions such as *Alxanno* and *Alxannano šao* (NumH 33—83)[8] I suppose that *Ēb* stands for *Ēb(dalo)* or *Ēb(dalano šao)* «King of the Hephthalites», thus presenting the only epichorical vestige of the name of the famous tribe. Cf. Greek *Ephthalanos* «name» of the king of the Ephthalites (Hephthalites) in about 480 of our era[9].

Of the two inscriptions, *Ēb* and *Baxlo*, no more than corrupted traces are reproduced on the succeeding emissions NumH 288—289. However, on these, below the portrait of Peroz a new inscription has been added. As seen in Göbl's supplement (pl. 88—91), later specimens show the inscription *omo* preceded by one or two undefinable letters (*..omo*), which both Göbl and I tentatively read as *soomo* or *ioomo* (see fig. 2). But that would be graphically incorrect, and, besides, would not make much sense either. This suggests that the inscription must have suffered successive corruptions. The prototype of NumH 288—289 is not extant, but the oldest specimens facsimilised by Göbl, viz. 288/2

---

[6] *Humbach H.* Review of Göbl: Dokumente. — Ztschr. Dtsch. Morgenländ. Ges., 119 (1969), 209—212, esp. 212 with reference to Göbl, 1, S. 199.

[7] Göbl, passim (1, c. 16, 199; 2, c. 4, 14, 43, 44, 91, 249) but without any reasonable argument.

[8] The Bactrian spelling is certainly not *Alxon(n)o/Alxon(n)ano,* but *Alxan(n)no/Alxan(n)ano,* the internal vowel being usually (but not always!) connected with the following *n.* Cf. also the bilingual Bactr. *Alxano* = Skt. *Rājālakhāna* (= *Rājā Alakhāna*) NumH 80, and Skt. *Alakhāna,* name of a king of Gurjara in Kalhana's Rājataraṅgini V, p. 149, 155.

It is only Moses of Chorene, Geography 1, 34 (см. *Marquart J.* Ērānsahr. 1901, 14, 1 and 141, 5) who has the vowel *-o-* in the series *Hep't'ik'* — *Alxon* — *Walxon* («nach den gleichnamigen Städten am großen Strome der Dumos heißt»). See *Humbach H.* Baktrische Sprachdenkmäler. 1. Wiesbaden, 1966, S. 29—30.

[9] Theoph. Byz. 447, 20 Ἐφθαλάνου τᾶν Ἐφθαλιτῶν βασιλέως ἐξ οὗ τὸ γένος ἔσχε τὴν κλῆσιν 'of Ephthalanos, the king of the Ephthalites', with the explanation 'after whom the tribe had got its name', which seems to be due to a mistake.

and 299/1, point to *Fromo* 'Rome, Bycance' as having been the original inscription (see fig. 3). For this cf. Middle Persian *Hrwm*, Parthian and Sogdian *Frwm*[10], Old Turkish *Purum*, Chinese *Fu-lin*[11]. If there are no objections from the graphical point of view to this reading, the question arises what *Fromo* means in this context. The following seems to be a possible solution: the Hephthalites threatened the Sassanian empire from the east just like the Byzantines did from the west. When they had taken possession of Bactria and Kabul, which contained manifest vestiges of Hellenistic civilization, they felt there was reason enough for them to identify themselves with the Byzantines or, at least, to consider themselves as their close allies.

However, the position of the supposed Fromo on the obverse of the coins, not on the reverse; points to a proper name rather than to a geographical name. For this reason it is more likely that *Fromo* is short for *Fromo Kēsaro* «Caesar of Rome».

As a matter of fact, the regnal name *Fromo Kēsaro* (with the variant *Foromo*) which is closer to Anc. Turk. *Purum* and Chin. *Fu-lin* was traced by me in 1966 on the coins of a Turkish Shahi ruler of Kabul (NumH 247—251) whom the Chinese annals recorded as *Fu-lin Ki-p'o* (**Ki-so*) and who is reported to have acceded in 738 (see fig. 4)[12].

In the Byzantine empire the emperor has the title *Basileus*, and it is only his junior partner and presumptive successor who is called *Kaisar*. This suggests that the tradition of the name *Fromo Kēsaro* must date back to pre-Byzantine time. On the other hand it survived even the Turkish Shahis of Kabul. Paul Pelliot was doubtlessly right when he suggested that the name of the hero of the Tibetan epos, *Phrom Gesar*, who is said to be a *Drugu* «Turk» derives from the title of the Caesar of Rome[13]. This hypothesis has in the meantime found support in the Occurrence in the

---

[10] On the occurrences of the Middle Persian, Parthian, and Sogdian forms of the name of Rome see *Sundermann W.* Mitteliranische manichäische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts. B., 1981, S. 159, 181 (Berliner Turfantexte XI).

[11] On Oturk. *Purum* and Chin. *Fu-lin* see *Pelliot P.* Le nom de Fou-lin. — JA, 11ème série, t. 3, Mars-Avril 1914, p. 498—499; *Blake R.* Note supplémentaire sur Fou-lin. — JA, 202, Janvier-Mars 1923, p. 83—88; *Schaeder H.H.* Iranica. B., 1934, P. 24—68 (Abhandlungen d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. 3. Folge. № 10).

[12] *Humbach H.* Baktrische Sprachdenkmäler, I, 20—23. The correction of *Ki-p'o* into **Ki-so* (p'o being a rather common misspelling for *so*) we owe to J. Harmatta, Act. Ant. Acad. Scient. Hung., 17 (1969), p. 410.

[13] See foot-note 11.

Tibetan annals of a historical personality named *Phrom Gesar* who must have lived in the VIIIth century[14].

Приложение

Fig. 1. See R. Göbl: Dokumente etc. 4, pl. 43. Coin inscription of the emission NumH 287, specimen 287/1:

Obverse:

ēb

'Heph(thalite?)'

Reverse:

Baxlo

'Balkh

Fig. 2. See R. Göbl: Dokumente etc. 4, pl. 48. Coin inscriptions 'Hephthalitischer Münzfund' (i. e. supplement to the emissions NumH 288—289):

No. 6:

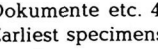
No. 12:

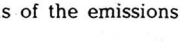
No. 31:

No. 50:

all ..omo

Fig. 3. See R. Göbl: Dokumente etc. 4, pl. 44. Coin inscriptions of the emissions NumH 288 and 289. Earliest specimens:

Specimen 288/2: 

Specimen 289/1: 

Supposed prototype

Fromo 'Rome'

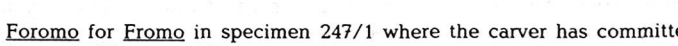
Fig. 4. See R. Göbl: Dokumente etc. 4, pl. 40. Coin inscriptions of the emissions NumH 251 and NumH 247.

Specimen 251/1:

Fromo Kēsaro bago xoadēo

'Caesar of Rome, lord and ruler'

Variant Foromo for Fromo in specimen 247/1 where the carver has committed a blunder between Kēsaro and bago.



Foromo Kēsaro ... bago xoadēo

---

[14] *Harmatta J.* (1969), 410; *Thomas F.W.* Extracts from the Tibetan Accounts of Khotan. — *Stein A.* Ancient Khotan. Oxf., 1907, Reprint New York, 1975, 582; *Thomas F.W.* Names of places and persons in Ancient Khotan. — Festgabe Hermann Jacobi. Bonn, 1926, p. 65; *Thomas F.W.* Tibetan Texts and Literary Documents Concerning Chinese Turkestan. 1., L., 1935, p. 119, 131, 154, 173; II., L., 1951, 287—292.

Б.Г. Петерс

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОРАБЛЯ НА БУЛЛЕ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

В 1984 г. при археологических исследованиях Кара-тепе в Старом Термезе на правом берегу Амударьи, в комплексе В, в мусорном слое, датируемом концом IV—началом V в., был найден фрагмент глиняной буллы с сохранившейся частью овального отпечатка геммы с изображением корабля и лодки[1] (рис. 66).

Наибольшие сохранившиеся размеры глиняной буллы — 45 × 30 × 30 мм. Изображение на булле позитивное, наибольшие сохранившиеся его размеры — 25 × 12 мм. Изображение вогнуто, и в центральной части заглубление достигает 3 мм. Детали изображения выступают до 1 мм наружу, фон углублен. По контуру в виде выпуклого валика — ободок.

Глина буллы темно-инкарнатного цвета (в5)[2], тесто глины в изломе тонкое, с единичными мелкими блестками слюды, с единичными включениями частиц белого кварцевого песка диаметром до 1 мм[3] и более частыми скоплениями черных частиц и песка диаметром менее 0,5 мм. Кроме того, в глиняной массе встречаются отдельные пепельно-серые (к2), песчанистые комки глины диаметром до 8 мм.

В результате исследования глиняной буллы был прослежен процесс ее лепки из хорошо размятого руками пластичного глиняного комка, на котором сохранились отпечатки пальцев. Глиняный комок своей нижней частью был прижат к опечатываемому предмету, через него перекинули шнур, перекры-

---

[1] О находках глиняных булл из Средней Азии см.: *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы. — ВДИ. 1954, № 4, с. 159—169; *Кругликова И.Т.* Буллы из Джига-тепе. — Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984, с. 141—150.

[2] Определение цвета глины было проведено по цветной шкале, см. *Бондарцев А.С.* Шкала цветов. М.—Л., 1954, с. 8.

[3] Определение диаметров частиц было проведено по таблице М. Василевского: Справочник путешественника и краеведа. М., 1950, т. 2, приложение к гл. XVII. Исследование глины и ее примесей проводилось при 2- и 20-кратном увеличении.

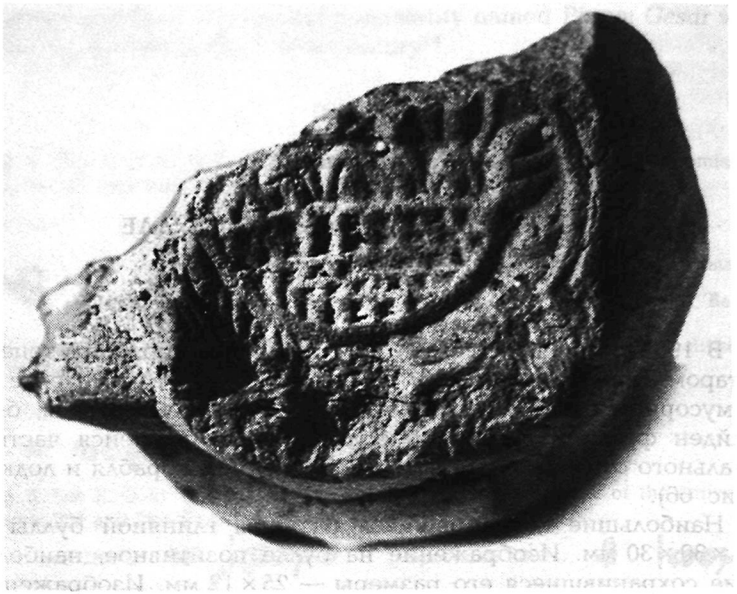


Рис. 66

ли сверху глиняной лепешкой, на которую наложили печать. Шнур по сохранившимся отпечаткам двойной веревочный. Сквозное отверстие от шнура длиной 45 мм, наибольшим диаметром до 6 мм. Оно состоит из оттисков двух параллельных полос шнура диаметром до 3 мм с поперечно-наклонными отпечатками веревочных волокон. Печать была оттиснута на сырой глине выпуклой каменной геммой, на которой было вырезано негативное изображение[4]. В дальнейшем глиняная пломба подвергалась естественному высыханию.

С противоположной стороны отпечатка на глиняной булле сохранилась часть дугообразного углубления диаметром 25 мм и шириной 7 мм, по центру углубления прослеживается выступающая до 1 мм бороздка. Можно предположить, что это сохранившаяся часть концевого отпечатка небольшого рулона-свитка, пергаментной рукописи, которая, вероятно, была запечатана этой буллой; возможно также, что это отпечаток

[4] Для глиптики эпохи эллинизма в Греции с конца IV по I в. до н. э. характерно распространение новой формы каменных вставок в перстни — кабошон, когда изображения режутся на выпуклой стороне камня. См.: *Ваулина М.П.* Искусство глиптики, II тысячелетие до н. э. — IV в. н. э. — Культура и искусство в античном мире. Л., 1971, с. 201.

завязанного шнура. Если наше предположение насчет свитка верно, не исключена вероятность находок в будущем опечатанных документов[5].

На рассматриваемом изображении корабль и лодка движутся вправо. Корабль изображен полностью, словно он не погружен ниже ватерлинии в воду. Днище корабля имеет правильные округлые очертания[6] и обозначено мощным валиком. В изображении бортовой части судна прослеживаются пять горизонтальных линий, идущих от кормы к носу, и десять вертикальных линий, соединяющих днище судна с верхней частью борта. Вертикальные линии в местах пересечения с горизонтальными смещены, создавая обшитую поверхность. Под днищем судна прослеживаются изображения 18 гребных весел, а в кормовой части — большое рулевое весло. Таким образом, экипаж судна состоял из 36 гребцов и рулевого. Судить о мачте и парусности по сохранившемуся изображению невозможно.

Кормовая часть судна понижается. Носовая часть судна заканчивается высоко поднятым форштевнем, напоминающим голову дракона, с выступающими вперед таранами для поражения живой силы на вражеском судне.

Над бортовой частью судна по пояс возвышаются изображения в анфас пяти воинов, у левого плеча которых видны вертикально стоящие копья[7].

Впереди судна под форштевнем изображена плывущая лоцманская лодка с двумя матросами.

Изображение на печати реалистично и высокохудожественно.

Находка глиняной буллы на берегу Амударьи позволяет предположить, что на ней изображено специфическое амударьинское военно-транспортное судно, плывущее вниз по течению реки.

Вопросы судоходства на Амударье сложны, река неблагоприятна для судоходства, чему вплоть до настоящего времени

---

[5] О развитии письменности в Северной Бактрии свидетельствуют археологические находки. См.: *Массон В.М.* Северная Бактрия. — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985, с. 269—270.

[6] Менее округлые формы имеют днища судов на резных камнях среднеминойского периода II из Крита. См.: *Петерс Б.Г.* О морском деле в Эгейском мире. — История и культура античного мира. М., 1977, с. 164, рис. 1, 34.

[7] В общих чертах они напоминают изображения одиноко стоящего воина из Халчаяна. См.: *Массон В.М.* Северная Бактрия..., 408, табл. CXX, нижний ряд, справа крайний рисунок.

мешают, во-первых, быстрота ее течения, так как падение воды в Амударье, когда она выходит из гор, до трех раз больше, чем в Ниле по выходе из порогов, и в десять раз больше, чем в Волге[8]; во-вторых, обилие перекатов глубиной 0,5—0,7 м при глубине реки до 8,5 м, в-третьих, переменчивость фарватера — он здесь часто определяется на глаз «по воде», что и исключает ночные плавания.

Известно, что после присоединения Средней Азии к России и до начала XX в. плавания по Амударье в основном осуществлялись на каюках, судах типа большого парома, вниз по течению реки сплавом и на веслах, а вверх по течению — бечевой с помощью лямочной тяги. По реке ходили и небольшие лодки. На горном бурном притоке Амударьи Вахше с древнейших времен плавали на надувных лодках — бурдюках, сделанных из бараньих шкур. В настоящее время Амударья впадает в замкнутый бассейн Аральского моря. В древности, как свидетельствуют исторические источники, данные геологии и палеонтологии[9], в первые века нашей эры и позднее, а также в средневековье и частично в 1878 г. наблюдалась бифуркация — раздвоение течения Амударьи, когда часть воды через Сарыкамышскую котловину и далее через Узбой стекала в Каспийское море.

Впервые об Амударье сообщил Геродот[10]: «Каспийское море — это море совершенно особого рода. Длина его пятнадцать дней плавания на гребном судне, а ширина в самом ши-

---

[8] Данные о скорости течения Нила и Волги взяты до строительства на них плотин, которые зарегулировали сток этих рек.

[9] О плавании по Каспийскому морю и далее в античное время с подборкой античных и средневековых письменных источников и данных геологии и геоморфологии см.: *Ковалевский С.А.* Лик Каспия. Баку—Москва, 1933; см. также: *Еремян С.Т.* Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. — ВДИ, № 1, 1939, с. 76 и сл.; *Ямпольский З.И.* К изучению торогового пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю. — Труды Института истории АН ГрузССР. 1956, т. 2; *Лордкипанидзе О.Д.* О торговотранзитном пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. — Сообщения АН ГрузССР. 1957, № 3, т. 19; *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961, т. 1, с. 244—249; *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 125—134; *Муравьев С.Н.* Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия. — ВДИ, № 1, 1983, с. 117—147; *Акопян Г.П.* Древняя Армения в торговле Запада с Востоком (первые века нашей эры). — ВДИ, № 2, 1984, с. 70—90.

[10] По мнению М.С. Боднарского, сведения об Амударье и Сырдарье, в представлении Геродота, сливаются в одно целое, см. также Strab., XI, XI, 5. См.: *Боднарский М.С.* Античная география. М., 1953, с. 23. Не древний ли это путь из Каспия через Узбой в Амударью и далее, раздвоенный вверх по Амударье и вниз к Аральскому морю и в Сырдарью, сливающийся в древних представлениях как единая водная дорога?

роком месте — восемь дней...» (Herod. I, 203, пер. Г.А. Стратановского). Эти сведения указывают на древние плавания гребных судов по этому морю.

А Страбон указывал, что Каспийское море также называлось Гирканским (Strab., XI, VII, 1), а река Амударья — Оксом или Араксом (Strab., XI, VII, 3; XI, VII, 6).

Геродот писал: «Одно-единственное устье Аракса течет по открытой местности, [впадая] в Каспийское море. Каспийское море — это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем» (Herod. I, 205, пер. Г.А. Стратановского). Он также сообщал, что во время войны Кира с царицей массагетов Томирис «для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни» (Herod. I, 205, пер. Г.А. Стратановского). Это сообщение позволяет сделать вывод, что у массагетов были речные суда. Страбон сообщал: «Через Гирканию протекают реки Ох и Окс до впадения в море... Аристобул[11] даже объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна [и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла] и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море[12], оттуда их переправляют в Албанию и через Кир[13] и следующие затем местности доставляют в Авксинский Понт» (Strab., XI, VII, 3, пер. Г.А. Стратановского, см. также: Strab., II, I, 15). И далее: «...страна наводняется рекой Араксом, которая, разветвляясь на множество рукавов, впадает на севере всеми остальными своими устьями в другое море[14] и только одним устьем — в Гирканский залив» (Strab., XI, VIII, пер. Г.А. Стратановского).

Наше предположение, что на оттиске печати изображено специальное судно, плывущее по Амударье, подтверждается близостью его конструкции с сохранившимися на изображениях[15] вавилонского транспортного судна — куфа.

Продольная округлость днища нашего судна, борта, плетеные и покрытые сверху кожами, сближают его с вавилонскими судами. Но на изображении нашего корабля, в отличие от вавилонских, ясно обозначены носовая и кормовая часть судна с большим рулевым веслом и гребные весла с бортов.

---

[11] Аристобул сопровождал Александра Македонского в походе на Восток.

[12] Вероятно, по руслу Узбоя.

[13] Современная р. Кура.

[14] Вероятно, Аральское море.

[15] *Белявский В.А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971, рис. на с. 141.

Описание речных кораблей, плавающих по рекам Вавилона, имеется у Геродота: «Теперь я перейду к рассказу о самом удивительном из всего, что есть в этой стране... суда, на которых плавают вниз по реке Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи. В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи [остов] обтягивают плотными шкурами наподобие [круглого] днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой [для обертки груза] и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. Управляют судном с помощью двух рулевых весел, которыми стоя загребают двое людей. Один из них при этом тянет судно веслом к себе, а другой отталкивается. Такие суда строят очень большого размера и поменьше. Самые большие вмещают до 5000 талантов груза. На каждом судне находится живой осел, а на больших — несколько. По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и [плетеный] остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно. Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же самым способом. Таковы у них [речные] суда» (Herod., I, 194).

Достоверность сообщения Геродота не может вызывать сомнений, так как до сих пор по Тигру и Евфрату плавают в подобных лодках — куфа, типа круглых корзин, сплетенных из ивовых ветвей и покрытых сверху природной асфальтовой смолой, такие лодки тихоходны, но грузоподъемны.

Есть основания предполагать, что на оттиске печати изображена военная экспедиция, плавание на веслах вниз по течению Амударьи по направлению к Каспийскому или Аральскому морю, с лоцманской шлюпкой впереди для промера глубин и поиска фарватера.

Нос, корма, гребные и рулевые весла необходимы нашему речному судну этого типа для плавания по Амударье и прохождению перекатов, где корабль, впереди которого шла лоцманская лодка, должен был с помощью весел идти строго в кильватере с лодкой, чтобы преодолевать встречные препятствия.

Это плавание могло быть и военной экспедицией с переброской войск по воде, и сопровождением торгового карава-

на судов, следующих к морю, суда могли служить также для охраны товаров при их выгрузке во время прохождения некоторых перекатов и при разгрузке судов и их волоке на порогах[16]. Возможно, перед нами изображение одного из этих речных походов из Северной Бактрии, по успешном окончании которого и была вырезана гемма.

Есть сведения, что в державе Селевкидов особое место занимали эскадры, действующие в Персидском заливе и Каспийском море (Strab., XI, VII, 5). В частности, на кораблях перевозили воинские контингенты[17], командующий флотом назывался наварxом[18]. Есть свидетельства, что при Сасанидах при назначении на должность, в частности, вручали перстень с вырезанной на камне печатью[19].

---

[16] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985, с. 94.

[17] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов, с. 94.

[18] Там же, с. 94. Декрет Эрифр в честь Поликрата: «Когда наварх беспалубных судов отправлял посольство к царю Антиоху и продовольственные деньги не выплачивались экипажам из-за дурной погоды, которая много дней держала их на суше», — с. 92, примеч. 346.

[19] *Кругликова И.Т.* Буллы, с. 148.

Т.К. Мкртычев

PURNA-GHATA НА КАРА-ТЕПЕ

При раскопках комплекса В в юго-восточной части двора было открыто изображение сосуда с ветвями и трезубцем (см. рис. 4 и 5). Сосуд с шаровидным туловом (максимальный диаметр — 1,1 м) на овальном невысоком поддоне, с раструбообразной горловиной передан прорезным контуром. Высота сосуда — 2,13 м. На тулове в центре — изображение свастики (длина стороны — 40 см). Из устья сосуда прорастают два побега, завершающихся стилизованными плодами граната. Между побегами поднимается трезубец. На 1,5 м к востоку от верхнего края трезубца, на полу двора вырезана вторая свастика со стороной 65 см. Изображение нанесено острым инструментом, ширина лезвия на конце — 1,5 см, ширина линии достигает 6—7 см, глубина прорезки — до 7 см[1].

Возле северной ветви граната менее глубокой линией, по всей видимости позднее, было дорисовано схематическое изображение, смысл которого пока не определяется.

В общих чертах вся композиция, без учета поздней дорисовки, может быть сопоставлена с известным буддийским символом *purna-ghata (purna-Kumbha)* — вазой с цветами и листьями. Она символизирует изобилие, процветание, счастье. Символика *purna-ghata* восходит к ведийскому ритуалу, где обращение к полному горшку должно было даровать плодородие, изобилие, радость[2]. Дополнение в виде свастики, одного из древнейших символов, по всей видимости, должно было усиливать сакральный потенциал изображения.

Считается, что изобразительное сочетание сосуда и прорастающих из него цветов в буддийской иконографии оформляется во II в. до н. э.[3].

---

[1] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Н.А. Ковалеву за информацию о полевых наблюдениях, сделанных во время расчистки изображения.

[2] Rv. II, 32, X, 32, 9.

[3] *Gairova C.Kr.* Evolution du purna-ghata (vase d'abondance) dans l'Inde exteriere. — Arts asiatiques. T. 1. Facs. 3. P., 1954, c. 209—226.

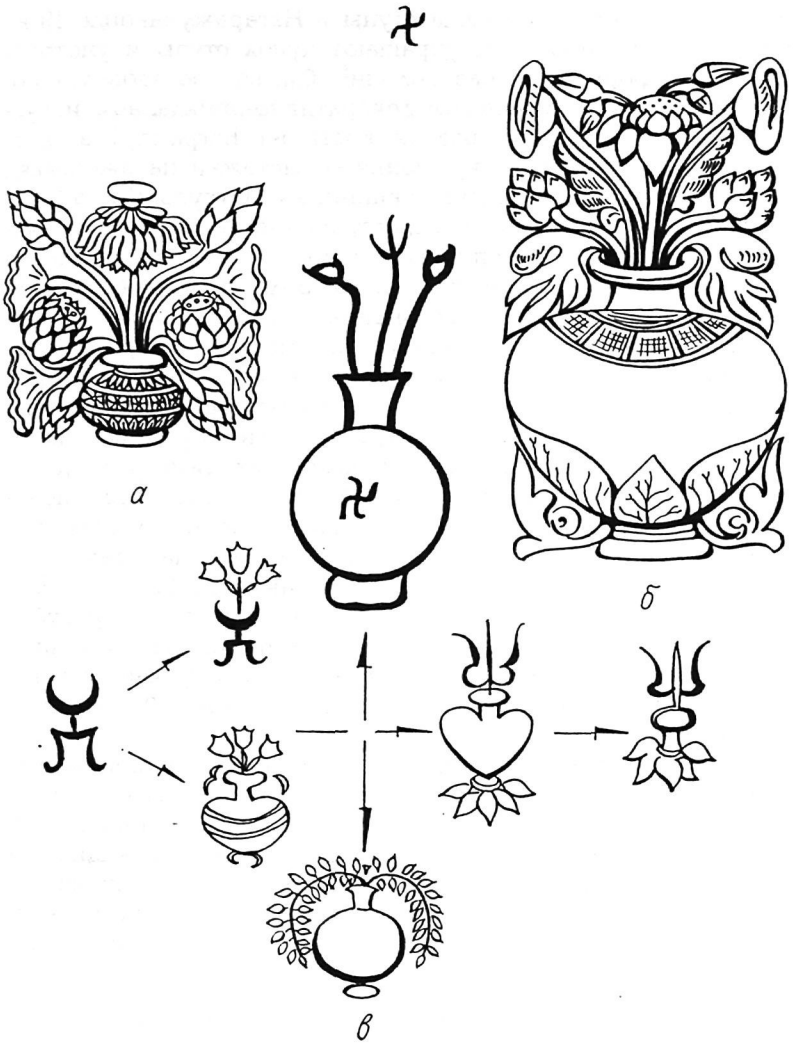


Рис. 67

Устойчивое употребление данного символа в буддизме отмечается уже на протяжении более двух тысяч лет. *Purnaghata* часто встречается в архитектурном декоре буддийских памятников, начиная с I в. до н. э. — рельеф на воротах (*torana*) Большой ступы в Санчи (рис. 67а)[4]. В кушанское вре-

[4] *Gairova C.Kr.* Evolution, рис. 3.

мя, судя по плите из купола ступы в Нагарджунаконде III в., изображения *purna-ghata* украшают купол ступы и употребляются в оформлении баз колонн[5]. Символ пользовался популярностью и в кушанском декоративно-прикладном искусстве Северной Индии: резная кость из Беграма II в. н. э. (рис. 67б)[6], ювелирные украшения — застежки на ожерельях в виде вазонов на скульптуре якшини из Матхуры II н. э.[7].

Однако, несмотря на распространенность символа в буддийской среде, каратепинская *purna-ghata* — пока первое известное изображение подобного рода в правобережной Бактрии-Тохаристане. По сравнению с традиционной иконографией каратепинская *purna-ghata* имеет две характерные особенности. Во-первых, замена традиционных цветов лотоса, прорастающих из устья сосуда, на схематичное изображение ветвей граната. Перед нами результат трансформации символа в местной среде, когда в чужеземный символ вводятся местные детали: в данном случае лотос заменяется почитаемым в Бактрии гранатом. Подобный процесс утраты индийской специфики *purna-ghata* отмечается и на штампе керамики из Тепе Сардар (Северный Афганистан, IV—V вв.)[8].

Вторая особенность заключается в появлении трезубца между ветвями. Среди длинного ряда различных вариаций *purna-ghata* сочетание трезубца с вазоном встречается в качестве тамги на эфталитских монетах эмиссии 101, по классификации Р. Гёбла[9].

Данная эмиссия принадлежит эфталитам группы Alhon-Khingila, которые в третьей четверти V в. завоевали Гандхару[10]. Судя по первоначальным монетам, ареал обитания группы локализуется к югу от Гиндукуша[11]. На последующих монетах группы наглядно отражается процесс проникновения эфталитов в Гандхару: происходит знакомство с кругом индобуддийских символов, значительная часть которых использу-

---

[5] Классическое искусство Индии с 3000 г. до н. э. до XIX в. Л., 1987, V, № 24.

[6] *Gairova C.Kr.* Evolution, рис. 8.

[7] Классическое искусство Индии, № 15.

[8] *Antonini C.S.* A Short Note on the Pottery from Tapa Sardar. — South Asian Archaeology 1977. Vol. 2. Naples, 1979, рис. 10.

[9] *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der Iraninschen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 3. Weisbaden, 1967, Taf. 28.

[10] *Enoki K.* On the Nationality of Ephtalites. — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library), № 18. Tokyo, 1959, с. 45—48; *Marshall G.* Taxila. Vol. 1. Cambridge, 1951, с. 77.

[11] *Вайнберг Б.И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. — Кара-тепе III, с. 132.

ется в качестве тамг. Для нас представляют интерес динамика восприятия и характер изменения *purna-ghata*. Первоначальная тамга на монетах группы эмиссии 76 спорадически заменяется классической *purna-ghata* (эм. 88) либо дополняется тремя цветами, прорастающими из верхнего сегмента тамги (эм. 98), которая в этом случае, вероятно, имела отождествление с сосудом. На следующем этапе (эм. 101) вместо цветов лотоса из устья сосуда поднимается трезубец. Поддон сосуда окружают лепестки лотоса (эм. 101). В дальнейшем сосуд исчезает, остается горловина, основание которой украшено лепестками лотоса, а из нее прорастает трезубец (эм. 102, рис. 67в)[12].

Предполагая тамгу на эфталитских монетах (эм. 101) прототипом каратепинской *purna-ghata*, можно датировать последнюю временем не ранее середины V в. н. э. Однако нельзя не учитывать, что появление трезубца в каратепинской *purna-ghata* могло быть обусловлено аналогичным механизмом заимствования буддийского символа, который, возможно, появился в правобережной Бактрии в более раннее время — в III—IV вв.

По мнению исследователей, изображение сосуда сделано на втором сверху полу основного этапа функционирования комплекса В. Очевидно, что размещение подобным образом сакрального мотива внесло определенные изменения в первоначальную организацию пространства двора, исключив из пользования значительную площадь.

Стилистически рассматриваемое изображение выпадает из традиционного архитектурного декора буддийских памятников. Оно выполнено в манере большого граффити, поверхностью для которого послужила не стена пещеры, как обычно на Кара-тепе, а пол двора. Можно предположить, что нанесение *purna-ghata* приходится на период запустения комплекса В. По наблюдениям Н.А. Ковалевой, в святилище скульптура последнего, третьего этапа существования комплекса перекрывала натеки, которые образовались рядом с постаментом скульптуры предшествующего Будды во время запустения.

В целом изображение *purna-ghata* может быть охарактеризовано как результат маркировки пустующего (?) культового памятника знаком, который одновременно мог рассматриваться как буддийский символ и как родо-племенная тамга.

---

[12] *Göbl R.* Dokumente, Taf. 28.

Н.А. Ковалева

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕКОР КАРА-ТЕПЕ (по материалам раскопок 1981—1989 *гг.*), ЕГО ПОЛЕВАЯ КОНСЕРВАЦИЯ И КАМЕРАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА

Оценка и сопоставление находок фрагментов монументального декора Кара-тепе, сделанные за последние годы, дают исследователю уникальную возможность воссоздания ретроспективной картины этапов существования и развития убранства некоторых помещений культового центра, игравшего, вероятно, не последнюю роль в развитии буддийской художественной традиции в Центральной Азии.

Рассмотрим некоторые объекты, обнаруженные в течение последних раскопочных сезонов и наиболее полно представленные:

1) сырцовое наземное святилище в комплексе В со стенными росписями, скульптурой Будды и многочисленными обломками мелкой ганчево-лёссовой пластики;

2) ниша в южной стене двора комплекса Г со стенными росписями и скульптурой Будды и стенные росписи из пещерных коридоров комплекса Г;

3) остатки скульптурной композиции в нише наружной стены комплекса Д;

4) фрагменты стенных росписей и скульптуры, а также крупная скульптура Будды-стоящего, обнаруженные в комплексе Е.

I. Святилище в комплексе В

Обнаруженное в 1981 г., это небольшое помещение, квадратное в плане (см. рис. 3), с внутренним периметром 230 × 238 см, выстроено из сырцовых кирпичей. Стены сохранились на высоту около 130 см. В центре восточной стены — входной проем. На всех стенах — остатки полихромных рос-

писей. Промежуток между северной и южной стенами занимает кирпичная платформа, примыкающая к западной стене. Ширина ее — 110 см, высота — около 45 см. Эта платформа, или суфа, служила постаментом для скульптуры, изображающей сидящего Будду. В процессе консервации скульптуры была вскрыта двухслойная поверхностная штукатурная обмазка суфы, что неожиданно позволило определить ее первоначальную форму и тот факт, что она поновлялась. Выяснилось, что вначале суфа была значительно у́же — около 70 см, затем к ней была пристроена трапециевидная приставка с расширением ко входу в святилище. Окрашенная часть обмазки суфы (красная охра) на боковых откосах трапециевидной приставки сохранилась до самого уровня пола, причем сохранность красочного слоя здесь значительно лучше, нежели на горизонтальной поверхности. Следует заметить, что приставка эта асимметрична в расположении боковых граней. По всей вероятности, оплошность была замечена лишь после окончания этой работы и нанесения штукатурной обмазки и красной покраски. Состояние красочного слоя на боковых откосах, как уже упоминалось, свидетельствует о недолгом существовании изысканного варианта формы суфы. Вскоре боковые промежутки были заполнены обломками сырцовых кирпичей, песком и глиняным раствором, и суфа вновь приняла прямоугольные очертания (лишь большей величины). После этого была нанесена новая штукатурная обмазка и красная краска поверх тонкой ганчевой подгрунтовки. Красный пигмент верхней плоскости суфы местами густо перекрыт черными пятнами. Организованного орнамента прочитать не удалось, так что эти пятна скорее всего следы копоти. (При этом красная краска боковых граней выглядит свежей и нетронутой.)

Так как суфа перекрывает роспись боковых стен, представляется очевидным, что вначале была выполнена живопись, а затем уже построено возвышение и на нем установлена скульптура. Кстати, при изучении росписей не было обнаружено никаких признаков поновлений, несмотря на значительные утраты и общую «потертость». Росписи выполнены поверх толстого слоя (около 3 см) штукатурки, в составе которой — глина, много песка и крупной, размером в диаметре до толщины слоя штукатурки, гальки, а также крупно нарубленной тростниковой соломы. Расслоения штукатурки на качественные слои не наблюдается. Красочные слои лежат большей частью поверх хорошо заглаженной глиняной затирки, без ганчевого грунта. Однако некоторые участки стен,

вероятно в силу каких-то композиционных или иных соображений, имеют ганчевую подгрунтовку под росписями.

Восточная стена (к северу от входного проема). Вся поверхность штукатурки покрыта тонким слоем ганчевого грунта, правда почти уже смытого и потертого. Изображены стоящие фигуры, по-видимому мужские. Справа (почти примыкает к входному проему), вероятно, мужская фигура в белой одежде. Рисунок выполнен тонкими красными контурными линиями. Хорошо читаются прямоугольный подол одежды и шаровары, слабоокрашенные красной краской, просматриваются узкие вертикальные участки, более интенсивно окрашенные, возможно, складки. Шаровары оканчиваются высоко, видны светло-розовые лодыжки. Ближе к контуру розовый цвет становится темнее, т. е. здесь мы видим пример объемного моделирования, выполненного с помощью усиления тона. У следующей фигуры, стоящей слева, шире, также на большое расстояние, расставлены ноги (возможно, босые). Нижний край белой одежды оторочен красной каймой. По-видимому, край этот был волнистым. Вверху (над каймой) платье, похоже, было белым со слабо моделированными розовой краской складками. Ноги тоже розоватые, как и в соседней фигуре, ощущается намек на объемность. Слева от ног этой фигуры на фоновой части встречаются частички светло-серой краски голубоватого оттенка, вероятно что-то вроде позема. Вверху все настолько смыто, что практически ничего невозможно разобрать. Все же, вероятно, можно предположить, что перед нами мужская и женская фигуры. Ганчевый грунт местами совсем растворился, и красные контуры кое-где перешли на хорошо заглаженную лёссовую поверхность.

Северная стена. Снят фрагмент, примыкающий к описанной композиции на восточной стене. Вверху — красный прямоугольник (100 × 20 см). Прямоугольник оконтурен широкой белой полосой (7 см). Сверху, прямо на красном, «лежит» белый прямоугольник примерно такой же ширины, но значительно длиннее. На его поверхности слабо просматриваются серые и розовые штрихи и удлиненные пятна. Выше белого прямоугольника также белая поверхность, но меньшей плотности, на которой, вероятно, изображен нижний край одежды какого-то персонажа, утраченного вместе с верхней частью стены. Справа — изображение босой ступни. То, что можно считать ногтем, очерчено красным контуром. Складки одежды — темно-розовые, окраска ступни чуть светлее. Серые и розовые штрихи на поверхности белого прямоугольни-

ка можно принять за остатки схематично изображенных лепестков лотоса.

Красный прямоугольник, вероятно, с известной долей приближенности можно признать «суфой», и тогда вся композиция напоминает расположенную здесь же, в святилище, скульптурную группу. Ниже «суфы» просматриваются слабо сохранившиеся небольшие фигуры. Одна (справа) расположена в фас: круглая, возможно, бритая голова, покатые плечи. Одежда белая. На лице остатки розовой краски. Контуры выполнены красной краской. Такой же краской сделан подготовительный рисунок, который очень схематичен: достаточно сказать, что глаза намечены лишь горизонтальной линией. Левее располагается фигура с лицом в три четверти, приподнятым вверх, вправо. Следует упомянуть, что все эти заключения сделаны с большой долей приближения, так как сохранность росписей не позволяет утверждать что-либо безоговорочно. У правого персонажа просматривается подобие нимба. Низ композиции утрачен, но исходя из масштаба фигур можно предположить, что они были изображены в сидячих позах. Справа от суфы — стоящая фигура обнаженной женщины. Контуры рисунка темно-красные, цвет кожи — теплого золотистого оттенка, розовой краски здесь нет. Особенно хорошо читается нижняя часть фигуры. Угадываются тоновые, моделирующие объем свето-теневые переходы от выбеленных выступающих частей тела к более темным у внешних контуров. Верхняя часть фигуры угадывается с трудом, но представляется, что она стоит, изогнувшись в талии. Левая часть композиции содержит пятна красной, розовой и белой красок, не проясняющие сюжета на данном участке.

Роспись нанесена, как уже упоминалось, на хорошо заглаженную поверхность штукатурки, не имеющей видимого деления на слои. Поверхность красочного слоя сильно разрушена, много трещин, выпадов, глубоких царапин и потертостей, нанесенных, видимо, во время разрушения святилища падающими кирпичами. По всей вероятности, нам достался лишь подготовительный рисунок, тогда как все верхние красочные слои росписей смыты и стерты.

Рисунок, насколько можно судить по фрагментарной сохранности, выполнен кистью, светло-красной, несколько разбеленной краской. Участки, которые должны быть белыми, укрыты ганчевыми белилами, и поверх них выполнен завершающий рисунок. Только один участок восточной стены, расположенной к северу от входного проема, полностью покрыт белым ганчевым грунтом, и рисунок нанесен черными и красными контурами тонкой кистью.

Линии подготовительного рисунка нервны, местами угловаты. В сущности, это схематичный, отрывистый набросок, несколько даже приблизительный, однако настолько детальный, что местами параллельной штриховкой намечены будущие участки объемного моделирования.

Восточная стена к югу от входного проема. Росписи покрывали всю поверхность, располагаясь ярусами. Фигуры нижнего яруса полностью смыты (сохранился лишь красный оттенок живописной поверхности). Угадываются нимбы. Каждая фигура вверху оконтурена сероватой аркой со стрельчатым завершением. Контуры выполнены черной краской, тонкой линией. Арки соединены друг с другом. Ширина полосы арок — около 6 см. На поверхности линии арок и сероватом пространстве фона между ними угадываются красные линии и точки орнамента. Арки вверху упираются в горизонтальную белую полосу (ширина— около 6 см), делящую росписи на ярусы или пояса. Композиция расположенного выше яруса состоит из сидящих в ряд фигур (изображение, вероятно, то же, что и в нижнем ярусе, но там сохранился лишь верх, а здесь — низ композиции) в красных одеждах. Позем (или поверхность, на которой сидит персонаж) выполнен краской темно-серого цвета. Ближе к фигуре сидящего персонажа серая краска приобретает постепенно более насыщенный оттенок, делающий ее почти черной. Чуть выше контур отделяет позем (или суфу) от сероватого фона. Одежда выполнена темно-розовой краской. Сильная «помытость» поверхности позволяет лишь угадывать следы более пастозно выписанных складок. Грунта нет, роспись лежит на хорошо заглаженной поверхности тонкой глиняной подгрунтовки, местами, несмотря на травмы, сохранившей следы первоначального лоска.

Южная стена содержала росписи, композиционно идентичные живописи восточной стены (южного участка). Чрезвычайно плохая сохранность их, многочисленные утраты штукатурного грунта сделали эти участки малопригодными для изучения. Так как росписи, уцелевшие *in situ*, достаточно потерты, то лишь по небольшим фрагментам, упавшим со стен во время разрушения святилища и сохранившимся значительно лучше, приходится судить о том, как выглядела стенопись в завершенном виде: богатая палитра, включающая довольно сложные в цветовом отношении краски, пастозная, местами даже слишком рельефная техника изображения, смелый обобщенный набросок и виртуозный завершающий рисунок, где объем моделируется как тоновыми переходами, так

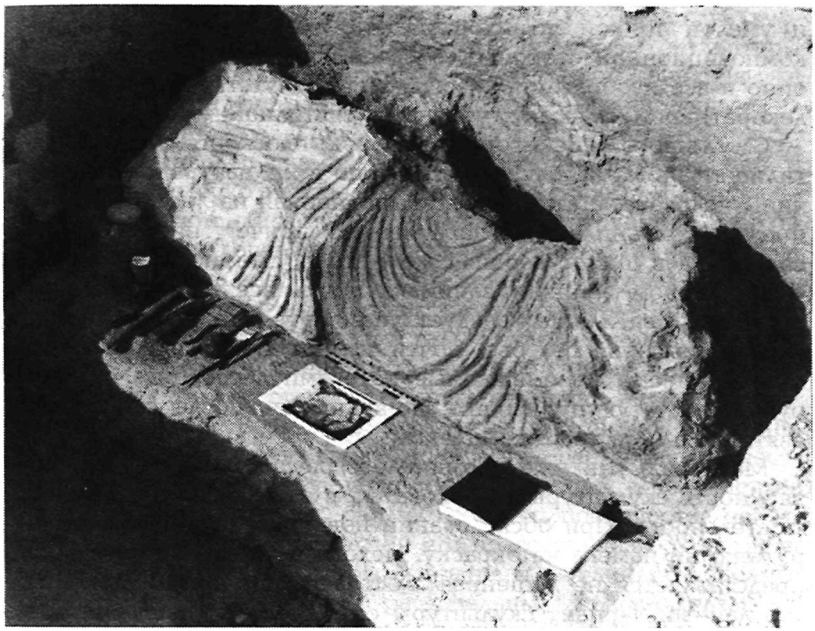


Рис. 68

Рис. 69

и умелой тонкой штриховкой. Что же касается сюжетно-композиционной стороны, то здесь все достаточно традиционно и все изображения, безусловно, сопутствуют основному декоративному элементу убранства святилища — скульптуре.

Скульптура. Всю горизонтальную плоскость суфы в святилище занимала большая, примерно в 2,5 натуральной величины человека, статуя Будды, выполненная из лёсса (рис. 68). Фигура сохранилась во фрагментах, причем нижняя часть сохранилась *in situ*, верхняя же — торс, сломавшись в талии, упала «лицом» вниз и занимала почти все свободное пространство святилища. Следует упомянуть, что упавший торс скульптуры (рис. 69) был почти полностью погружен в наслоения песка, перемежаемые натеками лёсса, так что разрушение статуи произошло, по-видимому, после запустения святилища (или всего комплекса).

Материал, как уже упоминалось, лёсс. Лепка грубая, поверхность скульптуры шероховатая, в отделке не чувствуется тщательности. При обследовании поверхности не было обнаружено ни намека на окраску. Исходя из этих обстоятельств, представляется не лишенным достоверности предположение, что данный вариант скульптуры создавался в спешке и, возможно, не слишком опытными мастерами. (Доказательства этого были обнаружены в процессе консервации скульптуры.)

При полевой консервационной обработке скульптуры под лёссовыми складками одежды Будды были раскрыты сохранившиеся во фрагментах остатки складок одежды, выполненные в принципиально иной технике — ганче. Поверхность ганчевых складок сохранила местами следы красной краски, а кое-где также и позолоты, толщина складок — от 1 мм до 2—3 см. При ближайшем рассмотрении оказалось, что и резная ганчевая подставка, выступающая по бокам скульптуры из-под нависающих глиняных складок одежды Будды, также не имеет к лёссовым складкам никакого отношения и первоначально принадлежала другой, более ранней скульптуре, выполненной из гипса. Оказалось, что подставка окружала всю скульптуру и лишь позднее была перекрыта грубыми глиняными складками, легко, кстати, отслаивающимися. При удалении лёссового заполнения изнутри скульптуры были определены границы сохранности фрагментов первоначальной ганчевой скульптуры. Их оказалось не так уж много: резная подставка с изображением цветов и листьев со следами красного пигмента и позолоты, а также фрагменты складок на коленях Будды, технологически полностью идентичных подставке. Представляется, что основа скульптуры, состоящая из

кирпичей, обмазанных глиной, принадлежит первоначальному, ганчевому варианту. Основу нижней части скульптуры составляют кирпичи, моделированные глиной, верхняя же часть (торс статуи) оказалась целиком сформированной из лёсса. Внутри — болванка, основой которой является тростник, связанный пучками. Связки тростника равномерно и достаточно плоско распределены в скульптуре, а в центральный пучок, по-видимому для усиления конструкции, вмонтирован круглый деревянный стержень. Поверх глиняной болванки (толщина ее — 8—15 см) нанесена грубая лёссовая обмазка с большим количеством крупно нарубленного растительного наполнителя, песка и гальки, также иногда довольно крупной. Этот слой очень напоминает по своему составу штукатурную обмазку стен святилища, несмотря на явный разрыв во времени. Возможно следующее объяснение: вероятно, для приготовления большого количества раствора для неответственных (не требующих тонкой проработки) участков материал (глину, песок) брали откуда-то поблизости, не утруждая себя особо тщательной его подготовкой. В то же время верхние слои скульптуры выполнены из глины с песком и очень мелко нарубленным растительным наполнителем (во внутренних слоях частицы рубленого тростника до 2 см длины), приготовленным более тщательно. Очень интересно в этой связи выглядит лёссовое заполнение первоначальной скульптуры Будды, находящееся непосредственно под сохранившимися ганчевыми фрагментами: здесь почти нет растительного наполнителя, а глинопесчаный состав заметно отличается от материалов более позднего варианта статуи.

Также при консервации в поле было отмечено, что в некоторых местах под поздними лёссовыми складками одежды Будды существуют пустоты, заполненные песком. Поскольку таких пустот было обнаружено довольно много, можно предположить, что помещение некоторое время находилось в запустении и скульптура была в значительной мере разрушена. Местные условия таковы, что некоторые сезоны сопровождаются сильными ветрами, приносящими большие массы песка, и, вероятно, прошло много времени, прежде чем потребовался ремонт, во время которого помещение было вычищено, а скульптура восстановлена. При этом нижняя часть ее была просто обмазана лёссом, а верхняя заменена полностью. Эта замена выглядела, как представляется, следующим образом. В глубине нижней части скульптуры, находящейся на постаменте, была сделана выемка (до поверхности «суфы»). Сюда был вставлен связанный пучками тростник и обмазан глиной.

В центральной части укрепили круглый деревянный стержень. Роль его не вполне ясна. Дело в том, что вся пластина тростникового каркаса (он плоско распределен в торсе вдоль стены) была наклонена вперед, от стены почти на 30°, а деревянный стержень (судя по его следу) укреплен строго вертикально. Возможно, при формовании скульптуры вся масса торса начала клониться вперед и ее укрепили, вбив этот самый стержень.

Чтобы удалить лишний вес и облегчить транспортировку, скульптура была вскрыта, и тогда в ее нижней части, вокруг отверстия, оставленного выгнившим тростниковым каркасом, были обнаружены фрагменты небольших ганчевых фигурок, выполненных в той же технике, что и скульптура, находящаяся «внутри» лёссовой статуи Будды. Эти фрагменты были залиты гладким раствором из глины, и потому расчистка их была затруднена. Тем не менее состояние их оказалось достаточно удовлетворительным и красочный слой (все они поверх ганча имели красную окраску разных тонов) хорошо сохранился.

Фрагменты, конечно, разрозненны и разбиты, но, судя по технико-технологическому сходству исполнения и декоративной отделки, объединяющихся в одну композиционную группу, можно утверждать, что это части не одной, а нескольких скульптур. Техника лепки предельно реалистична. Никаких условностей, обощения в изображении деталей. По тщательности отделки можно представить себе былое великолепие этой скульптурной композиции. Безусловно, эти фрагменты заслуживают подробного описания.

1) Несколько фрагментов ног. Среди них — парные, принадлежавшие скульптуре, выполненной почти полностью из ганча. Длина ступни — около 10 см. Внутри — пустота (диаметр — 1,5 см) от сгнившего тростникового стержня. Наблюдения показали, что все части скульптуры формовались отдельно: в ступню были вмонтированы вылепленные отдельно пальцы. Ступня, в свою очередь, соединялась с вертикальной частью ноги с помощью жидкой глиняной массы. Все эти детали после (либо во время) соединения их с помощью жидкого гипса дополнялись окончательными, моделирующими силуэт штрихами, покрывались краской. Интересно то, что при очевидной парности ноги выполнены со значительными различиями во внутреннем строении: одна почти полностью из гипса, другая же с лёссовым заполнением и тонкой гипсовой корочкой сверху, однако это лёссовое заполнение приходится на лодыжку. Пальцы снизу опираются на тонкую гип-

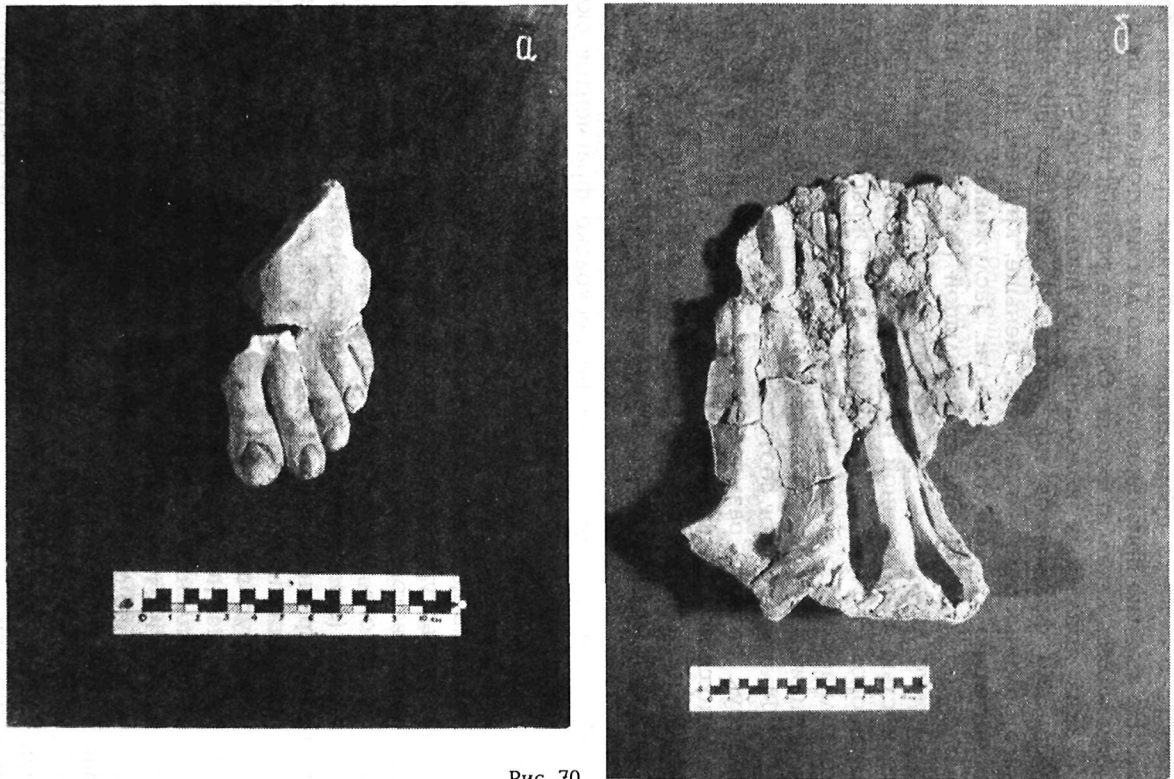


Рис. 70

совую подставочку, в свою очередь вмонтированную когда-то в лёссовое основание со следами серой и красной красок. Пальцы с глубоко прорезанными ногтями треугольной формы. Не заметно признаков того, что для изготовления пальцев применялась какая-то форма. Окраска ровная, темно-розовая, никаких тональных колебаний не наблюдается. Есть еще несколько фрагментов ног (ступней), сходных по технике изготовления: того же размера, меньше, крупнее, но все они значительно худшей сохранности. Заслуживает особого внимания, пожалуй, фрагмент небольшой (4см в длину) ножки, возможно детской, с чуть скрюченными пальчиками, почти полностью выполненной из лёсса, с корочкой ганча всего лишь около 1,5 мм толщиной (рис. 70а). Окраска та же. Однако количество обломков дает основание судить о количестве персонажей в исследуемой скульптурной группе.

2) Фрагментам ног соответствуют несколько обломков кистей рук разного размера, как и ступни, несколько отличающихся по соотношению лёсса и ганча в каждом фрагменте. Техника изготовления идентична описанной, т. е. внутри — след от тростинки, треугольные ногти, ровная розовая окраска.

3) Кроме того, было найдено несколько фрагментов складок одежд красного и розового цветов, на одном (размером около 10×20 см) — следы позолоты поверх светло-розовой окраски (рис. 70б).

Несколько деталей аксессуаров: кисть пояса, жгут или веревка, скульптурное изображение ткани, завязанной узлами, гирлянды цветов, накладные украшения в виде розеток, бляшек, «пуговок», ниток бус, перевитых жгутом. Одно из таких украшений (фрагмент торса персонажа) было найдено почти целиком. Красная ткань декорирована выпуклыми белыми «горошинами», расположенными кругами (диаметром около 4 см). Вокруг шеи — низко спускающееся на грудь белое ожерелье из нескольких перевитых жгутом «жемчужных» нитей, скрепленных посередине крупным овальным «замком», состоящим из трех выпуклых полосок. Внутреннее заполнение — хорошо отмученная глина, почти без видимых добавок растительного наполнителя. Ганчевая оболочка — около 0,5 см толщиной, ожерелье — целиком из ганча, «вмазано» в еще сырое покрытие скульптуры. Бусины — чуть сплющенные шарики, изготовленные отдельно и прикрепленные к ганчевому валику (вероятно, еще сырому) наискось, с имитацией нескольких нитей бус, свитых жгутом.

4) Фрагмент женской груди. Лепка реалистическая, внутреннее заполнение — лёсс, ганчевое покрытие — 2—6 мм толщиной, ровная темно-розовая окраска, размер — около 13 × 13 см.

Все эти фрагменты, по-видимому, были использованы в качестве забутовки тростникового каркаса при поновлении первоначальной разрушенной скульптуры Будды. Не лишено основания предположение о своего рода захоронении обломков скульптуры, пострадавшей вследствие каких-либо причин.

Процесс поновления разрушенной скульптуры Будды происходил, по-видимому, следующим образом: после удаления остатков разрушившегося торса ранней статуи были извлечены остатки тростниковой арматуры, а емкость заполнена обломками мелкой скульптуры. Вероятно, при этом здесь был установлен новый тростниковый каркас, средняя часть которого была укреплена круглого сечения палкой. На каркасе была сформована болванка (лёсс с песком, крупно нарезанный растительный наполнитель), поверх которой уже с помощью более тонко отмученной, так называемой скульптурной, глины были моделированы складки одеяния. На этом этапе, по-видимому, и была перекрыта поновительными лёссовыми складками сохранившаяся нижняя ганчевая часть скульптуры. Голова также должна была быть лёссовой, как и обнаруженная на суфе кисть руки, изготовленная с применением описанной технологии, с использованием тонких тростинок-стерженьков, с глубоко прорезанными треугольными ногтями.

Техника изготовления скульптуры, как ганчевой, так и лёссовой, таким образом, сходна и достаточно традиционна. Тростниковый каркас в качестве армирующей основы употреблялся в скульптуре с незапамятных времен. (Так, еще в древней Сирии в VII тысячелетии до н. э. изготавливались глиняные статуи с подобной арматурой.) Учитывая результаты раскопок, можно говорить о двух периодах функционирования святилища и двух различных типах скульптурного декора, принадлежащих этим периодам. Описанные обломки мелкой ганчевой скульптуры по технике изготовления (и по степени разрушения), по-видимому, следует отнести к группе, которую вместе с первоначально находившейся в помещении ганчевой статуей Будды (скрытой под глиняной обмазкой более поздней статуи) можно именовать скульптурой первого периода. Сменившая эту группу скульптура, выполненная целиком из лёсса, хронологически (и технологически) относится к иному типу статуи, появившемуся в следующий пери-

од, когда потребовалось восстановление разрушенной композиции. Разбитые скульптуры небольшого размера также были заменены новыми. К ранним, вероятно, относится найденная под упавшим лицевой поверхностью вниз торсом Будды (лёссового) голова небольшой статуи, выполненная полностью из лёсса. Примечательным здесь может оказаться тот факт, что эта голова вылеплена из сплющенного кома глиняного теста (глина, большое количество песка и очень крупно нарубленного тростника) без применения какой-либо арматуры. Волосы изображены с помощью улиткообразных налепов, формовавшихся отдельно и прикрепленных с помощью глиняного теста. Лицевая часть, по всей вероятности изготовлявшаяся отдельно, не сохранилась. При этом она могла быть изготовлена из ганча.

Кроме обломков ганчевой (и лёссовой) скульптуры и небольших фрагментов росписей в завале святилища было обнаружено довольно значительное количество фрагментов моно- и полихромных карнизов, выполненных из глины. Вероятно, эти карнизы служили обрамлением постаментов для мелкой скульптуры, входившей в композицию, центром которой была большая статуя Будды, и располагавшейся, по-видимому, на выступах в стенах. Выступы эти должны были находиться гораздо выше сохранившихся участков стен, так как характер сохранившихся росписей не позволяет предположить каких-либо архитектурных или скульптурных дополнений на уцелевшем уровне. Описанные выше фрагменты относятся к гипсовой группе, вероятно сопровождавшей более раннюю ганчевую скульптуру, найденную внутри лёссового Будды, сохранившегося до наших дней. К скульптурной композиции этого периода можно отнести с полным правом только одну небольшую (однако сравнительно с остальными самую крупную) головку какого-то персонажа (15 см в диаметре). Сохранилась лишь болванка с волосами без лицевой части. Головка относительно плоская, выполнена из довольно рыхлого глиняного теста с большим количеством тростника, крупно нарубленного. Верхний слой, на котором укреплены сформованные отдельно завитки прически, выполнен из более плотной глины, где просматриваются мельчайшие отверстия. Следует отметить отсутствие каркаса, зато на месте подбородка хорошо виден след горизонтально проложенной тростниковой обкладки длиной около 8 см. Никаких других фрагментов от этой скульптуры либо подобных ей обнаружено не было (рис. 71).

Кроме того, у выхода из комплекса В (к востоку) были обнаружены фрагменты плоской скульптуры, изображающей

Рис. 71.

буддийского персонажа в свободно драпирующихся одеждах. Материал — ганч с лёссовым заполнением. Голова персонажа (рис. 72) высотой 13 см (без шеи), глубина лицевой маски — 4—5 см. Сохранность поверхности очень плохая (результат неглубокого залегания в завале), все покрыто солевыми наростами, образовавшими толстую ноздреватую корку. Поверхность лица сохранила розовую окраску. Красочный слой частично вынесен на поверхность солевых наростов, частично

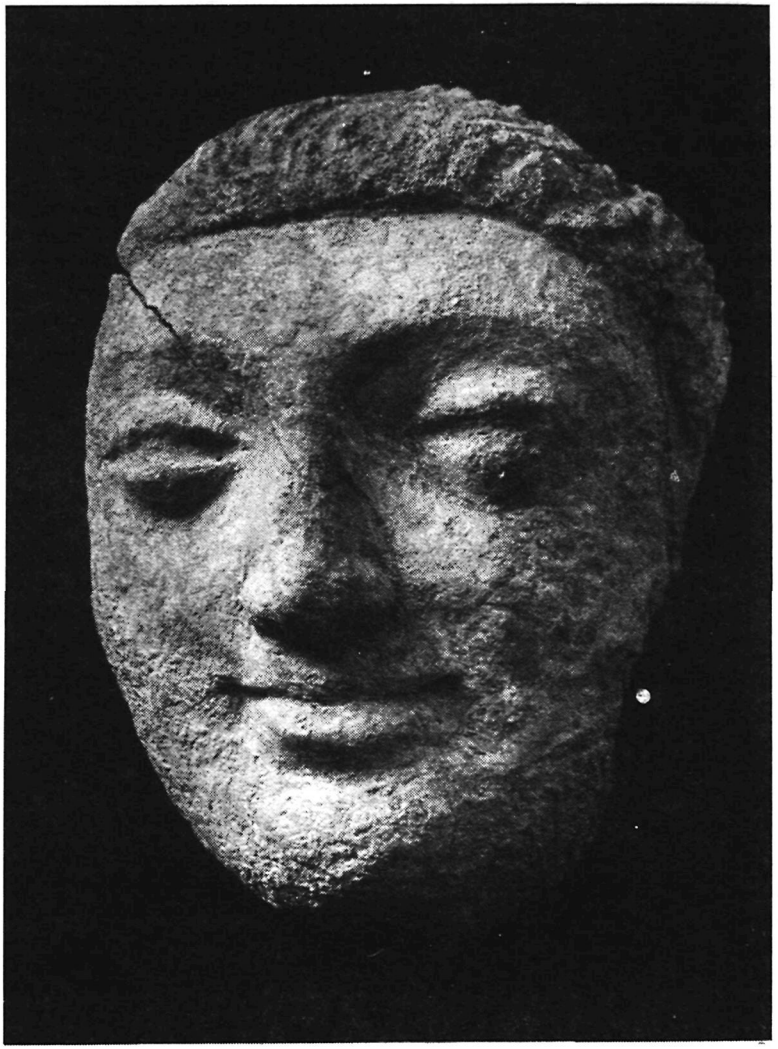


Рис. 72

лежит на собственно поверхности скульптуры. Ганчевый слой довольно толстый, до 2 см. Внутренняя полость заполнена лёссом с большим количеством песка и очень мелко нарубленной тростниковой соломы. Линия волос начинается низко, волосы зачесаны вверх-назад ровной, мелко прорезанной волной. Цвет волос черный. Нос прямой, тонкий, со строгим вырезом ноздрей. Глаза полузакрыты чуть припухшими века-

ми, причем нижние веки даже более выпуклы. Расстояние между веками — 0,4—0,5 мм, зрачок не обозначен. В расположении глаз на лице заметна асимметрия: правый (если смотреть на скульптуру фронтально) несколько углублен и значительно сдвинут вправо. Над левым глазом сохранились следы черного контура брови, выполненного широкой линией, выходящей из самой переносицы. Тонкие губы изогнуты в улыбке, подбородок округлый, среднего размера. Рядом были обнаружены скульптурные фрагменты одежды. Сохранность такая же плохая, кое-где заметны следы розовой краски. Уплощенное построение конструкции одежды, характерная завершенность гипсовых краев маски лица и одежды, упомянутая асимметрия лица персонажа позволяют предположить, что данное изображение было горельефным. Эта фигура по ряду технологических признаков и по технике изготовления может быть отнесена к группе скульптуры, которую можно обозначить как скульптуру I периода. Фрагменты, относящиеся к скульптуре этой группы, объединяют, безусловно, высокое мастерство, единство стиля, избранного мастером (или мастерами) для решения как чисто декоративных задач, так и для воплощения религиозных идей.

II. Ниша во дворе комплекса Г

Скульптура. Статуя Будды из комплекса Г, обнаруженная в 1982 г., легко укладывается в ту же схему. Эта скульптура почти в натуральную величину — изображение сидящего в традиционной позе Будды — находилась в некогда заложенной кирпичом нише в наружной стене пещерного комплекса (см. рис. 24, 25). Головы и рук не обнаружено, лишь в песке на полу ниши был найден фрагмент большого пальца (видимо, ноги), сплошь покрытый позолотой, лежащей непосредственно на ганче. То, что ниша была заложена, позволяет предположить, что статуя была повреждена еще во время функционирования комплекса и замурована из-за невозможности ее поновления. По технологическим признакам ее можно отнести к скульптуре I периода из комплекса В. Внутри фигуры — вертикальная круглая полость (диаметром около 20 см) от сгнившего тростникового каркаса: пучка тростника, крест-накрест перевязанного веревками. Основа — лёсс с большим количеством пустот от истлевшего растительного наполнителя: крупно нарубленного тростника до 3 см длиной. Далее в некоторых местах шла тонкая обкладка тростником

(конечно, полностью истлевшим), потом тонкая (1,0—1,65 мм) обмазка красноватым лёссом, затем голубоватого цвета глиной (до 2 мм). После этого идет несколько слоев полностью деструктированной ткани, перемежающейся, судя по отпечаткам, слоями гипса (ткань была разной фактуры: тонкого переплетения, что-то вроде батиста, более крупного — типа ситца и грубая — похожая на холст или даже тонкую мешковину). Ганчевая оболочка статуи имеет толщину от 1 мм до 2,5 см; сохранность довольно хорошая — результат уникальных условий хранения в сухой и наглухо закрытой нише.

Сохранившаяся довольно хорошо поверхность ганча — одежда персонажа — красного цвета с накладными узорами, выполненными с помощью сусального золота. Верхняя одежда, почти полностью драпирующая фигуру, имеет следующий узор: в крупных клетках, образованных полосами около 1,5 см шириной (и с промежутками около 15 см), — шестилепестковые цветы-звездочки. На левом колене, между складками, — фрагмент одежды с узором, образованным золотыми квадратами со стороной 1,5 см, расположенными в шахматном порядке. На складке воротника (вернее, под нимбом) — остатки зеленого пигмента. Правая рука персонажа, согнутая в локте, протянута вперед. В изломе просматривается отверстие диаметром около 6 см от полностью истлевшего деревянного стержня. Правая рука утрачена чуть ниже плеча. Она также имеет продольное отверстие того же диаметра, что и левая. На правой стороне груди — сквозное отверстие, пролом. Гипсовая оболочка скульптуры во многих местах утрачена. Следует еще добавить, что при вскрытии скульптуры в глиняной массе, заполняющей ее, были обнаружены жженые кирпичные плитки: в седалище расположенные горизонтально, в спине — вертикально.

Скульптура располагалась в нише, вырубленной в песчаниковой наружной стене пещерного комплекса Г, справа от центральной «каморки». При этом западная стена «каморки» была рассчитана так (скошена), чтобы не задеть, по-видимому, уже существовавшую к тому времени нишу со скульптурой.

Под статуей находился небольшой вырубленный постамент, соединявшийся со стенками ниши. Постамент был почти полностью скрыт спускающимися с него коленями персонажа, что позволяет предположить существование какой-то подставки, ныне полностью утраченной. Спина скульптуры была «вмазана» в слой лёсса, как в подушку. В задней стене ниши на уровне плеч статуи обнаружены три отверстия диа-

метром 6 см (тот же размер, что и у стержней арматуры рук), куда были вмазаны, видимо, стержни, крепящие к стене скульптуру (толщина штукатурного слоя — 4 см). Внизу в постаменте также были три отверстия (сохранились лишь два) тех же размеров.

Высота ниши — 155 см, ширина внизу — 100 см, вверху — 65 см. Все внутренние свободные поверхности ниши были ранее покрыты росписью по толстому (2—6 см) слою штукатурной обмазки. Обмазка эта была выполнена, очевидно, в один слой, так как выглядела на изломе однородно. Поверхность ее была тщательно заглажена и покрыта тонким слоем краски терракотового цвета (как и на стенах пещер комплекса Г). На задней стенке, как тень утраченной верхней части Будды, коричневато-серой краской выполнен большой круг — след нимба.

По плоскости задней стенки ниши и по левой боковой стенке и своду сохранилось из обрамления несколько крупных цветков лотоса, вокруг которых по темно-коричневому фону разбросаны мелкие белые пятилепестковые цветки, напоминающие цветки гирлянд в руках персонажей из комплекса В. В пяте арки свода ниши — широкая черная полоса, оконтуренная двумя бирюзовыми полосами. На черном фоне — белые с красным цветы. На красном своде ниши — простенький рисунок: белые пятилепестковые цветы, образованные круглыми пятнышками, возможно касаниями кончиков пальцев. В завале ниши возле скульптуры обнаружено много недостающих фрагментов живописи.

Ни на скульптуре, ни на поверхности росписей не было обнаружено никаких ощутимых следов поновлений красочного слоя либо иных ремонтных мероприятий.

Росписи в пещерном храме комплекса Г[1]

В 1980 г. в комплексе Г были обнаружены *in situ* на западной стене восточной части пещерного обходного коридора остатки ($3{,}20 \times 1{,}17$ м^2) композиции с сохранившимися изображениями семи антропоморфных персонажей, двух собак, архитектурных деталей, бытовых предметов и символических знаков (см. рис. 20).

Живопись размещена в средней части стены над однотонной красной панелью высотой 115—120 мм над уровнем пола

[1] Данный раздел написан Е.Н. Желтовым.

и выполнена по сплошному ганчевому грунту (0,8—2 мм), содержащему значительные включения песка. Ганч наносился кистью на предварительно тонко подгрунтованную темно-коричневым лёссом песчаниковую (песчаниково-глинистую) стену пещеры. Поверхность ганча не имеет следов последующей затирки.

Красочный слой не пастозный, средней плотности (до прозрачного), затеков краски не замечено. Живопись выполнена (как и панель) одной лишь железоокисной краской (F_2O_3). Стена расписывалась единовременно без подготовительного наброска или разметки.

Несмотря на графичность изображения и отсутствие свето-тоновых моделировок, фигуры, особенно крупномасштабные, далеки от плоскостности. В росписи присутствует некоторая пространственная глубина, которую возможно делить на планы.

В уверенном и точном рисунке чувствуется хорошее понимание анатомии человека. Лаконично и убедительно построены участки обнаженного тела, находящиеся в явном контрасте по трактовке с одеждой. Ткани облегают фигуры по форме, линии их шире, более свободны и энергичны, чем линии контуров тел.

В аналогичной технике выполнены многочисленные декоративные росписи пещерных частей и внешних архитектурных поверхностей в комплексах Кара-тепе, в том числе нанесенное красной краской изображение части круга у входа в П—V.

Однако, кроме этой композиции и соседствовавшего с ней (в северной части того же обходного коридора) изображения Будды с танцовщицей (см. рис. 21) на Кара-тепе, в других древнебактрийских памятниках неизвестно аналогичных монохромных сюжетных росписей.

III. Ниша во дворе комплекса Д

При расчистке этого двора обнаружена ниша, вырубленная в наружной стене пещерного комплекса. Задняя стенка ниши представляла собой полуэллипс и имела ширину 238 см и предполагаемую высоту (часть ее была срезана завалом) 215 см. Свод не сохранился, но, судя по боковым откосам, вверху ниша расширялась наружу, тогда как внизу сужалась: ширина ее по внешнему краю — 218 см.

В глубине ниши, на расстоянии 26 см от переднего угла, была расположена хорошо сохранившаяся суфа — возвы-

шение, имевшее по краям высоту 35 см, а в середине, на расстоянии 37 см от левого и 35 см от правого боковых откосов ниши, — ступеньку высотой около 10 см (см. рис. 34).

На суфе были обнаружены остатки колен большой, около 1,5—2 натуральной величины, статуи, вероятно Будды, выполненной из лёсса методом многослойной лепки. От нее *in situ* сохранились лишь колени: правое — полностью, длина его — около 45 см, у левого при той же длине верх сбит и утрачен. Ниша была полностью засыпана завалом, состоящим из песка и обломков сырцовых кирпичей с крупной галькой, перемежающимися натеками лёсса. Слева от Будды на понижающейся части суфы сохранились фрагменты ступней ног, справа, также на пониженной части суфы, находилась глиняная скульптура, от которой осталась лишь одна небольшая ножка с плоской пуговкой. Все фрагменты описываемой композиции, находящиеся на своих первоначальных местах, имеют ярко выраженные следы механических повреждений явно искусственного происхождения; даже читается что-то похожее на следы ударов плоским режущим предметом. Вся горизонтальная поверхность суфы окрашена в черный цвет.

Таким образом, уже те мелочи, что сохранились, дают представление о том, что в скульптурной группе было по меньшей мере три фигуры: центральная и две меньшего размера по бокам. Следует заметить, что, судя по положению ног, боковые фигуры находились лицом к зрителю.

От персонажа, располагавшегося справа от скульптуры Будды, как уже упоминалось, сохранилась лишь одна ножка (рис. 73) и вмятина в поверхности суфы от второй. Сохранившийся фрагмент ноги полуприкрыт складками одежды. Длина ступни (предположительно, судя по отпечатку в обмазке поверхности суфы) — 17—18 см. Пятки ног были сильно сближены, а носки развернуты (расстояние — около 25 см). Уцелевшая ножка покрыта тонким слоем глины и окрашена темно-розовой краской. На внешней поверхности ножки, почти возле самого носка, — плоская овальная (25 × 20 × 0,5 см) «пуговка», окрашенная в тот же цвет. Ту же окраску имеют и складки одежды, прикрывающие ножку и спадающие на поверхность суфы. Краска проложена поверх тонкой ганчевой подгрунтовки. Расстояние от предполагаемого носка сохранившейся правой ноги до задней стенки ниши — 19—20 см, от следа носка утраченной левой — 26 см. Правая нога (окрашена в черный цвет) почти примыкает к центральному возвышению суфы: расстояние не более 2,0—2,5 см. Таким образом, можно определить площадь, в свое время зани-

Рис. 73

маемую скульптурой: 26 × 31—32 см. При этом толщина ее (предполагаемая, но с достаточной степенью вероятности) была не более 13—14 см, возможно и менее.

От фигуры, стоявшей левее центральной статуи, сохранились нижние части ног, обутых в обычные для мужчин той эпохи кожаные сапожки (рис. 74).

Технологически обе боковые скульптуры отличаются совершенно иным подходом к их изготовлению, нежели центральная фигура. Основу каждой скульптуры составляет бол-

Рис. 74

ванка, выполненная практически из такой же плотной и слабопористой глины, что и верхние слои. Даже цвет ее на изломе заметно отличается некоторой зеленоватостью от красноватых обломков центральной фигуры. Следует отметить сходство материала центральной фигуры комплекса Д со скульптурой Будды из святилища комплекса В; грубый замес плохо просеянной глинопесчаной массы, красноватый цвет и плохая сохранность обеих скульптур. Боковые же фигуры отличаются при общей фрагментарности (отчасти из-за механических повреждений, нанесенных разрушителями) высоким качеством работы, тщательностью исполнения, тонкой проработкой деталей.

Всю переднюю часть описываемой правой нижней плоскости суфы занимали лежащие «лицом» вниз остатки большого куска крупной скульптуры. Сильная деструкция и значительные разрушения затруднили изъятие этого фрагмента, однако он был все же укреплен и перевернут. Выяснилось, что это фрагмент руки (плечо), задрапированной в красные складки. На внутренней поверхности болванки, сформованной из рыхлой глины с крупными кусками тростника в массе ее, хорошо читаются четкие отпечатки тростникового каркаса — связка тростника толщиной около 7 см, крест-накрест

скрепленная веревкой. Верхние слои, моделирующие складки одежды, выполнены из более тщательно приготовленной, достаточно прочной и хорошо сохранившейся глины. Красная краска лежит поверх тонкого ганчевого грунта. Очевидно, это фрагмент скульптуры Будды, являвшегося центральной фигурой скульптурной композиции ниши.

После удаления фрагмента руки Будды на поверхности суфы под ним были отмечены углубления в обмазке, не содержащие окраски и напоминающие больше всего следы, оставленные утраченной скульптурой (очень похоже, например, на след утраченной ноги, парной ножке с пуговкой). Это наводит на предположение, что персонажей в скульптурной группе могло быть числом более, нежели позволяют судить сохранившиеся *in situ* фрагменты. Кстати сказать, и на левой стороне суфы, впереди пары окрашенных черной краской ног, в покрывной обмазке суфы также читаются (хотя и менее отчетливо) следы, наводящие на ту же мысль.

Заканчивая описание фрагментов, уцелевших на первоначальном своем месте, следует, вероятно, обобщить колористическое построение композиции, что, кстати, должно облегчить «привязку» к тому или иному персонажу обломков, хаотически распределенных в массе завала. Итак, колени Будды (так же как и фрагмент плеча в складках) окрашены красной краской. Красной краской, такой же интенсивной по цвету и таким же толстым слоем, положенным поверх тонкого ганчевого грунта, покрыта вертикальная передняя поверхность суфы, начиная от самого пола и на 20—23 см вверх. На ту же высоту и в тот же цвет окрашен цоколь боковых стен ниши. Верхняя часть передней вертикальной плоскости суфы и верхняя горизонтальная поверхность ее окрашены в черный цвет, причем черная краска лежит поверх красной, в свою очередь проложенной поверх тонкого ганчевого грунта. Выше боковые откосы ниши и задняя ее стенка, насколько можно проследить, были окрашены в белый цвет (ганчевая побелка). На задней стене ниши, на высоте около 70—80 см над уровнем суфы, ганчевая побелка сохранила слабые красные штрихи, которые могут быть остатками монохромной живописи. Ничего более, говорящего о былом живописном декоре ниши, на стенах ее обнаружено не было. В завале же, в самых разных местах, были найдены фрагменты лёссовой штукатурки с хорошо сохранившейся ганчевой побелкой и ярким рисунком, выполненным красными штрихами, а также куски песчаника с ганчевым грунтом и следами красной краски. Из-за незначительных размеров не представляется воз-

можным определить, рисунок ли это или, например, следы надписей.

Завал, скрывавший нишу и пространство перед ней, полностью состоял из большого количества песка, перемежаемого слоями лёссово-галечных натеков. Толща его на 1 м от поверхности пола была густо насыщена обломками скульптуры. Больше всего было фрагментов, по всем признакам принадлежащих центральной статуе, в основном обломки верхнего слоя скульптурной глины, изображающего складки одежды. Толщина слоя — около 2 см. Некоторые куски достаточно прочны. В то же время многочисленные фрагменты внутренних частей (болванки) в значительной степени деструктированы и деформированы. Вероятно, слабая, рыхлая структура основы статуи могла быть одной из причин ее полного разрушения: сохранившиеся на своем месте фрагменты колен подтверждают это предположение в полной мере, так как следы режущих предметов, с помощью которых действовали разрушители, демонстрируют очевидную податливость материала. После полной разборки завала на полу, точнее, на большом кирпиче был найден фрагмент руки — целый рукав довольно хорошей сохранности (рис. 75), технологически вполне соответствующий описанным фрагментам центральной скульптуры Будды.

Кроме многочисленных фрагментов статуи Будды в завале ниши было обнаружено множество деталей, принадлежавших другим персонажам скульптурной группы. В основном это детали одежды, бóльшая часть которых не имеет никакой окраски. Остальные делятся на две группы: первая — фрагменты складок, ровно окрашенных розовой краской, вторая — это складки одежд, не сплошь покрытые краской, но сохранившие отчетливые признаки орнаментации ткани. Орнамент выпонялся с использованием белой, красной, черной и зеленой (очень мало) красок. Читаемые элементы — редкие белые кружки (диаметром 1,5—2 см) с красными сердцевинами — наносились, очевидно, просто пальцем. Второй тип орнамента — изображение изящных цветов, нечто среднее между ирисом и тюльпаном. Листья, стебли и основная часть цветка — белые, внутри лепесток красный. Сохранились следы — почти намек — черных контуров. Другой тип орнамента — белые узоры, напоминающие синусоиды, не поддающиеся расшифровке и очень плохой сохранности. Можно предположить, что описанные фрагменты одежд принадлежали двум, с натяжкой — трем фигурам.

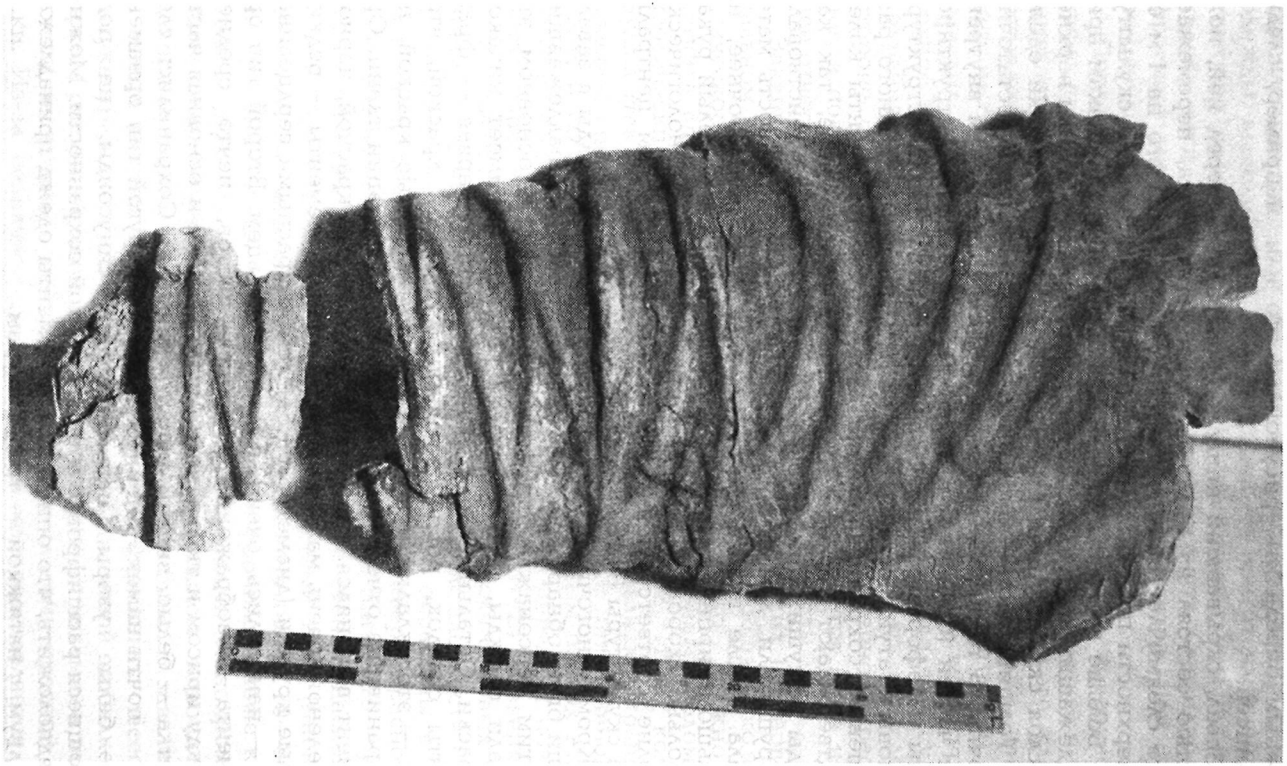


Рис. 75

В завале у западной стены ниши был найден обломок плеча небольшой статуи. Этот фрагмент представляет интерес благодаря необычному элементу конструкции одежды — это небольшой, 3—4 см шириной, волан (или сборка) с хорошо выраженной волной, окаймляющей плечо под углом 30—40°. В складках волана отмечены следы ярко-зеленой краски (малахит). На шее персонажа сохранился фрагмент ожерелья, состоящего из нескольких перевитых жгутом жемчужных нитей. Диаметр одного шарика — 0,5 см. По размерам этот фрагмент принадлежит, видимо, одному из персонажей, находившихся по бокам от центральной статуи, вероятнее всего тому, что находился справа, где сохранилась одна ножка с пуговкой и край одежды. Правда, уцелевший фрагмент одежды — розового цвета, а «плечо», кроме остатков зеленого пигмента, не имеет признаков присутствия окраски, но если предположить, что одежда персонажа могла состоять из двух частей: нижней — темно-розовой, а верхней — коричневатой (цвет лёсса) с узорами (по технике изготовления фрагмент «плеча» сходен с фрагментами узорной «одежды», найденными в том же завале), то можно допустить, что все это фрагменты одной скульптуры. Описанные фрагменты объединяют общие технологические признаки: достаточно прочная болванка из глины, внутри сохранившая четкие отпечатки туго перевязанного веревкой тростникового жгута, а также внешняя оболочка, в которой лепились складки и прочие детали, сформованная из тонко отмученной плотной глины с хорошо лощенной поверхностью.

Кроме складок одежд и фрагментов тел было обнаружено несколько фрагментов рук с цветами на ладонях. Руки выполнены из лёсса, причем использован состав, применявшийся для верхнего слоя скульптуры. Пальцы изготовлялись отдельно, так же как и кисти, состоящие из пятилепестковых цветков, сформованных в отдельных формах и соединенных с помощью плоского кома глины. Внутри каждого пальца — продольное отверстие, оставленное истлевшей тонкой палочкой (или тростинкой) — стержнем. Фрагменты рук имели хорошо заглаженную поверхность, покрытую очень тонкой ганчевой подгрунтовкой, а поверх нее — темно-розовой краской. Цветки белые, причем слой побелки лежит поверх собственно гипса, составляющего массу цветка. Все три фрагмента рук разбиты, многие детали утрачены.

Находками особого значения, безусловно, следует считать головы трех персонажей, обнаруженные в разных местах завала.

1) Голова, лежавшая лицом вниз на поверхности суфы, возле ног, в черных «сапогах», слева от центральной фигуры Будды. Сохранился фрагмент головы (13 × 13 см), включающий шею, подбородок, обе щеки, левое ухо. Утрачена верхняя часть лица, острым предметом срублены нос и губы. С тыльной стороны хорошо просматривается конструкция скульптуры: слои скульптурной глины нанесены на болванку из более грубого раствора, армированного перевязанным крепкими веревками пучком из стеблей тростника. Единственное уцелевшее ухо (обычной, не вытянутой формы), по-видимому, формовалось отдельно и закреплялось на месте с помощью жидкой глины.

Лицевая поверхность хорошо вылощена и покрыта красной краской, по-видимому, без применения ганчевой подгрунтовки, однако присутствие на некоторых участках лица как бы солевых ломано-линейных наростов и под красочным слоем, и поверх него наводит на подозрение либо о растворившемся ганчевом грунте, либо об утраченной более поздней побелке. (Признаки же того, что скульптуры этой группы поновлялись, были обнаружены и на так называемой «голове деваты», описание которой будет приведено далее.) Красная окраска поверхности лица ровная, без тоновых моделировок. Правда, в сравнении с окраской одежды большой скульптуры красный цвет здесь выглядит скорее темно-розовым, но, вероятно, следует принять во внимание то обстоятельство, что здесь краска лежит непосредственно на лёссовой поверхности, а это значительно усиливает интенсивность тона. Судя по сохранившемуся фрагменту, белки глаз были ярко-белыми, а сами глаза обведены черными контурами.

2) Вторая голова — от небольшого персонажа, она чуть меньше размером (лицо 9 × 12 см) и лучшей сохранности («Голова деваты») (рис. 76, 77). Основная часть головы сформована из плотной скульптурной глины с хорошо видимым делением на слои, структура которых не имеет видимых различий. Болванка лепилась из чуть более грубого раствора, несколько другого цвета. Внутри хорошо виден отпечаток арматуры — пучка толстых стеблей тростника, обмотанного толстым веревочным жгутом. Верхний конец стержня заканчивается в непосредственной близости от поверхности волос. Толщина каркаса — чуть более 2 см.

Окраска лица столь же интенсивного темно-розового, почти красного цвета, что и в предыдущем случае, без различимых объемных моделировок. В настоящее время ганчевый грунт не сохранился, однако нельзя утверждать, что его не

Рис. 76

Рис. 77

было вообще, так как под нижней губой, кое-где на подбородке, у кромки волос просматриваются следы ганча. Лёссовая поверхность лица хорошо заглажена, почти вылощена, как и в предыдущем случае. Кое-где на ней заметны следы тонкого ворса кисти. Белой краской обозначены белки глаз, а также зубы полуоткрытого рта, где виден даже обломанный кончик языка. При укреплении головы выявилась интереснейшая деталь: черная радужка круто скошена к левому углу глаз, при укреплении же под ставшим в этот момент прозрачным белком проявился первоначальный черный кружок глаза, прежде он смотрел вертикально вверх. Таким образом, можно, вероятно, утверждать, что скульптура этой группы поновлялась, хотя других признаков поновлений не обнаружено.

Прическа — свободно струящиеся мелкие «локоны», формованные одновременно со всем остальным объемом, а не отдельные налепные кудряшки, которые отличали скульптуру, например, в святилище комплекса В, демонстрируя довольно распространенный технологический прием. «Локоны» покрыты черной краской, по всей вероятности не имевшей, по крайней мере в передней своей части, ганчевой подложки. На волосах, отступя примерно 2,5—3 см от лба, лежит «венок» — оранжевато-розовый жгут с налепными того же цвета цветками с белой разделкой. Жгут и цветки формовались отдельно и от головы, и друг от друга и прикреплялись затем с помощью жидкого глиняного теста. В данном случае сохранившийся на волосах небольшой фрагмент венка утратил цветы, но в завале было найдено несколько фрагментов таких венков, позволяющих в полной мере определить и внешний вид их, и строение, и технику изготовления.

Черными же были брови персонажа (надбровная дуга слабо выражена, бровь читается скорее живописным своим контуром, чем скульптурным), контурная обводка глаз и, как уже говорилось, сами глаза, а также небольшие полоски над верхней губой — справа и слева под крыльями носа. Либо это полоски усов, либо (возможно и такое предположение) «тень», выделяющая полуоткрытый, похоже, поющий рот.

Непараллельные, резко сходящиеся под углом влево, горизонтальные линии лица (губ и глаз), асимметричное построение щек позволяют предположить сложный разворот всей фигуры персонажа, возможно коленопреклоненной, судя по направлению взгляда, так как скорее всего он был устремлен на главное действующее лицо композиции — Будду. Фрагмент лежал лицом вниз на ступеньке у суфы.

3) Третья голова сохранила лишь «скальп» — волосы, но в полном своем объеме. Голова была уплощенной формы: затылок круто скошен, но техника изготовления этого фрагмента иная, чем в двух описанных случаях. Материал, из которого изготовлена эта голова, напоминает внутреннее заполнение большой фигуры — Будды: такая же рыхлая, крошащаяся структура и соответственно неудовлетворительная сохранность. Формой голова напоминает глиняную голову из комплекса В, хотя у той прическа состоит из сформованных отдельно налепных кудряшек. Зато у обеих голов маска лица формовалась отдельно и, возможно, из другого материала.

4) Следует упомянуть несколько фрагментов голов, выполненных также из глины и разбитых на куски. От описанных они отличаются золотистой окраской фрагментов лиц и линейной проработкой волос без намека на кудряшки. Предположительно эти фрагменты могут принадлежать еще двум головам разных размеров. Слой скульптурной глины очень плотный, с ровным «терракотовым» изломом, темно-золотистый пигмент лежит поверх тонкой ганчевой подгрунтовки, производящей впечатление полурастворившейся.

5) При окончательной расчистке поверхности пола перед суфой обнаружилась ступенька во всю длину суфы, 8 см высотой, окрашенная красной краской поверх штукатурной обмазки с ганчевой побелкой. На этой ступеньке лежал большой диск около 2 см толщиной и около 45 см в диаметре, разбитый на четыре куска. Материал — очень плотная, звенящая при легком постукивании глина, даже напоминающая слабообожженную. Тыльная сторона очень ровная и плоская, без следов каких-либо креплений или обработки, лицевая сторона окрашена. По самому краю — широкая полоса оранжевато-красного цвета (переходящего на торец диска), 5,5—6 см шириной. Далее по белой ганчевой очень тонкой подгрунтовке — следы узора, выполненного зеленым пигментом (второй случай в этой скульптурной композиции после «плеча с воланом»), по всей вероятности листья. Ширина узора — также 6—7 см. Далее розоватая выкраска (вся середина круга).

Безусловно, данный фрагмент можно считать нимбом, и, конечно, принадлежавшим центральной скульптуре — Будде, хотя пока неясно, как этот нимб крепился за спиной Будды, поскольку никаких налепов или выступов на этом ровном диске нет.

В 1987—1989 гг. велись также работы в следующем по порядку (в западном направлении вдоль по склону холма) комплексе E, где вскрыт наружный двор. Среди находок здесь множество различных по технике исполнения и принадлежности фрагментов ганчевой и лёссовой скульптуры и росписей на лёссово-ганчевом основании, а также раскрашенных белокаменных рельефов.

Представляется целесообразным ограничиться кратким описанием лишь наиболее интересных объектов.

1) Головка буддийского персонажа (рис. 78). Размер — 8 × 5 × 5 см. Материал — глина. Поверх хорошо заглаженной лёссовой поверхности — легкая ганчевая побелка, темно-красная окраска. Черты лица имеют неярко выраженный рельеф. Черной краской прорисованы глаза, брови, окрашены волосы. Сохранность красочного слоя и глиняной массы скульптуры удовлетворительны, однако лицевая часть слегка попорчена сквозным круглым ходом червя, задевшего губы, нос и лоб.

2) Нимб, вероятно, Будды. Материал — ганч. Диаметр — предположительно около 55—60 см. Найдены лишь два фрагмента, примерно половина диска. В декоре использованы красная и зеленая краски, а также сусальное золото. По краю идет красная полоса шириной около 5 см, по которой исполнены изображения лучей с помощью узких вытянутых треугольников с тесно сомкнутыми основаниями (шириной около 1,5 см), выполненными в технике золочения сусальным золотом. Далее идет белая полоса с узорами, сочетающими пятна ярко-зеленого цвета с мелкими элементами, выполненными с помощью мелких ромбовидной формы листочков сусального золота. Оба фрагмента были расположены в завале лицевой поверхностью вниз на уровне около 45 см над поверхностью пола. Причем при обнаружении местоположение их давало основания для предположения о том, что последнее назначение этого предмета было служить крышкой большому белокаменному реликварию (или вотивной ступе), описание которой следует ниже. Для извлечения из завала были укреплены тыльные стороны фрагментов нимба, при этом установлено крайне неудовлетворительное состояние обоих: деструкция ганча и полностью истлевшее, вероятно, соломенное заполнение внутреннего пространства, что создало немалые трудности при консервации.

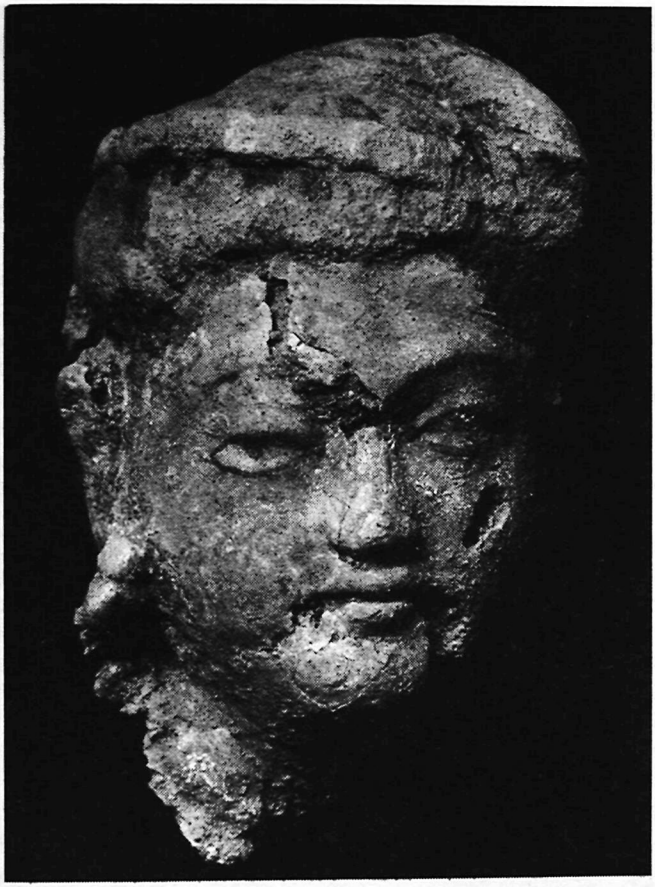


Рис. 78

3) Реликварий (или вотивная ступа, см. рис. 48). Материал — белый камень. Представляет собой почти квадратное монолитное основание 45,5 × 46,6 см с цилиндрической емкостью в верхней своей половине. Предмет имеет довольно сложный профиль и сплошную окраску толстым слоем красной краски, потерявшей какую-либо связь с белокаменной поверхностью. Предположительно окраска выполнялась в несколько слоев (между некоторыми имеются пылевые прослойки). В нижней части предмета имелась небольшая горизонтальная пластинка, составлявшая одно целое с боковой поверхностью и, вероятно, связывавшая его с каким-то соседним объектом.

4) Голова демонического персонажа. Материал — лёсс с ганчевой обмазкой и, возможно, серой окраской поверхности. Найдена лишь нижняя часть головы, включающая часть шеи, подбородок мощной квадратной формы, щеки и широко открытый рот со значительно обожженной, даже обугленной верхней губой и нёбом. Нос и вся верхняя половина лица отсутствуют. Размеры фрагмента — 30 × 25 × 12 см. Тыльная сторона совершенно плоская, щеки плавно «переходят» в горизонтальную поверхность стены, к которой эта голова, вероятно, крепилась с помощью полностью утраченного глиняного раствора. Рядом были обнаружены два крупных фрагмента, видимо, прически этого персонажа: что-то похожее на примитивно обозначенные кудри либо же изображение клубов дыма.

5) Торс, задрапированный складками одежды (рис. 79). Самое миниатюрное изображение человеческой фигуры из когда-либо обнаруженных в Кара-тепе: размеры его — 12 × 12 см. Сохранившийся фрагмент включает в себя изображение от шеи до пояса. Хорошо проработанные складки одежды оставляют обнаженными руки, которые, вероятно, держали гирлянду цветов (судя по утрате в центральной части фрагмента). Фигура развернута в три четверти. Материал — лёсс (следует отметить — не лучшего качества), покрытый тонкой ганчевой подгрунтовкой и темно-розовой краской.

6) Большое количество обломков лёссовой скульптуры различных размеров. В основном это фрагменты рук, ног (пальцы и т. д.) и голов (причесок с хорошо проработанными кудрявыми либо гладкими, линейно прорезанными волосами), а также несколько небольших фрагментов лица (рис. 80), по меньшей мере от трех разных по размеру голов, объединенных сходными технико-технологическими приемами исполнения, основным из которых, вероятно, следует обозначить покрытие лица листовым золотом поверх телесно-розовой окраски. Кроме того, было найдено множество фрагментов складок одежд, принадлежавших, как представляется, нескольким различным фигурам, но сходных по манере исполнения.

Особо следует отметить фрагмент большого пальца (вероятно, ноги), выполненный из лёсса с толстой, в 0,5 см, ганчевой оболочкой, сплошь покрытой листовым золотом, поверх которого проложен довольно плотный слой красной краски — абсурдный прием, наиболее разумным объяснением которого может служить лишь поспешное, бездумное ремонтное поновление.

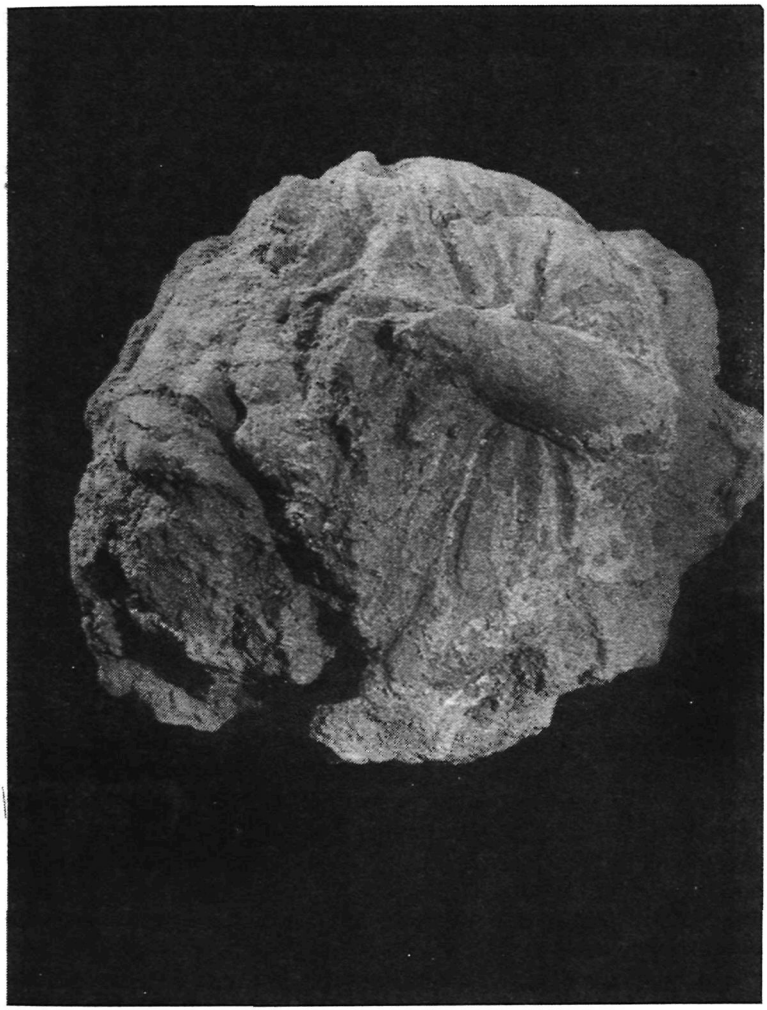


Рис. 79

7) Небольшой алтарик (см. рис. 49). Материал — белый камень. Трехступенчатое квадратное основание (12,6 × 12,7см) высотой 13,7 см и в центре его — квадратный (5,8 × 5,8 см) стержень. Поверхность сплошь покрыта толстым слоем (очень возможно — в несколько слоев) красной краски, включая и основание, которое, вероятно, по этому признаку следует считать верхней плоскостью. Таким образом, белым остался лишь скол центрального стержня. При расчистке в

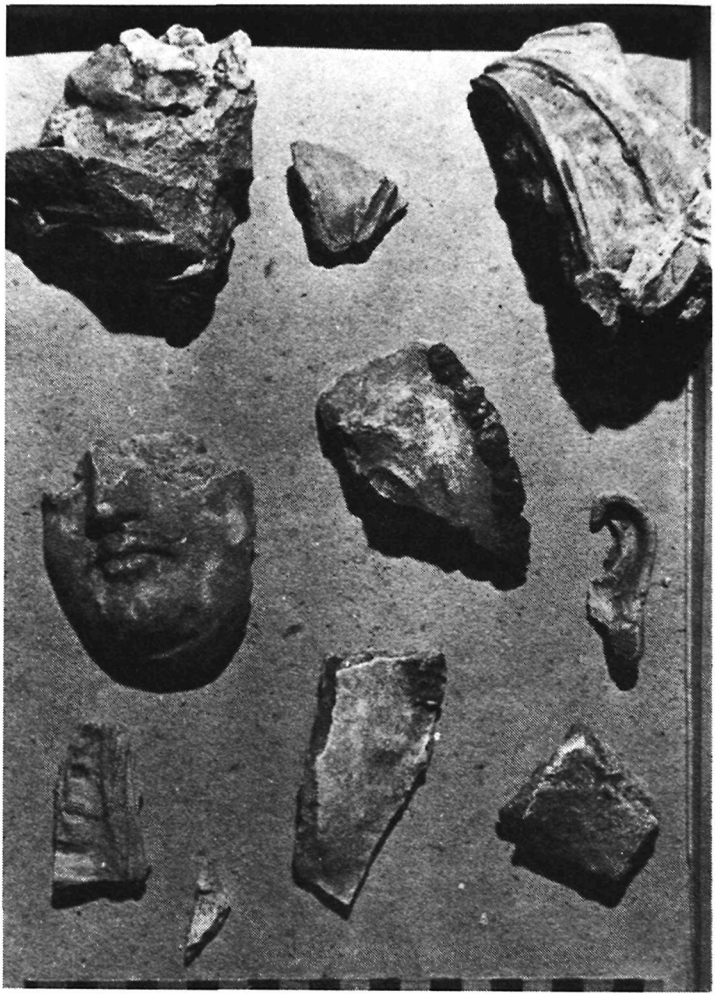


Рис. 80

массе предмета были обнаружены участки (конечно, в основном на сколах), либо выполненные из другого материала, либо просто пораженные деструкцией (т. е. со значительно ослабленной структурой). Вероятно, таким образом, предположение, что предмет подвергался ремонтным операциям при помощи гипса.

8) На полу двора на довольно значительном участке был обнаружен отпечаток тростниковой циновки, когда-то покры-

вавшей пол. Местами циновка была, по-видимому, обожжена. Удалось законсервировать шесть фрагментов пола общей площадью около 0,25 кв. м.

9) У южной стены, в завале, у поверхности пола были обнаружены фрагменты стенных росписей. Живописные изображения были выполнены поверх толстой (до 3 см) лёссовой штукатурки с тонкой ганчевой подгрунтовкой. Краски: черная, красная, розовая. Несколько фрагментов изображений с помощью тонкого красного контура лиц с полузакрытыми глазами и черными волосами, уложенными в незамысловатую традиционную прическу. Сохранность очень плохая, изображения разбиты на мелкие куски.

10) Основной находкой, безусловно, следует считать крупную статую Будды (см. рис. 40), обнаруженную на полу небольшого наружного помещения в юго-западном углу комплекса в 1989 г. Статуя изображала Будду, стоящего в полный рост. При утраченных полностью голове и ногах высота фигуры оказалась около 180 см, толщина же ее (в самом тонком месте) составила всего около 10 см, т. е. статуя была почти плоская. Материал — ганч от 0,2 до 3 см (местами) толщиной. Внутреннее заполнение — лёсс с необычно мягкой, однородной структурой. При вскрытии обнаружилось, что статуя поновлялась, причем неоднократно; во всяком случае, можно с достаточной долей уверенности утверждать наличие по меньшей мере двух поновительных тонких слоев лёсса, а поверх них — ганча с красочным слоем. И конечно, наилучшая сохранность (визуально) — верхнего, окончательного слоя, а наихудшая — внутренних слоев. При этом, вероятно вследствие специфических условий «хранения», все слои лёсса, а также и перемежающие их слои ганча при обнаружении оказались в крайне деструктированном состоянии, причем на удивление сходном: глина и ганч, не говоря уже о красочном слое, имели однородную «пуховую» структуру и различались только по цвету. Во внутренних слоях, в местах утолщений (например, в рукавах), а также, как ни странно, в «спине» статуи, попадались фрагменты достаточно твердого ганча (с красочным слоем), органически соединенные с остальной массой. Как уже было сказано, одной из отличительных особенностей описываемой скульптуры можно считать небольшую толщину, непропорциональную значительной высоте. Но при этом «спина» скульптуры, то место, которым она должна касаться стены, было покрыто красной краской и не имело следов налепов глины. Точно так же при вскрытии не было найдено никаких следов каркаса, за исключением деревянно-

го стержня арматуры левой руки. Остается не вполне понятным, каким образом столь массивная скульптура крепилась к стене — ведь небольшая толщина не придавала ей устойчивости. Следует, вероятно, отметить отличие скульптуры из комплекса Е от находок на других участках. Здесь в качестве стержня использовалось настоящее дерево, а в прочих (судя по отпечаткам, но безусловно) — связанные пучки тростника. Среди других особенностей скульптуры Будды из комплекса Е можно указать на то обстоятельство, что сохранившаяся левая рука и часть шеи над красным воротом одеяния были поверх ганча покрыты сусальным золотом, а сверху золота был проложен слой темно-розовой краски. Это также можно считать признаком поновления. Следующим отличием можно считать отсутствие каркаса, полное отсутствие, если не принимать в расчет деревянный стержень руки. Однако среди всех этих различий есть некоторое обстоятельство, указывающее на сходство между статуей стоящего Будды из комплекса Е и Будды, обнаруженного в святилище комплекса В: это, во-первых, признаки тотального поновления скульптуры, а во-вторых — грубое, небрежное исполнение. Вероятно, как одна, так и другая фигуры в последний раз поновлялись в спешке либо для этого были приглашены недостаточно квалифицированные мастера.

11) Одной из наиболее интересных находок сезона 1989 г. в комплексе Е следует считать небольшую, примерно 6 × 12 см, ганчевую мужскую головку. Голова (или маска) разбита на девять частей, но за счет хорошего качества ганча неплохо сохранилась. Лицо покрыто темно-розовой краской. Красными линиями очерчены губы (имеющие светло-красную окраску), крылья носа, глазное яблоко (здесь поверх красного проложен черный контур), рельеф двойного подбородка; черной краской окрашены волосы (узкая — 10 см, — проштампованная в форме полоска кудряшек между лбом и тюрбаном), кружок глаза, уходящий под верхнее веко, дугообразная бровь и тонкая полоска прихотливо изогнутых кверху усиков. Кроме того, на подбородке читаются слабые черные штришки, возможно изображающие редкую бородку, а также заметны следы черного пигмента в углах губ. На тюрбане сохранились следы черной, оранжево-красной и необычного оттенка желто-зеленой красок. Материал, как уже говорилось, ганч с хорошо заметными песчаными вкраплениями. Внутренняя поверхность сохранила отпечатки ткани. Толщина головки — 1—2,5 см, причем лепилась она слоями: читаются по меньшей мере 2—3 слоя.

12) Завал кроме описанных предметов был густо насыщен обломками, принадлежавшими к различным скульптурным изображениям. Особого внимания заслуживают многочисленные фрагменты складок одежд, вероятно одного и того же персонажа, сохранившие яркую зеленую окраску. Несмотря на различные размеры, уже по мелко изрезанным складками деталям одежды можно судить о том, что это была скорее всего небольшая скульптура (не более 40—50 см), вероятно вся задрапированная в зеленое одеяние. Сохранность ганча очень слабая, можно говорить о почти полной деструкции. Толщина ганча — 0,1—0,5 мм. Внутренняя поверхность ганча сохранила отпечатки ткани более тонкого плетения, чем наблюдавшиеся на обратной поверхности описанной головы (№ 11). Внутреннее заполнение — лёсс. Следов каркаса незаметно — возможно, это обстоятельство роднит эту скульптуру со статуей стоящего Будды (№ 10). Можно предположить, что скульптура была пристенной.

Заканчивая описание скульптуры из комплекса Е, можно упомянуть, что прочие многочисленные обломки, найденные в завале, лишь повторяют то, о чем уже говорилось, без особых дополнений.

* * *

Таким образом, на основании изученного материала можно с некоторой долей уверенности говорить, что скульптура, как и стенные росписи, появлялась в раскрытых комплексах Кара-тепе в разное время, по разным поводам и трудами мастеров разной квалификации. Так, вероятно, к наиболее ранним произведениям можно отнести ганчевого Будду из святилища комплекса В, скрытого лёссовыми складками скульптуры, дошедшей до нас, мелкую скульптуру из ганча оттуда же, Будду из замурованной ниши комплекса Г и, возможно, некоторые ганчевые фигурки, обломки которых были найдены в комплексе Е. К тому же периоду можно отнести стенные росписи из святилища комплекса В и из ниши комплекса Г.

Следующим по времени исполнения памятником скульптуры в Кара-тепе, вероятно, можно определить скульптурную группу из ниши комплекса Д (кроме центральной статуи Будды). Здесь кроме чисто технологических различий (принципиально иной материал — лёсс, а следовательно, и другая техника изготовления) в качестве основной черты можно отметить значительные иконографические разночтения. Од-

нако последнее обстоятельство скорее всего не может служить достаточным основанием для временных определений, поскольку разница в используемых материалах диктовала и иное исполнение: другого мастера, а следовательно, и другую школу.

Типологически не вписываются в общую картину скульптура, изображающая сидящего Будду из святилища комплекса В, а также головка с налепными кудрями оттуда же, которые отличает грубость исполнения, отсутствие какой-либо окраски или ганчевой побелки. В то же время скульптуру Будды из комплекса Д, насколько можно судить по уцелевшим фрагментам колен и обломкам, обнаруженным в завале, и статую Будды стоящего из вновь открытого комплекса Е, несмотря на значительную разницу в степени сохранности, объединяет ряд совпадений технологического характера. Здесь мы наблюдаем полностью лёссовую основу, наличие ганчевого грунта (хотя и в более крупных количествах на скульптуре из комплекса Е), сплошную окраску, выполненную темно-красной краской. При этом сохранившийся фрагмент рукава Будды из комплекса Д в переходе к утраченной кисти руки сохранил следы позолоты (напомним, что Будда из комплекса Е также имел золоченое покрытие сохранившейся кисти левой руки и открытых участков шеи; фрагмент ноги, обнаруженный рядом с фигурой, также позолочен, хотя впоследствии перекрашен красной краской). Эти статуи кроме крупных размеров и перечисленных признаков роднит еще один: не слишком тщательное исполнение. Лишь Будда из комплекса Д изготовлен более или менее тщательно из однородной, хорошо отмученной глины, с соблюдением правил послойной лепки, тогда как статуя из комплекса Е имеет однородное заполнение и подвергалась многократным поновлениям. Здесь же в результате технологических нарушений при изготовлении наблюдается полная деструкция всей массы скульптуры.

Говоря о сходстве и различиях в приемах изготовления вышеописанных скульптурных памятников Кара-тепе, следует упомянуть еще одно обстоятельство: отсутствие или наличие жесткого каркаса. Как отмечалось, скульптуры Будд из комплексов Г, Д, В, а также прочих персонажей из тех же помещений имеют довольно жесткий и конструктивно убедительный каркас, изготовленный из пучков тростника различной толщины, кое-где использованы (предположительно) деревянные стержни. Напротив, скульптура Будды стоящего из комплекса Е обходится без всякого каркаса (кроме деревянных

вставок в руках), хотя при таких размерах и наличии окраски на «спине» именно ей каркас был необходим. Кроме этой статуи «подозрение» насчет отсутствия каркаса падает и на фигуру, голова от которой с налепными кудрями обнаружена в святилище комплекса В (хотя отсутствие арматуры внутри головы, вероятно, не может считаться безусловным доказательством отсутствия ее в остальных частях скульптуры).

Завершая обзор открытых за последние годы памятников монументально-декоративного убранства Кара-тепе, можно еще раз указать на применение различных технологий как при изготовлении скульптурных памятников, так и при нанесении на стены живописных изображений или орнаментики. Это может служить основанием для предположения о существовании в Термезе, к которому принадлежал Кара-тепе, нескольких различных художественных школ, обслуживавших подобные учреждения. Высокий профессионализм исполнения указывает на стойкую конъюнктуру и, вероятно, на разнообразие вкусов заказчиков, равно как и на способность мастеров удовлетворять им.

В качестве дополнения следует упомянуть о работах, проведенных в поле реставраторами при полевой консервации всех перечисленных объектов.

V. Полевая консервация и камеральная обработка стенных росписей и фрагментов скульптуры из Кара-тепе в 1981—1989 гг.

Полевая консервация, а соответственно и камеральная обработка выполнялись по разработанной в Отделе монументальной живописи ВНИИР методике, основанной на применении растворов сополимера бутилметакрилата с метакриловой кислотой (БМК-5) в различных композициях растворителей.

Применение растворов БМК-5 позволяет при достаточном укреплении объекта сохранить практически полностью его декоративные качества, а также и фактуру лёсса или ганча в утратах, что немаловажно для дальнейшей работы над вопросами музеефикации укрепляемого объекта.

На примере перечня операций, применявшихся при полевой консервации и камеральной обработке скульптуры Будды из некогда замурованной ниши в стене комплекса Г, мы попытаемся продемонстрировать комплекс работ, проводимых

при обработке практически каждого предмета из раскопок данного памятника.

А. Полевая консервация стенных росписей ниши включала в себя следующие операции:

1) удаление пыли и прочих загрязнений с поверхности росписей. Материалы: мягкие кисти, скальпель, ватный тампон, спирт;

2) укрепление живописной поверхности с применением 2,5—5%-ных растворов БМК-5 в смеси растворителей: МЭК + ИПС + уайт-спирит;

3) мастиковку мелких трещин и утрат. В составе мастики лёсс, песок, раствор БМК-5;

4) доукрепление живописной поверхности растворами БМК-5;

5) профилактическую оклейку живописной поверхности с помощью клеевой композиции на основе мучного клейстера;

6) изготовление жесткого каркаса из фанеры и реек. Для компенсации неровностей стены использовался поролон;

7) снятие росписей со стены с использованием жесткой длинной металлической полосы с заостренным концом.

Б. Камеральная обработка стенных росписей ниши.

Обработка обоих фрагментов была сильно осложнена из-за кривизны поверхности, поэтому была изготовлена пенопластовая основа с прокладкой из тонкого поролона, на которую фрагмент был уложен лицевой поверхностью вниз. Затем велись:

1) удаление лёссовой штукатурки с тыльной стороны до укрепленного слоя. Таким образом, оставлен слой около 3 мм толщиной. Следует напомнить, что роспись выполнена непосредственно по лёссовой поверхности без ганчевого грунта;

2) укрепление растворами БМК-5 (предварительное);

3) мастиковка трещин и утрат (лёсс + песок + вода);

4) 4—5-разовое укрепление всей поверхности растворами БМК-5;

5) нанесение доделочной массы для утолщения поверхности (лёсс + песок + 10%-ный раствор БМК-5);

6) нанесение выравнивающей проклейки с помощью 10%-ного раствора БМК-5;

7) оклейка тыльной поверхности марлей на 10%-ном растворе БМК-5;

8) далее фрагмент был перевернут и уложен на подготовленную основу. Затем проведено удаление профилактической заклейки с лицевой стороны.

Таким же образом были обработаны и фрагменты росписей, обнаруженные в завале.

В. Полевая консервация скульптуры:

1) расчистка поверхностей от песка, пыли, кое-где лёссовых натеков. Здесь следует отметить, что благодаря тому, что ниша, в которой находилась скульптура, была некогда замурована, общая сохранность и статуи и росписей оказалась в достаточной степени удовлетворительной;

2) укрепление всех лицевых поверхностей растворами БМК-5;

3) частичная приклейка отстающих фрагментов ганчевой оболочки, а также проработка наиболее потрескавшихся мест при помощи растворов БМК-5;

4) нанесение профилактической заклейки из 2—3 слоев марли с применением композиции на основе мучного клейстера. Марля нарезалась на квадраты со стороной 10—15 см. Верхний слой марлевой заклейки наносился с помощью 10%-ного раствора пластифицированного поливинилового спирта;

5) после укрытия всей поверхности скульптуры алюминиевой фольгой выполнялось нанесение профилактической гипсовой обмазки, армированной алюминиевой проволокой и обрезками пенопласта (рис. 81);

6) после этого скульптура изымалась из ниши для дальнейшей обработки;

7) вскрытие «спины» статуи. Все части «спины», кроме узких полосок по бокам, не содержали ганчевого покрытия;

8) удаление лёссового заполнения скульптуры. Здесь следует заметить, что освобождение скульптуры от внутреннего лёссового заполнения позволило проследить порядок работы автора;

9) укрепление внутренних поверхностей скульптуры растворами БМК-5;

10) нанесение доделочной массы (3—4 мм) на внутренние укрепленные поверхности (лёсс + песок + 10%-ный раствор БМК-5);

11) укрепление внутренней поверхности 20%-ным раствором ПБМА в ацетоне;

12) оклейка внутренней поверхности марлей на 20%-ном растворе ПБМА в ацетоне в 3 слоя.

Г. Камеральная обработка скульптуры.

Большой вес статуи Будды, трудоемкая перевозка, многочисленные перемещения способствовали повреждению гипсовой оболочки (профилактическая обмазка) с правой сторо-

Рис. 81

ны скульптуры. Поэтому вначале необходимо было восстановить утраченные детали гипсовой обмазки, придать ей первоначальную форму и требуемую жесткость. Остальные операции выглядели следующим образом:

1) удаление пыли;

2) обработка краев, профилактическая оклейка краев бумагой, приклейка бортика из плотной бумаги;

3) изготовление прочного каркаса (пенопласт марки ПС-1 + эпоксидная смола);

4) установка каркаса внутри скульптуры;

5) закрепление каркаса внутри скульптуры с помощью пенополиуретановой массы А-314-2;

6) заполнение полости скульптуры пенополиуретановой массой А-314-2, небольшими порциями, постепенно наращивая объем;

7) изготовление постамента (основания) для скульптуры из трех склеенных с помощью ППУ А-314-0 листов пенопласта + клей Вилад—11-К;

8) установка скульптуры на основание;

9) удаление профилактической заклейки;

10) укрепление участков с позолотой;

11) доукрепление гипсовой оболочки, приклейка отстающих фрагментов. Использовались БМК-5 10%, ПМБА 20%, ППУ А-314-0, Вилад—11-К;

12) окончание обработки тыльной стороны («спины»);

13) декоративная обработка с помощью растворителей (спирт, ИПС), а также 1%-ным раствором ПВБ.

Со временем предполагается отлить с помощью пенополиуретановой массы А-314-2 и А-314-0 имитацию ниши, в которой находилась скульптура, и установить стенные росписи на свои места.

Д.И. Ковалев

ПОЛЕВАЯ КОНСЕРВАЦИЯ БУДДИЙСКОЙ СТУПЫ ИЗ КОМПЛЕКСА В

В 1980 г. при раскопках комплекса В, у входа в святилище со скульптурным изображением Будды была открыта монументальная ступа[1] (см. рис. 7).

К сожалению, ступа частично разрушена, отсутствует куполообразное завершение, максимальная высота по центральной сохранившейся части барабана — около 0,75 м. Основание ступы покоится на плоском поддоне толщиной примерно 5 см, что прослежено только по остаткам обмазки, так как выкружки на первоначальный пол не сохранилось; диаметр поддона — 1,93—1,98 м. Высота основания ступы — 20 см, оно образовано рельефно вылепленными, радиально расходящимися лепестками лотоса (32 шт.), спускающимися на поддон. Ширина лепестков у основания — 11—15 см, в самой широкой части — 15—17 см при длине 28—30 см. Высота рельефа лепестков — 2—3 см. По контуру лепестков идет овальный бортик, по центральной части — выпуклость, разделенная вдоль углублением около 1,5 см шириной. Основание отделено от барабана валиком толщиной около 4 см. При первоначальном вскрытии барабан на значительных участках имел красную раскраску, впоследствии частично утраченную. Диаметр барабана — 1,42 м — сохранился по внешней поверхности на разную высоту — от 10 до 30 см.

С юго-западной стороны основание ступы стерто, поврежден рельеф двух с половиной лепестков, и сделана ремонтная вставка уже без повторения рельефа. Такой же ремонт есть и с противоположной стороны, где вставка окрашена темно-красным пигментом[2]. Вероятно, эти специфические повреж-

---

[1] *Ставиский Б.Я.* Исследования Кара-тепе в Старом Термезе. — АО 1980. М., 1981, с. 460.

[2] По проведенным анализам красным пигментом на Кара-тепе является гематит (Fe_2O_3), см.: *Бирштейн В.Я.* Идентификация минеральных компонен-

дения связаны с проводившейся вокруг ступы церемонией ритуального обхода — *pradakṣina*[3].

В процессе консервационных работ была выяснена и внутренняя структура ступы. Основное тело было выложено из сырцового кирпича размером приблизительно 35 × 35 × 10 см, но кладка нерегулярная, с забутовкой гальки, обломков сырцовых кирпичей и обожженных плиток. Затем — слой глиняной обмазки с частым вкраплением мелкой гальки. Поверхность же ступы формирует саманная штукатурка толщиной около 2,5 см, ясно прослеживающаяся на барабане, где она легко отслаивается от тела ступы. Поверх штукатурки идет тонкий слой ганчевой обмазки, слабо сохранившейся, вместе со следами покраса охрой в углублениях между лепестками и немного на лепестках.

Подобную же конструкцию, с центральным кирпичным телом, имели малые вотивные ступы с буддийского памятника Аджина-тепе, как, впрочем, и многие большие ступы в Индии[4]. Вся ступа покоилась на вымостке из сырцового кирпича такого же размера, как и использованного при изготовлении ее тела.

В 1985—1986 гг. были проведены консервационные работы и работы по снятию ступы, в которых активное участие приняли художник-реставратор И. Петросян и архитектор-макетчик В. Шестов.

Поскольку снятие ступы целиком (ввиду большого веса и трудности транспортировки) не представлялось возможным, было решено сделать выборку грунта и оставить только формирующие внешний объем стенки толщиной 5—10 см. Эта работа оказалась достаточно трудоемкой из-за высокой плотности заполнения с примесью гальки, применять же тяжелые инструменты было опасно, так как неоднородность структуры могла привести к растрескиванию (рис. 82).

Одновременно с выемкой грунта проводилось укрепление ступы с внешней стороны. Использовался БМК-5 (бутилметакрилат) 5%-ный в тройном растворе МЭК:ИП:У/С (метилэтилкетон: изопропиловый спирт: уайт-спирит) в соотноше-

---

тов грунтов и пигментов росписей Кара-тепе и других азиатских памятников с помощью физико-химических методов. — Кара-тепе V, с. 104.

[3] *Irwin I.* The Stūpa and Cosmic Axis: The Archaeological Evidence. — South Asian Archaeology. Vol. 2, 1977. Naples, 1979 (Universitario Orientale Seminario di studi Asiatici. Series Minor. VI).

[4] *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1972; *они же.* Некоторые аспекты иерархии и семантики *stūpa.* — Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 180.

Рис. 82

нии 1:3:4, с кисти и со шприца по трещинам. Применение БМК-5 в такой композиции было продиктовано желанием сохранить лицевую поверхность с остатками ганчевой обмазки и пигмента без изменения тона и при этом достичь достаточно глубокого укрепления[5]. Пропитка проводилась до появления на поверхности слабой пленки. Была также сделана мастиковка поверхностных трещин и, что особенно важно,

[5] *Иванова А.В.* Укрепление фрагментов живописи на лёссовой основе БМК-5. — Сообщения ВЦНИЛКР. Т. 28. М., 1972, с. 112—116; *Бурый В.П.* Технология реставрации археологической живописи на лёссово-ганчевых основаниях с применением растворов БМК-572. — Научный семинар. Исследование, консервация и реставрация археологических находок. К., 1984, с. 12—13.

была примастикована штукатурка, сильно отслаивавшаяся по периметру барабана. Мастиковка проводилась смесью просеянного лёсса и песка в равных частях на 10%-ном растворе БМК в МЭК:ИПС в соотношении 1:3. После укрепления поверхность была профилактически оклеена марлей на 10%-ном растворе поливинилового спирта.

Укрепление внутренней поверхности ступы происходило в три этапа по мере освобождения объема: от верхней части барабана и примерно до его середины; от середины до начала основания; основание. Пропитка проводилась низковязким раствором полибутилметакрилата в ксилоле с необходимыми паузами между пропитками[6], концентрация же раствора менялась по нарастающей от 5 до 20%, до появления на поверхности лёсса ярко выраженной пленки. Были промастикованы трещины и выбоины на месте вынутой гальки лёссом и песком, в равном отношении, на 10%-ном растворе ПБМА в ацетоне. Затем вся внутренняя поверхность проклеивалась марлей на 20%-ном растворе ПБМА в ацетоне.

Так как даже пустотелая ступа была слишком массивна, было решено распилить ее на четыре части. Каждый из фрагментов был укреплен деревянной арматурой из бруска размером 8 × 6 см, расположенным по хорде сегмента; к краям были прикреплены два других бруска, которые, в свою очередь, примастиковывались к внутренней части барабана ступы. Мастиковка проводилась тонко просеянным песком на 20%-ном растворе ПБМА (рис. 83).

Поскольку лёссовое кольцо пустой ступы получилось достаточно тяжелым (учитывая также многочисленные пропитки), было необходимо выбрать способ дальнейшего конструктивного укрепления объема. Этим требованиям вполне отвечает заливочный полиуретановый пенопласт марки ППУ-305, давно и успешно применяемый для монтировки скульптуры и росписей, имеющих криволинейную поверхность[7]. Напенива-

---

[6] *Кузнецов А.С.* Методы снятия и монтирования фрагментов росписи. Обзорная информация. — Реставрация. Исследование и хранение музейных художественных ценностей. М., 1976, с. 20, 21; *Шейнина Е.Г.* Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов. — Сообщения ВЦНИЛКР. М., 1969, т. 1, с. 72—74.

[7] *Виноградова В.П., Осмоловский М.В. и др.* Способы монтировки монументальной живописи и лёссовой скульптуры. — РХМХЦ. 1974, 1(6), с. 18—20; *Новикова Л.П.* Реставрация гигантской расписной статуи Будды. — РИХМХЦ. № 4. М., 1975, с. 27; *Kostów-Benezew J.* Wykonanie podłoża z tworzywa porowatego dla przeniesionego malowidła ściennego. — Ochrona zabytków. Warszawa, 1979, № 4, с. 291—293.

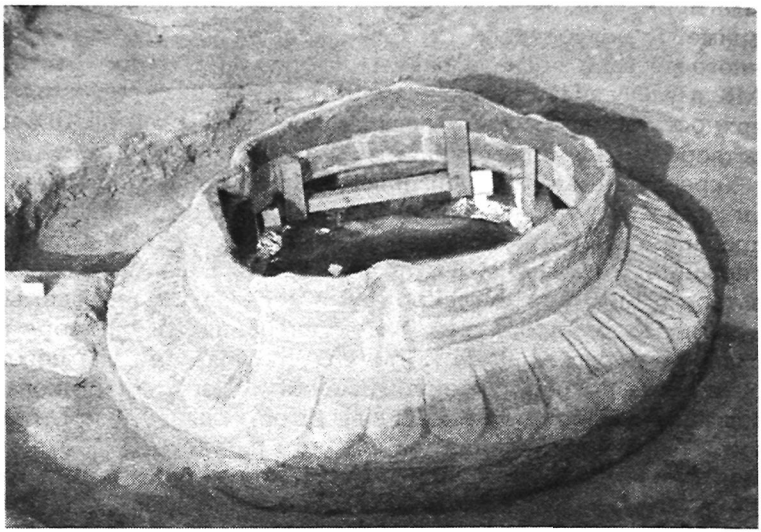


Рис. 83

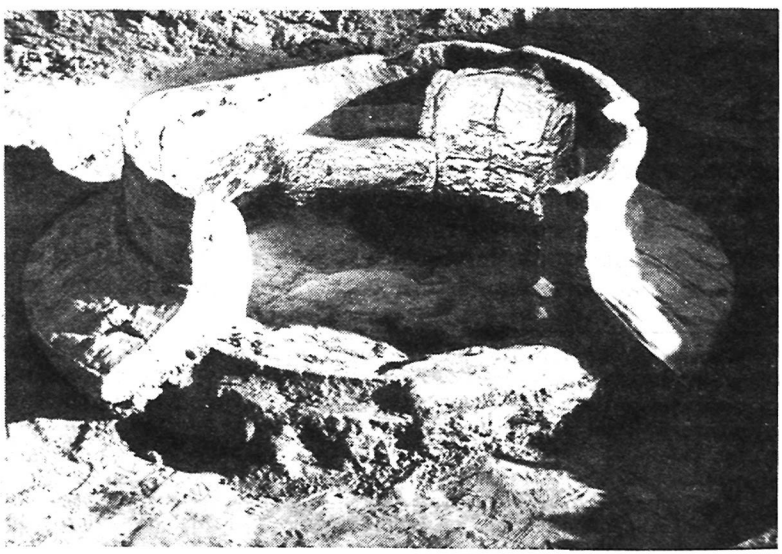


Рис. 84

ние проводилось поэтапно, напениваемый объем ограничивался листами фольги, которая по краям была приклеена на 20%-ном растворе ПБМА к внутреннему нижнему краю лёссового кольца ступы. Сначала пенополиуретан наносился на места пересечения хорд крепления и брусков, армирующих барабан, почти на всю его высоту. Далее — по всему периметру основания ступы, при этом пенополиуретан покрывал внутреннюю часть барабана не более чем на десятисантиметровую высоту. Максимальная толщина вспененного слоя — около 20 см. Затем ступа была распилена ножовочным полотном по металлу на четыре части. Распилы были сделаны по местам стыка деревянной арматуры каждого сегмента, т. е. ступа была распилена вместе с пенополиуретановой конструкцией (рис. 84).

Как уже говорилось, ступа находилась на вымостке из сырцового кирпича, поверх нее располагался слой глины с песком, и по этому рыхлому слою ступа была подрезана снизу. При ее снятии каждый из сегментов был сначала сдвинут рычагом с места, а потом перевернут на пенополиуретановую подушку. Вес каждого сегмента довольно значителен: 60—70 кг. Сегменты были собраны в пакеты по два (по нижней плоскости) и без обычной упаковки в ящики, на мягкой подложке, перевезены в Самарканд.

Таким образом, применение пенополиуретана для конструктивного укрепления позволило максимально упростить не только процесс демонтажа монументальной лёссовой ступы, но и ее дальнейшую транспортировку.

В.Н. Ярош, К.А. Мееров

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЫ КАРА-ТЕПЕ

При проведении археологических работ на Кара-тепе в 1981—1983 гг. были отобраны для анализа некоторые образцы живописи и скульптуры. Образцы представляли собой пробы раскрасок стен пещер и коридоров комплексов В и Г, фрагменты живописи из завалов двора и святилища комплекса В, образцы красок буддийских полихромных скульптур из ниши во дворе комплекса Г.

Исследования проводились с целью определения химического состава красок, наполнителей грунтов и штукатурок, а также выявления технологических приемов раскраски стен и скульптуры. Аналогичных данных по Кара-тепе и другим археологическим памятникам Средней Азии известно пока очень мало, поэтому анализ каждого нового образца приближает нас к лучшему пониманию истории данного конкретного памятника и истории техники и технологии монументальной живописи и скульптуры Средней Азии.

Вначале пробы обследовали под микроскопом МБС-9, для некоторых из них готовили поперечные шлифы, на которых было удобно определять толщину каждого слоя и состояние его поверхности. В связи с тем что изготовление таких шлифов для рыхлых образцов, представляющих пробы живописи Кара-тепе, создавало определенные трудности, была разработана специальная методика фиксации образца с использованием материалов, хорошо зарекомендовавших себя при полевой обработке фрагментов[1]. Наилучшие результаты были достигнуты при применении БМК-5, сополимера бутилметакрилата с метакриловой кислотой в виде 10%-ного раствора в ксилоле и К-15/3, 5%-ного раствора кремнийорганической смолы в ксилоле. Выбор укрепляющего состава зависел от структуры образца, из которого готовили шлиф. Рыхлые об-

[1] *Егоров Ю.М., Иванова А.В., Лелеков Л.А.* Полевая обработка фрагментов монументальной живописи на Кара-тепе. — Кара-тепе IV. 1975, с. 38—46.

разцы с крупными включениями хорошо укреплялись БМК-5, в случае образцов с мелкодисперсным наполнителем целесообразно применение К-15. В случае необходимости образцы пропитывались несколько раз.

Шлифы изготовляли в виде стеклянных полых трубочек диаметром 5 и длиной 15 мм, которые на глубину 5 мм заполнялись пластмассой «Норакрил». В середину еще не застывшей массы помещали образец, который затем шлифовали и изучали под микроскопом.

Помимо изучения шлифов использовали методы ИК-спектроскопии, рентгеновского фазового анализа, капельного анализа и другие методы (образцы для съемки ИК-спектров готовила Л.В. Медведева).

В таблице представлены результаты рентгенофазового анализа, полученные на приборе ДРОН, некоторых образцов росписей стен и скульптуры из комплексов В и Г. Образцы наносили на кварцевую подложку, съемку проводили с излучением Cu-анода. Как показал проведенный анализ, состав красных красок, использовавшихся в комплексе В и Г, одинаков (ср. табл., обр. 1 и 2). Это красные охры скорее всего местного происхождения. В составе красных пигментов обнаружены гематит, кварц, гипс и кальцит. Установлено, что количество кварца в красках из комплекса Г значительно больше, чем в образцах комплекса В. Замечено также, что росписи стен в комплексе В выполнены по лёссовой подготовке или по тонкому грунту из ганча, в то время как росписи коридоров комплекса Г имеют более толстый грунт и лежат на песчанике, содержащем в составе крупные частицы полевых шпатов, сцементированные кальцитом. Полученные нами данные сходны с результатами предыдущих исследований материалов живописи Кара-тепе[2].

Образцы 3 и 4 в таблице — это зеленые пигменты росписи ниши, в которой находилась статуя Будды (комплекс Г). Как видно из приведенных данных, обр. 3 — зеленая краска цветов в орнаменте ниши — состоит из смеси малахита и минералов из класса гидрослюд: глауконита и хлорита. Другой образец зеленой краски содержит в основном глауконит. Оба образца содержат, кроме того, гипс и кальцит.

---

[2] *Бирштейн В.Я.* Идентификация минеральных компонентов грунтов и пигментов росписей Кара-тепе и других среднеазиатских памятников с помощью физико-химических методов. — Кара-тепе V, с. 97—114; *Берлин Т.И., Желнинская З.М.* Результаты исследования красок из Кара-тепе. — Кара-тепе III, с. 111—113.

Включения крупных округлых частиц глауконита встречаются также в составе лёссовой штукатурки комплекса В. Проведен ИКС-анализ зеленых частиц, извлеченных из лёссовой штукатурки комплекса В. В ИК-спектре присутствуют полосы поглощения, характерные для глауконита: 3470, 3630, 1640, 1100, 780 ($см^{-1}$).

Таким образом, красные краски различных оттенков в росписях комплексов В и Г — земляные железоокисные пигменты. Киноварь обнаружена лишь в орнаменте резьбы по камню в комплексе Б, а также в красках некоторых скульптур из комплекса Д. Синий пигмент — лазурит в виде ярко-синих крупных кристаллов — обнаружен в образцах каменных рельефов комплекса В. Пигмент не изменялся при прокаливании, имел невысокий показатель преломления — менее 1,54 — и обнаруживал характерные для лазурита реакции. В других образцах комплексов В и Г лазурит не найден. Голубой цвет в них достигался наложением угольной черной на красную охру. Найдены два вида зеленых пигментов: малахит и глауконит. Светло-зеленая краска на воротнике Будды из комплекса Г — разбеленный малахит. В орнаменте ниши зеленая краска смесевая: малахит и глауконит, темно-зеленая — глауконит. Черный пигмент представляет собой древесный уголь. На некоторых фрагментах обнаружены неразмолотые веточки и кусочки древесины. Позолота, обнаруженная на некоторых фрагментах скульптуры комплексов В и Г, выполнена тонким листовым золотом высокой пробы (около 80%) с примесью серебра (15%), меди, железа, вольфрама и никеля. Красная краска под золотом содержит некоторое количество органического материала белковой природы.

Таким образом, показано, что материалы, использованные для покраски и росписей стен в помещениях комплексов В и Г, одинаковы, но технологические приемы подготовки стен различны даже в пределах одного комплекса. Так, например, в комплексе В в первой и второй пещерах стены оштукатурены и под краску подведен грунт из ганча. Толщина грунта — 0,7—1,0 мм, толщина красочного слоя — 0,15—0,20 мм, грунт представляет собой специально приготовленную массу тонкомолотого гипса, включения охры носят единичный характер. В грунте обнаружено некоторое количество органического материала. Грунты стен третьей и четвертой пещер этого же комплекса несколько иные. Так, в коридоре третьей пещеры грунт под красной краской представляет собой ганч с

включениями охры, а в четвертой пещере (входная ниша, восточная стена) грунт содержит кварц, полевые шпаты, слюды и др.

Живопись на стенах наземного святилища в комплексе В выполнена в основном по заглаженной лёссовой штукатурке. В штукатурке встречаются остатки растительного наполнителя. Грунт из ганча находился на стенах святилища локально. Так, в некоторых образцах стенной росписи святилища обнаружено, что красная краска лежит на тонком белом грунте, а черная — без грунта, прямо на лёссе. Возможно, что это — линия рисунка или обводки. В некоторых образцах красная краска сверху тонирована черным пигментом. Иногда голубая и красная краски лежат непосредственно на лёссе. Голубой цвет в стенописи святилища получен за счет наложения серого пигмента (разбеленный уголь) на слой красной охры, а розовая — смешением красной охры и ганча.

Проведен предварительный анализ материалов скульптуры из комплексов В и Г. Были обследованы пробы, взятые с фрагментов мелкой скульптуры, найденной внутри большого Будды из святилища комплекса В. В образце, представляющем обломок ноги небольшой фигурки, найдена смесь глин и ганча, цвет материала — грязно-серый. Помимо гипсового вяжущего в материале скульптуры, видимо, использовались и органические добавки, на присутствие которых указывают данные ИК-спектроскопии.

Материалом большой скульптуры Будды, сидящего в позе лотоса, из святилища комплекса В является также смесовой материал. В таблице, обр. 6 представлены данные рентгеновского фазового анализа пробы с изображения пальца Будды. Как видно из приведенных данных, основными компонентами скульптурного материала в данном случае являются глинистые минералы, составляющие лёсс, кварц, гипс, с примесью кальцита. Следует отметить, что в составе этого образца также присутствуют органические компоненты, вероятно играющие роль технологических добавок.

Проведен послойный анализ материала скульптурного изображения Будды из ниши комплекса Г. Скульптура Будды выполнена из лёсса с ганчевым покрытием. Состав верхнего слоя покрытия: двуводный гипс, кальцит, кварц. Кварц присутствует в виде полупрозрачных, хорошо окатанных частиц. В состав материала покрытия входит органическая добавка, о чем свидетельствуют данные ИКС-анализа. Покрытие многослойное, но состав материала в слоях практически один и тот

же. Ганч лежит на выравнивающем слое лёсса. На куске ганча, прилегающем к лёссу, виден отпечаток ткани. Одежда Будды в этой скульптуре расписана красными красками с золочением. Состав красных красок росписей стен и скульптуры одинаков.

Таблица

Результаты рентгеновского фазового анализа, выполненного на приборе типа ДРОН

Эксперимательные значения		Литературные данные*		Минерал	№ карты ASTM
d, (Å)	1(усл. ед)	d, (Å)	1(усл. ед)		
1	2	3	4	5	6
Образец 1. Комплекс В, входная ниша, красная краска					
7,38	33	7,56	100	гипс	6—46
4,21	85	4,28	90	гипс	21—816
		4,26	40	кварц	5—490
3,73	28	3,85	30	кальцит	24—27
		3,68	33	гематит	24—72
3,30	30	3,34	100	кварц	5—490
3,03	100	3,03	100	кальцит	24—27
2,84	64	2,87	100	гипс	21—816
2,66	45	2,70	100	гематит	24—72
2,57	9	2,52	70	гематит	24—72
2,47	14	2,49	20	гипс	21—816
2,43	7	—	—	—	
2,37	3	—	—	—	
2,25	2	2,29	90	кварц	5—490
2,19	20	—	—	—	
2,04	25	2,09	32	кальцит	24,27
		2,07	20	гипс	21—816
1,88	25	1,87	30	кальцит	24,27
1,86	12	—	—	—	
1,79	18	1,82	17	кварц	5—490
1,77	12	—	—	—	
1,65	2	—	—	—	
1,61	13	—	—	—	
1,57	2	1,54	15	кварц	5—490
1,42	4	—	—	—	
Образец 2. Комплекс Г, восточный пещерный коридор, красная краска					
1,36	10	1,37	11	кварц	5—490
7,31	68	7,56	100	гипс	6—46
4,25	30	4,26	90	гипс	21—816

* ASTM — X-ray Diffraction Date car File and Key. Boston, 1960—1969.

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6
		4,26	35	кварц	5—490
3,73	50	3,68	33	гематит	24—72
3,33	66	3,34	100	кварц	5—490
3,17	20	—	—	—	
3,03	100	3,03	100	кальцит	24—27
2,84	25	2,87	100	гипс	21—816
2,67	32	2,70	100	гематит	24—72
2,55	15	2,51	70	гематит	24—72
2,47	25	2,49	20	гипс	21—816
2,43	15	—	—	—	
2,18	23	—	—	—	
2,06	20	2,09	32	кальцит	24—27
		2,08	14	гипс	21—816
1,97	21	2,07	20	гипс	21—816
1,88	28	1,90	21	кальцит	24—27
		1,87	42	кальцит	24—27
1,84	2	1,81	17	кварц	5—490
		1,87	42	гематит	24—72
1,79	29	1,79	50**	гипс	
1,70	26			гематит	24—72
1,68	17	—	—	—	
1,61	26	—	—	—	
1,47	10			гематит	24—72
1,35	25	1,37	11	кварц	5—490
		Образец 2а. Песчаник под краской, комплекс Г			
4,27	15	4,26	90	гипс	21—816
		4,26	40	кварц	5—490
4,00	6	—	—	—	
3,35	100	3,34	100	кварц	5—490
3,19	20	—	—	—	
3,21	10	—	—	—	
3,03		3,03	100	кальцит	24—27
2,56	4	—	—	—	
2,46	5	2,45	12	кварц	5—490
2,29	6	2,29	29	кальцит	24—27
2,23	4	2,28	20	кальцит	24—27
2,13	5	—	—	—	
1,98	4	—	—	—	
1,80	20	1,82	17	кварц	5—490
1,67	5	—	—	—	
1,54	5	1,54	15	кварц	5—490
1,37	7	1,38	11	кварц	5—490
1,37	12	—	—	—	

** *В.И. Михеев.* Рентгенометрический определитель минералов. М., 1957.
*** Минералы (справочник). Т. III. М., 1965, с. 37—50.

Таблица (продолжение)

1	2	3	4	5	6
		Образец 3. Комплекс Г, зеленая краска из ниши			
10,01	3	10,01	—	глауконит	9—439
9,89	5	9,70	70***	гидрослюда	
7,60	16	7,61	45	гипс	21—816
7,08	7	7,01	80**	хлорит	
5,05	50	5,06	70	малахит	10—399
4,68	3	4,69	80**	хлорит	
		4,53	35	глауконит	9—439
4,44	3	4,41	70***	гидрослюда	
4,25	18	4,26	40	кварц	5—490
3,78	6	3,85	30	кальцит	24—27
3,66	3	3,69	50	малахит	10—399
3,52	7	3,53	80**	хлорит	
3,33	100	3,34	100	кварц	5—490
3,15	19	—	—	—	
3,03	24	3,03	100	кальцит	24—27
		3,05	57	гипс	21—816
2,91	6	—	—	—	
2,85	10	2,86	**	малахит	10—399
		2,54	80***	гидрослюда	
2,59	3	2,57	10	глауконит	9—439
2,47	6	2,52	9	малахит	10—399
2,44	11	—	—	—	
2,27	11	2,29	90	кальцит	5—586
2,11	5	2,10	4***	гидрослюда	
2,09	7	2,10	20	кальцит	5—586
1,90	4	—	—	—	
1,87	6	1,87	30	кальцит	24—27
1,81	20	1,82	50	кварц	5—490
1,53	11	1,53	90**	хлорит	
1,37	10	1,48	100***	гидрослюда	
		Образец 4. Комплекс Г, зеленая краска			
4,69	60	4,69	80**	хлорит	
		4,53	**	глауконит	
4,26	30	4,26	40	кварц	5—490
		4,26	90	гипс	21—816
3,76	20	—	—	—	
3,53	100	3,53	80**	хлорит	
3,33	20	3,34	100	кварц	5—490
2,59	2	2,57	10	глауконит	9—439
1,53	11	1,53	15	кварц	5—490
		Образец 5. Верхний слой ганча со скульптуры Будды из комплекса Г			
7,64	95	7,61	45	гипс	21—816
4,29	85	4,28	90	гипс	21—816

Таблица (окончание)

1	2	3	4	5	6
		4,26	35	кварц	5—490
3,80	23	3,85	21	кальцит	24—27
3,34	100	3,34	100	кварц	5—490
3,05	77	3,03	100	кальцит	24—27
		3,07	30	гипс	21—816
2,87	80	2,87	100	гипс	21—816
2,68	50	2,68	50	гипс	21—816
2,59	7	—	—	—	
2,50	21	2,49	20	гипс	21—816
2,39	15	—	—	—	
2,28	10	2,28	12	кварц	5—490
2,21	17	2,28	21	кальцит	24—27
2,13	8	—	—	—	
2,08	26	2,09	32	кальцит	24—27
2,07	25	2,08	14	гипс	21—816
1,89	20	1,90	21	кальцит	24—27
1,87	18	1,87	40	кальцит	24—27
1,81	30	1,81	17	кварц	5—490
1,77	15	—	—	—	
1,54	15	1,54	15	кварц	6
1,37	20	1,37	11	кварц	6
		Образец 6. Лёссовый палец Будды, комплекс В			
13,50	50	13,85	**	хлорит	
11,36	60	11,40	80**	гидробиотит	
10,78	60	—	—	—	
9,90	70	9,98	80**	иллит	
9,60	70	9,50	100***	монтмо-риллонит	
8,91	80	—	—	—	
8,50	75	—	—	—	
7,62	100	7,61	45	гипс	21—816
7,03	100	7,56	100	гипс	21—816
6,56	90	—	—	—	
4,34	30	4,47	80**	иллит	
		4,28	90	гипс	21—816
3,75	25	3,85	20	кальцит	24—27
3,33	22	3,34	100	кварц	5—490
3,07	8	3,31	100**	иллит	
3,07	8	3,07	30	гипс	21—816
		3,03	100	кальцит	24—27
2,47	4	2,49	20	гипс	21—816
2,30	5	2,28	12	кварц	5—490
1,83	6	1,81	17	кварц	5—490
1,55	5	1,54	15	кварц	5—490
1,39	3	1,50	80	иллит	
1,39	3	1,38	11	кварц	5—490
		1,32	60**	гидробиотит	

В.Н. Ярош

ИЗУЧЕНИЕ СОСТАВА СВЯЗУЮЩИХ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СТЕННЫХ РОСПИСЕЙ И СКУЛЬПТУРЫ КАРА-ТЕПЕ

В предыдущих работах, посвященных исследованию материалов живописи Кара-тепе, приведены данные об обнаружении в составе красок этого памятника некоторых камедей и веществ белкового строения[1]. Поэтому образцы живописи вновь открытых помещений Кара-тепе исследовали прежде всего на присутствие указанных веществ: белков и углеводов. ИК-спектроскопический анализ красок стенной живописи и скульптуры показал наличие в них разного количества органического материала. Принимая во внимание то, что образцы из Кара-тепе являются археологическим материалом, в котором всегда присутствуют органические компоненты, в том числе и бактериального происхождения, для установления природы этих компонентов необходимо было их выделить и провести соответствующие исследования.

Для анализа были взяты образцы живописи из комплексов В и Д. Это были фрагменты раскрасок стен святилища в комплексе В (красные и черные краски) и фрагмент скульптуры из комплекса Д (красная краска). В обоих образцах красная краска находилась на довольно толстом слое грунта из ганча. Сохранность красочного слоя была вполне удовлетворительной. Выделение органического связующего живописи из образцов проводили по известной методике[2]. Красочный слой,

[1] *Бирштейн В.Я., Тульчинский В.М.* Исследование и идентификация полисахаридов, выделенных из археологических образцов. — Химия природных соединений. 1976, № 1, с. 15—19; *Бирштейн В.Я.* К вопросу о технике росписей Кара-тепе. Проблема изучения связующих красок и грунтов. — Кара-тепе IV, с. 149—165; *Желнинская З.М., Витт С.В. и др.* Новые данные о связующем настенной живописи из Кара-тепе. — Кара-тепе V, с. 115—118.

[2] *Masschelein-Kleiner L., Tricot-Marckx F., Heylen I.* Contribution, «A l'analyse des liante adhesifs et vernis andens». — Studies in Conservation. Vol. 13, 1968, с. 105—121; *Masschelein-Kleiner L., Tricot-Marckx F.* La detection de polysacharides dans les materiaux constitutifs des œuvres d'art. — Bull. Inst. Roy. Patr. Art. Vol. 8. Bruxelles, 1965, с. 180—191.

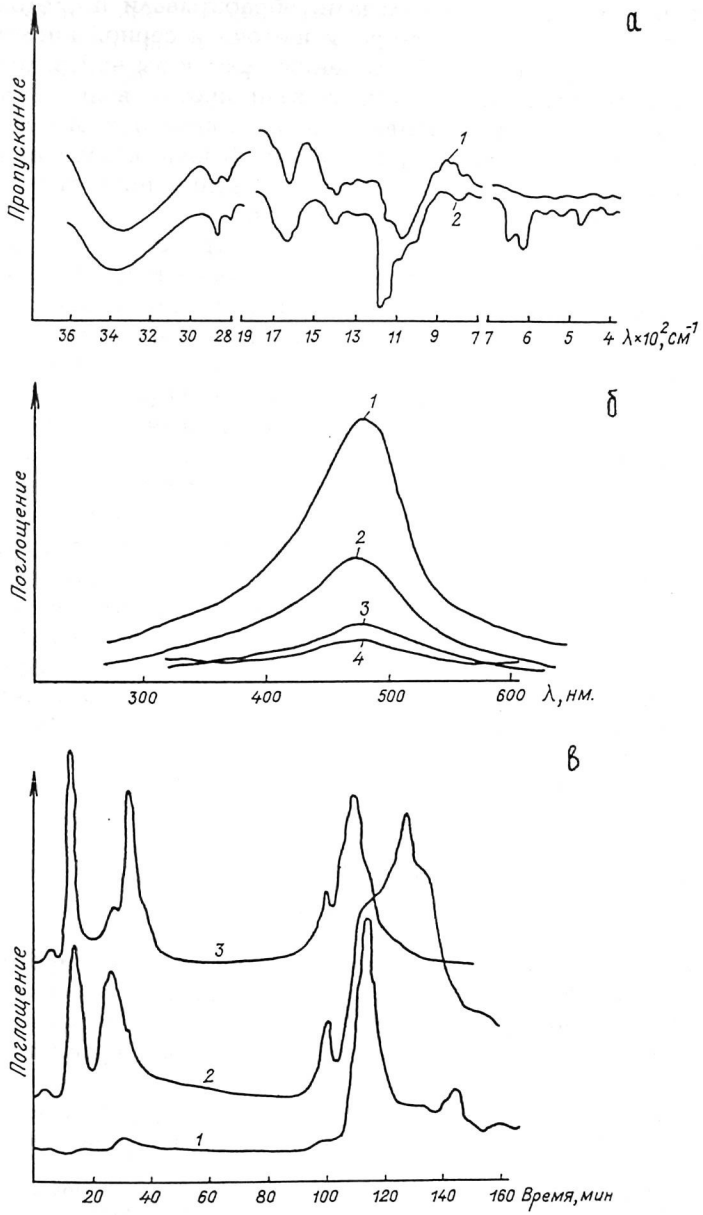

а
Пропускание
1
2
36 34 32 30 28 19 17 15 13 11 9 7 7 6 5 4 λ×10²,см⁻¹
б
Поглощение
1
2
3
4
300 400 500 600 λ, нм.
в
Поглощение
3
2
1
20 40 60 80 100 120 140 160 Время, мин

Рис. 85

отделенный от грунта, измельчали, обрабатывали последовательно разбавленными растворами щелочи и серной кислоты при слабом нагревании. Объединенные растворы нейтрализовали, центрифугировали и диализовали против воды. Затем полученные растворы упаривали на роторном испарителе, а выделенные продукты лиофилизовали. Выход извлеченного таким образом вещества составлял для разных проб от 0,1 до 0,9(%) от веса исходного образца краски.

На рис. 85а приведен ИК-спектр вещества, выделенного из образца краски со стены пещеры комплекса В и ИК-спектр гуммиарабика — смолы, выделяемой различными видами акации, представляющей собой гетерополисахарид сложного строения. В ИК-спектрах обоих образцов прослеживаются полосы поглощения в области 3400, 1600, 1100 ($см^{-1}$), которые можно отнести к группам ОН- и С-О в молекулах кислых полисахаридов[3]. Для уточнения природы выделенного материала была проделана также реакция его с фенолом и серной кислотой[4]. Реакция известна как быстрый и надежный метод определения сахаров, основанный на гидролизе сахаридов серной кислотой и взаимодействии продуктов гидролиза с фенолом, дающим окрашенные соединения, растворы которых поглощают в области 490 нм.[5]. На рис. 85б приведены спектры поглощения в видимой области растворов декстрана и вещества, выделенного из краски Кара-тепе, после взаимодействия их с раствором фенола и серной кислотой. Максимумы поглощения в том и другом случае совпадают и находятся в области 490 нм. Следовательно, в выделенном органическом материале присутствуют вещества из класса сахаридов, причем эти вещества имеют довольно высокое значение молекулярной массы, так как очистку их от солей и низкомолекулярных органических компонентов проводили диализом в пленках, имеющих довольно большие размеры пор.

Анализ состава выделенных полимеров начали с проведения жидкостной хроматографии на колонках с различными носителями, модифицированными ионообменными смолами. Регистрацию выхода отдельных компонентов осуществляли

---

[3] *Щербухин В.Д.* Применение ИКС к изучению углеводов. — УБХ. 1968, № 9, с. 198—219; *Кросс А.* Введение в практическую инфракрасную спектроскопию. М., 1961.

[4] *Ярош В.Н., Филимонова М.И.* Экспресс-метод определения полисахаридов в образцах живописи. — Культура и искусство в СССР. Вып 2, с. 8—10.

[5] *Dubois M., Gilles K.A. и др.* Colorimetric Method for Determination of Sugars and Related Substances. — Analytical Chemistry. 1956, vol. 28, № 3, с. 350—356.

на анализаторе фирмы «Technicon» по интенсивности окраски, которую давали выходящие с колонки растворы сахаров с раствором орцина. Элюирование вещества с колонки проводили фосфатным буфером. Нейтральные сахара не задерживались на колонке и выходили примерно на 30 минуте после ввода буфера. Кислые полисахариды вымывали более сильным буфером или градиентом фосфатного буфера в растворе NaCl.

На рис. 85в приведены хроматограммы разделения полисахаридов, выделенных из образцов живописи памятников Кара-тепе и Топрак-кала, для сравнения даны хроматограммы камедей некоторых растений.

Как видно из приведенных данных, составы полисахаридов, найденных в красках того и другого памятников, близки, но не идентичны. Так, в составе вещества, извлеченного из образца краски Топрак-калы, присутствуют как нейтральные, так и кислые полисахариды (рис. 85в, кривая 2). Такой вывод можно сделать, сравнивая хроматограммы вещества, выделенного из краски Топрак-калы, и трагантовой камеди (рис. 85в, кривая 3). Известно, что эта камедь состоит из смеси нейтральных и кислых полисахаридов, в том числе нейтрального арабиногалактана и трагантовой кислоты. На приведенном рисунке хорошо видны эти фракции в составе камеди. Результаты хроматографического анализа свидетельствуют, что в составе исследуемых образцов живописи Карате пе присутствуют в основном кислые полисахариды, т. е. полисахариды, содержащие в своем составе уроновые кислоты, при наличии небольшого количества нейтральных продуктов (рис. 85в, кривая 2). Такие полисахариды составляют основную часть растительных камедей и пектиновых веществ растений. Результаты проведенных в данной работе опытов показали, что хроматограммы исследуемых компонентов живописи и некоторых камедей сходны, однако для отнесения выделенных продуктов к группе камедей и тем более для идентификации какой-либо камеди в составе связующего живописи необходимы были дополнительные исследования.

Для уточнения состава выделенных полисахаридов был проведен их гидролиз и анализ моносахаров. Вначале кислые полисахариды метилировали и восстанавливали до соответствующих полисахаридов. Гидролиз вели в растворе 2н HCl при 110°C в течение 3 часов. HCl удаляли в вакууме, и в гидролизате определяли отдельные моносахара на специальном углеводном анализаторе фирмы «Biotronic» (ФРГ), деление осуществлялось на анионите в боратном буфере.

Среди продуктов гидролиза полисахарида, выделенного из образца настенной живописи комплекса В, найдены такие моносахара, как рамноза, манноза, арабиноза, галактоза, ксилоза, глюкоза и некоторые неидентифицированные вещества. Таким образом, составы выделенных из красок веществ оказались весьма сходными с составами некоторых камедей, хотя не исключено, что добавками к ним могли быть и другие материалы, например соки растений, также содержащие в своем составе полиурениды[6].

Автор выражает благодарность докт. хим. наук Б.А. Дмитриеву и канд. хим. наук В.Л. Львову за помощь при проведении данной работы и обсуждении результатов.

[6] *Кочетков Н.К., Бочков А.Ф., Дмитриев Б.А. и др.* Химия углеводов. М., 1967, с. 530; *Jones J.K.N., Smith T.* Plant gums and mucilages. — Carbonydrate chemistry. 1949, vol. 4, с. 243.

И.Г. Равич

О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТРЕХ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

Исследованные нами зеркала представляют собой круглые диски и по типологии в соответствии с классификацией среднеазиатских зеркал, данной Б.А. Литвинским[1], могут быть отнесены к типу 2 отдела 1 (зеркало 1 «с утолщенным ободком по краю диска») и типу 2 отдела 2 (зеркало 2 с «вертикальным бортиком»). Зеркало 3 сохранилось только во фрагментах, однако наличие утолщенного края позволяет условно отнести его, как и зеркало 1, к типу 2 отдела 1. Фотографии зеркал даны на рис. 86 (для более четкого выявления поверхности они сняты в косом свете). Подробное описание зеркал приведено ниже.

Зеркало 1 (рис. 86а) имеет неявно выраженный бортик по краю и небольшую ручку-штырь, которая отломана от зеркала и разбита на две части. Диаметр зеркала — 115 мм, толщина — 1,5 мм, у бортика — 4,5 мм, толщина ручки — 2,5 мм (зеркало подверглось коррозии, и с большой точностью определить его толщину затруднительно). Оно состоит из отдельных фрагментов, причем бóльшая часть сколов — старая, покрыта продуктами коррозии, имеет извилистые границы; по виду линии излома можно предположить, что зеркало было разбито преднамеренно. В результате коррозии металл зеркала полностью перешел в закись меди, лишь на поверхности наблюдаются зеленые медные соли, которые отчетливо фиксируют в некоторых участках следы пересечения нитей ткани, в которую было завернуто зеркало.

Своеобразной особенностью зеркала 1 является присутствие на его оборотной стороне изображений пересекающихся окружностей диаметром 12 мм (двух или трех); рядом — остатки узора типа пальметты, вблизи которого расположен цветок с шестью круглыми лепестками, на них отпеча-

[1] *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1976, с. 80, 89.

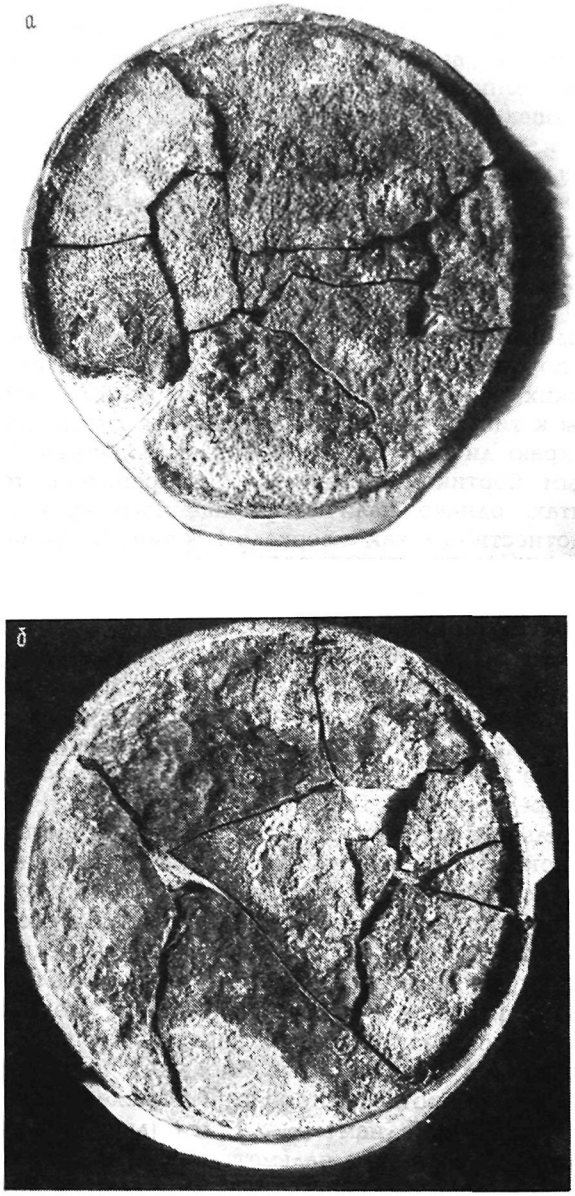
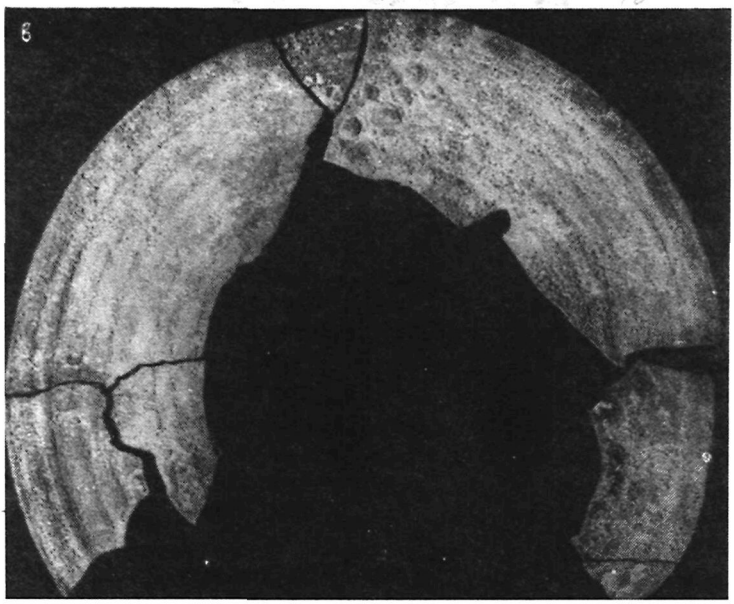


Рис. 86



тались следы ткани, покрывавшей зеркало. В местах изображений имеются углубления, что позволяет предположить, что рисунки были нанесены штампом на его поверхность. Видимо, это зеркало предназначалось для ритуального использования. Изображения пересекающихся окружностей и цветка с круглыми лепестками очень напоминают аналогичные рисунки, оттиснутые штампом на керамике из Кара-тепе[2].

Зеркало 2 (рис. 86б) — плоский диск с вертикальным бортиком, диаметром 110 мм, толщиной 1,5—2 мм, высота бортика — 4—5 мм, толщина — 3,5—4 мм. Зеркало разбито на фрагменты, сколы свежие, имеют прямолинейные очертания, свидетельствующие, что в захоронение зеркало было положено целым. Металл зеркала разложился, в изломе фрагмента виден куприт, а на поверхности — зеленые медные соли, которые, как и в зеркале 1, сохраняют отпечаток ткани, в которую было завернуто зеркало.

---

[2] *Сычева Н.С.* Керамика Кара-тепе. — Кара-тепе IV, с. 88—148, 197, 198; *Сычева Н.С., Сычев В.Л.* К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе. — Кара-тепе V, с. 72—93, 187.

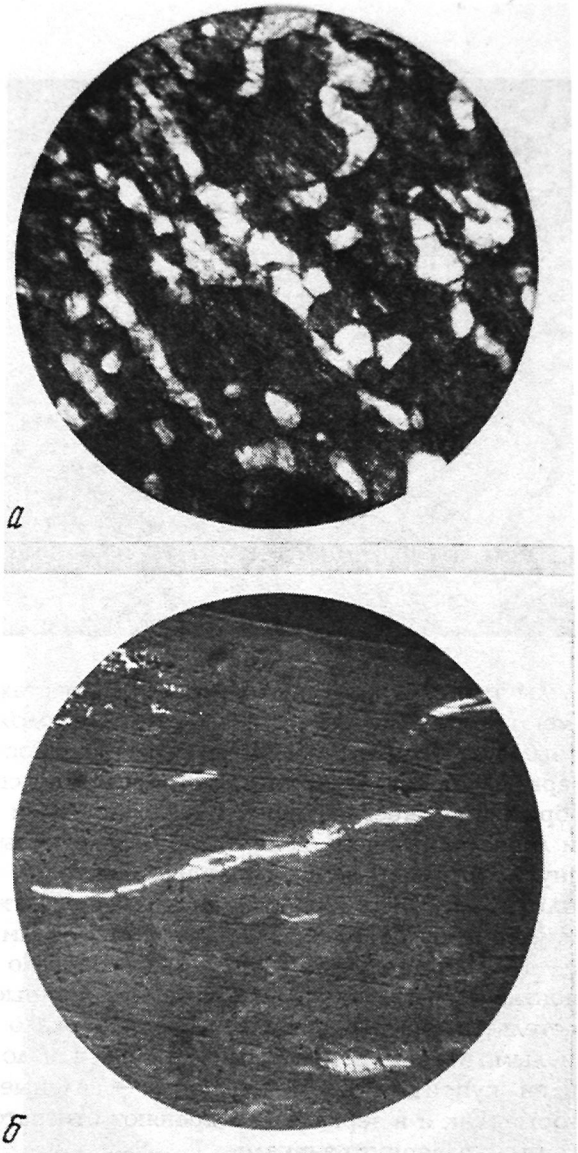
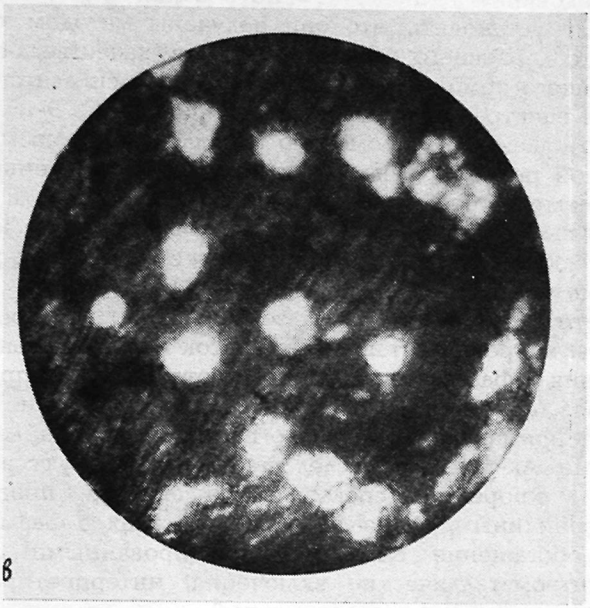


Рис. 87



в

Зеркало 3 (рис. 86в), от которого остались лишь фрагменты наружной части, имеет диаметр 165 мм, толщина его у края — 4,7 мм, по мере удаления от края толщина убывает до 1—2 мм. Сколы старые, покрыты продуктами коррозии, имеют в некоторых местах криволинейные очертания, по виду которых можно предположить, что зеркало было разбито перед захоронением. Задняя сторона украшена концентрическими окружностями (рис. 86в) диаметром 2—3 мм, значительно углубленными в поверхность и разделенными выпуклыми окружностями диаметром 5 мм. Две внешние окружности расположены на расстоянии 2 мм друг от друга, что как бы выделяет бортик зеркала. На лицевой его стороне сохранились очень мелкие обрывки ткани, смешанные с почвой и продуктами коррозии, а на двух фрагментах видны процарапанные следы S-образных линий, расположенных по диаметру зеркала. Они напоминают рисунки на керамике Каратепе[3].

[3] *Сычева Н.С.* Керамика Кара-тепе, с. 194, 197.

Исследование технологии изготовления и состава зеркал позволило установить, что они получены методом ковки из сплава, содержащего 20—25% олова в качестве основного легирующего компонента (табл. 1). (Состав сплава определен методом спектрального анализа на приборе СТЭ-1, технология изготовления — с помощью металлографии по методике, описанной ранее[4].) Следы ковки с высокой степенью обжатия отчетливо прослеживаются в структуре металла, состоящего из вытянутых вследствие высокой степени деформации волокон; об этом свидетельствует также строчечное расположение интерметаллических включений (рис. 87а, б). Интересно отметить, что хотя металл зеркал не сохранился, однако продукты коррозии оставили отпечаток первоначального расположения α-фазы, что особенно отчетливо видно при исследовании в поляризованном свете. Подобное явление уже отмечалось применительно к аналогичной бронзе, найденной на поселении Ак-тепе II[5]. Исследование микроструктуры с помощью микрорентгеноспектрального анализа, проведенное В.А. Боронихиным, показало, что в участках α-фазы наблюдается обогащение SnO_2. Некорродированными остались лишь интерметаллические включения, интерпретированные как соединения меди, железа и серы[6].

Как известно, бронза с 20% олова является материалом литейщика, а не кузнеца, так как, обладая прекрасными литейными свойствами, она поддается ковке только в горячем состоянии и в очень узком интервале температур — 587—798°С[7], выше этого интервала она плавится. Кузнец, изготовивший зеркала из Кара-тепе, обладал достаточным навыком ковки «нековких» бронз с 20% олова: следов литой структуры не видно, заготовка прокована с большой степенью обжатия, после чего бронза закалена в воде. Отпечатавшаяся на продуктах коррозии игольчатая структура свидетельствует о применении этой заключительной операции, которая устраняла хрупкость, возникающую при медленном охлаждении бронз с 20% олова[8]. На основании изучения микроструктуры, а также

---

[4] *Равич И.Г., Шемаханская М.С.* О возможности изучения минерализованного археологического металла. — Кара-тепе V, с. 129—133, 190—193.

[5] *Равич И.Г., Шемаханская М.С.* Химико-технологическое исследование изделий из медных сплавов, найденных на поселении Ак-тепе II. — *Седов А.В.* Кобадиан на пороге раннего средневековья. М., 1987, с. 144—147, 196.

[6] Там же.

[7] *Bauero O., Vollenbrock O.* Temperaturgrenzen der Bildsamkeit von Bronze mit 20% Zinn. — Z. Für Metalkde. Bd. 17, 1925, с. 60—61.

[8] *Равич И.Г.* Эталоны микроструктур оловянной бронзы. — Художественное наследие. М., 1983, № 8(38), с. 142.

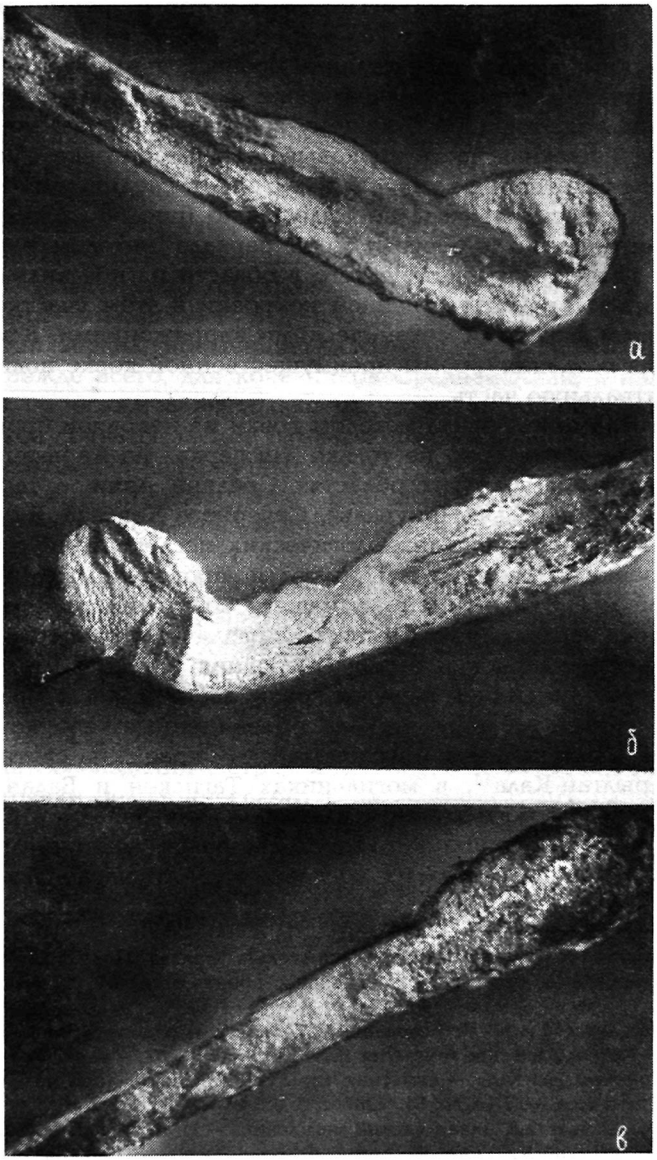


Рис. 88

видимых в изломе зеркал участков, в которых формировался бортик зеркал (следов изгиба металла, его утонения), можно следующим образом представить процесс изготовления зеркал. Вначале методом горячей ковки формировалась заготовка, равная по толщине будущему зеркалу, для создания бортика ее наружная часть проковывалась (отбортовка с последующим уплотнением края) так, что место соединения бортика с плоскостью зеркала не было видно (рис. 88). Для создания вертикального бортика край зеркала методом горячей ковки загибали, вследствие чего в области изгиба видна трещина из-за преимущественной коррозии в этом участке, обладающем высокими механическими напряжениями. В зеркале 3 для создания формы преимущественной ковке подвергали центральную часть.

Изготовление зеркал методом ковки из нековкой бронзы с 20% олова характерно не только для зеркал из Кара-тепе, но встречается и в других областях Средней Азии, а также у сарматов Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа. В табл. 2 на основании химико-технологических исследований сарматских зеркал Поволжья и Приуралья, проведенных М.Г. Мошковой и Н.В. Рындиной[9], и нашего собственного изучения подобных зеркал, происходящих из различных районов, показаны места находок и время бытования этих изделий, объединенных традицией горячей ковки бронз с 20% олова. Как видно из этой таблицы, зеркала, объединенные ковочной традицией, были найдены в Краснодарском крае[10], на святилище Кой-Крылган-Кала[11], в могильниках Тагискен и Баланды, в Лявандакском могильнике[12], в могильниках Западной Ферганы[13], в погребениях Туз-Гыр[14]. Наиболее многочисленной является группа зеркал из могильников Алтынасар, Джетыа-

---

[9] *Мошкова Н.Г., Рындина Н.В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья. — Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 117—133.

[10] *Ждановский А.М.* Исследования в Тбилисском районе Краснодарского края. — Археологические открытия 1979. М., 1980, с. 107.

[11] Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э. — IV в. н. э. — ТХАЭЭ. М., 1967, т. 5, с. 147.

[12] *Обельченко О.В.* Лявандакский могильник. — ИМКУ. Вып. 3. Таш., 1961.

[13] *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1976, табл. 15, № 6, 8.

[14] *Трудновская С.А.* Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-Гыр. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 101—110; *Лоховец В.А., Хазанов А.М.* Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр. — Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 111—129.

сар 11/2, Джетыасар 12 (95 экземпляров)[15]. Самые ранние экземпляры относятся к IV—III вв. до н. э. (сарматские и иранские зеркала, зеркала из Тагискена и Баланды), наиболее поздние датируются IV—VI вв. н. э. (зеркала с поселения Актепе II, асарские зеркала, зеркала из Кара-тепе).

Типы зеркал, объединенных «ковочной» традицией, различны: это плоские зеркала с ручкой или без нее, зеркала с вертикальным бортиком и центральной ручкой-петлей, а также наиболее часто связанный с этой традицией тип зеркала с утолщенным валиком по краю диска (иногда в центре диска находится коническая выпуклость, «бактрийский тип»[16]). Этот тип зеркал, по мнению А.М. Мандельштама, «характерен, прежде всего, для кочевников Средней Азии, а наличие обломков зеркал, а не только целых экземпляров — для памятников кочевых племен сарматского периода»[17].

Присутствие аналогичных зеркал в среде сарматов Поволжья и Приуралья еще раз подтверждает высказанную многими исследователями мысль о связи их с Приаральем[18].

Чрезвычайно распространен тип зеркал с вырожденным бортиком и ручкой-штырем, наиболее часто встречаемый среди асарских зеркал. Характерный вид разрушения — трещины вдоль бортика и ручки — позволяет выделить эти зеркала по технологическому признаку среди других экземпляров. Среди асарских зеркал впервые в группе «кованных высокооловянных» изделий встречаются зеркала с утолщением в конце ручки пелопоннесского типа. Зеркала с 20% олова, полученные методом ковки, встречаются как среди захоронений древних кочевников, так и у земледельцев. Для кого из них более характерна данная технология, сказать трудно, металлографическое исследование позволяет проследить две традиции ковки:

первая — проковка с большой степенью обжатия литой заготовки;

---

[15] *Левина Л.М.* Работы в Джетыасарском урочище. — Археологические открытия 1983 г. М., 1985, с. 512—513.

[16] *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1976, с. 85.

[17] *Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. М., 1975, с. 141.

[18] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 277—280; *Итина М.А.* Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сыр-Дарьи и Южного Приуралья. — Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 78—84.

вторая — ковка дисков зеркал с бортиком, т. е. доковка литой заготовки.

Технология первого типа характерна для зеркал из Каратепе, асарских зеркал, для зеркал № 9—14, 19, 20, 23 (см. табл. 2), второго — для № 5, 6, 7, 8 (см. табл. 2). Если предположить, что литье требует более оборудованного технологического участка, чем ковка, то оно должно быть более характерно для земледельцев, которые могли отливать зеркала, а затем уплотнять их диски. Кочевникам было, казалось бы, легче приобрести заготовку и придать ей форму ковкой.

Рассматривая вопрос об интересующей нас традиции ковки высокооловянных бронз, нельзя не отметить, что она широко бытовала в Средней Азии при изготовлении посуды. М.С. Шемаханская, исследовавшая ее распространение, отмечает подобные находки в сакских могильниках Памира VI—IV вв. до н. э.[19]. Подобная посуда найдена в Северной Индии[20].

Большая коллекция такой посуды найдена в Таиланде (100 экземпляров) и относится к раннему железному веку (III—II в. до н. э.)[21]. Там же обнаружены кованые браслеты, датирующиеся V в. до н. э.[22]. По мнению В. Раджпитака и Н.Дж. Сили, из Таиланда посуда попала в Индию. Упоминание о том, что коренные жители Китая и Индии используют горячекованую бронзу с 20% олова для производства кованых полос, которые они затем переделывают в гонги, украшения и домашнюю посуду, имеется в технологической работе, посвященной исследованиям ковкости высокооловянных бронз[23].

Таким образом, традиция ковки бронз с 20% олова применялась вначале при изготовлении посуды, а с IV в. до н. э. ее использовали при изготовлении зеркал. Может быть, это было связано с распространением каких-то новых культов, в

---

[19] *Равич И.Г., Шемаханская М.С.* Химико-технологическое исследование изделий из медных сплавов, найденных на поселении Ак-тепе II. — *Сегов А.В.* Кобадиан..., с. 146—147.

[20] *Craddock P.T.* Three Thousand Years of Copper Alloys: from the Bronze Age to the Industrial Revolution. — Application of Science in the Examination of Works of Art. Boston, 1985, tabl. 79.

[21] *Rajpitak W., Seely N.J.* The Bronze Bowls from Ban Don Ta Phet, Thailand: an Enigma of Prehistoric Metallurgy. — World Archaeology. 1979, vol. 2, № 1, с. 27—31.

[22] *Wheeler T.S., Maddin R.* The Techniques of the Early Thai Metalsmith. — Expedition. L., 1975—1976, № 18, с. 38—47.

[23] *Kent W.Z.* The Brittle Ranges of Bronze. — Journal of the Institute of Metals. L., 1926, vol. 35, № 1, с. 45.

которых зеркало играло ритуальную роль, вследствие чего от него требовались специфические свойства: определенный цвет, способность не тускнеть со временем, возможно, даже звучание металла.

Если предположить, что это был культ солнца (как известно, магическая роль связывается именно с этим культом[24]), то золотисто-желтый цвет бронз с 20% олова, их высокая коррозионная стойкость, прекрасное музыкальное звучание (классическое применение бронз с 20% олова — колокола) вполне соответствовали той роли, которую предназначал им солнечный культ.

Наличие бронз с высоким содержанием олова в Средней Азии связано, вероятно, с тем, что здесь существовали богатые источники олова, являвшегося в древности дефицитом (если сравнить по составу классические зеркала и среднеазиатские, то в первых меньше олова — 8—10%[25]). Не исключено, что это были специфические руды, при выплавке из которых сразу получалась бронза с 20% олова. М.С. Шемаханская, высказавшая это предположение, подтвердила его при исследовании руды станнина, привезенного ей с древнего рудника, находившегося на территории Бактрии-Тохаристана в Фанских горах[26]. Металл, выплавленный из этой руды в лаборатории, содержал 20% олова, а на шлифе наблюдались сложные сульфиды железа и меди, встречающиеся почти во всех зеркалах и посуде.

Вместе с тем очевидно, что находка высокооловянной кованой посуды и браслетов в Таиланде, где находятся богатейшие источники олова, не случайна. По мнению И.Р. Селимханова[27], олово из этих районов могло распространяться по всему древнему миру. Установлено также, что бронзовый век Таиланда относится к IV тысячелетию[28].

Итак, Таиланд, Индия, Иран, Средняя Азия, Приуралье, Поволжье, Северный Кавказ — таковы районы находок изделий, полученных методом горячей ковки высокооловянной

---

[24] *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1976, с. 105—126.

[25] *Craddock P.T.* Three Thousand Years, табл. DH—F11.

[26] *Равич И.Г., Шемаханская М.С., Седов А.В.* Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана. — Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982, с. 23—27.

[27] *Селимханов И.Р., Кашкай М.А.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973, с. 162—164.

[28] *Nozaki J., Matsumoto T., Jmai J.* Bronze Fishhooks Unearthed at Ban Chiang and Archaeological Excavation. — Bulletin of the Metals Museum. Aoba Aramaki, 1984, vol. 9, с. 29—30.

бронзы. Дальнейшее исследование зеркал, объединенных этой ковочной традицией, сможет, вероятно, определить, кто впервые применил этот метод для изготовления зеркал, в каком районе возникли наиболее древние экземпляры, какие культы или новые религии были связаны с их использованием.

Приложение

Таблица 1

Результаты спектрального анализа зеркал

№ зеркала	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb
1	основа	20	0,18	0,04	0,003	—
2	основа	23	0,05	—	—	—
3	основа	25	0,03	—	0,002	—

№ зеркала	Cu	As	Fe	Ni	Co
1	основа	0,07	0,35	0,004	—
2	основа	—	0,01	0,16	0,1
3	основа	—	0,04	0,007	0,002

Таблица 2

Могильники, в которых найдены зеркала, содержащие 20% олова, полученные методом горячей ковки

№	Место находки	Тип зеркала	Принадлежность, датировка	Размеры (мм)		
				Диаметр	Толщина диска	Длина ручки
1	2	3	4	5	6	7
1.	Приуралье, Близнецы, к. 2, п. 1	с валиком по краю диска	сарматы, IV—III вв. до н. э.			
2.	Калиновка, к. 8, п. 19	с валиком по краю диска и ручкой	сарматы, III—II вв. до н. э.			
3.	Визенмиллер 11, к. 4, п. 3	с валиком по краю диска	сарматы, IV—III вв. до н. э.			
4.	Калиновка, к. 55, п. 8	«бактрийское»	сарматы, I в. до н. э. — I в. н. э.			
5.	Челябинская обл., оз. Аргази	«бактрийское»	сарматы, IV в. до н. э.	175	1	30

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
6.	Челябинская обл., оз. Аргази	«бактрийское»	сарматы, IV в. до н. э.	100	2	15
7.	Краснодарский край, хут. Песчаный, п. 10	«бактрийское»	сарматы, I в. до н. э.	240	3	
8.	Кой-Крылган-Кала, центр. здание, ниж. горизонт, пом. 8, № 53/115	с валиком по краю диска	IV—II вв. до н. э.	110	1,5	
9.	Кой-Крылган-Кала, внешнее кольцо, № 55/206	с валиком по краю диска	I в. до н. э. — I—II вв. н. э.	110	2	
10.	Туз-Гыр, к. 19, № 66	«бактрийское»	III—II вв. до н. э.	110	2,5	
11.	Зап. Фергана, Ворухское ущелье, № ВУ-15	с валиком по краю диска	II—I вв. до н. э.	90	1,5	
12.	Зап. Фергана, к. Ворух, № КВ75/5	с валиком по краю диска	II—I вв. до н. э.	140	1,5	
13.	Бухарский оазис, Лявандакский мог.	с валиком по краю диска	II—I вв. до н. э.	180	3	45
14.	Бишкентская долина, пос. Актепе II	с валиком по краю диска	IV—V вв. н. э.	115 125 100	3	46
15.	Приуралье, Мечеть-Сай, к. 8, п. 3	массивный плоский диск с длинной металл. ручкой	сарматы, IV в. до н. э.			
16.	Приуралье, Мечеть-Сай, к. 8	зеркало с гравированным рисунком	Мидия, Иран, IV в. до н. э.			
17.	Приуралье, Калиновка, к. 3	плоское зеркало	сарматы, I в. до н. э. — I в. н. э.			
18.	Челябинская обл., оз. Аргази	плоское, с ручкой-штырем	сарматы, IV в. до н. э.	100	2,5	20
19.	Бухарский оазис, Лявандакский мог.	с вырожд. бортиком и ручкой-штырем	Кочевники, II—I вв. до н. э.	85	2	35
20.	Пос. Ак-тепе II	дисковидное с ручкой-штырем	IV—V вв. н. э.	84	2	21

Таблица 2 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
21.	Баланды I	массивное плоское зеркало	IV—III вв. до н. э.			
22.	Тагискен, Т-кен, к. 6 / 9		VI—IV вв. до н. э.			
23.	Мог. Туз-Гыр, 66ТузЮЗ, к. 23 / 16	плоское с железной ручкой	I—III вв. н. э.	120		
24.	Кара-тепе	с утолщенным ободком по краю диска		115	1,5	2,5
25.	Кара-тепе	с бортиком вертикальным		110	1,5	2,5
26.	Кара-тепе	с утолщенным бортиком		165	1,5	
27.	Алтын-асар, Джетыасар	95 экземпляров различных типов	I в. н. э. — VI—VII вв.	Д — в пределах 70—160, наиболее часто — 80—90		

А.А. Абдуразаков

ХИМИЧЕСКИЕ СОСТАВЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕКОЛ КАРА-ТЕПЕ (X — НАЧАЛО XIII в.)

Широкие археологические раскопки, проведенные в южных районах Узбекистана, дали значительный материал по стеклоделию Средней Азии в древности и средневековье. Находки стеклянных изделий античного времени отмечены в Старом Термезе (II в. до н. э.) и Дальверзинтепа (I в. до н. э. — I в. н. э.). Раннесредневековые стекла обнаружены в Балалык-тепе (V—VII вв.) и Хосият-тепе (VII — начало VIII в.).

К средневековому периоду относятся стеклянные изделия из Гормали-тепа (X—XII вв.). Кусочки стеклянной посуды этого же времени в 1980 г. были выявлены Б.Я. Стависким на территории Кара-тепе и любезно предоставлены нам для химического анализа. Стеклянные изделия были извлечены из заполнения, находящегося на территории пещерного храма П—V комплекса Г в южной части восточного коридора. По сообщению Б.Я. Ставиского, находки стекла происходят из слоев после запустения этого буддийского культового центра X (?) — начала XIII в.

Данное сообщение посвящено результатам химического анализа упомянутых стеклянных находок из Кара-тепе. Исследуемые предметы в основном относятся к посудному стеклу, в числе которых преобладают орнаментированные образцы. Наряду с ними есть и простая посуда, без каких-либо украшений. Орнамент выполнен в основном выдуванием в специальной форме. Бóльшая часть орнамента сделана в виде косых линий и точек. Подобная техника орнаментации встречается на Афрасиабе в Самарканде со второй половины VIII в.[1]. В средние века данная техника распространилась на обширные районы Средней Азии — Новую Нису, Хульбук,

[1] *Тереножкин А.И.* Согд и Чач. — КСИИМК. Вып 33. М.—Л., 1950, с. 154, табл. 69.

Калаи-Боло, Афрасиаб, Узген и др.[2]. Стекла, подвергнутые анализам, в основном бесцветные и зеленые с синеватыми оттенками, содержат небольшое количество пузырьков воздуха, поверхность фрагментов покрыта слабым ирризационным слоем серого цвета.

Перед анализом все эти наслоения были удалены, вычищены и высушены.

Результаты химического анализа приведены в таблице. Как видно, стеклянные изделия Кара-тепе имеют в основном сходные составы. Особенно близость результатов анализов 3,4 и 5 наталкивает на мысль о принадлежности трех фрагментов к единому сосуду, ибо колебания содержания химических окислов лежат в пределах нормы их вариации. По содержанию главных стеклообразующих компонентов, присутствующих в составе стекол в количестве 3% и более, анализированные стекла принадлежат к двум химическим типам:

1) $Na_2O—K_2O—CaO—MgO—SiO_2$ (анализы 1, 2, 6, 7);
2) $Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—SiO_2$ (анализы 3, 4, 5).

Указанные два химических типа стекол являются исконно среднеазиатскими составами, сложившимися и широко распространенными на месте.

Стекла первого химического типа, состоящие из пяти химических окислов ($Na_2O—K_2O—CaO—MgO—SiO_2$), в древности и средневековье на других территориях почти не производились. Имеются по два образца среди древнеиндийских стекол из Наланды и кавказских из Кармир-Блура (VII в. до н. э.)[3]. Причем в последнем памятнике стекла представлены двумя бесцветными бусинками.

По данным спектрального анализа, имеющего приближенный характер, стекла подобного состава впервые встречаются в Средней Азии в Южной Туркмении среди бусинок эпохи поздней бронзы из Сумбарских могильников[4], в Хорезме — на Кой-Крылган-Кале (I — начало II в. н. э.)[5] и в Северном

---

[2] *Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Таш., 1963, с. 221—222.

[3] *Безбородов М.А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, с. 224—225.

[4] *Галибин В.А.* Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников. — *Хлопин И.Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Приложение 2. Л., 1983, с. 224—227.

[5] Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. М., 1967, с. 145—146.

Афганистане — в Ак-Купрук I (III—IV вв. н. э.)[6]. Ранние средневековые стекла данного химического типа обнаружены в Ер-Кургане (V—VI вв. н. э.) и Пенджикенте (VII — начало VIII в. н. э.).

Широкое распространение получил данный состав в Средней Азии в средневековый домонгольский период — IX — начало XIII в. Аналогичные составы были обнаружены в 23 из 54 археологических памятников Средней и Центральной Азии (Афганистана) и Кавказа (Двин) этого периода, стекла которых были нами анализированы химически. Особенно много их среди средневековых стекол из Южной Туркмении (Новая Ниса и Мерв), Южного Таджикистана (Базар-дара, Хульбук), Афрасиаба (в слоях с IX по XI в.), Кулдор-тепе, Кош-тепе II (Самарканд), Бухары, Варахши, памятников Ферганы (Андижан, Ахсикет, Кува, Узген) и Хорезма (Хайван-кала, Каваткала, Куюсай, Таке-Сангир, Шах-Сенем) и Афганистана (Шамшир-Гар, Ак-Купрук I).

Из 417 анализированных средневековых стекол к данному химическому типу относятся 52 образца, добытых в разных частях Среднеазиатского региона и Афганистана.

Более широко представлены стекла, принадлежавшие ко второму химическому типу — Na_2O—K_2O—CaO—MgO—Al_2O_3—SiO_2. К нему относятся 186 образцов из всех 417 анализированных нами средневековых стекол Средней Азии, Афганистана и Кавказа (Двин). Значительно и количество памятников, где обнаружены подобные стекла. Такие шестикомпонентные стекла выявлены в Средней Азии почти повсеместно — в 41 объекте из 54 средневековых памятников.

Имеющийся ныне научно-экспериментальный материал позволяет считать, что данный состав возник на территории Средней Азии, ибо находки подобных стекол в других странах весьма ограниченны. Из 762 химических анализов древних и средневековых стекол всего мира, сводка которых приведена в упомянутой монографии М.А. Безбородова (см. примеч. 3), к данному химическому типу относятся всего четыре образца (три среди древнеегипетских) Тель-эль-Амарна (1400 г. до н. э.), Элефантина (II—I вв. до н. э.) и древнеиндийских из Таксилы (IV—III вв. до н.э.). Хронологическая разница вряд ли позволяет предполагать о существовании какой-либо зависимости между этими территориями в распространении стекол данного состава. С другой стороны, подоб-

[6] *Brill R.H.* Report on Chemical Analyses of Some Glass from Afghanistan. — Transactions of American Philosophical Society. Vol. 62. Pt. 4 (1972), с. 51—53.

ные стекла в античности на территории Средней Азии полностью отсутствуют, имеется лишь единственный образец в Северном Афганистане — Ак-Купруке I, относящийся к кушанскому периоду (III—IV вв. н. э.)[7]. Данный состав появляется в Средней Азии в конце раннего средневековья почти одновременно в разных ее частях — Тохаристане (Хосият-тепе, VII — начало VIII в.), Согде (Афрасиаб, начало VIII в., Пенджикент VII—VIII вв.), Чаче (Лашкерек, VII—VIII вв.) и Хорезме (Курганча, VII — начало VIII в.). Такое наблюдение, вытекающее из результатов химического анализа раннесредневековых стекол, интересно в другом аспекте — в этот период в разных частях Средней Азии уровень развития технологии, особенно в области стеклоделия, находился на такой высокой стадии, что позволял ремесленникам разных районов Средней Азии пользоваться едиными рецептами стекла.

Таким образом, резюмируя все сказанное, можно отметить, что изученные средневековые стекла из Кара-тепе принадлежат к тем двум химическим типам стекол, которые сложились и получили широкое распространение на территории Средней Азии. Следовательно, химические анализы свидетельствуют о тесной связи Кара-тепе (и Термеза вообще) с окружающим миром, с другими районами Средней Азии. В то же время отсутствие в близрасположенных памятниках Бактрии-Тохаристана — Дальверзинтепа, Балалык-тепа и Гормали-тепа стекол, сходных с образцами из Кара-тепе, свидетельствует о бытовании в средние века в Термезе посуды иного состава и, возможно, о самостоятельном производстве стекла.

[7] *Brill R.H.* Report, с. 51—53.

Таблица

Химические анализы средневековых стекол из пещерного храма Кара-тепе (X — начало XIII в.)

Наименование и цвет анализируемых предметов	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	TiO_2	SO_3	MnO	K_2O	Na_2O	ППП	Сумма
1. Донце флакончика с косым орнаментом, зеленое с синеватым оттенком	59,58	2,26	1,81	9,27	4,94	0,05	следы	0,04	4,97	14,65	2,08	99,65
2. Венчик чаши, зеленый с синеватым оттенком	59,92	2,15	1,77	9,30	4,90	0,05	"	0,04	4,22	15,23	2,14	99,72
3. Верхняя часть чашечки с косым орнаментом, бесцветная, с синеватым оттенком	58, 54	4,38	1,78	9,73	4,70	0,05	"	0,02	3,96	14,30	2,24	99,70
4. *Стенка сосуда* с орнаментом, бесцветная, с синеватым оттенком	58,61	4,30	1,88	9,80	4,95	0,08	"	0,03	3,98	13,96	2,00	99,62

Таблица (окончание)

Наименование и цвет анализируемых предметов	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	TiO_2	SO_3	MnO	K_2O	Na_2O	ППП	Сумма
5. Горлышко флакончика, бесцветное, с синеватым оттенком	59,12	4,47	2,06	9,85	4,31	0,07	следы	0,03	4,06	13,68	2,16	99,81
6. Стенка сосуда с точечным орнаментом, бесцветная, с синеватым оттенком	59,01	2,16	0,92	9,86	4,13	—	"	0,03	4,51	15,98	2,22	99,71
7. Стенка сосуда с косым орнаментом, бесцветная, с синеватым оттенком	58,63	2,58	1,47	10,91	4,60	0,06	"	0,02	4,62	14,63	2,16	99,72

Химические анализы выполнены аналитиком М. Даврановой.

А.К. Елкина, Г.М. Майтдинова, В.А. Козловский

ОДЕЖДА КОНЦА IV—V вв. ИЗ СТАРОГО ТЕРМЕЗА

В апреле 1974 г. при постройке Большого Узбекского автомобильного тракта археологический отряд под руководством заместителя директора Термезского музея В.А. Козловского исследовал памятник «Курган», расположенный в северной части городища Старого Термеза.

Стационарные раскопки «Кургана» проводились еще в 1937—1938 гг. отрядом Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством В.А. Шишкина. Однако были изучены только одно северо-восточное помещение, небольшая часть северного коридора и восточный участок «Кургана». В результате исследования В.А. Шишкин пришел к выводу, что «Курган» представляет собой двухэтажное жилое здание VI—VII вв., построенное на месте разрушенного сооружения III—IV вв. Раннесредневековое здание погибло в 1220 г. во время татаро-монгольского нашествия[1].

В результате раскопок В.А. Козловского в 1974—1975 и 1980 гг. в «Кургане» были вскрыты в основном все помещения и коридор[2]. Под полом помещения 1 и стеной, отделяющей помещение 2, на натечном слое толщиной 20 см обнаружено массовое захоронение: 26 костяков, которые были положены друг на друга в шесть ярусов. Среди них 13 мужских, 10 женских и 3 детских костяка. Возле останков погребенных были найдены медные скифатные монеты анонимного термезского чекана. Костяки первоначально покоились на спине в вытянутом положении. Одно захоронение совершено на суфе: под головой костяка лежал кирпич 30 × 30 × 12 см, а в ру-

[1] *Шишкин В.А.* «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. — Труды АН УзССР. Серия 1. История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Т. II. Таш., 1945, с. 98—132.

[2] *Козловский В.А., Шейко К.А.* Раскопки «Кургана» на городище Старого Термеза. — Краеведение Сурхандарьи. Таш., 1989, с. 52—62 (особенно с. 55—56).

ку покойника вложена серебряная монета Пероза (457) 459—484 гг.). Череп погребенного имеет цилиндрическую деформацию. В отчете В.А. Козловский отмечает, что «...в большинстве случаев захоронения производились в неокрашенной хлопчатобумажной одежде или же в окрашенной в красные, синие, зеленые цвета. На одном костяке сохранились шелковая рубашка, красный капюшон, под головой обнаружена ковровая ткань из сочетаний зеленых, желтых, синих, красных ниток».

В 1983—1984 гг. нами проводились исследования и реставрация тканей с территории Старого Термеза. Были привлечены ткани и одежды, извлеченные В.А. Козловским в 1974 г. из «Кургана» (фонд Термезского музея), а также остатки тканей, найденные в буддийском культовом центре Кара-тепе, — они происходят из слоя погребений в пещере 2 комплекса В. Исследуемые уникальные находки были изготовлены из волокон хлопка. Упомянутых в отчете В.А. Козловского шелковой одежды и ковровой ткани в фонде Термезского музея не оказалось.

Среди найденных образцов древнейших изделий из среднеазиатского хлопка имеются четыре рубахи, три пары штанов, предмет из синей и красной ткани, чулок, сшитый из целого куска, полотно с бахромой из нитей основы, шапочка-куколь из набивной красно-белой ткани, тонкая красная ткань и два небольших фрагмента тканей, найденных в обкладке бронзовых зеркал из Кара-тепе. Рубахи декорированы шелковой тканью, орнаментированной путем перевязки, и многочисленными бусами.

Все рубахи туникообразного кроя — одна полоса ткани, перегнутая пополам, образовывала стан рубахи; на уровне плеча пришиты рукава, сужающиеся к запястью. Самая большая из рубах очень широка в груди (рис. 89) — у нижних оснований рукавов, т. е. в самом узком месте, — 128 см. О размахе рукавов и длине самой рубахи ничего не известно, так как рукава и подол оборваны. Вероятно, при такой ширине это была длинная рубаха, ниже колен или до пят. Средняя и детские рубашки (рис. 90, 91) намного у́же: первая — 62 см, а вторые — 57 и 60 см в груди. Большая рубаха расширяется книзу сразу из-под рукавов, а три меньшие снабжены по бокам клиньями. Вставки-клинья по бокам подола в средней рубахе имеют понизу обработанные разрезы-шлицы. Таким образом, на этих рубахах намечено что-то вроде талии для опоясывания. Ворот средней рубахи и одной детской оторочен прямой полоской ткани по круглому вырезу. Слева от

Рис. 89

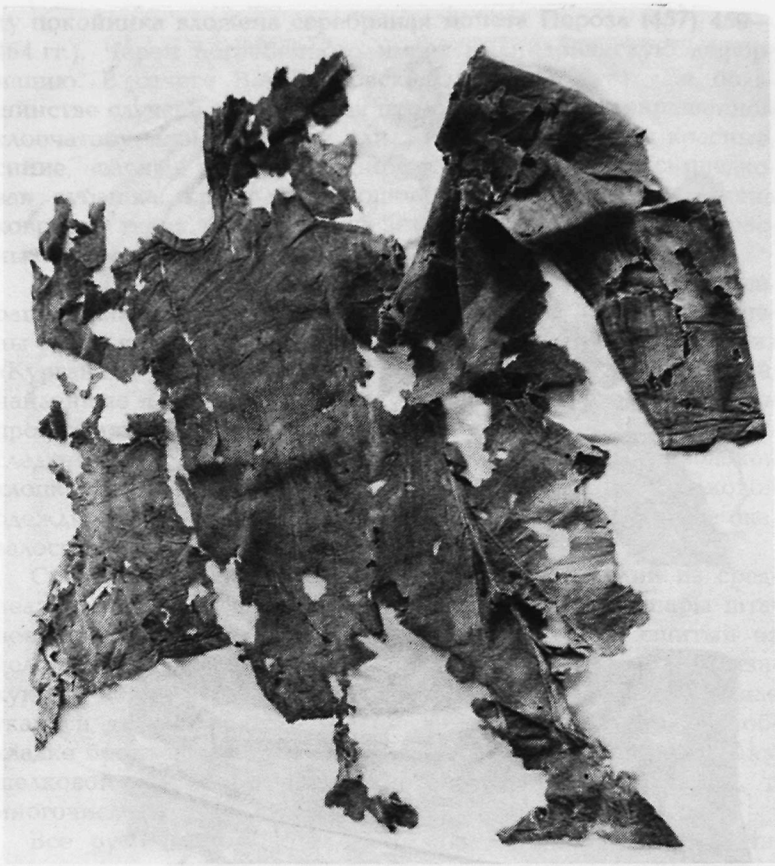


Рис. 90

ворота сделан разрез. На детской рубахе разрез сдублирован полоской ткани и закрывался клапаном шириной 2,5 см. На дублировочную ткань разреза пришита витая петелька, к которой, видимо, крепился утолщенный конец обшивки ворота. Перед рубахи украшал нагрудник из орнаментированной (орнамент получен путем перевязки) голубой в белый кружочек ткани. К нему были пришиты две шелковые ленточки. Под мышками рукава сохранили остатки вставных клиньев. Концы рукавов подогнуты на 1 см и подшиты. Подол рубахи подрублен на 1,5 см и аккуратно подшит. Края средней рубахи также обработаны ровным подгибом в 2 см шириной. Конструктивные швы заделаны. На маленькой рубашке № 2

Рис. 91

также с одной стороны сохранился разрез шлицы. Все края этой одежды — подол, рукава, разрез ворота и разрез сбоку — не обработаны и не имеют следов исчезнувшей обшивки другой тканью. Разрез ворота маленькой рубашки выполнен ниже плечевого сгиба в виде горизонтальной прорези длиной 13 см, от которой по краям вверх до сгиба идут вертикальные надрезы 4,5 см высотой, образующий клапан кусок полотна свободно свисает. Обе ли боковые вертикальные линии разрезаны, или одна из них надорвана много позднее, установить в настоящее время невозможно. Форма ворота, таким образом, выяснена недостаточно. Ворот большой рубахи выполнен особым образом. Здесь сначала был сделан обычный округлый вырез под шею и от него слева идет вертикальная прорезь — косоворотка длиной 25 см. Косой ворот был обработан длинной полосой ткани другого сорта, служившей застежкой и украшением. Эта лента перекидывалась через плечо и пристегивалась за две петельки, пришитые чуть левее от середины выреза на спине. Петельки хорошо сохранились. Они представляют собой два прямых обметанных шнурочка, пришитых параллельно друг к другу и плотно прилегающих к ткани. От полосы застежки ворота спереди сохранились на рубахе следы проколов и остатки полушелковой ткани. Передняя часть рубахи обнаруживает следы случайно разбросанных проколов — раздвижек на ткани, как от тупой толстой иглы. Эти следы встречаются в виде полосы на груди от ворота вниз шириной 30 см, длиной 70 см. Такие же проколы-раздвижки нитей имеются и на двух других рубашках. Эти следы неравномерно разбросаны по полотну. Особенно заметны и многочисленны они на детской рубашке. Уловить какой-либо ритм в этих проколах не удается. Это не следы узорного шитья. Вероятнее всего, это места крепления к одеждам каких-либо мелких украшений типа бусин, амулетов и т. п. Можно только приблизительно обозначить границы размещения этих отверстий на рубахах. На больших рубашках это широкая полоса спереди от ворота вниз примерно до колен. Во второй детской рубахе прослеживается более сложная форма расположения проколов. Сначала идет сверху широкая полоса, а затем она резко сужается и спускается до самого низа рубахи ровной полосой. На этой рубашке имеются также единичные отверстия на рукавах, ближе к плечам. Рукава всех трех рубах сужены к запястьям.

Среди сохранившихся одежд имеются три пары штанов традиционного кроя: из двух полотнищ-штанин и вставкой-мотней для шага (рис. 92, 93). В одном случае мотня квадрат-

Рис. 92

ная и прямоугольная, а в другом она сзади состоит из двух прямоугольников; спереди двухчастная — четырехугольник, к которому пришиты два клина сверху. В этих штанах верх подшит на 2,5 см швом вовнутрь, а низ не обработан. В паре, сохранившейся полностью, пояс не заделан, у вторых штанов (с оторванной штаниной) заделан верхний край для вздержки шнурка. По бокам штаны имеют разрезы от пояса вниз: од-

Рис. 93

ни — на 27 см, другие — на 37 см. Разрезы не заделаны. Ширина использованных полотен тканей от кромки до кромки — 54 и 60 см.

Имеется неопознанный предмет с заделанным краем и шнурком — жгутом нитей для вздержки, сшитый из кусков красной и синей ткани. Возможно, это части набедренной одежды (рис. 94).

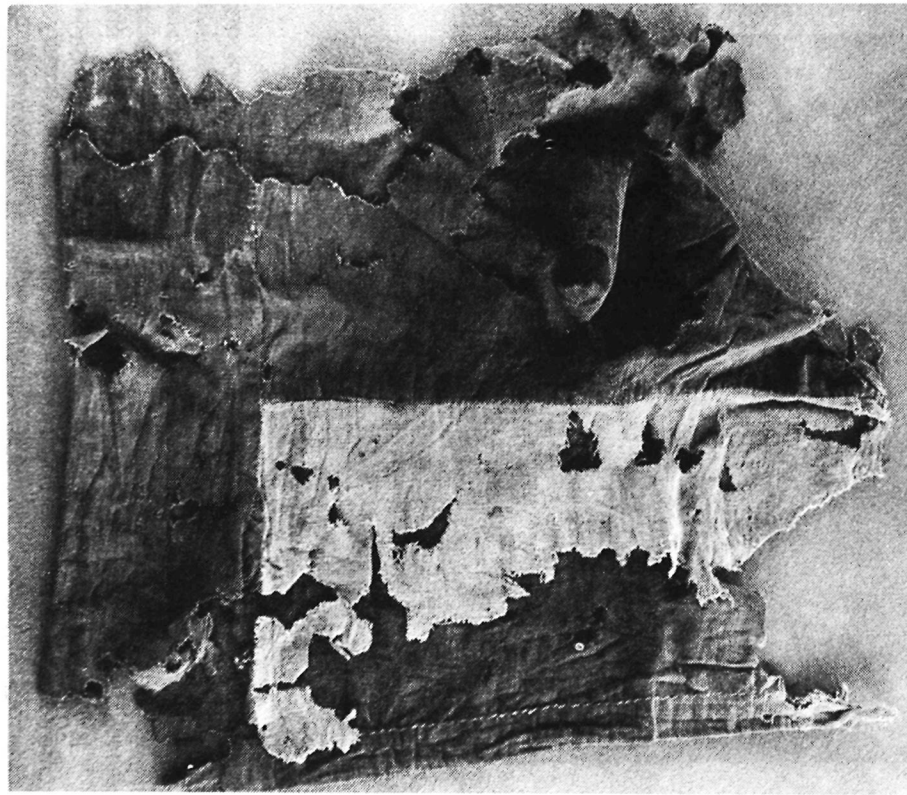


Рис. 94

Рис. 95

В термезской коллекции есть чулок длиной 36 см, который сшит из целого куска ткани 36 × 25 см, зауженного книзу и сшитого в форме ножен. Сверху, в области щиколотки, сохранилась тонкая ниточка-завязка. Форма носка (чулка) с обвязкой по щиколотке сходна с обувью, изображенной на живописях Афрасиаба и Пенджикента (рис. 95).

Редчайшим образцом в коллекции тканей из Старого Термеза является единственная шапочка-куколь в виде капюшона, сшитая из орнаментированной красной ткани (рис. 96)

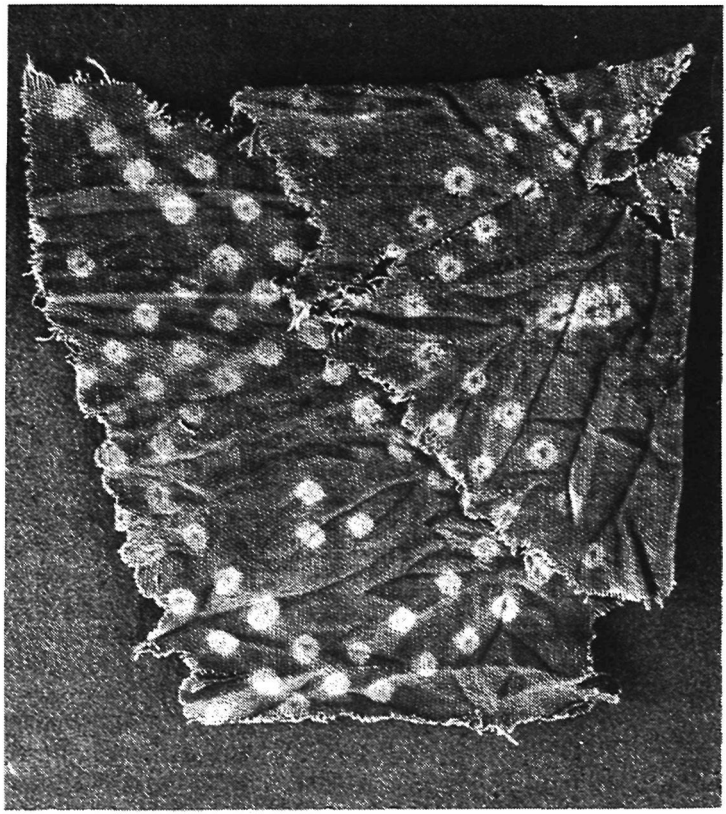


Рис. 96

Это кусок полотна 50 × 24 см, сложенный вдвое и сшитый с одной стороны. Узор сделан отваром марены красильной путем перевязки ткани нитками. Рисунок из кружочков светлого цвета на красном фоне. Расположены эти кружочки с точкой в середине таким образом, что из них образуется клетчатый узор довольно большого масштаба: 30 × 30 см.

Все одежды сшиты из тканей, сотканных из хлопчатобумажных нитей полотняным переплетением.

Нити основы и утка́ в этих тканях не различаются между собой по качеству. Хлопковое волокно всех изделий спрядено круткой Z, что означает применение при прядении самого простого прибора — ручного веретена. Полотна сотканы из простой пряденой единичной нити в основе и утке́.

Разница в тканях между основой и утко́м только в плотности нитей. Число нитей основы на 1 см во всех тканях приблизительно в два раза больше, чем в утке́.

В нескольких изделиях сохранились обе кромки, что дает возможность узнать ширину вырабатывавшихся на станках полотен. Ширина тканей колеблется: 54, 60, 65 см. Отличается полотно самой большой рубахи, имеющее ширину вдвое большую — 118 см от края до края. Кромки ничем не выделяются на полотне, лишь утолщены две единственные крайние нити, где вместо одной взяты две.

В основном ткани, достаточно грубые по фактуре, сотканы из неровно пряденных нитей, довольно толстых, простейшим полотняным переплетением. Плотности небольшие. Самая грубая ткань — полотно с бахромой имеет 12 нитей/см по основе и 7 нитей/см по утку́. Самая тонкая ткань — фрагменты неокрашенной ткани из Кара-тепе — имеет 22 нити/см по основе и 8 нитей/см по утку́.

Окраска большинства тканей визуально оценивается как светло-коричневая, неровная. Так выглядят все одежды. Этот цвет, вероятно, приобретен тканями за счет поглощения волокнами гумусовых веществ. Изначально ткани были белыми. Отсутствие в волокнах красильных веществ подтверждается спектрофотометрическим анализом. Три ткани обнаруживают сохранившиеся следы окрашивания.

Неопознанный предмет одежды сшит из кусков красного полотна с прямоугольной вставкой синего цвета. Фрагмент самой тонкой ткани также окрашен в красный цвет. Красным красителем в обоих случаях оказалась марена красильная, которую возможно выделить. Синяя ткань содержит индиго, также поддающееся извлечению из волокон. Ткани окрашивались в виде готового полотна. Это видно по срезу нитей, где внутренняя часть пряденой нити прокрашена слабее.

Исследование под микроскопом подтвердило оценку исходного сырья нитей одежд из Старого Термеза как хлопкового волокна, обладающего всеми характерными для него признаками. Ширина отдельных волоконец колеблется от 18 до 22 микрон. Для сравнения были измерены волоконца хлопчатобумажной ткани XIX в., которые оказались заметно тоньше — от 10—12 микрон. Результаты измерения термезских нитей, однако, трудно считать абсолютно точно отражающими истинные их размеры, так как ткани просуществовали в условиях захоронения более 1500 лет, что само по себе невероятно, и волокна их сильно денатурированы. Под микроскопом заметны следы денатурации хлопка в виде умень-

шившейся извитости самих волоконец и заплывших, слабо выраженных канальцев внутри них.

В покрое рубах и штанов отразился единый принцип кроя — максимальная экономия ткани, чтобы не было отходов; косые клинья выкраиваются из прямоугольного куска, разрезанного по диагонали. В большой рубахе из экономии ткани участки под рукавами собраны из мелких кусочков. В детских штанах мотня собрана из многочисленных фрагментов. Этот же принцип соблюден на покрое штанов, найденных в хуннских погребениях, в Ноинулинских курганах (Сев. Монголия), которые датируются рубежом нашей эры[3]. Термезские штаны сходны по покрою с ноинулинскими. Одни из штанов из Ноин-Ула сшиты из довольно грубой темно-пурпурного цвета шерстяной ткани, клин и набедренная часть кое-где сшиты из треугольных кусков ткани. Ноинулинская набедренная одежда, в отличие от термезских, не имеет боковых разрезов на бедрах, вверху, в поясе, они обшиты узкой полоской шелковой ткани, в которую продевался гашник, нижние концы штанин слегка присборены и обшиты полоской ткани. Такой покрой набедренной одежды, подобно хуннской, на рубеже нашей эры, вероятно, был распространен у кочевых народов.

Рубаха, сходная с термезским по покрою, обнаружена при раскопках «гуннского» могильника (долина Таласа, КиргССР), датируемого рубежом нашей эры[4]. Она тоже туникообразного кроя, имела боковые вставки с клиньями, воротник-стойку и сужающиеся к запястьям рукава.

Исследуемые одежды были не специально погребальными, а просто повседневными. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения одежд, аналогичные исследуемым подлинникам.

Наиболее раннее изображение сходных термезскому одежд запечатлено на рельефах Персеполя (V в. до н. э.) в изображении дрангианцев, арахотцев, парфян, мидийцев, саков, бактрийцев. Для названных персонажей характерны глухие рубахи и пояса с «узлом Геракла». Отличались головные уборы, способ ношения набедренной одежды и обувь. Штаны преобладали широкие и очень широкие, особенно у бактрийцев[5]. Учитывая, что археологические одежды найдены

---

[3] *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, с. 39—40, рис. 32, 33.

[4] *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940, табл. XXXI.

[5] *Горелик М.Б.* К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада. — Художественные памятники и проблемы Востока. Л., 1985, с. 39.

на территории Бактрии-Тохаристана, подробно остановимся на бактрийском комплексе.

Бактрийский костюм состоял из головной повязки, туникообразной рубахи с длинными, сужающимися к запястью рукавами, широких штанов, заправленных в высокие сапоги. Этот комплекс затем прослеживается на изобразительных памятниках кушанского времени Бактрии: рубахи с прямым воротом мы видим на статуе вельможи из Дальверзин-тепе[6] и на скульптурном портрете кушанского правителя из Халчаяна[7], датируемых рубежом нашей эры. Набедренная одежда на халчаянской скульптуре ниспадает мягкими складками, как одежда «персепольского» бактрийца. Подобная одежда того же времени запечатлена и в коропластике Согда[8]. Как бактрийские, так и согдийские рубахи длиной до колен. Исследования Бернарда Голдмана кушанского костюма[9] показали типичность описываемых рубах, их декора в Центральной Азии на рубеже нашей эры.

Бесспорной удачей для нашего исследования является сохранившаяся живопись Фаяз-тепе[10] — памятника, расположенного в полутора километрах от «Кургана» и датируемого II—III вв. Персонажи фаязтепинской живописи — юноши, одетые в рубахи с прямым воротом с левосторонним боковым вертикальным разрезом. Ворот, его разрез и рукава у запястья обшиты темной тканью. Рукава сужаются к запястью, но не облегают его. Фаязтепинские рубахи, очевидно, аналогичны нашей большой рубахе, что позволяет реконструировать недостающие детали. Вероятно, и на исследуемой рубахе рукава были длиной до запястья и обшиты цветным шелком, как и ворот. Возможно, ворот крепился завязками, продетыми сквозь витые петельки, которые расположены сзади чуть ниже левого плеча. Близка по покрою с исследуемыми рубахами и одежда персонажа с рукой, поднятой в жесте адорации, в ранней живописи Дильберджина (I—II вв.) в сцене «Шива и Парвати»[11]. Белая одежда адоранта очень длинная, украшена декоративными продольными полосами впереди и на плечах,

---

[6] *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусства Средней Азии. М., 1982, с. 56.

[7] Там же, с. 57.

[8] *Мешкерис В.А.* Коропластика Согда. Душ., 1977, табл. XXVI, 5; XXVII, 31, 39, 40.

[9] *Goldman B.* Parthians of Gandhara. — East and West. NS. Vol. 28. Rome, 1978, рис. 6.

[10] См.: *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. Таш., 1975, табл. 4.

[11] *Кругликова И.Т.* Настенные росписи Дильберджина. — Древняя Бактрия. М., 1976, с. 94, рис. 54.

где они заканчиваются поперечной линией. Прямой ворот закреплен завязками.

На более поздней дильберджинской живописи — в сценах «Богиня с предстоящими»[12] и «Предстоятельства»[13] — персонажи тоже одеты в рубахи с прямым воротом, но они короче по длине. Рукава и подол с боковыми разрезами обшиты широкой полоской цветной ткани. Возможно, так декорировалась большая рубаха. Характерно и то, что подол с боковыми разрезами чуть скошен вниз, как на термезской и кушанской рубахах. Рубахи носили с пояском. На этих же фрагментах живописи дана и набедренная одежда, заправленная в сапоги с длинными голенищами. Штаны у колен образуют густые складки, в другом случае одежда свободно ниспадает до щиколоток. Снизу штаны обрамлены широкой яркой тканью. Найденная набедренная одежда достаточно широка и позволяет предположить ношение ее аналогично изображенному в живописи. Комплекс одежды полностью повторяет древнебактрийский. Только в отделке одежды стали использовать красочные ткани: ими стали обшивать ворот, рукава, подол и боковые разрезы. Кроме того, обшивался и низ штанов. Одежда на живописи по покрою аналогична термезской. В археологической одежде, с застежкой на плечах, лишь отсутствует отделка цветными тканями. Это связано, видимо, с социальным положением носителей одежды: на дильберджинской живописи изображена знать, а термезская принадлежала рядовым горожанам.

Сильно оттянутые отверстия от проколов на «курганных» рубахах, возможно, свидетельствуют о том, что они были расшиты многочисленными украшениями спереди, как наряды погребенных на Тилля-тепе (I в. н. э.), где от одежды сохранились нити золотого шитья и многочисленные золотые нашивки[14]. По типу украшения, видимо, совпадают с теми, что видны на рубахе статуи из Сурх-Котала[15] или на статуе из Хатры[16]. В погребении найдены многочисленные бусы из сердолика, лазурита, нефрита, стекла и пр. Возможно, они

---

[12] Там же, с. 97, рис. 56.

[13] *Кругликова И.Т.* Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина. — Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979, с. 122, рис. 2; с. 132, рис. 19.

[14] *Сарианиди В.И.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984, с. 114, 146, 152, 153.

[15] *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 138.

[16] *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 167.

служили нашивками одежды. Найдены и зооморфные подвески.

Среди фрагментов одежды из «Кургана» имеется один, сшитый из красной ткани со вставкой синего текстиля. Как видим, при шитье одежды комбинировали разноцветные ткани. Этот прием виден и в одежде фаязтепинских и дильберджинских персонажей.

Традиция термезской одежды прослеживается в изобразительных источниках раннего средневековья. Сходная одежда отражена на серебряной чаше со сценой «Свадебного пиршества»[17]. На рубахе, показанной на чаше, отчетливо видны боковые разрезы на клиньях подола. Похожий костюм запечатлен на серебряных сасанидских чашах V—VI вв. со сценами охоты и приемов Хосрова Ануширвана, на блюде с изображением часового механизма трона Хосрова II[18], в росписи керамического сосуда из Мерва[19] и в живописи Афрасиаба[20], Варахши[21], Пенджикента[22]; Аджина-тепе[23], Бамиана[24], Балалык-тепе[25], Калаи-Кафирнигана[26]. На живописи Балалык-тепе и Калаи-Кафирнигана рубахи скрыты под верхней одеждой. Балалыктепинские рубахи имеют прямой ворот и расширяющиеся раструбом рукава, а калаикафирниганские — тоже прямой ворот, но рукава, суженные к запястью. Длина одежды в живописи из Калаи-Кафирнигана — до щиколоток. Аджинатепинские рубахи имеют длинные рукава, суживающиеся к запястью, и стоячий ворот с левосторонним разрезом, а бамианские — прямой ворот и, вероятно, длинные рукава (они изображены подвернутыми до локтей). Тохаристан-

---

[17] *Ставиский Б.Я.* К югу от Железных ворот. М., 1977, с. 42, рис. 21.

[18] *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана, с. 167, 168, 170, 183.

[19] *Рempель Л.И.* Эпос в живописи Средней Азии. — Из истории живописи Средней Азии. Таш., 1984, рис. 11.

[20] *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба, табл. VI, XXIII, XXVII, XXXV.

[21] *Шишкин В.А.* Варахша. М., 1963, табл. XIV.

[22] *Беленицкий А.М.* Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. — Археологические работы в Таджикистане. Вып. 6 (1958). Сталинабад, 1961, с. 94, рис. 6; *Azarpay G.* Sogdian Painting. L., 1981, с. 31, рис. 6; с. 98, рис. 44; с. 121, рис.53; с. 56, рис. 23—24.

[23] *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-Тепа. М., 1971, с. 166—167, рис. 5—6.

[24] *Tarzi Z.* L'Architecture et le Décor rupestre des Grottes de Bamian. P., 1977.

[25] *Пугаченкова Г.А., Рempель Л.И.* История искусств Узбекистана. М., 1965, рис. 113—116.

[26] *Литвинский Б.А.* Настенная живопись Калаи-Кафирнигана. — Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с. 120, рис. 2.

ские рубахи отделаны тканью, отличающейся от основной одежды.

Афрасиабские рубахи из однотонных тканей имеют прямой ворот, подол с боковыми разрезами и широкие манжеты, обшитые шелками *занданечи*. Такой же крой и одежды, сшитой целиком из шелков занданечи. Это одежда знати, соответственно и отличается длина: до щиколоток. Но всадники в сцене «Охоты» и «восточнотуркестанские» дароносцы в этих изображениях облачены в светлые рубахи с воротником-стойкой, имеющие разрез впереди на подоле, а не сбоку. Эти рубахи подложены красной тканью, но не оторочены. На аналогичной пенджикентской рубахе подол и клинья сбоку обшиты декоративной тканью[27]. В «Сцене в лодке» афрасиабской живописи женщина с веслом и «впередсмотрящая» облачены в платья-рубахи туникообразного кроя[28], сходные с платьями на росписях оссуария из Ток-кала (древний Хорезм)[29].

На одной пенджикентской одежде видны завязки ворота на левом плече[30]. В отличие от афрасиабских рубах в пенджикентских кроме манжет и подола с боковыми клиньями отделывались тканью и плечи. Аналогичные рубахи можно видеть и на живописи Варахши.

Рубахи, сходные с пенджикентскими и археологическими подлинниками, в период раннего средневековья распространяются и в Китае[31]. Аналогичные пенджикентским и афрасиабским одежды имеются на фреске из Дуньхуана в сцене «Оплакивания народами Будды»[32]. Похожие рубахи-туники, появившиеся в позднюю римскую эпоху, в период раннего средневековья становятся традиционными и для византийского костюма[33].

Исследования М.В. Горелика показали, что и в XII—XIX вв. рубахи туникообразного кроя с прямым воротом сохраняются в комплексе одежды народов Ближнего и Среднего Востока[34].

---

[27] *Беленицкий А.М.* Об археологических работах, с. 94, рис. 6.

[28] *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба, табл. XXXVIII.

[29] *Гудкова А.В.* Ток-кала. Таш., 1964, с. 96, рис. 27.

[30] *Azarpay G.* Sogdian Painting, с. 56.

[31] *Шэн Цунвэн.* Чжунго гудай фуши яньцзю (Изучение древнекитайского костюма). (На кит. яз.). Сянган, 1981, рис. 212.

[32] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII—XIII). М., 1984, цветная вклейка.

[33] *Каминская Н.М.* История костюма. М., 1977, с. 30—32.

[34] *Горелик М.В.* Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма). — СЭ. 1972, № 2,

Аналогии термезской одежде мы встречаем и в современной национальной одежде многих центральноазиатских народов, народов Восточной Европы. Подобного кроя рубахи и набедренные одежды встречаются в традиционной мужской и женской одежде каракалпаков, казахов, таджиков, туркмен, киргизов, таджиков Афганистана и персов Ирана[35], в одежде уйгуров и таджиков Синьцзяна, у народов Поволжья. Однако внутри каждого из намеченных ареалов наблюдаются существенные различия в форме одежды. Распространение в столь обширном регионе сходного кроя одежды не случайно. По мнению Е.Е. Кузьминой, подобный костюмный комплекс сформировался во второй половине II тысячелетия до н. э. в среде носителей андроновской культуры[36]. Варианты андроновской этнокультурной общности распространились от Волги до Сибири и юга Средней Азии. Видимо, на этой территории существовала и сохранилась сходного кроя одежда, удобная для верховой езды, приспособленная к подвижному быту и климатическим условиям.

В термезской одежде отразилось и мировоззрение ее носителей. Не случайно, видимо, не обшиты края детской одежды, так как многочисленные мелкие дырочки вокруг ворота и переда свидетельствуют о некогда существовавшем декоре; следовательно, одежда была завершена и даже какое-то время носилась (оттянутые нити от нелегких украшений, которые были прикреплены). Не исключено, что неподшитые края одежды связаны с магическими представлениями в обществе, сходными с этнографическими параллелями таджиков и узбеков. Например, таджики Каратегина и Дарваза на детских рубахах подол и рукава не подшивали. Делали это для того, чтобы рубец не натер тело ребенку, но главное — это являлось своеобразным оберегом, призванным ограждать жизнь ребенка от всяких несчастий, способствовать тому, чтобы он хорошо рос, не болел, был красивым, чтобы не подвергался сглазу, чтобы после него еще рождались дети. В Каратегине, к примеру, в старину подол рубах у девочек из-за боязни нарушить благополучие не подрубался до самого замужества[37]. Известно, что и в узбекской одежде подол и рукава

с. 37—49; *он же.* Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. — Костюм народов Средней Азии. М., 1979, с. 49—69.

[35] *Люшкевич Ф.Д.* Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. — Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978, с. 126 (там же библиография).

[36] *Кузьмина Е.Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, с. 83—84.

[37] Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душ., 1970, с. 117—118.

обычно не подшивали, придавая этому значение оберега[38]. Иногда не подшивали подола платья молодых женщин и малых детей до рождения следующего ребенка: верили, что подшивание подола может привести к сокращению рождения детей[39]. Треугольная вставка мотни швом наружу на детских штанах (эта набедренная одежда, судя по антропологическим данным, принадлежала девочке-подростку), видимо, тоже связана с функцией оберега. Вероятно, считали, что треугольник с бахромистыми краями «защитит» детородный орган от различных несчастных случаев.

Таким образом, анализ археологических, изобразительных и этнографических источников показывает традиционность исследуемых одежд из «Кургана» в Старом Термезе. Простота кроя, практичность способствовали популярности такой одежды на протяжении многих веков. Открытие одежд из «Кургана», ее исследование позволяют частично восстановить эволюцию традиционного костюма народов Средней Азии. Покрой рубах и штанов оставался неизменным в течение тысячелетий. Менялись длина, ткань, из которой шилась одежда, способ ее ношения, декор: в них отражалась специфика культурных традиций каждого народа. Сложение в обширном регионе единого кроя одежды свидетельствует о тесных многовековых этнических и культурных взаимосвязях народов.

Приложение

Одежды из хлопчатобумажных тканей из Старого Термеза

Наименование предмета	Размеры (см)	Плотность тканей (нитей/см) по основе и утку. Крутка нитей		Видимый цвет	Красители
1	2	3		4	5
Рубаха средняя	Дл. — 102, шир. в размахе рукавов — 178, шир. груди — 62	12—14 н/см Z крутка	7—8 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Рубаха для подростка	Дл. — 70, шир. — 109, шир. груди — 56	16 н/см Z крутка	8 н/см Z крутка	светло-коричневатый	

[38] *Абдуллаев Т.А., Хасанова С.А.* Одежда узбеков (XIX—начала XX в.). Ташк., 1978, с. 16.

[39] *Бикжанова М.А.* Одежда узбечек Ташкента XIX—начала XX в. — Костюм народов Средней Азии. М., 1979, с. 134.

Приложение (окончание)

1	2	3		4	5
Рубаха мужская	Дл. — сохран. не полностью — 102, шир. груди — 138	13 н/см Z крутка	7 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Рубаха для девочки	Дл. — 58, шир. в размахе рукавов — 116, шир. груди — 60	18 н/см Z крутка	10 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Штаны для девочки	Дл. — 70, шир. — 68, шир. штанины — 33	12 н/см Z крутка	7 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Штаны для подростка	Дл. — 85, шир. — 54; имеется кромка, шир. полотна — 54	18—19 н/см Z крутка	7 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Штаны фрагментированные	Дл. неизвест., шир. — 60	15 н/см Z крутка	8 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Чулок	Дл. — 36, шир. — 12,5	15 н/см Z крутка	8 н/см Z крутка	светло-коричневатый	
Шапочка-куколь	24 × 25 (вдвое сложенная ткань)	15 н/см Z крутка	8 н/см Z крутка	красная с белым орнаментом	
Предмет одежды (неопознаваемый)	57 × 58	19 н/см Z крутка	14 н/см Z крутка	синяя и красная ткань	индиго, марена красильная
Кусок полотна с бахромой	140 × 65. Имеется кромка, шир. полотна — 65	12 н/см Z крутка	7 н/см Z крутка	белая	
Фрагмент тонкой ткани	45 × 28	21 н/см Z крутка	12 н/см Z крутка	красная	марена красильная
Ткань возле зеркала	20 × 2,58	16 н/см Z крутка	8 н/см Z крутка	белая	
Ткань возле зеркала	2 × 2	22 н/см Z крутка	8 н/см Z крутка	коричневатая	

Ш.Р. Пидаев

НОВЫЕ ДЕТАЛИ КАМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ С ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА

Среди областей Средней Азии каменные детали архитектуры чаще всего встречаются в городах древней Бактрии, к которым относится и городище Старого Термеза. Еще в 1936—1938 гг. во время археологических раскопок, проведенных Термезской археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ), здесь было собрано немало разнообразных каменных деталей. Этим находкам была посвящена специальная работа Г.А. Пугаченковой[1]. В этой работе были довольно подробно рассмотрены вопросы их изготовления, место добычи сырья, характер сюжетов, мотивов и некоторые аспекты сложения и развития бактрийской художественной культуры. Каменные детали архитектуры, найденные в последние годы на городище, преимущественно связаны с буддийским центром на Кара-тепе. Они опубликованы в сборниках, посвященных этому памятнику[2].

В последнее время на городище Старого Термеза Термезским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР на различных участках древнего города были найдены разнообразные каменные фрагменты. В данной статье мы не преследуем цели всестороннего анализа всех деталей архитектуры, найденных Термезским отрядом, а ограничимся лишь рассмотрением трех находок.

Первая — капитель пилястра коринфского типа — была найдена в одном из помещений VI строительного горизонта в шурфе 1 на цитадели городища. Капитель несколько повреж-

---

[1] *Пугаченкова Г.А.* Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. — Труды АН УзССР. Сер 1. Термезская археологическая экспедиция. Т. 2. Таш., 1945, с. 65—81.

[2] *Ставиский Б.Я.* Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг. — Кара-тепе I, с. 25—27; *он же.* Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг. — Кара-тепе II, с. 139—169; *он же.* Капители древней Бактрии. — СА, № 2, 1972, с. 41—50.

дена, сбиты загибы листьев аканта и волюты (частично). Тем не менее она сохранила свою первоначальную изысканность. Высота капители — 20 см, основание — 23,5 см, верх — 35,5 см. Капитель украшена четырьмя листьями аканта: два крупных, удлиненных листа расположены горизонтально и обращены в разные стороны, третий, центральный, изображен стоящим вертикально, он широколистный, а четвертый также расположен в центре, несколько ниже третьего, размеры его в три раза меньше. Центральные прожилки листьев аканта на капители слабо выражены. Загибы листьев несколько выступают вперед. Угловые волюты вырезаны декоративно вогнутыми в два разворота по спирали и заканчиваются круглым выпуклым глазком. Астрагал и абака капители переданы в виде прямоугольных плит. В центре их имеются гнезда для закрепления капители со стволом и потолком. Верхнее гнездо квадратное (6 × 6 см), глубина — 4 см. Гнездо скрепляло капитель со стволом колонн, оно имеет прямоугольное очертание (3 × 6 см), в центре его расположено квадратное углубление, обеспечивавшее прочность крепления.

Изображения на капители выполнены с большим мастерством. Листья аканта красиво изогнуты, волюты плавно изогнуты. В целом характер и техника изображения на капители дают основание считать, что данная капитель ранняя по времени и мастер-каменотес, вырезавший ее, был знаком с традициями греко-бактрийской архитектуры.

Капитель не находит себе прямых аналогий в Бактрии. Однако она имеет определенное сходство с капителями пилястр, найденных на Кара-тепе в Старом Термезе[3], Хатын-рабаде[4], Сурх-Котале[5], Шамкале[6] и во многих других памятниках. Особенно большую близость она обнаруживает с капителями из Термеза[7], Шахринау[8] и Айртама[9]. Сходство от-

[3] *Ставиский Б.Я.* Фрагменты каменных рельефов, с. 158—164, рис. 38—39.

[4] *Пугаченкова Г.А.* К изучению памятников Северной Бактрии. — ОНУ. 1968, № 8, с. 32.

[5] *Schlumberger D.* The Excavations at Surkh-Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. — Proc. Brit. Acad. L., vol. 42, 1961, с. 90—91.

[6] *Dagens B.* Fragments de sculpture inedits. — MDAFA, 19. P., 1964, с. 37—38, рис. XXIV.

[7] *Пугаченкова Г.А.* Фрагменты эллинистической архитектуры, с. 74—75, рис. 7.

[8] *Мухтаров А.* Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан). — Изв. ООН АН ТаджССР. 1968, № 3, с. 37—40.

[9] *Массон М.Е.* Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. (Материалы Узкомстариса, 1). Таш., 1933; *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, с. 149—158, табл. 45—49.

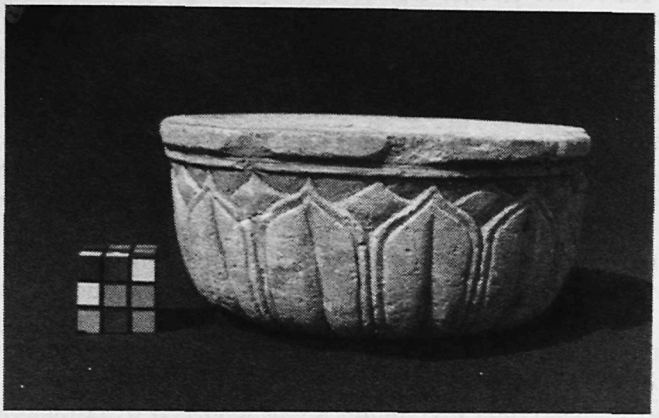


Рис. 97

четливо прослеживается в передаче центральных прожилок листьев аканта, мягкости изгибов, рельефных глазков волют и, конечно, в высокой технике их изготовления. Сходные черты, видимо, не случайны и объясняются относительной хронологической близостью этих находок. Слой, в котором была найдена капитель, на основании керамического материала и его аналогий датируется позднекушанским временем. Однако капитель была найдена в заполнении помещения. Следовательно, капитель более ранняя, чем слой, в котором она была найдена, и чем слой, который ее покрывал. По всей вероятности, она относится к раннекушанскому времени.

Вторая капитель, венчавшая круглую колонну, была найдена в шурфе № 1 на территории цитадели на уровне пола четвертого строительного горизонта (сверху) (рис. 97). Помещение, в котором была найдена эта капитель, вскрыто частично, и поэтому трудно определить, в какой части помещения она стояла.

Капитель в плане круглая, в сечении цилиндрическая. Диаметр капители поверху — 35,5 см, высота — 16 см. Она украшена орнаментом в виде распускающегося многолепесткового лотоса. Орамент венчает абаку в виде ступенчатого диска. Лепестки лотоса выполнены очень четко, рельеф глубокий. Всего по диаметру капители расположено 12 симметричных лепестков лотоса. Между лепестками первого ряда изображен следующий ряд лепестков. Орнамент капители вырезан рукой искусного каменотеса, о чем свидетельствует техника его

исполнения. В центре капители у основания имеется квадратное гнездо со стороной 3 см для крепления со стволом колонны. Такое же гнездо находится и в центре верхней поверхности барабана. В отличие от нижнего верхнее гнездо имеет в плане округлое очертание диаметром 6 см. Верхняя поверхность капители гладко отесана.

Капители колонн, оформленные в виде цветков лотоса, на территории Бактрии были известны и ранее. Однако они встречаются крайне редко и в основном во фрагментарном виде, что ставило под сомнение их принадлежность к капителям. В частности, обломок капители (?) с изображением лотоса был обнаружен в комплексе Б на Кара-тепе[10].

Мотив лотоса очень популярен у многих народов Востока еще с глубокой древности, и поэтому его семантика довольно разнообразна. В частности, у египтян лотос символизировал добро, свет и любовь[11].

Лотос выступал и солярным символом. В буддийской религии лотосу было уделено особое значение. Он символизировал божественное происхождение и причастность к Будде, означал «чудо рождения Будды». Поэтому не случайно широкое распространение изображений лотоса в буддийском искусстве. Лотосом украшали керамические сосуды, крышки реликвариев, изображения цветков часто встречаются в настенной живописи, ими оформлялись основания ступ, постаментов буддийских статуй, троны и детали архитектуры. Здесь небезынтересно отметить, что рассматриваемая нами капитель из Термеза украшена двенадцатилепестковым цветком лотоса, что имело определенное значение и означает состояние нирваны. Это еще один яркий пример влияния концепций буддийской религии на все сферы искусства кушанской Бактрии. Однако это вовсе не означает, что такие капители украшали обязательно буддийскую культовую постройку, они вполне могли использоваться и в сооружении другого культа или в светской постройке. На эту особенность капителей Бактрии кушанского времени указывал Б.Я. Ставиский[12].

Слой, в котором была найдена данная капитель, на основании керамики и монетных находок датируется позднекушанским периодом. Это, видимо, не случайно, так как именно с этим временем связан один из этапов расцвета буддизма и

---

[10] *Ставиский Б.Я.* Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг. — Кара-тепе II, с. 74.

[11] *Померанцева Н.А.* Поэтика лотоса в Древнем Египте. — Сообщения ГМИНВ. Вып. 9. М., 1977, с. 96.

[12] *Ставиский Б.Я.* Капители древней Бактрии, с. 48.

Рис. 98

буддийской культуры, в том числе и в Старом Термезе. Широкое распространение изображений лотоса в изобразительном искусстве Бактрии также падает на этот период.

Среди рассматриваемых деталей каменной архитектуры особое место занимает фриз, или рельеф (рис. 98). Он был найден в 1983 г. недалеко от буддийской ступы Зурмала, среди хлопковых полей. Сохранившаяся высота его — 38 см, ширина в нижней части 34 см, в верхней — 41 см, толщина — 12—17 см. Тыльная сторона неровная. Все четыре стороны фриза отбиты. Тем не менее даже сохранившиеся его остатки представляют большую историко-художественную ценность. На фризе изображение представлено в нескольких ярусах. В нижнем поясе листья аканта чередуются с тигриными или львиными головами. Широкая морда хищника передана в фас, четко изображены большая пасть и уши зверя. В передаче листьев аканта подчеркнута особо толстая центральная прожилка, которая заканчивается сильно высту-

пающими вперед листьями. Слева на краю фриза сохранилось изображение левого уха Будды (?). Изображения первого ряда пояса отделены от второго ступенчатой горизонтальной полосой.

На втором поясе погрудное изображение людей под овальнокилевидной аркадой. Здесь сохранилось четыре таких изображения (два крайних частично отбиты). Грудь людей изображена в фас, а голова слегка повернута вправо, нос прямой, крупный, глаза полуприкрыты веками, уши большие с вытянутыми мочками, волосы собраны в пучок. В правой руке каждый держит букет цветов, переданный в виде трех рельефных ромбиков. Арка сплошь украшена треугольными зубчиками. Свободное пространство между аркадами заполнено трилистниками.

Над аркадой изображены выступающие вперед по отношению к изображениям первого и второго рядов листья аканта, чередующиеся с триглифами. Изображение листьев аканта идентично изображениям листьев первого яруса. Над ними расположены трехступенчатые зубцы. Потом идет гладкая горизонтальная полоска. Выше этой полоски помещается скульптурная решетка, затем горизонтальная полоска, а в самом верху — трехступенчатые зубцы.

Изображения на фризе выполнены в четких, изысканных пропорциях. Каждая деталь вырезана с большим умением и знанием. Мастерство каменотеса особенно хорошо выражено в компоновке орнаментальных поясов. Здесь в древности фриз, видимо, был позолочен, о чем свидетельствуют следы красной охры, которая сохранилась на многих участках (известно, что красная охра служила грунтовкой для позолоты).

Общая композиция фриза не находит себе аналогий в искусстве Средней Азии, в том числе и в самой Бактрии. Неизвестна она и за пределами Средней Азии. Однако изображения каждого пояса в отдельности довольно типичны для Бактрии, хотя известны преимущественно по находкам из буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе. Значительно чаще они встречаются в искусстве Гандхары. В частности, изображение первого пояса, где переданы тигры (львы) на фоне листьев аканта, находит сходство с изображениями тигров из Кара-тепе — там звери изображены как бы в прыжке[13]. Возможно, и наши тигры были переданы в такой позе. К сожалению, они не сохранились. Изображения тигров встречены и на капителях из Шамкалы в Южной Бактрии[14].

[13] *Ставиский Б.Я.* Фрагменты каменных рельефов, с. 149—152, рис. 31—32.
[14] *Dagens B.* Fragments de sculpture inedits, с. 37—38, рис. XXIV.

Образ хищника несколько чаще встречается в рельефах Индии, где звери переданы в разнообразных позах и поворотах[15]. В данном случае особенностью термезских тигров, отличающей их от индийских, является то, что они изображены на фоне листьев аканта, что не было характерно для искусства Индии.

Образ тигра (льва) широко распространен в древнем искусстве и архитектуре Среднего Востока и Индии. Не будем здесь подробно останавливаться на вопросах генезиса этого образа и его семантики, ограничимся лишь упоминанием о том, что этот образ получил особенно массовое распространение в буддийском искусстве. Этому способствовало, по всей вероятности, особое толкование образа тигра (льва) в буддийской религии — так называли иногда Будду Шакьямуни. Поэтому не случайно мы видим их на рельефе ступы из Амаравати[16], буддийские персонажи, восседающие на спинах этих хищников в рельефах Гандхары[17], протомы львов украшали троны царей[18]. Таких примеров очень много.

В Бактрии этот образ, судя по находкам, получил широкое распространение в позднекушанский период. В данный период помимо каменных изображений этот образ встречается в коропластике и особенно распространен в украшении керамических сосудов, встречавшихся почти во всех изучаемых кушанских памятниках, причем только в слоях позднекушанского времени. Как правило, это были штампованные налепы-изображения, украшались ими обычно полусферические чаши. Отдельные изображения выполнены довольно реалистично. Они больше похожи здесь на львов, чем на тигров. В данном случае образ львов (тигров) выступал в качестве оберега.

Изображение людей под аркадами также находит себе подобие среди каменных находок из Кара-тепе[19]. Сходство здесь выражено даже в мелких деталях, в частности в украшении рельефными треугольниками, зубчиками на внутренней стороне арок, в передаче цветков в виде трех ромбиков, в изображении головы людей в профиль и т. д. Во всем этом, видимо, выражается особенность термезских мастеров-каменотесов, которые создали свои художественные приемы в передаче многих деталей, что отнюдь не свидетельствует об ог-

---

[15] *Foucher A.* L'art greco-bouddhique du Gandhara. T. 1. P., 1905, с. 179, рис. 68, 91; *Ingholt H.* Gandharan Art in Pakistan. N.Y., 1957, с. 58, № 37; и др.

[16] *Foucher A.* L'art greco-bouddhique, с. 179, рис. 68.

[17] *Ingholt H.* Gandharan Art, с. 151—157, рис. 363, 577.

[18] Там же, с. 137—140, рис. 428, 457.

[19] *Ставиский Б.Я.* Фрагменты каменных рельефов, с. 146—149, рис. 33—36.

раниченности их в композиционных решениях. Яркими примерами этого являются другие находки архитектурных деталей из того же Кара-тепе — изображений людей в фас под аркадами[20]. Изображения людей под аркадами находят многочисленные аналогии в греко-буддийском искусстве Гандхары[21]. Сходство здесь наблюдается в позе человека и в украшении арок треугольными зубчиками. Причем арки овально-килевидной формы и конструкции, которые изображены на нашем рельефе, характерны для архитектуры Гандхары[22].

Вместе с тем и здесь имеется определенное различие. В частности, это можно увидеть в передаче букетов цветов. Эти цветы, как обычно, указывают на почитаемость буддизма. Изображения других сюжетов и мотивов на термезском рельефе: листья аканта, ступенчатые зубцы, карниз с триглифом и решетчатый парапет обнаруживают близкое сходство с рельефами той же Гандхары, а также с рельефами, капителями и другими каменными архитектурными деталями Бактрии. Вопросы происхождения этих мотивов и сюжетов, время и ареал их довольно хорошо освещены в литературе (в частности, в упоминаемой выше).

Несколько слов хотелось бы сказать здесь о сюжете композиции на рассматриваемом рельефе. Судя по всему, это небольшая часть крупного каменного барельефа, где в центре располагалась фигура Будды. Ухо, которое изображено на первом поясе, слева, видимо, и принадлежало Будде. Будда на фоне архитектуры — один из излюбленных мотивов изобразительного искусства Гандхары[23], который был широко распространен и на территории Бактрии. Нам кажется, что Б.Я. Ставиский прав, полагая, что многие фрагменты с этим мотивом из Кара-тепе принадлежали «одному или нескольким барельефам с изображениями архитектурных форм»[24]. По всей вероятности, эти изображения передают Будду в момент его выхода из святилища. Здесь небезынтересно еще и то, что эти фрагменты барельефов найдены именно на Кара-тепе — буддийском центре. Следовательно, можно сделать вывод, что подобные барельефы были связаны с религиозной принадлежностью украшаемых ими построек. Видимо, этим и определяются находки рассматриваемого нами рельефа рядом с буддийской ступой Зурмала. Возможно, он был одним из

---

[20] Там же, рис. 33—36.

[21] *Foucher A.* L'art greco-bouddhique, с. 41.

[22] *Пугаченкова Г.А.* Искусство Гандхары. М., 1982, с. 19—20.

[23] *Marshall J.* The Buddhist Art of Gandhara. Cambridge, 1960, с. 36.

[24] *Ставиский Б.Я.* Фрагменты каменных рельефов, с. 149.

основных элементов каменного архитектурного убранства данной постройки.

В связи с этим хотелось отметить неаргументированность предположения Л.И. Альбаума относительно функционального назначения Зурмалы, выдвинувшего тезис о том, что Зурмала является зороастрийской дахмой[25].

А.С. Стрелков и Г.А. Пугаченкова, специально обследовавшие в свое время Зурмалу, довольно убедительно доказывают, что этот памятник является остатками буддийской ступы[26]. Такой же точки зрения придерживаются М.Е. Массон, Б.Я. Ставиский и многие другие исследователи. Находки рассматриваемого рельефа с изображением Будды на фоне архитектуры рядом с Зурмалой дают дополнительное основание считать, что перед нами руины буддийской ступы.

Таким образом, на основании многочисленных аналогий, стилистических особенностей изображений, характера сюжетов и находок керамики, сделанных во время раскопок на Зурмале, можно предположить, что описанный выше рельеф относится к кушанскому (точнее, к позднекушанскому) времени.

Заканчивая на этом рассмотрение новых каменных деталей архитектуры с городища Старого Термеза и учитывая технику изготовления, разнообразие сюжетов всех находок этого рода, сделанных за весь период изучения городища, включая и находки на Кара-тепе, хотелось бы отметить высокое мастерство резчиков-каменотесов, изготовивших их, хорошее знание ими эстетических вкусов и потребностей своего времени. Есть все основания считать, что термезские каменотесы внесли весомый вклад в развитие архитектурно-художественной традиции Бактрии. Термезские находки указывают на существование здесь в кушанский период крупного ремесленного центра по изготовлению каменных деталей архитектуры с присущими ему традициями и почерком.

---

[25] *Альбаум Л.И.* К вопросу об исторической топографии городищ Старого Термеза. — Тезисы докладов «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Таш., 1985, с. 11—12.

[26] *Стрелков А.С.* Зурмала или Катта-тюпе около Термеза. — Культура Востока. М., 1927, т. 1; *Пугаченкова Г.А.* Две ступа на юге Узбекистана. — СА. 1967, № 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКД — Автореферат кандидатской диссертации
АО... г. — Археологические открытия... года. М.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душ., М.
АСССР. ДГКСА — Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИА — Всеобщая история архитектуры. М.
ВК — Всесоюзная конференция
ВМУ — Вестник Московского государственного университета
ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации. М.
ВСПЭВ. ТД — Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинизма на Востоке. Тезисы докладов. Ер.
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория консервации и реставрации музейных художественных ценностей. М.
ГКБТС. АРС. МСФК — Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума. Таш.
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДБ. МСА(А)Э — Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской (археологической) экспедиции. М.
ДТ. КГЮУ — Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Таш.
ИБ МАИКЦА — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
ИВ — Институт востоковедения АН СССР
ИКНСА (ДСВ) — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Таш.
КРБ (МИКАЭ) — Красная речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КТД — Краткие тезисы докладов
МАКСА — Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М.
МС — Международный симпозиум
МСГИ (Д) — Международный симпозиум по грузинскому искусству. (Доклады). Тб.
МХАЭЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
НС ГМИНВ — Научные сообщения ГМИНВ. М.
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Таш.
ПТ — Памятники Туркменистана. Аш.
РИХМХЦ — Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. М.

РХМХЦ — Реставрация и хранение музейных художественных ценностей. Реф. сб. М.

РНКПКИА. ТД — Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов (на арм. и рус. яз.) Ер.

СА — Советская археология. М.

СВЦНИЛКР — Сообщения (Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей). М.

СГЭ — Сообщения Гос.Эрмитажа. Л.

СИ — Советское искусствознание. М.

ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.

ТД — Тезисы докладов

ТДК — Тезисы докладов конференции

ТДСПИПАИ — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований

ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш., М.

ХН — Художественное наследие (хранение, исследование, реставрация). М.

AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

AAWL — Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Wiesbaden.

AM — Asia Major. A British Journal of Far Eastern Studies. New Series. L.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.

CRAIBL — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. P.

MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris, Cairo.

MDAI — Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. P.

JA — Journal Asiatique. P.

JIABS — Journal of International Association of Buddhist Studies.

TPS — Transactions of the Philological Society. L.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Городище Старого Термеза.
2. Схема раскопов на Кара-тепе (1988 г.).
3. План северо-восточной части южной вершины Кара-тепе (участки Б—В и В—Г, комплексы В, Г, Д) (1988 г.).
4. Комплекс В. Вид с севера на арочные ниши с входами в пещеры 2 и 3 и часть двора перед ними (на переднем плане справа — южная стена святилища, за ней — часть вырезанного на полу изображения сосуда со свастикой на тулове).
5. Комплекс В. Вид с северо-востока на арочные ниши 4, 5, 6 и часть двора перед ними (на переднем плане слева — раскопки площадки перед святилищем, правее — южная часть святилища, перед нишей 4 — часть вырезанного на полу сосуда с торчащими из него тремя ветками, левее — свастика).
6. Комплекс В. Вид с северо-востока на арочные ниши 4, 5 и 6, западную часть двора с хаузом (посредине) и, правее, проход на лестницу в западной стене двора (на переднем плане слева — юго-восточный угол святилища).
7. Комплекс В. Основание ступы перед святилищем.
8. Часть горельефа с головой орлиноголового грифона. Найдена в святилище комплекса В.
9. Комплекс В. Пещерная келья. План и разрез по линии З—В.
10. Комплекс В. Лестница, ведущая из пещерной кельи во двор.
11. Обломки тиглей со шлаком, найденные в пещерной келье комплекса В.
12. Комплекс В. Пещерная келья в процессе раскопок (слева вверху — миска в нише, в центре — двуручный сосуд в завале над полом, справа — светильник в завале над полом).
13. Комплекс В. Керамическая миска в нише пещерной кельи.
14. Комплекс В. Керамический сосуд в пещерной келье.
15. Комплекс В. Керамическая плошка-светильник в пещерной келье.
16. Комплекс Г. Аксонометрия пещерного храма П—V.
17. Комплекс Г. Разрез по линии З—В через южный край двора, тайник, край северного коридора пещерного храма П—V.
18. Комплекс Г. Разрез напластований в северном коридоре пещерного храма П—V.
19. Комплекс Г. Ниша в юго-восточном углу пещерного храма П—V.
20. Комплекс Г. Будда и, левее, небесная танцовщица. Роспись на южной стене в восточной части северного коридора пещерного храма П—V. (Прорисовка О.А. Тумановой.)
21. Комплекс Г. Росписи на западной стене восточного коридора пещерного храма П—V. (Прорисовка О.А. Тумановой.)
22. Комплекс Г. Недостроенная пещерная келья. План и разрез.
23. Комплекс Г. Вид на южную стену двора.
24. Комплекс Г. Статуя Будды в нише в южной стене двора.
25. Комплекс Г. Ниша в южной стене двора с росписями и гнездами от деревянных штырей (после снятия статуи Будды).
26. Комплекс Д. План пещерной части — западная и восточная пещеры, пещерная келья.

27. Комплекс Д. Восточный пещерный коридор храма П—IV в ходе раскопок (в центре выход во двор; правее пролом, ведущий в пещерный храм П—V комплекса Г).
28. Комплекс Д. Северное помещение восточной пещеры в процессе раскопок (слева останец, подпирающий свод).
29. Комплекс Д. Юго-восточный угол пещерной целлы-святилища. Слева ниши в восточной стене, справа — гнезда от деревянной конструкции в южной стене.
30. Комплекс Д. Пещерная келья: а) план кельи, б) разрез по линии А—$А_1$, в) разрез по линии Б—$Б_1$.
31. Комплекс Д. План захоронения в пещерной келье.
32а—г. Керамические сосуды из захоронения в пещерной келье комплекса Д.
33. Комплекс Д. Двор. План.
34. Комплекс Д. Ниша со скульптурой во дворе комплекса Д. Разрез и план.
35. Участок Б—В. Платформа — основание ступы.
36. Участок Б—В в процессе раскопок (на переднем плане в центре — промоина, левее и правее — нижний пол, на втором плане слева — часть верхнего пола).
37. Участок В—Г к западу от комплекса В. План помещений 1 и 2.
38. Участок В—Г. Помещение 1. Фасады стен: а) западной (А) и северной (Б), б) восточной и южной.
39. Участок В—Г. Помещение 1. Закладка входа в северной стене. Вид снаружи.
40. Участок В—Г. Разрез напластований в помещении 1.
41. Комплекс Е. План двора и вестибюля у западного входа в пещеру (слева внизу) (1989 г.).
42. Комплекс Е. Разрез напластований возле южной стены двора (1987 г.).
43. Комплекс Е. Разрезы напластований во дворе по линиям 6—6(а) и 8—8(б) (1988 г.).
44. Комплекс Е. Разрезы напластований во дворе по линиям 10—10(а), 11—11(б), 12—12(в) (1989 г.).
45. Комплекс Е. Разрезы напластований во дворе по линиям 1—1(а) и 3—3(б) (1987 г.).
46. Комплекс Е. Каминообразная емкость у западного входа в пещеру. План, разрез, общий вид.
47. Находки из комплекса Е: часть пилястра (а), база от колонны (б). Камень.
48. Реликварий (нижняя часть) в виде ступы (верх утерян) из комплекса Е. Камень.
49. Каменный алтарь, найден в комплексе Е.
50. Комплекс Ю. План пещерной части и выхода во двор (1989 г.).
51. Комплекс Ю. Вид на большую нишу в центральной пещере (1988 г.).
52. Комплекс Ю. Вид на западную стену западного пещерного коридора (1988 г.).
53. Низка бус. Найдена в комплексе Ю.
54. Бронзовая пряжка. Найдена в комплексе Ю.
55. Золотой перстень. Найден в комплексе Ю.
56. Комплекс Ю. Разрез вдоль песчаника у стыка с сырцовыми помещениями у входа.
57. Керамический кувшин. Найден в комплексе Ю.
58. Раскоп на северной вершине Кара-тепе: а) план раскопанных помещений; б) разрез по линии Ю—С.
59. Каменные архитектурные детали из раскопа на северной вершине Кара-тепе: а) база колонны; б) основание для мачты.
60. Керамическая крышка из раскопа на северной вершине Кара-тепе: а) вид сверху, б) надпись на нижней стороне.

61. Каменная резная капитель. Найдена в раскопе на северной вершине Кара-тепе.
62. Каменные облицовочные блоки. Найдены в раскопе на северной вершине Кара-тепе.
63а—б. Бактрийская надпись на нижней части керамического сосуда (находка 1978 г.).
64. Бактрийская надпись на фрагменте керамического сосуда (находка 1984 г.).
65. Керамический сосуд с индийскими и бактрийскими надписями: а) вид сверху, б) вид сбоку.
66. Глиняная булла с изображением корабля (увеличена).
67. Изображения *purna-ghata*: а) на воротах Большой ступы в Санчи; б) на резной кости из Беграма; в) схема развития.
68. Нижняя часть статуи сидящего Будды в святилище комплекса В (в процессе подготовки к снятию).
69. Верхняя часть статуи Будды в святилище комплекса В (в ходе реставрации).
70. Фрагменты мелкой ганчевой скульптуры, найденные внутри статуи Будды в святилище комплекса В: часть ноги (а) и фрагмент складок одежды (б).
71. Фрагмент глиняной головы статуи с налепными кудрями из комплекса В.
72. Голова ганчевой скульптуры. Найдена к востоку от комплекса В.
73. Комплекс Д. Ниша со скульптурой. Правое колено сидящего Будды (слева), куски упавших частей статуи (справа на переднем плане), край подола с носком ноги, украшенным пуговицей (на втором плане).
74. Комплекс Д. Ниша со скульптурой (левая часть); остатки ног донатора.
75. Часть рукава статуи Будды. Найдена в комплексе Д (в ходе реставрации).
76. Скульптурная голова юноши. Найдена в комплексе Д (до камеральной обработки).
77. Голова юноши. Найдена в комплексе Д (в ходе реставрации).
78. Голова глиняной скульптуры. Найдена в вестибюле у западного входа в пещеру комплекса Е.
79. Фрагмент торса небольшой скульптуры из комплекса Е.
80. Фрагменты буддийских статуй из комплекса Е.
81. Статуя Будды в нише во дворе комплекса Г. Подготовка к снятию.
82. Основание ступы в комплексе В. Выборка внутреннего объема (в процессе раскопок).
83. Основание ступы в комплексе В. Укрепление арматурой.
84. Основание ступы в комплексе В. В ходе снятия: вынут сегмент.
85а—в. Графики исследований состава органических связующих стенных росписей Кара-тепе.
86а—в. Зеркала из Кара-тепе.
87. Минерализованное сечение зеркала № 3 (снято в поляризованном свете): а) увеличение × 200; б) увеличение × 400; в) интерметаллические включения сульфида железа: увеличение × 1000.
88. Макросъемка сечений зеркал (увеличение × 6): а) зеркало № 1; б) зеркало № 2 (стрелкой показана трещина в области изгиба бортика); в) зеркало № 3.
89. Мужская рубаха из Кургана (до реставрации).
90. Средняя рубаха из Кургана (до реставрации).
91. Детская рубаха из Кургана (до реставрации).
92. Штаны из Кургана (до реставрации).
93. Вторые штаны из Кургана (до реставрации).
94. Неопознанный предмет из Кургана (до реставрации).
95. Чулок из Кургана (после реставрации).
96. Шапочка-куколь из Кургана (до реставрации).
97. Часть каменной капители из Старого Термеза.
98. Часть каменного рельефа из Старого Термеза.

SUMMARY

The volume at hand, *The Buddhist Complexes of Kara-tepe,* the sixth in the series of Materials from a Joint expedition to Kara-tepe[1], recapitulates the field studies of 1978—1989 and laboratory treatment of artifacts dug up at Kara-tepe, a Buddhist religious centre of the 2nd and subsequent centuries. This unique archaeological relic in the north-west corner of the Old Termez town-site (12 kilometres from the modern town of Termes, regional centre of South Uzbekistan) on the right bank of Amu-darya River (ancient Vakhsh, or the Oxus of the Greco-Roman authors), has been for nearly thirty years now being researched by a Joint expedition of the Ministries of Culture of the USSR, Russian Federation, Uzbekistan, and the All-Union and Uzbek republican Academies of Sciences.

The volume sets out with an article by B. Stavisky, the head of the expedition, on the results of the 1978—1989 excavation on Kara-tepe and the data it yielded. Following up on it are reports by archaeologists: T. Zeimal, who led the Hermitage Museum party; T. Mkrtychev, head of the party from the Moscow Museum of Oriental Arts; V. Mazurina, chief the of party from the Leningrad Museum of the History of Religion; Yu. Davidyan, who was at the head of the Samarkand museum-reserve party; and S. Uzyanov, who was responsible for the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences.

The next section contains articles on the publishing, deciphering, and interpreting of the Kara-tepe epigraphic finds. An article by reputed Iranic languages scholar V. Livshitz and his colleague V. Shkoda on the early Indian term *kapāla* found in a Bactrian inscription on a potsherd offers a stimulating historico-cultural exegesis of it and its related rites. The other articles by Livshits on the inscriptions, including a Bactrian inscription on a unique ceramic vessel, in three languages, are of a kind. V. Vertogradova contributed a piece on the Indian inscriptions on pottery found by the expedition.

There are two publications on the site coins. In the first of them Ye. Zeimal, apart from elucidating the data of the coins unearthed between 1961 and 1977, reports on the finds between 1978 and 1982. On top of that he furnishes his own version of the history of the Buddhist shrines at Kara-tepe, suggesting that they continued in existence up to the time of the visit to Central Asia by celebrated Chinese Buddhist pilgrim of the 7th century Hsuan-Tsan. Zeimal's arguments, if not totally conclusive, carry enough conviction to have warranted Stavisky, in an overview of the 1978—1989 effort, to concentrate on the issues raised by the

[1] The previous issues: *Грек Т.В., Пчелина Е.Г., Ставиский Б.Я.* Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964 (Кара-тепе I); Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969 (Кара-тепе II); Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе, М., 1972 (Кара-тепе III); Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975 (Кара-тепе IV); Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982 (Кара-тепе V).

former. The second numismatics article comes from the pen of Professor Helmut Humbach of Mainz in Germany, describing what are known as the Hephthalite coins of the Sassanid "king of kings" Peroz as related to articles by B. Vainberg ("Kara-tepe III") and by B. Vainberg and T. Rayevsky ("Kara-tepe V"), and ranging over a vast area of scholarly concern.

An article by B. Peters treats of one of the most fascinating Kara-tepe discoveries—a clay bulla depicting an antique, in the author's judgement, ship, which is viewed as relating to the route from Bactria along the Amu Darya and the Uzboy, via the Caspian, to the Caucasus and the Black Sea. Another of Bactria's outlets, to India, is dealt with by T. Mkrtychev.

An article by restorer N. Kovalyova is an account of the murals and sculptures excavated between 1981 and 1989 and an abstract on their field concervation and laboratory treatment. D. Kovalyov tells us of the field concervation and preparation to transport to Samarkand of a stupa from the B complex. Another three surveys by researchers at the All-Union Restoration Institute are on studies of non-organic materials of Kara-tepe paintings and sculptures (V. Yarosh and K. Meyerov), the composition of the murals' binding organic materials (V. Yarosh), and the processes used in the making of three bronze mirrors found on the site (I. Ravich). A related article by A. Abdurazakov is on the chemical composition of glass from the medieval layers at Kara-tepe, when in the 10th — early 13th centuries its ruins were used by Moslem hermits and chance visitors. These publications are sequels to like articles in the earlier issues of expedition materials and argue the need for restorers and natural scientists to join forces with archaeologists and orientalists in researching the excavated material.

A collaboration by fabric restorer A. Yolkina, G. Maytdinova, and V. Kozlovsky gives extensive exposure to the well-preserved apparel of the 4th—5th centuries unearthed at Kurgan, a building on the Old Termez site, alongside fabric specimens dug up in a late burials layer at Kara-tepe. An article by Sh. Pidayev conspicuously illuminates materials on the stone details of architecture of Old Termez.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Б.Я. Ставиский. *Новые данные о Кара-тепе (некоторые итоги работ 1978—1989 гг.)* 9

Б.Я. Ставиский, В.Н. Мазурина. *Работы в комплексах В, Г и Д* 37

С.А. Узянов. *Раскопки на северо-восточном склоне южной вершины Кара-тепе (1984—1987 гг.)* 87

Т.К. Мкртычев. *Предварительные итоги работ в комплексе Е (1987—1989 гг.)* 97

Ю.С. Давидян. *Археологические исследования комплекса Ю (1982—1988 гг.)* 116

Т.И. Зеймаль. *Раскопки на северной вершине Кара-тепе (1985—1989 гг.)* 137

В.А. Лившиц, В.Г. Шкода. *Древнеиндийское «kapāla» в бактрийской надписи из Кара-тепе* 153

В.А. Лившиц. *Бактрийская надпись на фрагменте сосуда из Кара-тепе (находка 1984 г.)* 168

В.В. Вертоградова. *Индийский эпиграфический материал из раскопок конца 70-х—80-х гг. на Кара-тепе* 173

В.А. Лившиц. *Бактрийская версия трехъязычной надписи на сосуде из Кара-тепе* 179

Е.В. Зеймаль. *Монеты из раскопок Кара-тепе (1961—1984 гг.)* 185

H. Humbach. *The Peroz Hephthalite Coins* 209

Б.Г. Петерс. *Изображение корабля на булле из Кара-тепе* 213

Т.К. Мкртычев. *Purna-ghata на Кара-тепе* 220

Н.А. Ковалева. *Монументальный декор Кара-тепе (по материалам раскопок 1981—1989 гг.), его полевая консервация и камеральная обработка* 224

Д.И. Ковалев. *Полевая консервация буддийской ступы из комплекса В* 268

В.Н. Ярош, К.А. Мееров. *Исследование неорганических материалов живописи и скульптуры Кара-тепе* 274

В.Н. Ярош. *Изучение состава связующих органических материалов стенных росписей и скульптуры Кара-тепе* 282

И.Г. Равич. *О технологии изготовления трех бронзовых зеркал из Кара-тепе* 287

А.А. Абдуразаков. *Химические составы средневековых стекол Кара-тепе (X — начало XIII в.)* 301

А.К. Елкина, Г.М. Майтдинова, В.А. Козловский. *Одежда конца IV—V вв. из Старого Термеза* 307

Ш.Р. Пидаев. *Новые детали каменной архитектуры с городища Старого Термеза* 327

Список сокращений 336

Список иллюстраций 338

Summary 341

Научное издание

**БУДДИЙСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
КАРА-ТЕПЕ
В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ**

Заведующий редакцией *С.С Цельникер*
Редактор *Н.Б. Кондырева*
Младший редактор *Н.Л. Петрова*
Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Н.Б. Осягина, И.И. Чернышева*
Компьютерные набор и верстка *М.П. Горшенкова*

ЛР № 020910 от 02.09.94
ИБ № 17286

Сдано в набор 03.06.96
Подписано к печати 07.10.96
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бум. офсетная
Печать офсетная. Усл. п. л. 21,5
Усл. кр.-отт. 21,9. Уч.-изд. л. 20,8
Тираж 1000 экз. Изд. № 7299
Зак. № *552* . «С»—1

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Типография № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6